ФИЛИП РИВ

НАДВИНУВШАЯСЯ ТЬМА

ХРОНИКИ ХИЩНЫХ ГОРОДОВ. КНИГА 4

Впервые на русском!

Annotation

Впервые на русском – четвертый роман эпопеи «Хроники хищных городов».

Бушевавшая полтора десятилетия война между союзом движущихся городов («Тракционштадтсгезельшафт») и Зеленой Грозой – экстремальной группировкой, захватившей власть в Лиге противников Движения, – ненадолго утихла, и генерал Нага, возглавивший Лигу после предполагаемой гибели Сталкера Анны Фанг, ведет сложные переговоры с «движенцами». Но хрупкое перемирие висит на волоске: адепты муниципального дарвинизма ненавидят «моховиков», фанатичные сторонники Анны по-прежнему мечтают стереть с лица земли все города и снова сделать мир зеленым. Тем временем в развалинах уничтоженного почти двадцать лет назад Лондона в глубокой тайне разрабатывается устройство, которое может положить конец войне раз и навсегда…

Возможно, самая ожидаемая премьера 2018 года – это экранизация первого романа эпопеи, «Смертных машин», выходящая на экраны в декабре 2018 года под названием «Хроники хищных городов». Исполнительным продюсером картины и автором сценария выступает Питер Джексон, постановщиком – Кристиан Риверс (мастер спецэффектов, работавший с Джексоном на съемках «Властелина Колец», «Хоббита» и «Кинг-Конга»), в ролях Стивен Лэнг из «Аватара» и Хью Уивинг («Матрица», «Властелин Колец»).

- Филип Рив
  -
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10

    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
  - Часть вторая
    - Глава 24
    - Глава 25
    - Глава 26
    - Глава 27
    - Глава 28
    - Глава 29
    - Глава 30
    - Глава 31
  - Часть третья
    - Глава 32
    - Глава 33
    - Глава 34
    - Глава 35
    - Глава 36
    - Глава 37
    - Глава 38
    - Глава 39
  - Часть четвертая
    - Глава 40
    - Глава 41
    - Глава 42
    - Глава 43
    - Глава 44
    - Глава 45
    - Глава 46

    - Глава 47
    - Глава 48
    - Глава 49
    - Глава 50
    - Глава 51
    - Глава 52
    - Глава 53
    - Глава 54
    - Благодарности
    - Хронология Эры движения
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28

- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46

Филип Рив
Надвинувшаяся тьма

Саре
(как всегда)

Моим издателям – Кирсти и Холли
(само собой)

А также
Сэму, Тому и Эдварду
(когда-нибудь)

Пребудем же верны,
Любимая, – верны любви своей!
Ведь мир, что нам казался царством фей,
Исполненным прекрасной новизны,
Он въявь – угрюм, безрадостен, уныл,
В нем ни любви, ни жалости; и мы,
Одни, среди надвинувшейся тьмы,
Трепещем: рок суровый погрузил
Нас в гущу схватки первозданных сил.

Мэтью Арнольд. Дуврский берег

(перевод М. Донского)

Часть первая

Глава 1
Супермоскиты над Загвой

Тео поднимался на гору с самого рассвета – сперва по крутым дорогам и овечьим тропам за городом, потом по каменистым склонам и, наконец, – по голым скалам, выискивая впадины и расщелины, где скопились синие тени. Когда он добрался до вершины, солнце уже стояло прямо над головой. Тео остановился ненадолго, глотнуть воды и отдышаться. Горы вокруг дрожали в мареве нагретого воздуха.

Очень осторожно Тео стал пробираться дальше, на узкий отрог, отходящий от вершины. Справа и слева каменные склоны отвесно обрывались в пропасть глубиной в тысячу футов. На дне ее виднелись острые скалы, деревья, белые пенистые реки. Камень сорвался из-под ноги и долго-долго падал, беззвучно кувыркаясь. Впереди не было ничего, только голое небо. Тео выпрямился, сделал глубокий вдох, разбежался и прыгнул.

Он летел вниз, ошеломленный мельканием перед глазами – гора, небо, гора, небо. Эхо его первого крика успело затихнуть, и теперь Тео слышал только быстрый стук своего сердца и шум ветра в ушах. Вот он вылетел из тени горы на солнечный свет и увидел далеко внизу свой дом – стационарный город под названием Загва. Медные купола и разноцветные домики казались игрушечными, снующие в гавани дирижабли – летящими по ветру лепестками; река вилась по долине серебряной ниткой.

Тео с нежностью смотрел на эту картину, пока она не скрылась за отрогом горы. Одно время Тео думал, что больше не вернется в Загву. В учебном лагере Зеленой Грозы ему доходчиво объяснили, что любовь к семье и к дому – излишняя роскошь. О них нужно забыть, если он хочет сыграть свою роль в войне за то, чтобы земля вновь зазеленела. Позже, пленником и рабом в плавучем городе Брайтоне, он видел родной дом во сне, но был уверен, что семья больше не примет его; родители были старомодными противниками движения, и Тео считал, что, вступив в Зеленую Грозу, стал навеки отверженным. Однако сейчас он здесь, среди родных африканских гор, и теперь уже время, проведенное на севере, кажется сном.

И за все это спасибо Рен, думал он, стремительно падая. Рен – странная, бесстрашная, смешная девчонка. С ней он познакомился в Брайтоне; она тоже была рабыней. «Возвращайся домой, – сказала она ему,

когда они вместе сбежали. – Родители все еще тебя любят. Наверняка они тебе обрадуются!»

И она оказалась права.

От Тео шарахнулась испуганная птица, напомнив ему, что он быстро теряет высоту, а внизу – довольно-таки неприветливые камни. Он раскрыл пристегнутый к спине огромный воздушный змей и заорал от восторга: за спиной распахнулись крылья, рванули его вверх, и неуправляемое падение превратилось в грациозный полет. Рев ветра в ушах сменился другими, тихими звуками. Шелест силикошелка, поскрипывание строп и бамбуковых планок.

В детстве Тео часто приходил сюда с другими мальчишками испытать свою храбрость, паря́ на воздушном змее в восходящих потоках воздуха. С тех пор как вернулся с севера полгода назад, он то и дело с завистью смотрел на зависшие над горами яркие крылья, но последовать за ними не решался. Он чувствовал себя старше своих ровесников и в то же время стеснялся их, стыдился своего прошлого: пилот бомбы-стакана, потом пленник, потом раб. А сегодня здесь никого не было – все собрались в цитадели посмотреть на чужеземцев. И Тео поддался желанию снова подняться в небо, зная, что сегодня оно принадлежит только ему.

Он ястребом скользил по ветру, а его тень бежала по озаренным лучами солнца уступам горы. Настоящие ястребы разлетались в стороны с пронзительными возмущенными криками, когда он проносился мимо, нахально вторгаясь в их родную стихию, – поджарый чернокожий мальчик под небесно-голубым крылом.

Тео исполнил мертвую петлю. Вот бы Рен его сейчас видела! Но Рен далеко, странствует с отцовским дирижаблем по птичьим дорогам. Когда они сбежали с Облака-9, где находился воздушный дворец брайтонского мэра, и добрались до движущегося города Ком-Омбо, она помогла Тео найти свободную койку на борту грузового дирижабля, идущего на юг. Они попрощались у причала, пока дирижабль готовился к отлету, и Тео ее поцеловал. Он и раньше целовался с девушками, и многие были гораздо красивее Рен, но ее поцелуй остался в памяти, и Тео часто возвращался к нему мысленно в самые неожиданные моменты – вот как сейчас. Когда он ее поцеловал, все ее остроумие и насмешки мигом улетучились, она стала очень серьезной, и дрожала, и так притихла, словно изо всех сил старалась услышать что-то ему неслышное. Он даже хотел сказать, что любит ее, и попросить, чтобы поехала с ним, или предложить самому остаться – но Рен так тревожилась за отца, у которого случился какой-то приступ, и так злилась на маму, которая бросила их и вместе с Облаком-9 упала в

пустыню, что Тео решил – получится, как будто он воспользовался минутой ее слабости. Последнее, что он запомнил, – как Рен смотрит вслед его дирижаблю и машет рукой, становясь все меньше и меньше, пока не исчезла совсем.

Полгода прошло, а он все еще думает о ней… Пора бы уже и перестать.

Поэтому какое-то время Тео вообще ни о чем не думал – просто качался на волнах разыгравшегося ветра, огибая покрытую зелеными лесами гору, где, словно знамена, развевался клочьями туман.

Полгода. За эти месяцы мир сильно изменился. Внезапные перемены – словно сдвиги тектонических плит, когда разом прорвалось напряжение, накопленное за долгие годы войны с Зеленой Грозой. Во-первых, куда-то исчезла Сталкер Фанг. В Нефритовой пагоде нынче новый военачальник, генерал Нага, по слухам – человек жестокий. Едва став предводителем, он отбросил назад объединенные силы «Тракционштадтсгезельшафта»[1] на Ржавых болотах и вдребезги разбил славянские города, уже давно понемногу щипавшие северные границы Зеленой Грозы. А затем, к общему изумлению, отозвал свой воздушный флот и заключил с движущимися городами перемирие. Из земель Зеленой Грозы доходили вести о том, что политзаключенных выпускают из тюрем и отменяют чересчур суровые законы. Поговаривали даже, что Нага планирует распустить Грозу и восстановить прежнюю Лигу противников движения. Теперь вот он прислал делегацию для переговоров с королевой и Советом Загвы, а возглавляет делегацию жена генерала, госпожа Нага.

Потому Тео и поднялся на рассвете и ушел со старым воздушным змеем повыше в горы. Переговоры должны были начаться сегодня, и отец с матерью и сестрами отправились в цитадель, хоть одним глазком поглядеть на чужестранцев, радостные и полные надежды. Когда Зеленая Гроза пришла к власти, Загва вышла из Лиги, ужасаясь их доктрине тотальной войны и войску из Воскрешенных мертвецов. Но теперь, как слышал отец Тео, генерал Нага предлагает официально заключить мир с варварскими городами и даже, говорят, готов демонтировать Сталкеров. Если он и правда это сделает, Загва и другие африканские стационарные города могли бы вновь присоединиться к обороне сохранившихся зеленых местностей. Отец Тео очень хотел, чтобы его жена и дети присутствовали при таком историческом событии, да и сам был не прочь посмотреть на госпожу Нагу – рассказывали, что она молода и красива.

А Тео уже насмотрелся на Зеленую Грозу – на всю жизнь хватит. Да и не доверял он Наге и его посланникам. И вот, пока вся Загва собиралась в

садах цитадели, Тео кружил в золотых воздушных потоках и вспоминал Рен.

Вдруг он увидел внизу движение – там, где ничто не должно двигаться, кроме птиц, а эти силуэты птицами быть никак не могли, слишком большие. Они вынырнули из тумана, скрывающего лес на горных склонах, – два крохотных дирижабля с оболочками в желто-черную полоску, словно осы. Тео мгновенно узнал миниатюрные гондолы и обтекаемые двигатели – в учебном лагере Зеленой Грозы его заставили вызубрить наизусть очертания вражеских кораблей. Сейчас перед ним были супермоскиты системы Косгроув. Города «Тракционштадтсгезельшафта» использовали их в качестве истребителей-бомбардировщиков.

Откуда они взялись? Тео не слыхал, чтобы «Гезельшафт» отправлял боевые дирижабли в Африку, тем более так далеко на юг.

А потом он сообразил: они здесь из-за переговоров. Ракеты, сверкающие, как ножи, на пилонах под гондолами, скоро помчатся к цитадели – туда, где находится жена генерала Наги… и королева… и семья Тео.

Он должен их остановить.

Странно, как спокойно он об этом подумал. Только что мирно наслаждался полетом, радовался солнцу и чистому воздуху, а сейчас, вероятней всего, умрет, но почему-то это казалось естественным. Такая же часть утра, как ветер и солнечный свет. Наклонив воздушный змей, Тео полетел вниз, ко второму супермоскиту. Пока еще его не заметили. Команда москита состояла обычно из двух человек, и вряд ли они внимательно следили за окрестностями. Тео подлетел так близко, что мог уже разглядеть облупившуюся краску на гондолах двигателей. На стабилизаторах был изображен символ «Гезельшафта»: бронированный кулак на колесах. Тео прямо-таки восхитился отвагой авиаторов, которые в легко узнаваемых кораблях забрались так глубоко на территорию противников движения.

Он отвел назад воздушного змея, поворачивая его вертикально, и камнем рухнул вниз – научился этому приему еще в детстве, гоняя с приятелями по восходящим потокам воздуха над озером Льемба. Только на этот раз приземлился не в воду, а на твердую округлую поверхность оболочки дирижабля. Казалось, он страшно нашумел, но Тео сказал себе, что в гондоле ничего не услышали за ревом двигателей. Он выпутался из лямок воздушного змея и хотел затолкать его под тросы, опутывающие оболочку, но ветер подхватил змея – Тео еле-еле успел отпустить, чтобы и самого не утащило. Уцепившись за трос, он беспомощно смотрел, как змей кувыркается за кормой.

Тео лишился единственного средства к спасению, но даже расстроиться не успел. Совсем рядом с ним откинулась крышка люка, оттуда высунулась голова в кожаном шлеме и уставилась на него сквозь затемненные летные очки. Все-таки услышали. Тео бросился вперед. Они с авиатором вместе скатились по короткому трапу и грохнулись на металлический мостик между двумя наполненными газом ячейками. Тео сразу вскочил, а авиатор остался лежать, оглушенный падением. Точнее, авиатриса – с виду тайка или лаотянка. Тео никогда не слышал, чтобы за «Гезельшафт» сражались уроженцы Востока. Но вот она – летит на их дирижабле, в их военной форме, с полным боезапасом ракет.

Загадка, но разгадывать некогда. Тео заткнул авиатрисе рот ее же шарфом, вытащил у нее из-за пояса нож и, отрезав кусок веревки от сетки, удерживающей ячейки с газом, связал ей руки и привязал ее к поручню. Когда завязывал последний узел, она очнулась и стала вырываться, зло сверкая глазами за треснувшими стеклами защитных очков.

Тео оставил ее бессильно корчиться на мостике и стал спускаться по еще одному трапу в тени газовых ячеек. Ее приглушенные проклятия скоро потонули в реве моторов. Когда Тео спрыгнул в гондолу, солнечный свет ослепил его. Проморгавшись, Тео увидел, что второй пилот стоит к нему спиной возле панели управления.

– Что там такое? – спросил тот на аэросперанто.

Аэросперанто? Общий язык авиаторов, но Тео всегда думал, что в городах «Гезельшафта» говорят по-немецки…

– Птица? – спросил пилот, переключил какой-то рычажок и обернулся.

Тоже с Востока. Тео толкнул его к переборке и сунул под нос нож.

Из-за горного отрога показался город. Команда ведущего супермоскита, не зная, что происходит на борту у напарников, начала разворот к цитадели.

Тео заставил пилота сесть в кресло и нащупал рукоятки радиопередатчика – такой же модели, какая была у него в летающей бомбе, когда он служил Зеленой Грозе.

Тео заорал в микрофон:

– Загва! Загва! Вас атакуют! Два дирижабля! Я во втором, – торопливо прибавил он, когда вокруг начали расцветать одуванчики взрывов, по бронированной гондоле застучала шрапнель и стекла в иллюминаторах пошли трещинами.

Именно в этот миг пилот решил полезть в драку. Он приподнялся с кресла и боднул Тео под дых, словно разъяренный бык. Тео выронил микрофон. Пилот перехватил его руку с ножом. Они боролись, отнимая

друг у друга нож, и вдруг Тео увидел, что все в кабине залито кровью. Его кровью. Пилот снова ткнул его ножом. Тео закричал от злости, страха и боли, силясь отвести лезвие в сторону. Глядя в свирепо скривившееся лицо противника, он не заметил, как ведущий дирижабль исчез в шафранно-оранжевой вспышке. Ударная волна застала его врасплох. Все стекла вылетели разом. Обломки другого дирижабля вонзались в оболочку баллона. Оторванная лопасть пропеллера рассекла гондолу, словно серп. Вражеский пилот вылетел в огромную дыру, образовавшуюся на том месте, где раньше была стена. Тео все еще видел перед собой его широко раскрытые изумленные глаза.

Шатаясь, Тео добрался до радиопередатчика и схватил болтающийся на проводе микрофон. Он не знал, работает ли еще передатчик, и все равно орал в него, пока не потерял сознание от ужаса и потери крови. Падая, он успел услышать голос, который сообщил, что помощь уже в пути. Над цитаделью поднимались два столба дыма, а над ними в золотом небе набирали высоту синие, словно стрекозы, дирижабли воздушного корпуса Загвы.

Глава 2
Дела сердечные

От кого: Рен Нэтсуорти,
ВТС «Дженни Ганивер»,
Перипатетиаполис,
24 апреля 1026 г. Э. Д.

Дорогой Тео!

Надеюсь, в Загве жить не очень скучно? На случай, если все-таки скучно, я решила: сяду, напишу тебе нормальное письмо. Расскажу, чем занималась все это время. Даже не верится… Кажется, все было только вчера – Брайтон, Облако-9 и мама…

После того как ты улетел в Загву, профессор Пеннироял тоже нас покинул. У него много друзей в других городах, к кому-то из них он и отправился погостить – а вернее, пожить за их счет. Я так думаю, потому что после крушения Облака-9 у него осталась только одежда, и та очень уж несуразная, вряд ли за нее много дадут на базаре в Ком-Омбо. Я его чуть было не пожалела даже. Он ведь нам помог – доставил в Ком-Омбо и шум такой поднял в больнице, что папу согласились лечить бесплатно. Хотя, я думаю, все у него будет в порядке (у Пеннирояла, в смысле). Он мне сказал, что задумал новую книгу – о сражении в Брайтоне. Пообещал не врать, особенно насчет нас с тобой, но, по-моему, он об этом обещании забудет, как только сядет за пишущую машинку.

Папа тоже в порядке. Доктора в Ком-Омбо дали ему какие-то зеленые пилюли, велели принимать. Теперь у него меньше болит, и приступов не было с той ужасной ночи на Облаке-9. Только он как-то вдруг постарел и ужасно грустит. Из-за мамы, конечно. Он ее по-настоящему любил, несмотря ни на что. А теперь не знает, жива она или нет. От этого ему очень тяжело, хоть он и храбрится.

Я думала, как только он поправится, захочет отвезти меня домой, в Анкоридж-Винляндский, а он об этом ни слова. Так мы и странствуем по птичьим дорогам – немножко мир посмотреть, немножко поторговать. Торгуем в основном антиквариатом и

олд-теком, но только безвредным – не то что эта кошмарная Жестяная Книга! Неплохо зарабатываем. Даже смогли заново покрасить дирижабль и перебрать двигатели. Название поменяли снова на «Дженни Ганивер» – так наш кораблик назывался давным-давно, до того как профессор Пеннироял украл его у мамы с папой. Сначала мы сомневались, не опасно ли это, но вряд ли кто-то еще помнит название бывшего дирижабля Сталкера Фанг. А если и помнят, я думаю, никому нет до него дела.

Слышал о перемирии? (Я всегда считала, что генерал Нага – хороший! Когда Зеленая Гроза нас поймала на Облаке-9, солдаты все норовили тыкать в меня ружьями, а Нага велел им перестать. Приятно, что новый предводитель Грозы отрицательно относится к тыканью.) В общем, у нас тут все радуются перемирию и надеются, что войне конец, и я тоже надеюсь.

Я уже совсем привыкла к жизни воздушного торговца. Видел бы ты меня сейчас, сказал бы, что я сильно изменилась. Подстриглась по последней моде – вроде как наискосок, с одной стороны волосы свисают ниже подбородка, а с другой еле доходят до уха. Не хочу хвастаться, но выглядит очень стильно, прямо-таки утонченно, хотя иногда появляется ощущение, как будто я немножко кренюсь набок. Еще у меня новые сапоги, высокие такие, и кожанка – не длинная, как у папы и других авиаторов старшего поколения, а вроде куртки, на красной шелковой подкладке, с такими заостренными штуками внизу, называются не то клапаны, не то лацканы, не то еще как-то. И вот сейчас я сижу в кафе рядом с воздушным портом Перипатетиаполиса, вся такая – настоящая авиатриса, и наслаждаюсь городской жизнью. Раньше я и представить себе не могла настоящий город, знала только наш сонный Анкоридж, а теперь столько времени провожу на борту движущихся городов, и мне они очень-очень нравятся. Толпы народу, шум, толкотня, и мостовая подрагивает в такт работе двигателей, как будто весь Перипатетиаполис – огромный дышащий зверь. Я жду папу. Он пошел на верхние ярусы – узнать, не посоветуют ли здешние доктора ему пилюли получше, чем выписали в Ком-Омбо (он, конечно, не хотел идти, но я уговорила). И вот, пока тут сидела, вспомнила о тебе, – знаешь, я о тебе часто вспоминаю. И

я подумала…

Нет, решила Рен, так не пойдет. Смяв листок, она выбросила его в ближайшую урну. Уже наловчилась попадать довольно метко. Штук двадцать писем написала Тео и ни одного не отправила. Послала открытку на Рождество. Тео сам не особо верующий, но живет в христианском городе и, наверное, вместе со всеми отмечает эти их странные архаичные праздники. В открытке она написала только: «Счастливого Рождества!» – да пару строк о себе и папе.

Скорее всего, Тео ее уже позабыл, вот в чем беда. А если даже и помнит, вряд ли его заинтересует ее одежда, прическа и все прочее. А восторги по поводу движущихся городов его, надо думать, просто шокируют, ведь он ярый противник движения и вообще весь такой правильный…

А она его не забыла. Какой он был храбрый там, на Облаке-9. И тот прощальный поцелуй на воздушном причале Ком-Омбо, среди промасленных канатов и сваленных грудами стяжек для воздушных поездов, под крики портовых грузчиков и рев двигателей. Рен до этого ни с кем не целовалась. Она толком не знала, как это делается. Например, куда девать носы? Когда они с Тео стукнулись зубами, Рен страшно испугалась, что все делает неправильно. Тео засмеялся и сказал, что все эти поцелуи – странная штука, а она сказала, что, наверное, научится, если будет больше тренироваться, но тут капитан дирижабля заорал: «Все на борт, кому надо!» – и начал отшвартовываться, и они ничего больше не успели…

С тех пор прошло полгода. Тео написал всего один раз. Рен получила его письмо в январе, в обшарпанном караван-сарае в горах Тангейзера. Тео рассказывал, что благополучно добрался до дома, где родные встретили его с радостью, «как блудного сына» (что бы это ни значило). Рен так и не сумела сочинить ответ.

– Да ну его! – вздохнула она и заказала еще кофе.

Отец Рен, Том Нэтсуорти, побывал во многих переделках и не раз смотрел смерти в лицо, но никогда еще он не чувствовал такого леденящего страха.

Он лежал, совершенно обнаженный, на холодном металлическом столе в кабинете специалиста по болезням сердца на втором ярусе Перипатетиаполиса. Над ним покачивалась металлическая голова на длинной суставчатой гидравлической шее, с интересом его разглядывая. Том сильно подозревал, что мерцающие зеленые линзы этих глаз взяты у

Сталкера. Наверное, запчасти от Сталкеров нынче достать нетрудно и надо радоваться, что многолетняя война подарила людям хоть что-то хорошее: новые медицинские технологии и такие вот диагностические аппараты. Но когда стальная голова приблизилась к нему вплотную и стало слышно, как за светящимися глазами что-то жужжит и скрежещет, он мог думать только о старом Сталкере по имени Шрайк, который гнался за ними с Эстер через все Охотничьи Угодья в тот год, когда погиб Лондон.

Когда все закончилось и доктор Черновиц, выключив аппарат, вышел из комнатки со свинцовыми стенами, он не смог сказать Тому ничего нового. У Тома слабое сердце. Это из-за той пули, что всадил в него Пеннироял много лет назад, в Анкоридже. Постепенно состояние ухудшается, и когда-нибудь пуля его убьет. Ему остался год-два, может быть пять, не больше.

Доктор поджал губы и, качая головой, посоветовал избегать волнений. Том в ответ только рассмеялся. Как можно воздушному торговцу обойтись без волнений? Разве что вернуться в Анкоридж-Винляндский, но туда путь заказан – после того, что Том узнал об Эстер. Ему-то нечего стыдиться, он не продавал город охотникам Архангельска и никого не убивал на заснеженных улицах, но стыдно за жену, и чувствуешь себя дураком: столько лет с ней прожил и не подозревал, что она врет.

И Рен его не простит, если он сейчас потащит ее домой. Она жаждет приключений, точно так же как и Том в ее возрасте. Ей нравится жизнь на птичьих дорогах, и у нее есть все задатки хорошей авиатрисы. Том будет летать вместе с ней, научит ее выпутываться из всяческих переделок, а когда за ним явится Госпожа Смерть и заберет его в Страну, не ведающую солнца, он оставит дочери «Дженни Ганивер». Пусть Рен сама выбирает, что ей нужно: мирная Винляндия или вольное небо. Новости с востока обнадеживают. Если настанет прочный мир, для торговцев откроется масса возможностей.

Выйдя от врача, Том сразу почувствовал себя лучше. Когда над головой раскинулось вечернее небо, кажется невозможным, что ты умрешь. Город, тихонько покачиваясь, катился на север по скалистому побережью Великих Охотничьих Угодий. Наравне с ним по серебристой в лучах заката поверхности моря двигался рыбачий городок, а вверху кружились чайки. Том полюбовался на них с обзорной площадки, потом спустился на лифте на нижний ярус и прошелся по рынку возле воздушного порта, вспоминая, как впервые оказался в этом городе двадцать лет назад, с Эстер и Анной Фанг. В одном из этих ларьков он купил Эстер красный шарф, чтобы ей не приходилось все время прикрывать рукой искалеченное шрамами лицо…

Нет, не надо думать об Эстер. Каждый раз он вспоминает, как они расстались и что она сделала когда-то, и начинает сердиться, так что сердце трепыхается в груди. Он больше не может себе позволить мысли об Эстер.

Том направился к порту, мысленно репетируя, что он расскажет Рен о своем походе к доктору («Не о чем беспокоиться, даже операция не нужна…»). Возле Олд-тек-аукциона Пондишери он остановился, пропуская толпу выходящих из здания торговцев. Ему показалось, что он узнал одну женщину – довольно красивую, примерно его возраста. Видимо, на аукционе она сделала удачную покупку: в руках у нее был тяжелый на вид сверток. Она не заметила Тома, и он пошел дальше, стараясь вспомнить ее имя и где он мог ее встретить раньше. Кэти? Нет, Клития! Клития Поттс, вот как ее зовут.

Он обернулся, вытаращив глаза. Этого никак не может быть! Клития была ученицей в Гильдии историков, на год старше самого Тома, и погибла вместе со всеми лондонцами, когда МЕДУЗА уничтожила город. Не может она сейчас разгуливать по Перипатетиаполису! Видно, память шутки шутит.

А как похожа…

Том пошел за ней. Она быстрым шагом поднималась по лестнице на следующий уровень, к причалам с дирижаблями.

– Клития! – крикнул Том.

Она обернулась. Он вдруг вне всяких сомнений понял, что это действительно она, и засмеялся от радости и удивления.

Снова позвал:

– Клития! Это я! Том Нэтсуорти!

Мимо, бесцеремонно отпихнув Тома, прошла компания воздушных торговцев и заслонила обзор, а когда они удалились, женщины на прежнем месте уже не было. Том бросился к лестнице, не обращая внимания на предупреждающее покалывание в груди. Как могла Клития пережить МЕДУЗУ? Может, была тогда не в городе? Он слышал, что кое-кто из лондонцев спасся, но все они были из Гильдии купцов и во время взрыва находились в других городах. На Разбойничьем Насесте Эстер встретила того ужасного инженера, Попджоя, – ну так он был глубоко в Подбрюшье, когда включилась МЕДУЗА…

Том кое-как протолкался по забитой народом лестнице. Клития мелькнула вдали и скрылась между причалами долгосрочных стоянок. Винить ее не приходилось, после того как Том заорал ей вслед. Наверное, она его не узнала издали. Решила, что какой-нибудь псих или торговец-конкурент разозлился, что она перебила у него артефакт на аукционе. Том

поспешил за ней, чтобы все объяснить. Она взбежала по еще одной лестнице на седьмой причал. Там был пришвартован небольшой, изящных очертаний дирижабль. Том приостановился на первой ступеньке и прочел написанные мелом на доске сведения: корабль назывался «Археоптерикс», занесен в реестр Воздушной Гавани, капитан – Крюис Морчард. Затем двинулся дальше, следя за тем, чтобы не сделать ничего пугающего – не побежать, не заорать и так далее. Конечно, имея за плечами обучение в Гильдии историков, Клития Поттс без труда нашла себе место у торговцев предметами олд-тека. Несомненно, капитан Морчард взяла ее на должность специалиста по закупкам – потому Клития и пришла на аукцион.

Наверху лестницы Том остановился перевести дух. Сердце в груди стучало, как отбойный молоток. В сумерках «Археоптерикс» казался огромным. Дирижабль был окрашен в камуфляжные цвета: гондола и нижняя половина баллона – небесно-голубые, верхняя часть – мешанина зеленых, коричневых и серых пятен. В лужице бледного электрического света возле сходней стояли двое из экипажа, с виду потрепанные, словно кладоискатели с Поверхности. Том услышал, как один спросил Клитию:

– Ну что, купила?

– Купила, – ответила Клития, кивая на сверток у себя в руках.

Говоривший подошел ей помочь и заметил Тома. Клития, должно быть, увидела, как изменилось его лицо, и обернулась посмотреть, в чем дело.

– Клития? – сказал Том. – Это я, Том Нэтсуорти, ученик третьего ранга из Гильдии историков. Из Лондона. Я понимаю, ты меня вряд ли узнала. Сколько же времени прошло? Почти двадцать лет! Ты, наверное, думала, что я погиб…

Он был совершенно уверен, что Клития его узнала и даже обрадовалась, но тотчас же ее лицо застыло. Она отступила на шаг и оглянулась на двоих у сходней. Тот, что повыше, худой и с бритой головой, положил руку на рукоять меча.

– Мисс Морчард, этот тип к вам пристает?

– Все в порядке, Лурпак, – ответила Клития, махнув рукой, чтобы он оставался на месте.

Затем подошла ближе к Тому и сказала вежливо:

– Простите, сэр, вы меня с кем-то путаете. Я – Крюис Морчард, владелица этого дирижабля. Я никого не знаю из Лондона.

– Но как же…

Том запнулся, растерянно вглядываясь в ее лицо. Это абсолютно точно была Клития Поттс! Она чуть-чуть располнела, как и он сам, и в темных

волосах мелькало серебро, словно в них запутались паутинки, но лицо осталось прежним… Только между бровей, где Клития Поттс гордо носила татуировку в виде синего глаза – знак Гильдии историков, – сейчас было пустое место.

Том уже ни в чем не был уверен. В конце концов, двадцать лет прошло… Может, он и ошибается.

Он сказал:

– Прошу прощенья. Вы так на нее похожи…

– Ничего-ничего, не извиняйтесь, – ответила она с очаровательной улыбкой. – У меня лицо такое. Меня постоянно принимают за кого-нибудь другого.

– Вы так на нее похожи, – повторил Том с надеждой.

Вдруг она неожиданно передумает и все-таки вспомнит, что она – Клития Поттс?

Она поклонилась и пошла к дирижаблю. Ее подчиненные, настороженно поглядывая на Тома, помогли ей подняться по сходням с тяжелым свертком. Больше сказать было нечего, поэтому Том еще раз повторил: «Прошу прощенья» – и отвернулся, жарко краснея. Он пошел через гавань к своему причалу. Не успел отойти шагов на двадцать, как сзади заурчали двигатели «Археоптерикса». Том обернулся. Дирижабль поднялся в вечереющее небо и, быстро набирая скорость, полетел на восток.

Любопытно… Том отчетливо помнил: на доске у причала было написано, что дирижабль еще два дня простоит в Перипатетиаполисе.

Глава 3
Загадочная мисс Морчард

Я уверен, это она! – говорил Том за ужином в таверне «Веселый дирижабль». – Конечно, повзрослела, и знака Гильдии нет на лбу, это меня сбило с толку сперва, но татуировку ведь можно свести, верно?

Рен сказала:

– Пап, ты, главное, не волнуйся…

– Я не волнуюсь, мне просто интересно! Если это Клития, как она осталась в живых? И почему не признается, кто она есть?

В ту ночь Том почти не спал. Рен тоже лежала без сна в тесной каюте внутри баллона «Дженни», слушая, как он в три часа утра пробирается от своей каюты на корме в камбуз и тихонько звякает посудой, заваривая чай.

Вначале Рен за него беспокоилась. Она не до конца поверила его пересказу разговора с врачом и была уверена, что ему вредно бодрствовать всю ночь напролет, переживая из-за таинственных воздухоплавательниц. Потом ей пришло в голову, что, быть может, неожиданная встреча ему даже на пользу. Рассказывая о ней за ужином, папа казался живым – Рен его уже много месяцев таким не видела. Апатия развеялась, он снова стал самим собой, переполненный вопросами и гипотезами. Трудно сказать, что на него так подействовало: тайна или возможная ниточка к родному городу или просто ему нравилась Клития Поттс; да и какая разница – хорошо, что ему есть о чем подумать, кроме расставания с мамой, правда же?

Наутро за завтраком Рен сказала:

– Надо разведать. Выяснить, что это за так называемая Крюис Морчард.

– Как? – спросил папа. – Сейчас «Археоптерикс» уже за сотню миль отсюда.

– Ты говорил, она что-то купила на аукционе. Вот оттуда и можно начать!

Мистер Пондишери, крупный лоснящийся мужчина, словно еще сильней залоснился и увеличился в размерах, когда, подняв глаза от своих бухгалтерских книг, увидел, как в его тесную контору входят Том Нэтсуорти с дочерью. В этом сезоне «Дженни Ганивер» продала с его аукциона несколько ценных предметов олд-тека.

– Мистер Нэтсуорти! Мисс Нэтсуорти! Как я рад вас видеть!

Он встал и поддернул вышитый серебряной нитью рукав, протягивая пухлую смуглую руку. Том ее пожал.

– Надеюсь, вы оба в добром здравии? Боги небес к вам милостивы? Что вы мне принесли сегодня?

– К сожалению, одни только вопросы, – признался Том. – Не могли бы вы мне рассказать об одной даме, занимающейся археологией? Ее зовут Крюис Морчард, она вчера что-то здесь купила…

– Дама с «Археоптерикса»? – отозвался мистер Пондишери. – Да-да, я ее прекрасно знаю, но, боюсь, я не вправе разглашать…

– Конечно, – сказал Том. – Простите, простите!

Рен, которая ожидала чего-то подобного, достала из кармана небольшой тряпичный сверток и положила на стол перед мистером Пондишери. Аукционист замурлыкал, как кот, разворачивая ткань. Внутри лежал плоский прямоугольник из серебристого металла, инкрустированный крошечными квадратиками с едва различимыми полустертыми цифрами.

– Мобильный телефон Древних, – пояснила Рен. – Мы его купили в прошлом месяце у одного кладоискателя; он даже не знал, что это за штука. Папа хотел сам его продать, но, я думаю, он будет рад сделать это через аукцион Пондишери, если…

– Рен! – воскликнул Том, пораженный коварством дочери.

Мистер Пондишери наклонился чуть ли не вплотную к реликвии, ввинчивая в глаз ювелирную лупу.

– Какая красота! – восхитился он. – Замечательная сохранность! И кстати, с тех пор как объявили мир, в торговле безделушками наступило заметное оживление. Говорят, генералу Наге больше некогда сражаться, он же нашел себе очаровательную молодую жену. Почти такую же очаровательную, как Крюис Морчард… – Он подмигнул Тому – глаз в увеличительном стекле казался огромным. – Ну хорошо! Строго между нами, мисс Морчард в самом деле заходила вчера. Приобрела набор катушек Клейста.

– Зачем они ей? – удивился Том.

– Кто знает?

Мистер Пондишери с улыбкой развел руками, как бы говоря: «Я получаю свой процент, и какое мне дело, зачем клиенты покупают разную дребедень?»

– Пользы от них никакой. Наверное, для дальнейшей торговли, это же ее профессия. Она торгует олд-теком, и неплохо торгует, насколько мне известно. Живет на птичьих дорогах с тех пор, как была еще девчонкой.

– А она не говорила, откуда она родом? – с жадным любопытством

спросила Рен.

Мистер Пондишери ненадолго задумался.

Потом сказал:

– Ее корабль приписан к порту Воздушной Гавани.

– Это мы знаем! А где она выросла? Где училась? Понимаете, мы думаем, что она из Лондона.

Аукционист снисходительно усмехнулся и снова подмигнул Тому, ловко убирая старинный телефон в ящик письменного стола.

– Ах, мистер Н., какие романтические мысли бродят в голове у нынешних барышень! Нет, в самом деле, мисс Рен! Из Лондона никого в живых не осталось.

Потом они пили кофе на балконе кафе и смотрели на восток, через бескрайние равнины Великих Охотничьих Угодий. Был один из тех теплых, золотистых весенних дней. Оставленные городами колеи и рытвины заполнила зеленая дымка, а в небе неслись стремительные облака. Далеко на востоке шахтерский городок вгрызался в горную гряду, которая по недосмотру до сих пор оставалась нетронутой.

– Самое странное, – сказал Том задумчиво, – что я точно слышал это имя раньше. Жаль, не могу вспомнить где. Крюис Морчард… Наверное, в прежние времена, на птичьих дорогах…

Он подлил Рен еще кофе.

– Ты, наверное, считаешь – глупо, что я так разволновался из-за ерунды. Просто, как подумаю, что еще один историк до сих пор жив… Через столько лет…

Объяснить не получалось. В последнее время он все чаще вспоминал свои ранние годы в Лондонском музее. Грустно подумать, что память о музее умрет вместе с ним. Если в самом деле где-то есть еще один живой историк, выросший среди тех же пыльных галерей и пахнущих пчелиным воском коридоров, дремавший на лекциях старика Аркенгарта и слушавший, как Чадли Помрой ворчит о недостаточно надежных амортизаторах здания, то ответственность за эти воспоминания ляжет на другие плечи, отзвук давних дней сохранится еще в чьей-то памяти даже после того, как Тома не станет.

– Я вот чего не понимаю, – сказала Рен. – Почему она все отрицает? Это же выгодно для торговли олд-теком, если продавец родом из Лондона и учился в Гильдии историков!

Том пожал плечами:

– Я всегда о себе помалкивал, когда мы с твоей мамой торговали. В те

годы Лондон был непопулярен. Фортель, который устроила Гильдия инженеров, нарушил равновесие во всем мире. Напугал множество городов и привел к власти Зеленую Грозу. Наверное, Клития поэтому взяла себе новое имя. Поттсы – известнейшая лондонская семья; из них со времен Квирка выходили олдермены и главы Гильдий. Дед Клитии, старый Писистрат Поттс, долгие годы был лорд-мэром. Если хочешь скрыть, что ты из Лондона, лучше не разгуливать под таким именем, как Клития Поттс.

– А что за штуки она купила у Пондишери?

– Катушки Клейста?

– Я о них никогда не слышала.

– С чего бы тебе о них слышать? – отозвался папа. – Это артефакт времен Электрической империи, она процветала в здешних краях вплоть до становления Культуры синего металла, примерно за десять тысяч лет до Эры Движения.

– Для чего они?

– Этого никто не знает, – ответил Том. – Занусси Клейст, лондонский историк, который первым начал их изучать, утверждал, что они должны каким-то образом фокусировать электромагнитную энергию, но практического применения им так и не нашли. Вообще, судя по всему, Электрическая империя в техническом отношении представляла собой тупиковую ветвь.

– Значит, эти катушки не особо ценные?

– Разве что как диковинка. Они довольно красивые.

– Тогда для чего они Клитии Поттс? – спросила Рен.

Том снова пожал плечами:

– Наверное, у нее есть покупатель. Может быть, знакомый коллекционер.

– Нужно лететь за ней, – сказала Рен.

– Куда? Я вчера спрашивал в портовом управлении – «Археоптерикс» не сообщил, куда направляется.

– Они летят на восток, – заявила Рен с уверенностью человека, который целый сезон занимался воздушной торговлей и успел изучить ее вдоль и поперек. – С тех пор как заключили перемирие, все бросились на восток, и нам тоже туда надо. Если даже не найдем Клитию Поттс, зато хорошо поторгуем. Я бы хотела посмотреть центральные Охотничьи Угодья. Можно слетать в Воздушную Гавань. У них в бюро регистрации наверняка есть сведения о так называемой Крюис Морчард и ее дирижабле.

Том допил кофе и сказал:

– Я думал, ты захочешь весной отправиться на юг. Твой друг Тео все

еще в Загве? Мы могли бы получить разрешение на посадку…

– О, я как-то об этом не думала, – небрежно сказала Рен и вся порозовела.

– Мне понравился Тео, – продолжал Том. – Славный мальчик, добрый и воспитанный. И собой хорош…

– Папа! – строго сказала Рен, чтобы он перестал дразниться.

Потом, смягчившись, вздохнула и взяла папу за руку:

– Понимаешь, он такой воспитанный, потому что из хорошей семьи. Они богатые и живут в городе, который был центром великой цивилизации, когда наши предки еще ходили в звериных шкурах и дрались из-за объедков на развалинах Европы. С чего ему интересоваться мною?

– Дурак был бы, если б не заинтересовался, – сказал Том. – А он не производит впечатления дурака.

Рен с досадой вздохнула. Как папа не понимает? Сейчас Тео в своем родном городе, и вокруг него – толпы девчонок намного красивее Рен. Может, его уже и женили. А если нет, наверняка о ней он давно забыл. Поцелуй, который так много для нее значил, для Тео, верно, не значил ничего. И она не хочет выставлять себя дурой – мчаться в Загву и заявиться к нему в дом, ожидая, что между ними все сразу станет как раньше.

Рен сказала:

– Папа, давай полетим на восток и отыщем Клитию Поттс.

Глава 4
Леди Нага

День за днем Тео носило по медленным волнам сменяющих друг друга боли и анестетика, и наконец он всплыл на поверхность в чистой белой палате, в городской больнице Загвы. Сквозь противомоскитную сетку и дымку смазанных воспоминаний виднелось открытое окно и горы, озаренные вечерним светом. У постели собрались мама, папа и две сестры Тео – Мириам и Каэло. Постепенно приходя в себя, он сообразил, что раны, видно, были очень серьезные, ведь девчонки, вместо того чтобы насмешничать и дразниться, какой у него глупый вид в бинтах и синяках, с плачем бросились его целовать.

– Слава богу, слава богу! – повторяла мама.

А папа наклонился к нему и сказал:

– Тео, ты обязательно поправишься. Но поначалу все висело на волоске.

– Нож, – вспомнил Тео, потрогав свой живот, обмотанный чистыми до хруста бинтами. – Ракеты… Они ударили по цитадели!

– Ракеты взорвались в саду, – успокоил его папа. – Никто не пострадал. То есть никто, кроме тебя. Ты, Тео, был тяжело ранен и потерял много крови. Когда тебя принесли наши авиаторы, врачи решили, что ты не жилец. Но госпожа посол узнала о тебе. Леди Нага, посол Зеленой Грозы, сама пришла тебя лечить. Она до замужества была хирургом или кем-то вроде того. Об устройстве человека она кое-что знает, это точно. Тео, это же слава! Тебя лечила жена генерала Наги!

– В общем, ты спас ей жизнь, а она – тебе, – сказала Мириам.

– Она обрадуется, когда узнает, что ты выздоравливаешь! – воскликнула миссис Нгони. – Твоя храбрость произвела на нее большое впечатление, и она о тебе волновалась. – Мама с гордостью показала на огромный букет в углу палаты, присланный леди Нагой. – Она сама ко мне подошла – рассказать, что операция прошла успешно. Тео, леди Нага – прекрасный человек!

Мама вся сияла, явно очарованная гостьей из Шань-Го.

– Если она такая хорошая, что она делает в Зеленой Грозе? – спросил Тео.

– Несчастная случайность, – предположил отец. – Нет, правда, Тео, она тебе обязательно понравится! Я сообщу в цитадель, что тебе лучше? Леди

Нага наверняка захочет с тобой поговорить…

Тео покачал головой и сказал, что пока еще не очень хорошо себя чувствует. Он был рад, что сумел остановить варваров, и благодарен леди Наге за спасение жизни, но было неприятно сознавать, что он в долгу у кого-то из Зеленой Грозы.

На следующий день ему разрешили вернуться домой. Прошло несколько недель. Тео понемногу поправлялся, стараясь не думать о леди Наге, хотя мама с папой часто о ней говорили. Да что там – вся Загва говорила о леди Наге. Уже все слыхали о том, как она сменила пышное одеяние на врачебный халат, чтобы спасти жизнь мальчика по имени Тео Нгони. Ходили и другие рассказы – как она посетила древний собор, выдолбленный в сплошном камне на склонах горы Загва в Темные века, и молилась там вместе с самим епископом. Все считали, что это хороший знак, – все, кроме Тео. А он подозревал, что тут всего лишь очередная хитрость Зеленой Грозы.

Приходили двое королевских советников, расспрашивали, что он помнит о дирижаблях, которые атаковали город. Сказали, что захваченную им авиатрису допрашивают, но она не желает сотрудничать. Похвалили его за отвагу.

Тео сказал:

– Какая там отвага, просто у меня не было выбора.

Но втайне гордился, что все в Загве теперь будут считать его героем, а раньше помнили только, что он удрал и поступил в Зеленую Грозу.

– Я рад, что остановил этих горожан, пока никто не пострадал, – сказал он советникам.

Те как-то странно переглянулись и младший, кажется, хотел что-то сказать, но старший его остановил, и вскоре они ушли.

За окном Загва плавилась на солнцепеке. С уровня земли город выглядел не таким величественным, как с воздуха. Дома обшарпанные, краска на стенах осыпается, кровли провисли, на мостовых через трещины пробиваются сорняки. Даже медные купола цитадели запятнала прозелень. Величие Загвы осталось в прошлом, за тысячу лет назад; некогда подвластную ей могучую империю опустошили алчные города. Под вечер жители собирались в тени зонтичных деревьев и с возмущением обсуждали последние новости о зверствах горожан на севере. Может, когда-нибудь кто-нибудь из молодежи возмутится настолько, что отправится служить Грозе, как сделал Тео. Наблюдая за ними в окно, Тео старался и не мог вспомнить время, когда он был таким же уверенным и ни в чем не

сомневался.

Однажды, примерно через месяц после воздушного налета, он читал в оранжерее, и вдруг мама с папой привели к нему гостя. Когда они вошли, Тео едва глянул, не отрываясь от книги, – он привык к посещениям многочисленных тетушек и дядюшек, которые смущали его, разглядывая шрамы или вспоминая, каким он был сорванцом в три годика, или знакомили его с хорошенькими дочками своих друзей.

Только когда мама сказала: «Тео, милый, ты помнишь маршала авиации Кхору?» – он понял, что на этот раз все по-другому.

Кхора был одним из лучших африканских пилотов, он командовал воздушным корпусом Загвы. Высокий, все еще красивый, несмотря на свои почти полвека и седину, он был в парадных доспехах и традиционной накидке личной королевской стражи – желтой, с черными пятнами, символизирующей шкуру мифического животного под названием «леопард». Он низко, как равному, поклонился Тео. Начался разговор о каких-то несущественных мелочах – Тео потом и вспомнить не мог о чем, так разволновался. Кхора был его героем еще с детства. В девять лет он целый сезон дождей мастерил модель флагманского дирижабля Кхоры, истребителя «Мвене Мутапа»[2], с крохотной фигуркой Кхоры на кормовой галерее. Увидеть его здесь, живого и настоящего, в привычной домашней обстановке, было удивительно, и Тео не сразу заметил, что Кхора пришел не один. За спиной у него стояли две чужеземки-прислужницы в одеяниях из радужного шелка, а позади них – еще одна девушка, одетая попроще, невысокая и худенькая. Тео узнал ее по фотографиям в газетах.

– Тео, – сказал маршал Кхора, – познакомься, это леди Нага.

Тео знал, что нужно ответить: «Я не хочу с ней знакомиться. Не желаю иметь ничего общего с ней и с ее народом». Но в присутствии Кхоры у него от смущения отнялся язык, а госпожа посол уже подошла к нему, и, видя вблизи ее тонкое лицо и очки в тяжелой черной оправе (на газетных снимках она была без очков), Тео вдруг понял, что он ее знает.

– Вы были на Облаке-девять! – выпалил он, к большому удивлению Кхоры и прислужниц; они ожидали более официального приветствия. – В ту ночь, когда на город напала Зеленая Гроза! Вы – доктор Зеро! Вы тогда были с Нагой…

– Я и сейчас с Нагой, – ответила она с чуть заметной, немного озадаченной улыбкой.

Леди Нага была совсем молодая и довольно красивая, немного похожая на мальчишку. В прошлую встречу волосы у нее были зеленые и

коротко остриженные, а сейчас – подлиннее и черные. В открытом вороте льняной рубашки виднелся дешевый жестяной крестик – должно быть, купленный в киоске у собора.

Тронув крестик, леди Нага сказала:

– Так вы тоже были в прошлом году на Облаке-девять, господин Нгони? Простите, я вас не помню…

Тео закивал:

– Со мной еще была Рен. Вы увели нас от Сталкера Фанг и спрашивали Рен про Жестяную Книгу…

Тео умолк. Он только сейчас вспомнил, какая тогда на ней была форма. Отец сказал: «Она была хирургом или кем-то вроде того», – но это только половина правды. Она была хирургом-механиком, создавала Сталкеров для кошмарного Корпуса Воскрешенных.

– Так это был ты? – спросила леди Нага, все еще улыбаясь. – Прости… Столько всего случилось в ту ночь и после… Как твоя рана?

– Уже лучше, – мужественно ответил Тео.

Кхора засмеялся:

– На молодых все быстро заживает! Меня тоже как-то ранили, в седьмом году, в Батмунх-Гомпе. Подлый лондонец проткнул мне шпагой легкое. До сих пор болит иногда.

– Тео, сынок, – сказал папа. – Может, покажешь леди Наге сад?

Тео смущенно кивнул на открытую дверь. Они вышли в сад. Прислужницы следовали за ними на почтительном расстоянии. Оглянувшись, Тео увидел, что Кхора о чем-то увлеченно разговаривает с его родителями, а сестры смотрят на них и хихикают. Наверное, гадают, в которую из прислужниц он влюбится, сообразил Тео. Обе девушки были хороши. Одна – должно быть, хань[3] или шаньгойка, другая – откуда-нибудь из южной Индии: кожа темная, как у самого Тео, и глаз чернее он ни у кого не видел.

Встретившись с ней взглядом, он быстро отвернулся и постарался скрыть смущение, показывая тропинку, ведущую в его любимую часть сада – к террасе с видом на ущелье. Над тропинкой нависали цветущие ветви апельсиновых деревьев. Леди Нага подняла с земли упавший цветок и пошла дальше, вертя его в руках. Тео заметил, что ее тонкие пальцы сплошь в пятнышках обесцвеченной кожи и темных, цвета чайной заварки.

– Химические реактивы, – объяснила она, поймав его взгляд. – Я долгое время работала в Корпусе Воскрешенных. Мы использовали разные химикаты…

Сколько же убитых солдат она превратила в Сталкеров? И как за

полгода скромница из Корпуса Воскрешенных успела стать женой предводителя Зеленой Грозы?

Леди Нага, словно угадав его мысли, оглянулась на Тео и сказала:

– Это я в ту ночь убила Сталкера Фанг. Я восстановила другого древнего Сталкера, мистера Шрайка, и заставила напасть на нее. На генерала это произвело сильное впечатление. Он решил, что я очень храбрая. И наверное, подумал, что мне нужна защита. В Зеленой Грозе многие поклонялись Сталкеру Фанг как божеству, и эти люди были бы рады моей смерти. Ну и знаешь, военные бывают ужасно сентиментальными. Словом, генерал Нага оберегал меня на обратном пути, а когда мы вернулись в Тяньцзин и генерал возглавил Зеленую Грозу, он предложил мне выйти за него замуж.

Тео кивнул. Было неловко обсуждать с ней настолько личные темы. Он видел Нагу – свирепого воителя в лязгающем механическом экзоскелете, компенсирующем потерянную правую руку и искалеченные ноги. Невозможно было вообразить, что доктор Зеро вышла за него по любви. Скорее, из страха или ради власти.

– Наверное, генерал по вам скучает, – только и смог он сказать. Больше ничего не приходило в голову.

– Наверное, скучает, – ответила леди Нага. – Он хороший человек и на самом деле хочет мира. Хочет, чтобы между Загвой и Грозой снова была дружба. Я убедила его поручить переговоры именно мне. Он думает, что здесь для меня безопасней. Кое-кто в Грозе до сих пор ненавидит Нагу за то, что он старается закончить войну, а меня ненавидят, потому что я уничтожила прежнюю предводительницу и позволила Наге прийти к власти. Он решил, что на другом краю света я хоть ненадолго смогу от них укрыться. Видимо, он ошибался…

Тео не понял, что значат эти слова. Тут они как раз вышли из-под деревьев на озаренную солнцем террасу, и несколько минут леди Нага ничего не могла выговорить, кроме «Ох!», и «Ах!», и «Какой великолепный вид!».

Вид был действительно великолепный. Даже Тео, знакомый с ним всю жизнь, иногда замирал от восхищения, стоя на этой террасе и глядя через парапет. Склоны ущелья отвесно обрывались к аквамариновому изгибу реки далеко внизу, а вокруг высились горы; густую зелень высокогорных лесов сменял снег, вершины вздымались к ослепительному небу, и над ними грозовыми тучами нависали еще более огромные горы, сверкая на солнце белоснежным и льдисто-голубым. В небе реяли на восходящих потоках небесные гонщики – они напомнили Тео о его полете и о

потерянном воздушном змее. Вдруг он сообразил, что леди Нага до сих пор не поблагодарила его за спасение от налета горожан, а он думал, что она за этим и пришла.

– Ради чего ты все это бросил и вступил в Зеленую Грозу? – спросила она.

Тео смущенно пожал плечами. Ему не хотелось вспоминать то время, когда он был живой летающей бомбой.

– Все это сейчас под угрозой, – сказал он. – Воздушный корпус по мере сил защищает границы, но с каждым годом от нас отгрызают все больше лесов и пахотных земель. Пустынные города движутся на юг и приносят с собой пустыню. Папа с друзьями без конца говорили об этом, а я слушал и ужасно хотел сделать хоть что-нибудь. Думал, Зеленая Гроза – то, что нужно. Я тогда был моложе. В молодости все кажется таким простым.

Леди Нага чуть-чуть улыбнулась.

– Тео, сколько тебе лет?

– Сейчас? Почти семнадцать. Осторожней! – вскрикнул он.

Темнокожая прислужница, увлеченная пейзажем, как и ее хозяйка, бесстрашно перегнулась через растрескавшийся каменный парапет.

– Осторожней! – заорал Тео. – Ограда очень старая, может рухнуть!

Девушка не обратила на него внимания, но тут вторая служанка тихонько произнесла: «Рохини!» – и оттащила ее назад.

Черные глаза растерянно уставились на Тео.

– Рохини тебя не слышит, – объяснила леди Нага. – Она глухонемая, бедняжка. Была рабыней, когда попала ко мне, – свадебный подарок от старого друга Наги, генерала Дзю. Я, конечно, против рабства, поэтому освободила ее, но она решила остаться у меня по своей воле. Она славная девочка…

Рохини поклонилась Тео, то ли благодаря за спасение, то ли извиняясь за то, что подвергла себя опасности.

– Не за что, – ответил он, потом спохватился, что она не слышит, и попробовал изобразить свою мысль жестами, насмешив обеих девушек.

Еще хуже, чем сестры, подумал Тео, хотя на самом деле не обиделся.

С верхнего уровня сада спустился по лестнице маршал Кхора, а с ним – родители Тео. Все трое казались очень серьезными. Кхора многозначительно переглянулся с леди Нагой. Тео не мог понять, к чему этот взгляд. Прислужницы немедленно перестали хихикать и отошли в сторонку. Домашние слуги принесли складные столики, стулья, красный чай со льдом и медовые коврижки. Миссис Нгони сама руководила

расстановкой стульев и велела принести зонт от солнца – она считала, что с такой светлой кожей, как у леди Наги, недолго получить солнечный удар, и не хотела, чтобы такое случилось у нее в саду.

– А теперь – к делу, – сказал Кхора, когда все уселись. – Тео, у меня есть для тебя работа. Возможно, опасная, зато интересная, и она может оказаться чрезвычайно важной для Загвы и для всего мира. Только не соглашайся, если на самом деле этого не хочешь! Никто тебя не осудит, если откажешься. Ты и так уже сослужил Загве огромную службу.

– Что за работа? – спросил Тео, оглядываясь на родителей; папа смотрел на него с гордостью, мама – с тревогой. – Что нужно сделать?

Кхора не ответил прямо. Он встал, подошел к парапету и стал смотреть на озаренную солнцем долину.

– Тео, – заговорил он, – когда ты оказался на дирижабле варваров, ты не заметил в экипаже ничего необычного?

Тео не мог понять, о чем речь.

– Они были с Востока, – сказал он наконец. – Помню, я еще подумал, что не слыхал о таком – чтобы восточники воевали на стороне «Тракционштадтсгезельшафта»…

– Я тоже не слышал о таком, – отозвался Кхора. – И никто не слышал. Авиатриса, которую ты взял в плен, утверждает, что они с товарищами – наемники с плавучего города под названием Душистая Пристань и получают деньги от немецких городов. У нее при себе имелись бумаги, вроде бы подтверждающие это, а среди обломков второго дирижабля мы нашли каперский патент, подписанный мэром Панцерштадт-Кобленца. Мы не можем доказать, что эти документы – подделка. И все же не верится… Да и среди оборудования на дирижаблях тоже встречаются сюрпризы…

– Радиостанция, – вспомнил Тео. – Той же модели, что у Зеленой Грозы…

Кхора снова сел и, наклонившись к Тео, проговорил еле слышно:

– Я думаю, ты предотвратил не нападение варваров, а покушение на леди Нагу, устроенное кем-то из Зеленой Грозы.

– Почему… – начал Тео – и тут вспомнил, о чем ему рассказала леди Нага. – Потому что она уничтожила Сталкера Фанг?

– Потому что они меня ненавидят, – сказала леди Нага.

– Не только поэтому, – возразил Кхора. – Леди Нага из скромности не говорит о том, что поворот к миру произошел в основном благодаря ей. Генерал Нага ее обожает и делает все, что она попросит.

– Я стараюсь направлять его по мере сил, – сказала леди Нага, краснея.

– Но кое-кому в Зеленой Грозе невыносима сама мысль о примирении

с движущимися городами, – продолжал Кхора. – Им будет очень кстати, если леди Нагу убьют, и еще лучше – если ее убьют горожане. Вряд ли Нага заключит мир с теми, кого будет считать убийцами своей любимой жены.

– Потому они и постарались выдать свою атаку за нападение «Гезельшафта». Их план провалился. Кто знает, что они придумают теперь? Здесь леди Нага в безопасности, но на ее дирижабль могут напасть по пути в Тяньцзин. Ее наверняка будут поджидать на птичьих дорогах к востоку от Загвы.

– И вот мы решили, – сказал Кхора, – устроить врагам леди Наги небольшой розыгрыш. Переговоры должны продлиться еще неделю, однако мы, по сути, все уже обсудили. Леди Нага убедила нас в серьезности намерений ее мужа, и мы согласились ему помогать. Через несколько дней из воздушного порта Загвы отправится в путь ничем не примечательный торговый дирижабль. Он полетит на северо-запад, к стационарному поселению на плато Тибести, а оттуда – на север, к Ахеггарскому перевалу. Но где-нибудь над пустыней он переменит курс и полетит в Шань-Го. На борту будет леди Нага, инкогнито, с одним-двумя верными людьми. Никто не ждет, что она отправится этим путем на таком корабле. К тому времени как ее собственный дирижабль вылетит из Загвы после официального завершения переговоров, ее уже благополучно доставят к мужу в Тяньцзин.

– Вы обо мне говорите, как о какой-то посылке, – пожаловалась леди Нага, смущаясь оттого, что из-за нее столько хлопот.

– Дирижаблем, на котором полетит леди Нага, должен командовать капитан-африканец, – продолжал объяснять Кхора. – Если враги проведают, что из Загвы отправился дирижабль под командованием человека с востока, они могут разгадать нашу хитрость, а так они решат, что это просто местный торговец. Конечно, тут нужен человек, доказавший свое мужество и преданность и желательно хоть немного владеющий аэросперанто.

– Я? – сообразил наконец Тео.

Посмотрел на леди Нагу, на маму с папой – они все ждали его ответа. Папа застыл, не донеся до рта коврижку. Половина ее медленно отломилась и шмякнулась папе на колени.

– Вы хотите, чтобы я вел дирижабль?

Тео стало и страшно, и весело. Снова полететь на север, посмотреть мир… Ему доверяют такую ответственную миссию… Он окинул взглядом уютный дом, сады по уступам гор в солнечных лучах, серьезные лица родителей. Однажды он уже сбежал, не спросясь, и поступил в Зеленую Грозу. Они же не отпустят его во второй раз?

– Пап? – спросил он взволнованно. – Мам?

– Тео, тебе решать. – Отец обнял жену за плечи. – Ты доказал, что более чем способен постоять за себя. Мы давно замечали, что ты места себе не находишь, рвешься в небо.

– Как птица в клетке, – сказала мама.

– Если ты решишь лететь, мы, конечно, будем скучать и тревожиться о тебе, будем молиться за твое благополучное возвращение, но удерживать тебя не станем, – добавил папа. – Тебя выбрал маршал, это большая честь.

– Необязательно решать сейчас, – мягко сказал Кхора. – Дирижабль отправляется во вторник, в безлунную ночь. Подумай хорошенько, посоветуйся с родителями, а завтра утром сообщишь мне свое решение.

Но Тео не нужно было долго думать. Леди Нага спасла ему жизнь, и дух приключений все еще его не покинул, несмотря на все, что ему пришлось пережить в прошлом году. И еще невольно мелькнула мысль: там, на севере, не встретит ли он снова Рен Нэтсуорти на птичьих дорогах?

Во вторник, в безлунную ночь, Тео шел рядом с маршалом Кхорой через воздушный порт Загвы, расположенный за городскими стенами, на невысоком плато. В ярко освещенном ангаре перед ними во всем своем великолепии предстал крейсер леди Наги, «Весна в сливовом цвету». Тео на него едва глянул, хотя еще не видел такого очаровательного дирижабля. Все его внимание сосредоточилось на ожидающем его воздушном корабле в самом дальнем и темном конце порта. Дирижабль был ничем не примечательный – собственно говоря, потому его и выбрали, – но сразу было видно, что построен он на совесть. Небольшой ладный «Ачебе-1040» с обтекаемыми гондолами двигателей и длинными, изящными стабилизаторами. Такие дирижабли повсеместно использовали в Африке для перевозки людей и грузов, а этот явно прожил долгую трудовую жизнь, пообтрепался и обшарпался – но это было первое судно, которым Тео доверили командовать, и он был убежден, что дирижабль даже еще лучше, чем «Весна в сливовом цвету». Кораблик назывался «Нзиму».

Тео уже со всеми попрощался, и леди Нага, видимо, тоже – она ждала его у сходней всего с двумя сопровождающими: молодым офицером, который сменил мундир Зеленой Грозы на мешковатый костюм воздушного торговца, и глухонемой служанкой Рохини. Кхора объяснил, что вторая прислужница, Чжоу Ли, останется в Загве и через неделю будет в одежде своей госпожи присутствовать на официальном банкете. Она ростом выше леди Наги и по национальности хань, а не алеутка, но в целом они довольно похожи, и если какие-нибудь шпионы будут наблюдать за

церемонией, возможно, их удастся уверить, что госпожа посол все еще в Загве.

– Тео! – Леди Нага взяла его за обе руки, здороваясь. – Помнишь Рохини? А это капитан Распутра, он вызвался лететь со мной в качестве телохранителя.

– Она – драгоценный груз! – Распутра сверкнул белозубой улыбкой среди черной окладистой бороды. – Я обещал Наге, что глаз с нее не спущу.

– Больше никого, полетим вчетвером, – сказала леди Нага.

– Когда будете заправляться в Тибести, – произнес Кхора, – пусть все думают, что леди Нага и капитан – пассажиры, а Рохини – твоя жена.

– Хорошо. – Тео покосился на красавицу-служанку, тихо радуясь, что здесь нет его сестер: вот бы они сейчас хихикали!

Капитан Распутра заметил:

– Ветер усиливается.

Леди Нага поклонилась Кхоре:

– Маршал, ваша страна прекрасна. Я мечтаю побывать здесь еще раз, когда на планету вернется мир.

– Надеюсь, этого недолго ждать! – Кхора ответил поклоном на поклон.

Ветер трепал их плащи.

Выпрямившись, Кхора сказал:

– Леди Нага, вам моя особая благодарность за то, что избавили нас от Сталкера Фанг. Я знал Анну Фанг при жизни и любил. Как представлю, что эта гнусная тварь разгуливала с ее лицом…

– Я вас понимаю, – ответила леди Нага. – У меня самой брат… Но не тревожьтесь за Анну Фанг. Она обрела покой.

Леди Нага вновь протянула Тео свою миниатюрную руку:

– Тео, поднимемся на борт?

Глава 5
Мальчик и его Сталкер[4]

Селедка бегом пробирался по переулку, затерянному на нижних ярусах Каира. Вокруг даже в такой поздний час было полно народу, но это его не беспокоило. Селедке было всего десять лет, он едва доставал прохожим до пояса. Они почти не замечали, как он прошмыгивает мимо, прижимая к животу под просторным балахоном сумку с ворованным олд-теком. Иногда он задерживался возле ларьков, где грудами были навалены детали разных механизмов и толпились увлеченные спором покупатели. Здесь, в Нижнем Сууке[5], обожали торговаться и спорить, и, если правильно рассчитать время, в пылу препирательств никто не увидит, как худенькая детская ручонка ухватит обрывок провода или погнутый кусок доспеха.

Наконец он собрал все, что нужно, стащил с прилавка липкий пирожок и, жуя на ходу, юркнул в лабиринт лестниц и мостиков, по которому можно было попасть в систему городских водостоков. Каир, урча моторами, катился по пересеченной местности к берегам Срединного моря, и в зловонных трубах водосточной системы гулко отдавался скрип и скрежет огромных колесных осей. Здесь было темно, только местами сквозь решетки проникали красные отсветы плавильных печей. Вонь, грохот, дым обычному человеку показались бы невыносимыми, а Селедка здесь был как дома. В шумном Подбрюшье города, куда почти никто не заходил, он чувствовал себя в безопасности.

И все равно сперва проверил, не следят ли за ним, и только потом отодвинул решетку в стене главной сточной трубы, сбросил в дыру тяжелую сумку, а потом сам протиснулся и спрыгнул вниз.

В крохотном помещении было темно. Темно и сухо. Сто лет назад Каир в поисках добычи заехал далеко на юг, в те края, где подолгу шли проливные дожди. Тогда ему и понадобилась мощная система водостоков. С тех пор как город вернулся в пустыню, стоки запечатали и забыли о них. В Нижнем Сууке поговаривали, что в ливневой канализации обитают джинны и злые духи. Селедка всякий раз улыбался, когда слышал такие разговоры, потому что это была правда.

Он подобрал сумку и побрел через залежи грязных оберток и пустых бутылок от воды, сплошь покрывающих пол. Что-то зашевелилось в дальнем углу, где сквозь еще одну решетку падали неверные отсветы.

– Селедка? – раздался шепот.

– Анна, здравствуй!

Селедка обрадовался, что это она. Включил лампу – ворованный аргоновый шар, к которому он сделал отводку от кабеля с верхнего яруса. Сталкер прислонилась к стене в углу, выставив перед слепым бронзовым лицом длинные когти-клинки, – обнажила их, когда услышала, что кто-то идет. Селедка почувствовал то же, что и всегда, возвращаясь к ней: гордость, омерзение и какую-то странную любовь. Гордость – потому что он сам ее построил, собрал по кусочкам разбитое тело, отыскивая фрагменты в пустыне. Омерзение – потому что получилось совсем не так хорошо, как он надеялся. Ее доспех, наверное, раньше был гладким и серебристым, а сейчас выглядел тусклым и помятым, как старое ведро, весь в нашлепках припоя, похожих на болячки, и в кое-как приклепанных заплатах из расплющенных консервных банок. И хотя Селедка не видел ни одного Сталкера в действии, он сильно подозревал, что их шарниры не должны так ужасно скрипеть при каждом движении.

Ну а любовь… Каждому нужно кого-то любить, а у Селедки никого не было, кроме Сталкера. Она спасла его в пустыне, объяснила, как ее отремонтировать. Странная спутница, иногда и страшноватая, но все-таки с ней лучше, чем одному.

– Я муфты нашел, – объявил Селедка, вытряхивая содержимое сумки в угол комнаты, там он хранил краденые инструменты.

Комната покачивалась и подрагивала в такт движению города. То и дело сквозь решетку проталкивались острые лучи света, бросая блики на застывшее лицо Сталкера с успокаивающей бронзовой улыбкой.

– Скоро я тебя починю, – пообещал Селедка. – Сегодня…

– Спасибо, Селедка. Спасибо, что заботишься обо мне.

– Да не за что.

В Селедкином Сталкере на самом деле было две разных личности. Одна – Сталкер Фанг, суровая беспощадная особа, которая много лет командовала Зеленой Грозой, а теперь командовала Селедкой. Но иногда она сильно вздрагивала и на пару секунд затихала, а когда снова начинала говорить, это уже была Анна – гораздо мягче той и как будто немного растерянная.

Сперва Селедка думал, что Анна – результат короткого замыкания у Сталкера в мозгу, но со временем понял, что все не так просто. Анна помнила много разного, что случилось давным-давно, и любила говорить о чужих краях и людях, о которых Селедка и не слыхал даже. Часто в ее рассказах не было смысла – просто перечисление разрозненных имен и

образов, словно кусочки рассыпанной головоломки. Иногда она просто тихо всхлипывала, а то просила Селедку ее убить. Как это сделать, он не знал, а если бы и знал – ни за что не стал бы: вдруг она в процессе превратится в Сталкера Фанг и его самого убьет? Но Анна ему нравилась. Он был рад, что сегодня она – Анна.

Он отыскал ее ноги, сложенные в углу и прикрытые старыми газетами. Селедка давно уже их восстановил и был доволен результатом своих трудов, хотя у правой не хватало нижней части и вместо нее он приделал металлическую ножку от стола. До сих пор не получалось прикрепить ноги к туловищу – не было подходящей соединительной муфты, а сегодня Селедке наконец повезло. Спасибо перемирию на востоке: в Каир со всех сторон слетались торговцы с территорий, где раньше шла война, – из земель «Тракционштадтсгезельшафта» и с Алтай-Шаня. Вот уж где-где, а на Алтай-Шане хватало деталей от поломанных Сталкеров.

Селедка напился воды и принялся за работу.

Сказал:

– Скоро мы отсюда уберемся.

– Ты нашел дирижабль? – прошептала Анна.

Она казалась взволнованной. Одно у них со Сталкером Фанг было общее – обе вечно пилили Селедку, чтобы скорее заканчивал ремонт и отвез их в какое-то место под названием Шань-Го. Сталкера Фанг там ждало важное дело. Анна просто хотела вернуться домой.

– Когда-то у меня был свой дирижабль, – прошептала она. – «Дженни Ганивер». Я ее сама построила, тайно, в Архангельске. Воровала запчасти на разделочной верфи Стилтона. Так и сбежала…

– Не дирижабль. – Селедке уже надоела эта история. – Как, по-твоему, я сопру дирижабль? Воздушный порт на три яруса выше! Опасно.

– Мы же не можем идти пешком в Шань-Го. Слишком долго получится.

Селедка приставил одну ногу к туловищу и начал сосредоточенно подсоединять проводки и гибкие трубки.

– Пешком не придется. Я сегодня слышал новости в Нижнем Сууке. Угадай, куда направляется Каир? К Брайтону! Встанем на стоянку у самого берега и будем торговать с Брайтоном. Переправляться на лодках там всяких. Наверное, в Брайтоне и пиявки есть. На пиявке запросто доберемся до Шань-Го.

– Глаза, – прошептала Сталкер, поворачивая к нему лицо с разбитыми линзами на месте глаз. – Чтобы попасть в Шань-Го, я должна видеть. Найди мне новые глаза!

Ее голос изменился. По-прежнему шепот, но резче и словно бы шипящий. Селедка понял, что с ним говорит Сталкер Фанг. Но он не растерялся.

– Прости, глаз нету. Сколько ни ищу, нигде найти не могу. Может, в Брайтоне, а?

Хотя предчувствие подсказывало, что и в Брайтоне не найдет. На самом деле он видел в Нижнем Сууке несколько ларьков, где продавали глаза для Сталкеров: на прилавках стояли большие стеклянные банки, полные глаз, будто круглых леденцов. Селедка с самого начала решил, что не станет их воровать. Он же не дурак. Понятное дело, Сталкер Фанг сильнее его, быстрее и умнее. Но пока она слепа, ей не обойтись без малыша Селедки.

– Может, в Брайтоне, – повторил он и начал приделывать вторую ногу.

Глава 6
Радужный шелк

Всю ночь «Нзиму» летел на северо-северо-запад и к рассвету уже плыл в спокойном воздухе над необозримой пустыней. Тео, после того как на пределе сил вел дирижабль над горами к северу от Загвы, быстро заскучал. Полет проходил гладко. Госпожа посол по большей части сидела у себя в каюте, в верхней части баллона. Хорошенькая служанка то и дело спускалась по трапу, шурша радужным шелком, полюбоваться видом из иллюминаторов гондолы. Пару раз Тео, обернувшись, перехватывал устремленный на него взгляд. Она быстро отводила глаза, внезапно увлеченная проводами над главным пультом управления или качающимися стрелками альтиметра.

Что-то в ней чудилось знакомое, и мысли об этом преследовали Тео все долгие часы безделья. Может, она ему напоминает Рен? Да нет, она намного красивее Рен…

Капитан Распутра оказался дружелюбным, вежливым, знающим и абсолютно уверенным, что отлично доставил бы леди Нагу в Тяньцзин без помощи какого-то там Тео Нгони.

– Слушай, друг, – сказал он вечером, придя сменить Тео. – Давай проясним сразу. Я – авиатор с двенадцатилетним стажем, из собственной эскадрильи генерала Наги. А ты кто? Дилетант. Неудавшийся пилот бомбы-стакана. Ты не обижайся, но тебя взяли командовать этой лоханкой только для виду, лишь бы противник поверил, что это местное торговое судно. А на практике, пока мы в небе, давай уж я буду заниматься всеми делами, ладно?

Перед тем как лечь спать, Тео забрался на верхушку баллона и долго стоял на ветру на крохотной обзорной площадке, высматривая опасности, но так ничего и не увидел. Только несколько пустынных городков двигались в разных направлениях, волоча за собой длинные шлейфы пыли, слишком занятые своими заботами, чтобы обращать внимание на посторонний дирижабль. И в небе тоже было пусто, если не считать далекого воздушного поезда, который шел на юг, сверкая на солнце, словно янтарное ожерелье.

Тео вздохнул. Ему почти хотелось, чтобы на них напали пираты или наемные убийцы и он смог бы доказать свою нужность леди Наге и капитану Распутре. Он представлял себе, как снова совершает героический

подвиг (благополучно забывая, какого страху натерпелся на борту супермоскита). Слухи о нем пойдут по птичьим дорогам и в конце концов дойдут до Рен. Правда, когда он попробовал вообразить Рен, вместо нее увидел мысленно лицо хорошенькой прислужницы Рохини.

Леди Нага, она же Энона Зеро, у себя в каюте опустилась на колени, склонила голову, сложила вместе запятнанные реактивами ладони и начала молиться. Она не ждала, что Бог ответит, – по ее мнению, мир устроен иначе. Но Его присутствие она ощущала очень отчетливо с той давней ночи на Облаке-9, когда была совершенно уверена, что сейчас умрет. Бог дал ей силы, утешение и мужество. Самое меньшее, что она могла предложить в ответ, – это молитва.

И потому она шептала благодарственную молитву за гостеприимство Загвы, за доброту королевы, епископа и маршала Кхоры. Благодарила за отвагу Тео Нгони и просила, чтобы с ним не случилось ничего плохого в этом их тайном путешествии, похожем на бегство. Тут ее отвлекла неожиданная мысль. Жаль, что ее муж не так молод и хорош собой, как Тео…

Она открыла глаза и посмотрела на портрет Наги, который держала возле своей койки: искалеченное тело затянуто в механический доспех, обветренное лицо цвета охры скривилось в неумелой улыбке. Каждый раз, глядя на этот портрет, она думала: за что этот человек ее полюбил?

Она его не любила. Была благодарна за защиту и радовалась, что Зеленую Грозу возглавил порядочный человек. Потому и не смогла ответить «нет», когда он попросил ее выйти за него замуж. «Конечно», – сказала она и с этой минуты пребывала в состоянии глухого изумления, пока не оказалась в красном свадебном наряде и, привстав на цыпочки, не поцеловала своего – теперь уже – мужа в присутствии огромного множества офицеров, жрецов, подружек невесты и нервничающего христианского священника; его за большие деньги привезли на дирижабле из какого-то стационарного поселения на островах Западного Архипелага – одарить новобрачных благословением нового бога Эноны…

От воспоминаний ее отвлек тихий стук в дверь. В каюту вошла Рохини, как всегда молчаливая и застенчивая. Энона села за складной туалетный столик и распустила волосы, чтобы служанка могла их расчесать. При свете лампы кончики волос поблескивали каштановыми бликами – напоминание о том, что ее предки, вероятно, были американцами и бежали на далекие Алеутские острова после Шестидесятиминутной войны. Лишняя причина радикалам Зеленой Грозы

ненавидеть жену генерала…

Она постаралась не думать о них, наслаждаясь легкими прикосновениями Рохини и тихим, дремотным шуршанием щетки для волос. Рохини была намного спокойнее и милее других прислужниц – те словно бы обижались, когда Энона обращалась к ним как к равным. Одна только Рохини, кажется, искренне к ней привязалась и ценила доброту леди Наги.

Поэтому еще ужасней было, когда Рохини внезапно бросила щетку на пол, затянула на горле Эноны поясок от своего радужного наряда и прошипела – а раньше Энона не слыхала ее голоса:

– Мы знаем, что ты сделала, горожайка несчастная! Ты уничтожила нашу любимую предводительницу и соблазнила этого дурака Нагу! Теперь ты узнаешь, как поступают с предателями истинные приверженцы Зеленой Грозы…

Тео что-то разбудило, а снова заснуть он не смог. В каюте холодно, койка неудобная, он страшно соскучился по дому. Тео включил лампу и посмотрел на циферблат. Еще несколько часов до того, как нужно будет сменить Распутру. Он со стоном выключил свет и свернулся под колючим одеялом, напрасно стараясь еще поспать.

Но чем дальше, тем больше ему казалось, что дирижабль поменял курс. Ветер как-то иначе шумел вокруг баллона. Тео научился обращать внимание на такие мелочи, когда служил на бомбоносцах корпуса «стаканов», – там любое внезапное изменение маршрута могло означать, что их отправят в бой. «Нзиму» предстояло менять курс только на подлете к горам Тибести, а Тео было уверен, что они не покажутся до восхода.

Что происходит? Ему представилась целая стая варварских летательных аппаратов, приближающаяся с наветренной стороны, или пиратский катер, выскочивший снизу, из какого-нибудь укрытия среди барханов. И конечно, Распутра решил, что сумеет от них уйти, и даже не счел нужным сообщить Тео! Он скатился с койки и натянул сапоги и куртку – единственное, что снял, когда ложился спать.

Спускаясь по центральному трапу, он заметил внизу Рохини – она направлялась к каюте леди Наги. Тео хотел уже ее окликнуть, спросить, что случилось, но вспомнил, что она его не услышит. Да и не хотел понапрасну ее пугать, – может, изменение курса вызвано совсем безобидной причиной. Сперва надо поговорить с Распутрой.

Тео подождал, пока Рохини скроется из виду, и, лихо соскользнув с оставшихся перекладин трапа, спрыгнул в гондолу.

– Что происходит? – спросил Тео.

Но капитан Распутра не мог ему ответить. Капитану кто-то перерезал глотку, да так умело, что умер он практически мгновенно: симпатичное лицо мертвеца отражало всего лишь легкое удивление.

– Капитан Распутра? – спросил Тео.

И вздрогнул, заметив краем глаза движение совсем рядом, – но это было его собственное отражение в окне, с глупо вытаращенными глазами. Тео уставился на самого себя. Кто это сделал? Неужели на борту посторонний? Убийца забрался на корабль, как сам Тео – на те супермоскиты над Загвой? Нет; запах крови, ужас оттого, что находится наедине с трупом в окружении стеклянных стен, живо напомнили события на Облаке-9. И теперь он понял, почему Рохини казалась такой знакомой.

Тео сдернул с крюка топорик, который висел на стене на случай пожара, и заставил себя снова подняться по трапу. Подбегая к каюте леди Наги, он услышал, как внутри кто-то что-то сказал о предателях. Послышался шум борьбы, какие-то предметы падали и катились по полу. Тео заорал, чтобы придать себе храбрости, и с размаху обрушил топор на дверной замок. Замок вылетел с первого удара, и дверь каюты распахнулась.

Среди свалившихся с опрокинутой койки простыней и раскатившихся по полу блестящих пузырьков и флакончиков с туалетного столика стояла на коленях леди Нага, обеими руками цепляясь за пояс, которым Рохини ее душила. Торжествующее выражение на лице Рохини лишь чуть-чуть поблекло, когда она увидела стоящего на пороге Тео с топором.

– А постучаться нельзя было? – спросила она сердито.

– Синтия Туайт, – сказал Тео.

– Сюрпри-из! – ответила девушка с улыбкой.

Из горла леди Наги вырвался жуткий булькающий звук, словно остатки воды утекают из ванны в сливную трубу. Тео шагнул вперед и замахнулся топором, но у него бы духу не хватило ударить девушку, и он знал, что Синтия тоже это знает.

Вспомнив, какая она тщеславная, Тео сказал:

– Ты совсем по-другому выглядишь…

Это сработало. Синтия небрежным рывком затянула пояс потуже и отпустила, словно ей надоело душить леди Нагу. Жертва рухнула вниз лицом и осталась лежать неподвижно.

– Хорошо получилось, правда? – сказала Синтия, указывая на свои черные волосы – когда Тео видел ее в прошлый раз, они были белокурыми – и на свою смуглую кожу, которая раньше была бледной.

Синтия улыбалась, как будто Тео сделал ей весьма изысканный комплимент. Это была ее единственная слабость в роли секретного агента – Синтия была в таком восторге от собственной ловкости, что не могла устоять перед искушением рассказать своим жертвам в подробностях, как она их обхитрила.

Тео надеялся, что, если сумеет потянуть время, какое-нибудь доброе божество поможет ему придумать выход.

– Волосы и кожа – это легко, – говорила Синтия. – Труднее всего было с глазами. Я ношу такие специальные предметики олд-тека – называются «контрактные линзы».

Она поднесла указательный палец к глазу и моргнула, а когда отняла руку, глаз был, как раньше, васильково-синий и выглядел нелепо на смуглом лице.

– Не был бы ты таким рохлей, сейчас мог бы меня ударить, – сказала Рохини. – Но, я вижу, ты все такой же трус. Будет приятно тебя убить, Тео Нгони. Я потому и припасла тебя напоследок.

– Пожалуйста, – прохрипела леди Нага, корчась на палубе, словно утопающий. – Не трогай его…

Синтия поставила на нее ногу:

– Не лезь, мы тут разговариваем!

– Синтия! – крикнул Тео. – Зачем ты так?

Синтия шагнула к нему, глядя в лицо разноцветными глазами.

– Эта алеутская дрянь предала нашу предводительницу, чтобы Нага мог захватить власть. Думаешь, мы – те, кто по-настоящему любил Сталкера Фанг, – спустим ей это?

– Но почему здесь? – беспомощно спросил Тео. – Почему сейчас? Ты ей прислуживала… Могла ее убить еще в Тяньцзине… И Нагу тоже.

Синтия вздохнула, раздражаясь на такую наивность.

– Нагу мы убивать не собираемся. Кому это надо? Начнется гражданская война, и все еще больше отвлекутся от главной задачи: уничтожать городских. Мы только хотим, чтобы он отказался от перемирия. Если б ты не сунулся, когда я вызвала дирижабли, дело давно было бы сделано! Ну ничего, я терпеливая. Через несколько минут это ржавое ведро заполыхает. Выживет одна Рохини, она и расскажет Наге, как Загва нас выдала городским и городские сбили нас в пустыне. Тут и конец любым соглашениям между Нагой и вашей шоблой. А с городскими он вряд ли станет мирные переговоры вести, когда узнает, как они обошлись с его миленькой женушкой. Тут уже снова начнут палить пушки. А хозяйка нас наградит, когда вернется в Тяньцзин!

– Какая хозяйка? Фанг? Она мертва!

Синтия улыбнулась жуткой улыбкой:

– Она с самого начала была мертвая, африканец! Поэтому ее нельзя убить. Просто она ждет, когда мы остановим все эти изменнические разговоры о перемириях. Потом вернется и поведет нас к полной и окончательной победе!

– Ты ненормальная! – сказал Тео.

– Кто бы говорил! Тот, кто бегает и вышибает двери здоровенным топором, – хмыкнула Синтия и без предупреждения пнула Тео в живот.

Она вырвала у него из рук топор, а сам Тео вылетел в открытую дверь и с грохотом свалился на нижний уровень. Решетчатый мостик ударил его в лицо. Несколько секунд Тео лежал, чувствуя вкус крови во рту и прислушиваясь к шагам Синтии. Они раздавались на мостике наверху, потом ее тень мелькнула на боковой стенке баллона. Тео заполз в щель под какой-то трубой. Шаги смолкли.

– Тео? – крикнула сверху Синтия. – Ты не думай, я не потащусь тебя искать. Убить тебя было бы приятно, только мне не до игры в прятки. Да и разницы никакой. Под центральной газовой ячейкой установлена бомба. Она взорвется в полночь. Так что я сейчас возьму вашего дурацкого загванского воздушного змея и свалю отсюда. У меня скоро встреча с друзьями там, в пустыне. Пока-пока!

Вновь зазвучали шаги и понемногу затихли. Как догадался Тео, Синтия направлялась к аварийному выходу в боковой части баллона. У самого выхода в шкафчике хранились полдюжины воздушных змеев – повседневные модели, не такие яркие, на каком он летал в Загве. Тео ждал, прислушиваясь. Наконец услышал, как открылся люк: внутрь оболочки ворвался ветер, меняя все звуки. Тео торопливо вскарабкался по боковой опоре туда, где в оболочку баллона был вделан стекластиковый иллюминатор. Снаружи при свете звезд мелькнуло вдали черное нетопырье крыло на фоне серебристых барханов.

А что другие воздушные змеи? Зная Синтию, можно не сомневаться: она их, скорее всего, сломала. А вдруг не успела, потому что задержалась из-за Тео? Он бросил взгляд на часы и с облегчением увидел, что до полуночи еще восемь минут. Не обращая внимания на боль в груди и в боку, Тео начал карабкаться вверх по трапу. Даже если бы он не знал, где находится аварийный выход, легко бы его нашел – в открытый люк с воем задувал холодный ветер. Конечно, шкафчик был пуст; Синтия, убегая, вышвырнула запасных змеев наружу. Но Тео, высунув голову в люк, заметил, что один змей зацепился за трос. Тео без труда дотянулся до него

и втащил внутрь.

Тяжело дыша, он стал застегивать на себе ремни змея – и тут вспомнил про леди Нагу. Змей был большой, а она – миниатюрная; наверняка змей поднимет их обоих. Она хоть жива? Тео снова глянул на часы. До шкафчика он добирался не так долго, как казалось. Надо попробовать спасти леди Нагу. Он же обещал.

Оставив змея возле шкафчика, Тео ссыпался по крутому трапу к каюте. Леди Нага так и лежала, где была, но, услышав шаги, тихонько заскулила и попыталась отползти – она решила, что это возвращается Синтия.

– Все хорошо! – Тео встал на колени и перевернул леди Нагу.

– Рохини… – прохрипела та.

– Она ушла, – сказал Тео, помогая ей подняться. – Да она и не Рохини. Ее зовут Синтия Туайт, она была шпионкой на службе у Сталкера Фанг.

– Туайт?

Леди Нага нахмурилась и застонала, – видно, думать было больно.

– Нет, она была белая… Девочка-агент на Облаке-девять. Нага вез ее с собой на «Погребальном громе», но, когда мы прилетели в Шань-Го, она исчезла… Ох, Тео, мне срочно нужно домой! Иначе она или ее друзья скажут Наге, будто меня убили городские, и тогда мира не видать…

– Не разговаривайте! – сказал Тео, боясь, что она еще больше себе навредит, проталкивая слова через бедное, измученное горло. – Я вас отвезу домой, обещаю, только сначала нужно убраться с дирижабля. Тут бом… – Он глянул на часы и замолчал.

На часах по-прежнему было без восьми минут полночь.

«Я упал с лестницы, – подумал Тео. – Часы остановились…»

Он еще успел вспомнить, как папа часто говорил: «Не понимаю, зачем вы, молодежь, носите эти дурацкие наручные часы. Карманные намного солиднее и гораздо надежнее к тому же», – и тут громыхнул взрыв, и дирижабль разлетелся на куски.

Глава 7
Веселый Брайтон

С тех пор как Рен и Тео были здесь в прошлый раз, Брайтон переменился к худшему. Исчез летающий дворец Облако-9, а с ним – большая часть правящей элиты. Теперь Брайтоном правили Пропащие Мальчишки. В город они попали против своей воли, как пленники корпорации «Шкин», а в ночь нападения Зеленой Грозы сбежали из клеток и быстро освоились в Брайтоне, создав собственные мини-королевства среди чистеньких престижных улиц Куинз-парка и Монпелье, равно как и в темном лабиринте кривых переулков Лейнза. Набрали войска из нищих и взбунтовавшихся рабов, дрались между собой, а иногда заключали ненадежные союзы, которые могли распасться из-за пары краденых сапог или алчного взгляда на хорошенькую рабыню. Пропащие Мальчишки непредсказуемы – порочные и сентиментальные, жадные и щедрые, а многие попросту безумные. Их сторонники устраивали по ночам бои на замусоренных бульварах, горя жаждой мести за сорванную сделку или воображаемую обиду.

При всем при том Брайтон по-прежнему оставался приманкой для туристов. Гости высшего класса его больше не посещали (шикарные отели стояли в развалинах или становились крепостями Пропащих Мальчишек), и счастливые семейства не селились в гостиницах подешевле и не плескались в Морском бассейне, однако находились любители: состоятельные художники, обитающие на комфортабельных средних уровнях городов, нетронутых войной, и избалованные мажоры, которым хотелось испытать немного приключений, прежде чем всерьез заняться карьерой при щедрой поддержке своих родителей. Эти люди считали новый Брайтон волнующим злачным местом. Им щекотало нервы, что в клубах и барах они оказывались бок о бок с настоящими преступниками; они приходили в восторг, когда в ресторан, где они обедают, вваливался какой-нибудь Пропащий Мальчишка со своей свитой; в их глазах, если у набережных плещутся помои, целыми днями гремит несмолкающая музыка, а поутру за борт сбрасывают трупы, – все это значит, что Брайтон в чем-то более настоящий по сравнению с их родными городами. Кого-то из них успевали ограбить, всех безбожно обсчитывали и облапошивали, а иных находили в темных закоулках Кротовой Норы или Белой Касатки с вывернутыми карманами и перерезанным горлом – зато оставшиеся в

живых возвращались к себе в Милан, Перипатетиаполис или Сен-Жан-Ле-Катр-Милль-Шво[6] и много лет еще надоедали родным и знакомым рассказами о каникулах в Брайтоне.

Были такие и среди пассажиров баркаса, который отчалил от берега в том месте, где остановился Каир, но у большинства имелись куда более зловещие причины для поездки в Брайтон. То были наркоторговцы с партией гашиша или пыльцы, воры, торговцы оружием и еще какие-то сомнительные личности, которые прослышали, что в Брайтоне нынче можно купить вообще все, что угодно. А на носу, в фонтанах брызг, обрушивающихся через планшир всякий раз, как баркас переваливал через очередную волну, стоял Селедка, смотрел, как приближается город-курорт, и жалел, что не остался в безопасности на берегу.

Пока они сидели в потайной комнатке в Каире, легко было успокаивать Сталкера, обещая украсть пиявку, а теперь, когда впереди из воды поднимались ржавые борта Брайтона, Селедку одолевали сомнения. Он вспоминал, как другие Пропащие Мальчишки называли его предателем и четко объяснили, что хотят его убить разнообразными оригинальными способами. Ему тогда пришлось сигануть за борт и спасаться вплавь, рискуя утонуть в волнах прибоя. Он думал, что власти Брайтона давно переловили Пропащих Мальчишек, но из разговоров других пассажиров понял, что ошибался. Пропащие Мальчишки нынче сами – власти Брайтона.

Баркас обогнул гниющую брайтонскую корму, проплыл мимо замызганных гребных колес и полуразрушенных набережных, мимо района под названием Пляж Ультим[7], где у грязного железного причала был пришвартован длинный ряд пиявок. Совсем близко от Селедки девушка-туристка сказала своему приятелю:

– Фу, ужасные машины! Как будто огромные пауки!

– Подлодки Пропащих Мальчишек! – отозвался тот. – Можно заказать экскурсию на такой лодке, посмотреть на город снизу! И не только для экскурсий их используют. Пропащие Мальчишки в глубине души остались пиратами. Я слышал, некоторые мелкие городки исчезли без следа, после того как попались на пути Брайтона…

– Фу! – повторила девушка, но в голосе звучал восторг – ведь она побывает в городе, где обитают настоящие живые пираты.

Селедка не разделял ее энтузиазма. Он все сильнее подозревал, что зря сюда вернулся.

Их лодка вошла в канал, где неподвижно стояла грязная вода – между

основным корпусом города и районом-аутригером под названием Кемптаун. Над каналом нависали арки заброшенных прогулочных пирсов, роняя хлопья ржавчины, когда Брайтон покачивало на волнах. Матросы баркаса будили гулкое эхо, перекликаясь с докерами на причале через быстро сужающуюся полосу воды. Пахло солью и мазутом. Среди разного мусора на волнах качалась дохлая кошка. Баркас переключил моторы на задний ход. Пассажиры начали собирать вещи, охлопывая себя по карманам – проверяя, на месте ли бумажники и денежные пояса. Селедка же только поднял воротник и надвинул пониже засаленную кепку. Ему хотелось остаться на баркасе да так и вернуться в Каир.

Сталкер, молчаливо стоя рядом в длинной мантии с капюшоном, которую Селедка украл на базаре, словно почувствовала его страх. Стальные пальцы нежно сжали его руку, и у самого уха раздался шепот:

– Ничего не бойся. Я с тобой.

Сегодня это была Анна. Селедка крепко ухватился за ее руку, чувствуя себя самую чуточку храбрее. Он даже не особенно забеспокоился, когда порыв ветра сорвал у него с головы кепку и швырнул ее вверх – туда, где ярко светило солнце.

Двумя ярусами выше, в укрепленной гостинице на бульваре Оушен, Пропащий Мальчишка по имени Морской Еж резко обернулся, когда мимо окна пролетела подхваченная ветром кепка.

– Что это? – спросил Морской Еж.

Его друзья и телохранители схватились за оружие и ответили, что не знают. Одна рабыня сказала, что вроде бы это просто шапка.

– Просто шапка? – прошипел Морской Еж. – «Просто» ничего не бывает! Шапка что-то значит! Чья она? Откуда она взялась?

Телохранители, друзья и рабы устало переглянулись. Паранойя Морского Ежа крепчала с каждым днем. По ночам он дергался во сне и будил всю шайку криками о Гримсби и каком-то Дядюшке. Телохранители и друзья подумывали уже, что скоро придется скинуть его за борт и предложить свои услуги другому Пропащему Мальчишке, у кого нервы покрепче, – например, Крилю или Наживке.

Морской Еж, взметнув полы шелкового халата, бросился по драгоценным коврам в комнату, где он держал экраны. Все Пропащие Мальчишки шпионили друг за другом, для этого у них были экраны и краб-камы, которые ползали по всему городу. Жители уже привыкли, что в вентиляционных трубах постоянно скребутся металлические лапки или слышатся дребезжащие звуки, если два краб-кама встретятся и подерутся.

Иногда на рассвете под вентиляционными отверстиями находили кучку оторванных металлических ножек и разбитые линзы – следы ожесточенных ночных боев.

– Все на свете что-нибудь да значит! – наставительно сообщил Морской Еж своим прихлебателям.

Они столпились в дверях, наблюдая, как он щелкает переключателями экранов.

– Вы говорите – шапка, а я говорю – это знак! Может, это весть от Дядюшки!

В последнее время Морской Еж часто видел во сне Дядюшку. Дядюшка что-то ему нашептывал. Еж стал верить, что старик жив и скоро накажет Пропащих Мальчишек за то, что позволили захватить себя в плен жителям Брайтона.

Но, наведя краб-камеру на группу туристов, что высаживались на причал у Кемптаунской лестницы, он увидел не Дядюшку. Сперва даже не понял, кого это он видит, – просто почудилось что-то знакомое в облике мелкого мальчонки, ведущего за руку калеку в черном балахоне. И тут подала голос рабыня по имени Моника Уимс – она раньше работала в корпорации «Шкин», и память на лица у нее была получше, чем у Морского Ежа.

Она ткнула пальцем в экран:

– Смотрите, хозяин! Это малыш Селедка!

Малыш Селедка тащил за собой Сталкера по замусоренным тротуарам под колоннадой на самом краю города, мимо заколоченных досками кафе и разоренных развлекательных центров. Наконец они вышли на яркое солнце, отражающееся от металлических мостовых у Последнего пляжа. Нарисованная по трафарету надпись на белой стене гласила: «К пляжу», – и Селедка со Сталкером пошли по указателю, мимо заброшенных отелей и пустых бассейнов, мимо гигантских станин городских двигателей системы «Митчелл-энд-Никсон» и вниз, к пристани, где выстроились в ряд пиявки.

Пристань была обнесена оградой из железной сетки. На воротах висел замок, но для Сталкера замки и заборы ничего не значили. Висячий замок отлетел в сторону, Селедка распахнул ворота и побежал к пиявкам, ощущая необъяснимую ностальгию по прежней жизни в Гримсби. Бронированные рубки и суставчатые ноги, облепленные ракушками и чаячьим пометом, придавали пиявкам сходство с огромными доисторическими крабами. Селедка знал их наперечет – «Морской таракан», «Склизкий угорь-2», «Перепад температур» и «Прикольный организм», но для себя он выбрал

самую новую, самую маленькую и ладную пиявку, под названием «Паучок». Она стояла ближе других к воде, а прислоненная к передней ноге доска с объявлением приглашала на увлекательную прогулку под городским днищем, поэтому можно было надеяться, что пиявка уже заправлена горючим.

Селедка обернулся к Сталкеру, но оказалось, что та отстала. Бедненькая, куда ей угнаться за Селедкой, ковыляя на ножке от стола! Селедка пошел к ней, пересекая зигзаги теней между пиявками.

Крикнул:

– Анна! Иди сюда! Помоги люк открыть!

И тут раздался вой электромоторов. С улицы, тянувшейся под станинами двигателей, вылетели два «жука» и через открытые ворота выскочили на пристань. Оба мчались чересчур быстро и были до отказа набиты мужчинами и мальчишками. Все не поместились в кабинах, поэтому многие стояли на крыше или висели на подножке. Все они размахивали саблями, ракетницами и гарпунными ружьями. Селедка дернулся бежать, но путь к отступлению оставался всего один – через ворота, а их уже закрывали люди, соскочившие с «жуков». Селедка, скуля от страха, кинулся к морю, но сухопутники уже окружили его. Среди них Селедка увидел знакомого. Худой, высокий, дерганый мальчишка с рыжими волосами, а звали его…

– Морской Еж, – сказал Морской Еж. – Помнишь меня, Селедка? Я-то тебя помню!

В руках он держал ружье для подводной охоты.

– Ты доносчик, так? Это ты разболтал Шкину, где находится Гримсби? Ты не думай, я не забыл. И никто из наших не забыл. Вот покажу им, кого я поймал, – может, они меня зауважают. Может, Дядюшка меня пощадит, когда явится нас наказать. Может…

Внезапно за спиной Морского Ежа оказалась Селедкина боевая машина. Она ухватила Пропащего Мальчишку одной рукой за подбородок, другой – за волосы и резким движением крутанула ему голову. Треск переломившейся шеи разнесся по пристани, будто выстрел. Последнее, что Морской Еж увидел в жизни, было его собственное удивленное лицо, отраженное в бронзовой маске. Палец судорожным движением надавил на спусковой крючок направленного в небо ружья. Серебристый гарпун сверкнул в солнечных лучах над клубами пара от работающих вхолостую двигателей, высоко-высоко в чистом небе над городом.

У Селедки едва хватило соображения броситься плашмя рядом с бьющимся в конвульсиях телом, и тут же над головой засвистели пули,

громко щелкая по обшивке пиявок. Тем временем гарпун взлетал все выше, все медленнее и наконец словно завис в ослепительно-синем небе – серебряная искорка среди кружащих в вышине чаек. Сталкер выпустила когти. Гарпун начал падать, а Сталкер – убивать прихлебателей Морского Ежа, по очереди, одного за другим, находя их по запаху и по звуку выстрелов. Когда гарпун со звоном упал на металлическую палубу у дальнего края пристани, все члены шайки были мертвы.

Сталкер убрала когти, помогла Селедке встать и мягко спросила, не ранен ли он.

– Анна? – удивился Селедка. – Я думал, ты превратилась…

– Та, другая, по-моему, еще спит, – прошептала она и похлопала по своему балахону, который дымился в нескольких местах – там, где в нее попали из ракетницы.

– Я не думал, что ты можешь так… – промямлил Селедка, глядя на ее окровавленные руки и рукава.

Морской Еж у него под ногами перестал дергаться, затих. Селедка вспомнил – в Гримсби Еж относился к нему по-доброму.

– Я думал, так только *она* может…

Анна сказала:

– Мне раньше иногда приходилось убивать. Я забыла, а сейчас вспомнила. Я это хорошо умела. Когда выполняла задания Лиги. И еще в Стейнсе, когда спасала бедняжек Тома и Эстер…

– Ты знаешь Тома и Эстер?

Эти имена поразили Селедку даже больше, чем скоропостижная кончина Морского Ежа и его команды.

Но Сталкер уже взяла его за руку и быстрым шагом направилась к выбранной им пиявке. Она не потрудилась ответить на вопрос и, взламывая тяжелый люк, что-то шипела себе под нос о Шань-Го и ОДИНе. Добрая смертоносная Анна вновь скрылась в глубинах ее разума. Рядом с Селедкой была Сталкер Фанг.

Глава 8
Нейтральная полоса

Рен приснился Тео, но она не помнила, что́ он во сне говорил или делал, – подробности, секунду назад такие живые и яркие, забылись, как только она проснулась. Папа осторожно тряс ее за плечо и звал по имени.

– Ох! – пробормотала она. – Что случилось?

Она лежала у себя на койке, на борту «Дженни Ганивер», укутанная в шкуры и одеяла, – на птичьих дорогах даже весной было холодно. За иллюминатором – темнота. Рен села, протирая глаза.

– Что случилось? – повторила уже разборчивее. – Тебе плохо?

– Нет-нет, – ответил Том. – Прости, что рано разбудил. Тут прямо по курсу такое зрелище – будешь жалеть, если проспишь.

Папа твердо верил, что бывают на свете такие зрелища, невероятно красивые, или величественные, или поучительные, что Рен никогда его не простит, если он позволит ей их проспать. Он часто вспоминал, как впервые увидел Батмунх-Гомпу и горную цепь Тангейзера. Пока летели на восток, он часто вытаскивал Рен из койки ни свет ни заря, чтобы полюбоваться восходом или приближающимся особо живописным городом. Рен, вопреки его ожиданиям, не всегда была за это благодарна – ей, как всякому подростку, требовался полноценный сон.

Но на этот раз, когда Рен, что-то сердито бурча себе под нос, вышла на полетную палубу и увидела картину, открывающуюся за лобовыми окнами «Дженни», она его мгновенно простила.

Дирижабль шел на небольшой высоте, а внизу расстилалась все та же однообразная, исчерченная шрамами-колеями равнина, над которой они летели уже много дней. К югу, над Ржавыми болотами и Хазакским морем, висел белесый клок тумана, но Том разбудил Рен не ради этого. Впереди, словно горы, окутанные клубами собственного дыма, высились движущиеся города – Рен в жизни своей не видела такого их скопища. Освещенные окна и топки двигателей сверкали в сумерках драгоценными каменьями. Средние и мелкие города, которые когда-то поразили Рен своими размерами, сновали туда-сюда и казались карликами на фоне огромных бронированных зиккуратов ближе к восточному краю скопления. На палубах-основаниях не меньше мили в поперечнике громоздилось по пятнадцать уровней фабрик и жилых домов, и все это было одето в броню, наподобие средневекового рыцаря, и щетинилось пушками и причальными

стойками боевых дирижаблей. «Дженни Ганивер» добралась до восточной границы территорий, где правили принципы муниципального дарвинизма, и сейчас приближалась к одной из колоссальных городских стоянок «Тракционштадтсгезельшафта».

Четырнадцать лет назад, когда Рен училась ползать и, пугая своих родителей, тащила в рот камешки, жуков и мелкие безделушки, Зеленая Гроза вырвалась из горных крепостей Шань-Го, неся войну и разруху по всей территории Великих Охотничьих Угодий. Воздушный флот и армия Сталкеров рвались на запад, гоня перед собой перепуганные движущиеся города. Тех, кто оказывался недостаточно проворен, безжалостно уничтожали. Арминиус Краузе, бургомистр Тракционштадт-Веймара, отправил посольства в одиннадцать других немецкоговорящих городов с предложением объединиться и дать отпор Зеленой Грозе, пока все до единого движущиеся города и поселки не сбросили в море, загнав на самую западную окраину Охотничьих Угодий.

Так возник «Тракционштадтсгезельшафт». К двенадцати крупнейшим городам вскоре присоединились другие. Они дали клятву не есть движущиеся города, пока не уничтожат Зеленую Грозу. Вместо этого они будут питаться дирижаблями моховиков, их крепостями и оседлыми поселениями до тех пор, пока мир не станет снова безопасным для муниципального дарвинизма, – а это, как известно всякому цивилизованному человеку, самый естественный, разумный и справедливый образ жизни, лучшего пока еще не придумали.

Они развернулись лицом к врагу, сражались отчаянно и заставили-таки изумленную Грозу прекратить наступление. Сложилась патовая ситуация. Широкая извилистая полоса ничейной земли протянулась через Охотничьи Угодья, от Ржавых болот до Ледяных Пустошей, разделив два мира. К востоку от нее Зеленая Гроза создавала все новые стационарные поселения и раздавала фермерам отравленную и перепаханную городами землю. К западу жизнь продолжалась почти как раньше – крупные города пожирали мелкие, а мелкие охотились за поселками; единственное отличие заключалось в том, что теперь каждый мэр отправлял долю добычи на прокорм городов «Гезельшафта».

Год за годом шли ожесточенные бои. То одна, то другая сторона пыталась прорвать линию фронта. Полоса выжженной земли и безлюдных болот ценой бесчисленных жизней переходила из рук в руки, и каждый раз, когда стихал грохот сражений, оказывалось, что ничего, в сущности, не изменилось и нейтральная полоса, подобно мертвой реке, все так же

тянется поперек всего континента.

Потом наступило перемирие, и пока что обе стороны его соблюдали. Западные торговые города и промышленные платформы, кто похрабрее, двинулись к нейтральной полосе, посмотреть на нее своими глазами, и возле каждого скопления городов «Гезельшафта» сама собой возникала ярмарка. К такой вот ярмарке и приближалась «Дженни Ганивер». Том снизил высоту, чтобы поднырнуть под плотную серую шапку городского дыма. Рен рассматривала верхние ярусы больших городов и мелкие городишки, шныряющие по узким полоскам земли между глубокими траншеями от гусениц городов покрупнее. Среди них попадались и крохотные деревушки-кладоискатели, и скоростные боевые пригороды – Том сказал, их называют жнецами. В небе кишели дирижабли, воздушные шары-такси и громоздкие воздушные поезда. Эскадрилья уродливых летательных аппаратов с ревом хамски промчалась перед самым носом «Дженни».

– Небесные свиньи! – буркнул Том и долго еще ворчал о заумных подражаниях Древним и авиаторах, которые не уважают обычаев птичьих дорог.

А Рен была в восторге. Машущие крыльями и выписывающие мертвые петли машины напомнили ей Летучих Хорьков – отважных авиаторов, которых она видела в действии над Облаком-9.

За окнами проплыл боевой город под названием Мурнау[8] – колоссальный бронированный клин, весь в дырах бойниц. Его ярусы имели форму длинных треугольников, сужающихся к носу, – а там из-под городских челюстей выпирал мощный таран. Город был таким большим и грозным, что дух захватывало. Вдали виднелись еще пять или шесть таких же городов. Они выстроились в ряд вдоль западной кромки Ржавых болот. Некоторые казались даже еще больше Мурнау.

Город, куда направлялась «Дженни», был совсем не таким воинственным. В нескольких милях от Мурнау в небе завис небольшой пончик – палуба в форме кольца, застроенная домиками из легких материалов, с бахромой причальных стоек по краю. В воздухе ее поддерживало разноцветное сборище воздушных шаров, словно доброжелательная тучка. За недолгое время, что Рен провела на птичьих дорогах, она часто бывала на этом пончике, в холодных северных небесах и в удушливо-липких южных. Увидеть его здесь, над скоплением бронированных чудищ, – как будто домой вернуться.

Воздушная Гавань!

Длиннолицый служащий портового управления на вопрос об

«Археоптериксе» посмотрел задумчиво и, шаркая, побрел рыться в шкафчиках с документами. Через несколько минут он вернулся с пыльной конторской книгой – в ней, сказал он, содержатся данные обо всех дирижаблях, причаливающих к вольной летающей гавани.

– Крюис Морчард, владелица и капитан, – сообщил он, подслеповато щурясь сквозь пенсне на нечеткую фотографию авиатрисы, пришпиленную скрепкой к странице. – А, да-да, помню! Красивая женщина. Скупает предметы олд-тека.

– А какие именно? – спросил Том.

– Судя по таможенным записям, в основном разные магнитные диковинки. Безвредные устройства времен Электрической империи. Правда, она еще закупает аптечные товары, а иногда – скот. Совсем еще девчонкой зарегистрировала у нас дирижабль. Восемнадцать лет назад!

– На следующий год после гибели Лондона. – Том открепил фотографию и повертел в руках.

На давнем снимке была изображена молодая девушка. Кудри темным облаком окружали лицо.

– Это Клития Поттс! – прошептал Том.

– А, сэр?

Служащий был глуховат. Он приставил к уху ладонь, а другой рукой выхватил у Тома фотографию.

– Что вы сказали?

– Я думаю, ее настоящая фамилия – Поттс.

– Да какая бы ни была, сэр! Должно быть, небесные боги ее любят. Мало кто способен продержаться восемнадцать лет в воздушной торговле.

Словно в подтверждение своих слов он повернул конторскую книгу к Тому и Рен. В длинном списке дирижаблей многие названия были зачеркнуты красным, с аккуратными приписками: «пропал без вести», «разбился» или «взорвался у причала».

Портовый служащий полагал, что мисс Морчард купила свой дирижабль в движущемся городе Хельсинки, а когда Том сунул под обложку конторской книги золотой соверен, служащий внезапно вспомнил, что дирижабль был приобретен на верфи Унтанка. Но откуда явилась мисс Морчард, где взяла деньги на покупку дирижабля и чем сейчас занимается – он понятия не имел. К сожалению, старый мистер Унтанк и вся его документация погибли десять лет назад, когда кто-то из его подмастерьев закурил сигару на борту дирижабля системы Косгроув-Клаудберри, где, как оказалось, протекал баллон с газом («Следы пожара до сих пор видны на краю воздушного порта Хельсинки», – сообщил

конторщик, явно рассчитывая получить за эту ценную информацию еще один соверен, но не получил).

Когда они вышли из тесной конторы портового управления, Главная улица уже начала оживать. Владельцы мелких лавчонок поднимали ставни и раскладывали на прилавках товары – овощи, фрукты, цветы, сыры и всевозможные ткани в рулонах. Глядя на них, Том вспомнил, как ходил здесь с Анной золотистым вечером двадцать лет назад. Тогда он впервые оказался в Воздушной Гавани. И Эстер шла рядом с ним, прикрывая ладонью лицо от взглядов прохожих…

– О боги! – ахнула Рен, выйдя вслед за ним из портового управления и тыча пальцем в кого-то на причале. – Смотри, кто там стоит!

Не успев еще вынырнуть из воспоминаний, Том на мгновение подумал, что это Эстер прилетела за ними, и ощутил непонятное разочарование, когда увидел стройную авиатрису в розовом кожаном летном комбинезоне.

Рен взволнованно подпрыгивала, выкрикивая:

– Мисс Дубблин! Мисс Дубблин!

Авиатриса, увлеченная разговором с кем-то из своих, удивленно оглянулась и легкими шагами направилась к ним, выяснить, кто это с таким энтузиазмом ее приветствует.

– Это Орла Дубблин, – объяснила Рен отцу. – Она раньше работала в Брайтоне.

Авиатриса подошла, недоуменно хмурясь, но тут же настороженное выражение сменила улыбка узнавания. Хоть Рен и Орла не были близко знакомы, каждая радовалась, что другая выбралась невредимой из передряги на Облаке-9.

– Рен, правильно? – спросила мисс Дубблин, взяв Рен за обе руки. – Девочка-рабыня из Шатра? Я думала, тебя убили или взяли в плен. Как хорошо, что ты жива-здорова! А этот прекрасный джентльмен, наверное, твой муж?

– Отец, – ответил Том, отчаянно покраснев. – Я ее отец.

– А я-то думала, Рен из тех, Пропащих Девчонок! – изумилась мисс Дубблин. – Бедненькая несчастненькая сиротка из далеких западных морей, ни мамы, ни папы…

– Мамы нет, зато папа есть, – сказала Рен. – Долго рассказывать. Мисс Дубблин, я тоже рада, что вы живы! Думала, вас сбили…

– Ночка была та еще, конечно. – Авиатриса покачала головой, вспоминая, какая драка кипела в небе вокруг Облака-9. – Но чтобы сбить моего «Комбата Вомбата», нужно что-то покруче десятка птичек-Сталкеров

и паршивых Лисиц-оборотней! Я заново собрала Летучих Хорьков. Мы работаем на Эдлая Брауна, лорд-мэра Манчестера. Он ведет город к линии раздела, а нас выслал вперед в качестве авангарда.

Рен кивнула. Они обогнали Манчестер неделю назад; огромный закопченный город тяжело катился на юго-восток, ощетинившись кранами, – верхние ярусы прямо на ходу обшивали новенькими блестящими листами противоракетной брони.

– А вы здесь зачем? – спросила Орла Дубблин.

Она вопросительно смотрела на Тома, а Том промолчал. Он думал, уж не ее ли летательные аппараты подрезали «Дженни Ганивер» на подлете к Воздушной Гавани. Вероятно, стоило бы на них пожаловаться, но мисс Дубблин была такая красавица, что у него духу не хватило.

Рен ответила вместо отца:

– Мы ищем папину знакомую, она себя называет Крюис Морчард. Вы ее, наверное, не знаете?

– Та, которая археолог? – Орла Дубблин кивнула. – Я ее видела однажды в Шатре, в Брайтоне. Она покупала у Пеннирояла что-то из олд-тека. Говорили, у них даже был роман… Хотя, если слушать сплетни, так Пеннироял со всеми девушками водил шашни. Даже со мной!

– А я думала, вы с профессором… – Рен запнулась.

– Да ну, только в воображении его жены и на светских страницах «Брайтонского палимпсеста»! – Орла засмеялась. – Я просто чуть-чуть флиртовала со старичком, чтобы он исправно продлевал контракт с Хорьками. Правда, когда я узнала, какой подвиг он совершил той ночью, прямо-таки пожалела, что у нас на самом деле ничего не было. Кто бы подумал, что такой старикан способен перехитрить Сталкера Фанг!

Рен расхохоталась:

– Так вот что люди говорят? Что это *он* сделал?

– А ты разве не слышала? – воскликнула Орла таким тоном, как будто Рен не знала, что Земля круглая или что летные комбинезоны с воротником-стойкой недавно вышли из моды. – У нас на передовой целый сезон только и обсуждали, какой профессор Пеннироял герой. Его из-за этого на все званые обеды приглашали, по всему «Гезельшафту».

– Так он здесь? – ахнул Том.

– Конкретно сейчас – на борту Мурнау, – подтвердила авиатриса. – Слушайте, вам надо у него спросить про вашу знакомую! Эту Крюис Морчард! Наверняка ему все о ней известно. Насколько я его знаю, он сейчас завтракает у «Муна», на втором ярусе Мурнау.

– Ой, пап, да-да-да! – обрадовалась Рен. – Пошли найдем его и

спросим!

Том прижал руку к груди – там, где ее пробила пуля Пеннирояла. Он не хотел завтракать с человеком, который его ранил и чуть не убил. С другой стороны, на борту Ком-Омбо Пеннироял вел себя вполне прилично. Вслед за этим воспоминанием пришло и другое: Пеннироял как-то рассказывал Тому о своей знакомой авиатрисе, которая отважилась побывать на развалинах Лондона. Как же ее звали? Не Крюис Морчард?

– Я сама вас к нему отведу! – сказала Орла Дубблин.

На том и порешили. Она повела их к центру Воздушной Гавани, где такси на воздушных шарах дожидались пассажиров, направляющихся вниз, в наземные города.

Пока такси снижалось к Мурнау, Рен болтала без умолку о героических деяниях Летучих Хорьков, чьи крошечные, словно мошки, летающие аппараты отчаянно бросались в атаку на гигантские воздушные истребители над Брайтоном. Том не слышал ни слова. Был слишком занят мыслями о загадке Клитии Поттс. Где порт приписки ее дирижабля? Зачем она скупает олд-тек и лекарственные средства? Да еще и скот?

Ответ пришел ему в голову недавно, когда Том лежал без сна, в который раз вспоминая ту встречу в Перипатетиаполисе. И сейчас, когда он обдумывал то, что узнал в портовом управлении, та же мысль мелькнула вновь. Дикая, неправдоподобная мысль. Том не решался ей поверить. Боялся – вдруг это говорит его собственная ностальгия по Лондону, а не холодный взвешенный анализ фактов. Нужно сперва узнать, что скажет профессор Пеннироял, решил Том. Возможно, Пеннироял вспомнит что-нибудь такое об «Археоптериксе» и его владелице, что подтвердит или опровергнет теорию Тома.

Теперь он с нетерпением ждал встречи со своим убийцей.

Глава 9
Завтрак у «Муна»

Воздушный шар-такси приземлился на площадку возле бронированной дверцы в наружном корпусе Мурнау. Здесь их встретили стражники и множество вопросов. Стражники были вежливые, но не спешили пропускать на Второй ярус подозрительных личностей вроде Тома и Рен даже после того, как Орла Дубблин за них поручилась и предъявила именную саблю – награду за то, что сбила три истребителя Зеленой Грозы в битве над Бенгальским заливом.

Наконец она вышла из себя и рявкнула:

– Они давние друзья профессора Нимрода Пеннирояла!

Этого оказалось достаточно. Стражники из просто вежливых стали прямо-таки приветливыми. Один позвонил командиру, и через минуту Том, Рен и мисс Дубблин уже входили в лифт, направляющийся на верхние ярусы.

Во время перемирия в Мурнау завели обычай днем открывать амбразуры в броне, впуская солнечный свет. И даже так на Втором ярусе было полутемно. Тому и Рен то и дело попадались пустыри в тех местах, где целые улицы были разрушены ракетами и пилотируемыми бомбами. В уцелевших домах оконные стекла были заклеены крест-накрест полосками бумаги – это делало их похожими на изображения пьяниц в комиксах. Стены были сплошь покрыты плакатами и сделанными по трафарету надписями, и даже без знания новонемецкого нетрудно было понять, что все они призывают молодежь вступать в ряды Абвертруппе[9] – вооруженных сил Мурнау. Судя по всему, большинство молодых людей откликнулись на этот призыв: они были одеты в красивые темно-синие мундиры. А те немногие, кто в штатском, были без руки, или без ноги, или без половины лица, или в кресле на колесиках, и у всех медали, доказывающие, что они свой долг борьбе с Грозой отдали как полагается. Много было и девушек в военной форме, хоть и не такой роскошной, как у мужчин.

Орла Дубблин сказала:

– Женщинам в Мурнау не разрешают воевать, бедненьким. Они работают на фабриках и в районе двигателей, а к орудиям допускаются только мужчины.

Они пересекли площадь под названием Вальтер-Мёрс-Плац[10] и подошли к высокому, узкому зданию кафе «У Муна». Амбразура с открытым щитком на соседней улице впускала яркий солнечный свет, но он уже не мог оживить сухую бурую траву и деревья в скверике посредине площади, зачахшие за долгие годы в тени. Между голыми ветками Рен разглядела фонтаны без воды и ржавеющую без дела сцену для оркестра. Она еще ни разу не видела такого печального города.

Но как только Рен вслед за Орлой перешагнула порог «У Муна», словно попала в совсем другой город. Обшарпанная разнокалиберная мебель смотрелась произведением искусства, а на стенах висели картины, гравюры и фотографии веселящихся людей. Обстановка в кафе напоминала Брайтон, причем сходство было неслучайным. В Мурнау выросло целое поколение молодых людей, не знавших в жизни ничего, кроме войны и долга. Они слыхали, что в других городах жители наслаждаются свободой, и хотели сами тоже ее испытать. За этим они приходили к «Муну» – художники, поэты, писатели и те из Абвертруппе, кто мечтал стать художником, поэтом или писателем. Они изо всех сил старались быть романтичными и богемными.

Конечно, получалось не очень. Слишком деревянными выглядели их позы, когда они небрежно раскидывались в потертых кожаных креслах. Слишком хорошо отглажена была мешковатая одежда, а художественно нестриженые волосы – всегда аккуратно причесаны. И они откровенно побаивались тех немногих настоящих художников, что здесь появлялись, – таких, как живописец Шкода Гайст. Поэтому Нимрода Пеннирояла они встретили с восторгом. Этот человек разбогател на крайне романтических приключениях и книжках, которые написал об этом, да еще какое-то время был мэром Брайтона – самого высокохудожественного города на свете. Но в отличие от Гайста он не насмехался над ними, не высмеивал их картины и стихи – напротив, охотно хвалил их произведения, позволяя платить за еду и выпивку.

Том и Рен застали его посреди чудовищных размеров завтрака. В буквальном смысле «посреди» – профессор сидел на диване, и его со всех сторон окружали столики, нагруженные булочками, ветчиной, фруктами, круассанами, вафлями из водорослей, гренками, кеджери[11], омлетами, джемом и сыром. Над серебряным кофейником клубился пар, озаренный лучами солнца из заклеенных крест-накрест окон, а на других диванах и даже, наплевав на условности, прямо на полу расположилась художественная молодежь Мурнау и слушала, как профессор рассказывает

о книге, над которой сейчас работает.

– …Я как раз дошел до своего столкновения со Сталкером Фанг, – сообщил он, жуя моховой хлеб. – Довольно тяжелая сцена, признаюсь. Я ведь не скрываю, что испугался тогда. Я трепетал от страха, буквально трепетал! Понимаете, я не собирался с ней сражаться. У меня и в мыслях нет строить из себя героя. Нет, я наткнулся на нее случайно, когда метался по саду, ища спасения от Зеленой Грозы…

Слушатели вовсю кивали. Некоторые из них служили в бортовых фортах Мурнау и встречались со Сталкерами лицом к лицу, и практически все помнили жестокие бои четырнадцатого года, когда дирижабли Зеленой Грозы высадили десант Воскрешенных на верхние ярусы Мурнау. Всем хотелось послушать, как доблестный пожилой джентльмен сумел одолеть самую грозную из всех Сталкеров.

Но Пеннироял – редчайший случай – не находил слов. Челюсть у него отвисла, он отложил вилку, и слушатели один за другим начали оборачиваться, глядя на нежданных гостей в дверях.

– Профессор, к вам старые друзья! – С этими словами Орла Дубблин нашла себе местечко и уселась.

– Том! – воскликнул Пеннироял, вставая. – И Рен! Милое дитя!

Профессор шагнул им навстречу, раскрыв объятия. Он удивился, когда они появились так внезапно, но был искренне рад их видеть. Он чувствовал себя виноватым за то, что стрелял в Тома в Анкоридже, но полагал, что искупил тот неудачный инцидент, когда спас Рен от Пропащих Мальчишек, помог ей добраться до Ком-Омбо и потом великодушно позволил отцу и дочери оставить себе его дирижабль, «Арктическую качку». А после того как кошмарная жена Тома исчезла со сцены, Пеннироял от всей души готов был считать обоих Нэтсуорти своими друзьями.

– Дорогие мои! – Сияя, он по очереди заключил их в объятия. – Как я рад вас видеть! Я тут как раз рассказывал своим друзьям о наших приключениях на Облаке-девять. Об этом будет моя следующая книга. Весьма почтенное издательство на Мурнау, «Вердероб и Спур», выплатило весьма немаленький аванс за повесть о моем скромном участии в падении Сталкера Фанг и возвышении этого миролюбивого джентльмена, генерала Наги. Конечно, вы оба тоже действующие лица моей книги! В конце концов, разве не ты, Рен, моя верная бывшая рабыня, прилетела на «Арктической качке» на Облако-девять и спасла меня, когда уже не оставалось надежды?

– Разве? – спросила Рен. – Я по-другому помню…

– Она воплощенная скромность! – вскричал Пеннироял, оглядываясь

на своих юных друзей, и тут же зашептал, обращаясь к Рен: – Мне пришлось кое-где чуть-чуть подправить факты для большей занимательности.

Рен переглянулась с отцом, и они оба пожали плечами. Как, наверное, утомительно быть Пеннироялом – постоянно создавать собственное прошлое, без конца подправляя свои рассказы, чтобы они не противоречили друг другу. Он же небось живет в постоянном страхе, что в один прекрасный день шаткое здание рухнет.

Хотя, может быть, Пеннироял считает, что это стоит получаемой выгоды. Вид у него, безусловно, был преуспевающий. Наряд собственного изобретения придавал ему облик солидный и военизированный, при этом не будучи официальной военной формой: короткая небесно-голубая куртка-доломан и красный жилет (и то и другое щедро украшено шнурами и явно излишними пуговицами), лиловый кушак, фиолетовые бриджи с золотым шитьем и широкой ярко-алой полосой, сапоги с отворотами и золотыми кисточками. По сравнению с тем, что Рен видела в Брайтоне, этот костюм Пеннирояла казался образцом сдержанности и хорошего вкуса.

Профессор подвинулся, освобождая для Рен и Тома место на диване, и предложил им угощаться, а сам тем временем начал представлять своих друзей. Рен не привыкла знакомиться с таким количеством новых людей сразу. Она уловила, что человек в очках и штатской одежде, Сэмпфорд Спайни, работает в журнале под названием «Зерцало» специальным корреспондентом в Мурнау, пишет статью о Пеннирояле, а тихая девушка, тоже в очках, сжимающая в руках громадный фотоаппарат, – его фотограф, мисс Кропоткин. Остальные имена, лица и звания слились в одно размытое пятно. Единственный, кем Рен заинтересовалась всерьез, – высокий поджарый молодой человек, стоявший в одиночестве у печки, – оказался Пеннироялу незнаком, а жаль. Он был не так хорош собой, как большинство офицеров, и старая синяя шинель его была сильно поношена и испачкана в дороге, но что-то в нем так и притягивало взгляд. Рен то и дело посматривала на его насмешливое, настороженное лицо.

Пеннироял налил гостям кофе. Пошел светский разговор о перемирии, о погоде и о том, какой отменный аванс Пеннироял получил от издательства.

Затем профессор спросил Тома:

– Как поживает славная старушка «Арктическая качка»? И что привело вас с нею сюда?

– Она теперь снова зовется «Дженни Ганивер», – ответил Том. – А привели нас сюда поиски. Мы ищем одну даму.

– Вот как? – Пеннироял задумчиво прищурился, он считал себя большим специалистом по части прекрасного пола. – Я ее знаю?

– Я думаю, да, – сказал Том. – Ее имя – Крюис Морчард.

– Крюис! – воскликнул Пеннироял. – Клянусь Поскиттом, я ее прекрасно знаю! Всемогущие боги, лет двадцать уже, как мы знакомы!

Журналист Спайни тут же застрочил огрызком карандаша в блокноте.

– Она пару раз навещала меня на Облаке-девять, – продолжал Пеннироял. – До сих пор летает на своем «Археоптериксе» и сама все такая же загадка…

– Почему загадка, сэр? – спросил кто-то из слушателей.

– Да потому, что никто не знает, откуда она взялась, – ответил Пеннироял. – Рассказать, что мне о ней известно? Это необыкновенная история…

– Ах, профессор, пожалуйста, расскажите! – закричала Рен. – Только, если можно, правду, не надо подправлять факты ради увлекательности…

– Ах, пожалуйста! – подхватила половина гостей, а остальные отозвались: «Битте!»[12] – когда англичанскоговорящие друзья объяснили им, в чем дело.

– Хорошо, – согласился Пеннироял, но Рен видела, что просьба несколько выбила его из колеи.

– Возможно, точнее было бы сказать, что это *не совсем обыкновенная* история. Случалось мне слышать и более удивительные вещи. Но Крюис Морчард все же занимает прочное место у меня в памяти благодаря ее необычайному личному обаянию, а также обстоятельствам нашего знакомства.

– Это случилось в Хельсинки, лет девятнадцать назад, – сказал Пеннироял. – Город охотился на полустационарные поселки в окрестностях Алтай-Шаня. Я был в Брюхе, в гостях у Нутеллы Айсберг, очаровательной смотрительницы с пищеварительной верфи, когда на борт поднялась мисс Морчард с парочкой спутников – на вид совершеннейшие головорезы, но оба трогательно ей преданы. Они явились пешком прямо из тундры (городские челюсти как раз были открыты на техобслуживание) и обратились к старшине Брюха с просьбой об убежище… Шум поднялся, доложу я вам! Дело было спустя год после того, как Лондон взлетел на воздух. Зеленая Гроза уже начала зверствовать, и обстановка в городах восточной части Охотничьих Угодий была нервная. Скорее всего, жители Хельсинки вышибли бы мисс Морчард и ее друзей снова на Поверхность, опасаясь: вдруг они шпионы или диверсанты, но, к счастью, я как раз

проходил мимо, и я за нее поручился. Понимаете, меня растрогала ее красота. И молодость, конечно. Она тогда была ненамного старше Рен.

Все обернулись и уставились на Рен, а она покраснела.

– Я привел мисс Морчард на верхний ярус, – продолжил свой рассказ Пеннироял, – и даже предложил ей погостить в моих апартаментах в отеле «Уусимаа»[13], если для ее волосатых друзей найдется жилье. Но она сказала: «Сэр, я не нуждаюсь в благотворительности. У меня много денег, и я пришла в этот город затем, чтобы купить дирижабль. Если хотите мне помочь, познакомьте меня с честным торговцем, который продает подержанные дирижабли». Ну и я ее отвел к старине Унтанку. И знаете, у нее на самом деле были деньги! В потайном поясе на ее стройной талии были спрятаны десятки золотых монет, и у обоих спутников имелся такой же точно груз. Я разглядел монеты, пока она торговалась с Унтанком, и сразу их узнал: золото из Лондона, с изображением Квирка, почитаемого у них божества!.. Можете себе представить мое изумление! Лондон давно исчез с лица земли. Разве я не видел собственными глазами тот чудовищный взрыв? «Дорогая, откуда у вас все эти Квирки?» – спросил я, и мисс Морчард после секундного колебания призналась, что она археолог и проводила раскопки в развалинах Лондона!

Среди слушателей пробежал взволнованный шепоток. Молодые люди тихо переговаривались по-новонемецки (красивый язык с угловатыми словами). Том заинтересованно подался вперед.

Девушка в платье, украшенном сотнями голубых глаз, воскликнула:

– Герр профессор, в лондонских развалинах обитают призраки!

– В самом деле, – ответил Пеннироял. – В первые месяцы после катастрофы с десяток мелких пригородов-кладоискателей помчались на восток, чтобы попировать на искореженных останках Лондона. Ни один не вернулся.

– Потому что их по дороге перехватили воздушные войска старой Лиги противников движения и разбомбили вдребезги, – отчетливо проговорил чуть насмешливый голос.

Молодой человек, на которого еще раньше обратила внимание Рен, подошел вплотную к кружку друзей Пеннирояла и внимательно слушал, сунув руки в карманы. Его глаза поблескивали, а губы кривились в почти издевательской усмешке.

– Так нам сообщили, сэр, – подтвердил Пеннироял, глядя на него исподлобья. – Но ведь всем известны и другие, более зловещие слухи!

Жители Мурнау закивали. Похоже, они и вправду что-то такое слышали.

– Крюис Морчард обладала научным, рациональным складом ума, как и наш дорогой друг, – продолжал Пеннироял. – Она не обращала внимания на слухи о призраках. Но в Лондоне она насмотрелась такого, что волосы у нее поседели! Едва ее исследовательская группа приземлилась среди развалин, из груды обломков ударила таинственная молния и уничтожила их дирижабль! За первой молнией последовали другие, они били в землю вокруг археологов, словно их притягивал жар горящего дирижабля – или, быть может, живое тепло мисс Морчард и ее спутников! Один участник экспедиции сгорел дотла. Другой в страхе бросился бежать, но развалины вокруг словно бы искажались и смещались, и никак не удавалось выбраться из лабиринта обломков. Они пробивались на Поверхность целую неделю, и за это время более десятка человек погибло. Не только от молнии! Было и… другое. Такое, что даже отважная мисс Морчард бледнела, рассказывая об этом. При встрече с ним люди сходили с ума, бросались с высоты развалин, лишь бы не сталкиваться близко.

– При встрече с чем? – вся в нетерпении, спросила барышня в глазастом платье.

– С призраками! – страшным шепотом ответил Пеннироял. – Фройляйн Хинблик, вы, конечно, скажете, что их не бывает, что из Страны, не ведающей солнца, не возвращаются. Но мисс Морчард клялась, что видела привидения на разрушенных лондонских улицах. А поскольку мисс Морчард – единственная, кто ходил по этим улицам и остался в живых, чтобы рассказать нам об этом, я думаю, мы должны верить ее рассказу.

Наступила тишина. В комнате словно холодом повеяло. Фройляйн Хинблик жалась поближе к своим приятелям, а какой-то молодой человек с орденскими планками и деревянной рукой негромко проговорил:

– Там в самом деле водятся духи. Когда я летал в составе Абвертруппе, я видел их издали. По ночам там вспыхивают и мерцают призрачные огни. Даже Зеленая Гроза их боится. Они понастроили поселения, крепости, фермы и ветряки по всей восточной территории прежних Охотничьих Угодий, а вокруг развалин Лондона на сотню миль – ничего.

Том решил, что пришло время проверить теорию, которую он обдумывал уже несколько дней. Его слегка потряхивало.

Он сказал:

– Я думаю, мисс Морчард сказала вам не всю правду. Видите ли, я уверен, что она сама – из Лондона. Я знал ее, когда она звалась Клитией Поттс и состояла в Гильдии историков. Каким-то образом она уцелела после МЕДУЗЫ. Возможно, она придумала историю о молниях и

призраках, чтобы отпугнуть кладоискателей? Может быть, есть и еще уцелевшие, а мисс Морчард на своем «Археоптериксе» возит им припасы в развалины?

Рен видела по лицам, что молодые жители Мурнау не поверили Тому, хоть и промолчали из вежливости. Только молодой человек в потрепанной шинели смотрел с интересом.

– Лекарства, скот, – продолжал Том с надеждой. – Портовый чиновник в Воздушной Гавани сказал, что это ее обычный груз…

Пеннироял покачал головой:

– Красивая идея, Том, но не слишком правдоподобная, вам не кажется? Если бы кто-то и выжил в той ужасной катастрофе, зачем им жить среди обломков, на сотни миль в тылу Зеленой Грозы?

Рен стало стыдно за отца. Опробовал бы на ней свои безумные теории, прежде чем оглашать их во всеуслышание! Бедный папа, он до сих пор тоскует по родному городу, оттого и позволил разыграться воображению.

Постепенно гости разбились на группки. Том что-то увлеченно обсуждал с Пеннироялом. Фройляйн Хинблик пересказывала то, о чем сейчас говорилось, друзьям, не знающим англичанского. Кое-кто из них с сомнением поглядывал на Тома, слышался смех. Рен искала глазами Орлу Дубблин и вдруг увидела совсем рядом с собой незнакомца в потрепанной шинели.

Он сказал:

– У вашего отца почти такое же буйное воображение, как у профессора Пеннирояла.

– Папа – сам лондонец! – ответила Рен. – Естественно, ему интересно, что стало с Лондоном.

Судя по всему, ее объяснение незнакомца удовлетворило. Он был хорош собой – лучше, чем ей показалось вначале, и моложе – совсем мальчишка, лет восемнадцати-девятнадцати. Чистая бледная кожа, чуть заметная щетина на подбородке и над верхней губой. Только льдисто-голубые глаза смотрели взрослее, словно принадлежали другому человеку.

Переведя взгляд на Тома, он сказал:

– Я хотел бы с ним поговорить, но не здесь.

Задумался на минуту, потом сунул руку за отворот шинели, вытащил прямоугольник плотного кремового картона и протянул Рен. На карточке курсивом с завитушками был напечатан адрес на Оберранге – верхнем ярусе Мурнау.

– Завтра отец устраивает прием. Приходите оба! Там мы сможем спокойно поговорить.

Он внимательно смотрел ей в лицо. Рен опустила глаза, разглядывая приглашение, а когда снова подняла взгляд, молодой человек уже шел прочь – только взметнулись полы синей шинели, когда он начал спускаться по лестнице, блеснули золотом волосы в свете лампы, и он исчез.

Рен обернулась к отцу, но Том разговаривал с журналистом Спайни, стараясь не выдать слишком много правды. Спайни дотошно расспрашивал, как они познакомились с Пеннироялом.

Рен подошла к Орле.

– Кто это был? – спросила она. – Тот, который перебил профессора?

– А, этот? – Авиатриса быстро оглянулась и, увидев, что молодой человек ушел, сказала: – Это Вольф Кобольд, сын кригсмаршала фон Кобольда, старого вояки, его в самом начале войны сделали мэром Мурнау. Смотри, они вместе на том фото над камином… Вольф – отчаянный в бою. И красавец, правда?

Рен тоже так считала, но постеснялась признаться. Стараясь не краснеть, она пошла за авиатрисой к камину, чтобы рассмотреть фотографию вблизи. Кригсмаршал – суровый джентльмен с такими огромными белоснежными усами, словно к нему на верхнюю губу уселся альбатрос. А рядом – тот самый молодой человек, с кем только что разговаривала Рен, только еще моложе на вид. Снимок, должно быть, сделан лет пять-шесть назад, на нем Вольф похож на школьника-ангелочка. Что же с ним случилось за эти годы, отчего он стал таким мрачным?

– Он тоже станет кригсмаршалом, когда старик умрет или уйдет в отставку, – сказала Орла. – А пока он мэр одного из пригородов Мурнау. Заходит к «Муну» иногда, когда бывает в Мурнау по семейным делам, а вообще-то, он одиночка. Я с ним никогда не разговаривала.

Рен показала ей приглашение. Орла тихонько присвистнула:

– Рен, лапочка моя, растешь на глазах! Часу не успела пробыть в Мурнау, а тебя уже пригласили на прием к кригсмаршалу…

Глава 10
Черный ангел

Эй, что это там такое? На песчаных волнах, где мерцающий в жаркой дымке горизонт кажется водой, а не сушей, мелькнула далекая точка. Крошечное пятнышко, темный треугольник чуть выше серебристого миража, что растекся над барханами. Но с каждой секундой пятнышко приближается, становится четче. Острый акулий плавник, черный парус, наполненный ветром пустыни. Прислушайся – и ты услышишь, как песок поет под мчащимися на дикой скорости шинами. Всмотрись – увидишь, как солнечные блики сверкают в иллюминаторах ярче бриллиантов.

Представь себе водомерку, только увеличенную до размеров яхты. Приделай к каждой ноге колесо, а на спине укрепи мачту. Потом отправь эту конструкцию кататься по песку вместо воды. Получится пескоход – излюбленное средство передвижения пустынных кладоискателей и охотников за головами. Вот он промчался мимо, и если посмотреть ему вслед – мы поймем, что привело его в этот минеральный океан. Прямо по курсу собралась толпа городов. Их верхние ярусы и выхлопные трубы проглядывают сквозь марево отраженной жары, мерцающее над барханами.

Нечасто можно увидеть подобие ярмарки в безводной пустыне, где города нещадно истребляют друг друга. Большой тихоходный пригород, обычно охотящийся на рыбачьи деревушки далеко на побережье, по ошибке забрел в песчаное море, и здесь его окружила стая скоростных хищников. Охотники передвигаются на громадных колесах, у них громадные челюсти, громадные двигатели и аппетиты под стать. Они загнали добычу в песчаную яму под названием Асфальтовый залив, в кольце изрешеченных шахтами гор, и рвут ее на части. День или два, пока они заняты перевариванием и не обращают внимания друг на друга, держится неустойчивое перемирие. Невесть откуда появляются дирижабли странствующих торговцев, перекупщики шастают с одного города на другой, стараясь сбыть или урвать предметы олд-тека и разные безделушки. Даже быстрые, осторожные города-кладоискатели подбираются поближе, распродавая найденные в песках обломки.

Черные паруса безымянного пескохода трепещут на ветру, словно лепестки опиумного мака. Пилот разворачивает его носом к ветру и, замедляя ход, описывает плавную кривую, направляясь к стайке других пескоходов, что прибились к скоплению городов.

Городишко под названием Катлерс-Галп пристроился на склоне огромного бархана в полумиле от пиршества, оставив двигатели на холостом ходу, в полной готовности сорваться с места, если кто-нибудь из хищников выразит желание слопать его на десерт. Город был длинный и приземистый; над единственной палубой возвышались широкие колеса для передвижения по пустыне. Большую часть места в городе занимали двигатели и обслуживающие их трубы. Жители ютились в оставшемся пространстве – натягивали навесы между трубами, а на немногих свободных участках строили хибарки из глины и папье-маше. Из гаражей в Брюхе то и дело выезжали пескоходы. Торговый дирижабль броской расцветки, в черно-белую полоску, под названием «Леденец», пролетел, жужжа, над барханами и приземлился в порту – свободном пятачке в передней части города, где недавно рухнули два глинобитных домика.

Хозяином «Леденца» был торговец по имени Напстер Варли. На гондолах двигателей была выведена надпись: «Варли и сын», – хотя Напстеру-младшему было всего три месяца и потому он пока не принимал активного участия в руководстве семейным бизнесом. Варли надеялся, что жена и ребенок придадут ему респектабельности, позволят сбежать от пустынных торговых городишек-жестянок и обосноваться в большом городе. Но пока он от них ничего не получил, кроме шума, беспокойства и расходов, и не будь жена необходима в качестве второго пилота, он бы давно выкинул за борт и ее, и младенца.

Солнце склонялось к западу и по песку протянулись длинные тени. Варли шел по неровной палубе Галпа рядом с хозяйкой городка, Бабулей Башли.

Из них получилась странная парочка. Напстер Варли – тощий, бледный молодой человек с шелушащимся, обгоревшим на солнце вздернутым носом. Он запоем читал книги о бизнесе и в одной из них («Как стать успешным воздушным торговцем», автор – Дорнье Лард) вычитал, что «одежда преуспевающего бизнесмена должна бросаться в глаза, чтобы надолго запоминаться клиентам». Поэтому, несмотря на жару, на нем были фиолетовый фрак, меховая шляпа-цилиндр и мешковатые желтые панталоны в ярко-алую клетку.

Бабуля Башли между тем была укутана в множество слоев ржавого цвета шалей, накидок, юбок и халатов, словно шатер кочевников снялся с места и пошел бродить по пустыне. Но если приглядеться, в промежутке между мощными плечами и широкополой шляпой можно было разглядеть сквозь густую противомоскитную вуаль жирное желтоватое лицо и

крошечные расчетливые глазки. Чуть поблескивая, эти глазки пристально изучали мистера Варли.

– Есть кой-что на продажу, – доверительно сообщила она. – В пустыне нашла – неделя-другая тому. Ценное.

– В самом деле? – Варли промокнул вспотевшую шею носовым платком и махнул им, отгоняя мух. – Не олд-тек? С тех пор как объявили перемирие, цены на олд-тек упали страшно…

– Не олд-тек, лучче. Моховицкий дирижабель, разбитый. Мои мальчики увидали в небе огни. Мой город первым поспел на место. Не много там осталось, не много… Стойки, мотора куски… И еще одна штука, ценная очень.

Бабуля Башли повела торговца вверх по железной лесенке и дальше – в башню, сложенную из необожженных кирпичей. Башни эти, словно термитники, высились там и тут среди путаницы труб на корме города. Внутри оказалась еще лестница. Бабуля Башли поднималась по ней, сипя и пыхтя. Подолы ее многочисленных юбок были расшиты магическими талисманами: человеческая челюсть, обезьянья лапка, несколько засаленных кожаных мешочков – одни боги ведают с чем. Поговаривали, что Бабуля колдует и тем держит людей в подчинении. Даже Варли стало не по себе, и он на ходу потрогал висящую на шее под узорчатым галстуком бляху бога торговли.

Наконец они добрались до комнаты на самом верху. Здесь было жарко, в воздухе висел чад и, как и во всей башне, пахло подгорелым жиром. На полу посреди комнаты кто-то лежал, прикованный за ногу к кольцу в железном полу. Мальчик, подумал Варли, но тут пленник поднял голову, посмотрел на него сквозь спутанные волосы, и стало ясно, что это девушка – одетая в лохмотья, с синяками на горле и ободранными в кровь щиколотками там, где натирали кандалы.

– Извините, Бабуля, – быстро проговорил Варли. – Я не покупаю рабов.

У него не было принципиальных возражений против работорговли, но великий Набиско Шкин в своей книге «Капиталовложения в людей» советовал приобретать только здоровых особей. А эта курочка еле жива, в чем только душа держится.

– Она не простая рабыня, – просипела Бабуля Башли.

Переваливаясь, подошла к пленнице, схватила ее за волосы и повернула лицо к Варли:

– Как думаешь, кто она?

Варли вынул из нагрудного кармашка монокль и уставился в тусклые

миндалевидные глаза. Кожа под грязью, ссадинами и солнечными ожогами была когда-то нежного сливочного цвета.

Варли пожал плечами. Эта игра начала его утомлять.

– Не знаю, Бабуля. Какая-нибудь полукровка с востока. Шань-Го? Айны? Эскимосы?

– Альюты! – прокаркала Бабуля Башли.

– Будьте здоровы, Бабуля!

– Альютская она, из Альютии.

Бабуля Башли выпустила волосы девушки – та вновь бессильно уронила голову. Бабуля проковыляла к Напстеру, с хрипом дыша за своей вуалью.

– Знаешь, кто она, торговец? Жена того моховицкого генерала! Царица Зеленой Грозы!

Варли промолчал, но невольно выпрямился, вынул руки из карманов и облизнул губы. Монокль его блеснул в полутьме. Ходили слухи, что дирижабль леди Наги разбился где-то в песках. Неужели это она? Вполне возможно. Варли видел ее фотографию в «Аэронавт-Газетт». Похожа, нет? На снимке она была в роскошном свадебном наряде, да и вообще для Напстера Варли все эти восточники были на одно лицо.

– Вот, нашла при ней. – Бабуля Башли извлекла из глубин своего многослойного одеяния золотое кольцо с узором из дубовых листьев. – И крестик на шее глянь: загванская работа.

Варли подошел к пленнице, прикрывая нос шелковым платком.

– Вы – леди Нага? – спросил он громко и раздельно.

Она слабо кивнула, глядя ему в глаза, и еле выговорила:

– Что с Тео?

– Это она про мальчишку из Загвы, вместе с ней был на дирижабле, – пояснила Бабуля Башли. – Мы его в машинное сунули. Сдох уже, наверное. Так я спрашиваю, торговец, что делать-то с ней? Я не могу и дальше держать ее тут в шикарных условиях. Как обычную рабыню ее не продашь, слабая слишком, но кому-то же она может пригодиться? Все-таки царица моховиков…

– О да, – задумчиво отозвался Напстер.

– Я тут подумала: может, шкуру с нее снять? – подала идею Бабуля Башли. – За шкурку хорошие денежки дадут, а? Можно коврик хорошенький сделать или подушки обтянуть…

– Ох, нет, Бабуля! – вскричал Напстер. – Самое ценное в ней – это мозги!

– Пресс-папье, что ли, сделать хотите? Или еще что?

Напстер наклонился к Бабуле ближе, насколько позволяла брезгливость, и постучал себя пальцем по виску:

– Ценно то, что она знает! Я могу отвезти ее в Воздушную Гавань и предложить «Тракционштадтсгезельшафту». Они хорошо заплатят.

– То есть целиком ее покупаете, как есть? Сколько дадите?

– Ну конечно, придется учесть транспортные расходы… И другие сопутствующие траты… К сожалению, из-за перемирия цены на рынке сильно упали, но если подумать…

– Сколько?

– Десять долларов золотом, – объявил торговец.

– Двадцать.

– Пятнадцать.

Бабуля Башли проговорила, словно думая вслух:

– Можно, конечно, наделать талисманов из ее пальчиков на руках да на ногах и распродать поодиночке…

– Пусть будет двадцать, – поспешно сказал Напстер и тут же отсчитал монеты, пока Бабуля не задрала цену еще выше.

Черный пескоход нашел себе свободный причал в одном из гаражей на окраине Катлерс-Галпа. Пилот в просторном одеянии с капюшоном убрал паруса и спрыгнул на палубу, закрепить причальный конец. Судя по всему, это был всего лишь слуга или матрос, – закончив работу, он застыл столбом, терпеливо дожидаясь, пока с корабля не сошла женщина. Тогда они вдвоем поднялись по лестнице и зашагали по железным мостикам, соединяющим между собой топки машинного отделения. Новоприбывшие направлялись к скоплению кафе и закусочных на корме городка. Нищие протягивали к ним чашки для подаяний, но, заглянув в лица, мгновенно оставляли свои попытки. Головорезы пустыни подступались к ним со смутным намерением побить и ограбить, но тут же отступали в тень под сплетением труб. Даже собаки разбегались с дороги.

Женщина, высокая и худая, несла на плече здоровенное ружье. Одета она была во все черное – черные сапоги, черные штаны, черная жилетка и длинное черное пальто-пыльник, хлопающее на ветру, словно черные крылья. Казалось бы, в городе, где все ходили в масках или под вуалями, ей бы как раз подошла и черная вуаль, но она предпочитала ничем не прикрывать лицо. Седые волосы были стянуты в хвост на затылке, будто специально, чтобы выставить напоказ ее уродство. Ужасный шрам пересекал ее лицо от лба до подбородка, словно кто-то в ярости перечеркнул портрет. Рот кривился в вечной усмешке, от носа остался

бесформенный обрубок, а единственный глаз был серый и холодный, как зимнее море.

Звали ее Эстер Шоу, и она убивала людей.

Она появилась в пустыне полгода назад. Ее спутник, Сталкер по имени мистер Шрайк, на руках принес ее в Эль-Хоул – один из мелких городков, подъедавших обломки Облака-9. Она была больна, и Шрайк потребовал, чтобы горожане о ней позаботились. Спорить со Сталкером никому не хотелось, поэтому к ней пригласили врача. Осмотрев Эстер, он объявил, что она в целом здорова, если не считать нескольких порезов и своеобразной меланхолии, – такую он прежде наблюдал у выживших при крупных катастрофах и стихийных бедствиях.

– Мистер Шрайк, она потеряла близкого человека? – спросил врач.

– ОНА ПОТЕРЯЛА ВСЕ, – ответил Сталкер.

Неделю или две она прожила в занавешенной куском мешковины нише на нижней палубе – здесь это сходило за жилье. Сталкер ухаживал за ней, кормил молоком и хлебом, разминая их в кашицу металлическими руками, а люди вокруг смотрели, перешептывались и гадали, что же за отношения связывают эту изуродованную женщину с Воскрешенным.

Потом к Шрайку пришел мастер-механик городка и сказал:

– Сталкер, убей для меня одного человека. Шейх, который правит нашим городом, стар и жирен. Он слишком много забирает себе добычи. Убей его – и будешь жить со всеми удобствами на верхнем ярусе, я тебе обеспечу лучшую еду и пуховую постель для твоей… э-э…

Он все еще искал подходящее слово, чтобы обозначить Эстер, когда Шрайк проговорил:

– Я НЕ БУДУ УБИВАТЬ.

– Но ты же Сталкер! Что тебе и делать, как не убивать?

– Я НЕ МОГУ. У МЕНЯ… ПОВРЕЖДЕН МОЗГ.

Мастер-механик нахмурился и подумал, не выбросить ли бесполезного Сталкера за борт, но не смог представить, как это осуществить.

Он покачал головой и собрался уже уйти, но тут женщина со шрамом сказала негромко:

– Я убью его для вас.

– Вы?

– Я – Эстер Шоу. Моим отцом был Таддеус Валентайн, знаменитый убийца и секретный агент. Хотите, чтобы ваш шейх умер? Дайте мне оружие и скажите, где он.

– Вы же всего-навсего женщина! – возразил мастер-механик.

Тогда Эстер Шоу нашла где-то вилы и ломик и поднялась по

множеству лестниц на верхний ярус Эль-Хоула. Пинком распахнула дверь дома, где жил шейх. Она убила шейха. Убила его охрану. Убила его собак. Она прошла по наполненным ароматическим дымом комнатам, как чума, не оставляя позади ничего живого. Она была больше похожа на Сталкера, чем ее Сталкер, – он только наблюдал, дожидаясь ее.

На полученные от мастера-механика деньги она купила пескоход и несколько ружей. Они со Сталкером ушли из Эль-Хоула навсегда, к большому облегчению горожан. С тех пор Эстер стала очередной легендой пустыни: охотница за головами и ее спутник, Сталкер, не желающий убивать. Даже Тео Нгони слышал сильно искаженный вариант этой истории, трудясь в машинном отделении Катлерс-Галпа, но рассказчик то и дело сбивался на аравийский, Сталкера называл джинном, а Эстер Шоу – Черным Ангелом. Поэтому Тео страшно удивился, когда, случайно посмотрев вверх, увидел, как эти двое шагают по мостику у него над головой.

Он не сразу и сообразил, где видел их раньше. Казалось, Облако-9 случилось давным-давно. Даже крушение «Нзиму» словно бы произошло в далеком прошлом. Тео смутно помнил, как вытащил через пролом леди Нагу из полыхающей каюты и как они цеплялись за фермы стабилизатора все время, пока горящий дирижабль медленно падал, но все это как будто случилось с кем-то другим, не с Тео, или будто он прочел об этом в книге.

С тех пор он вкалывал по восемнадцать часов подряд, его били, стегали кнутом, почти не давали воды, а еды – еще меньше. Ему мерещились кошмары, даже когда он не спал, и в первый миг он подумал – ему снится, что мама Рен идет вверху по мостику в лучах ослепительного солнца. Он помотал головой, стер пот, заливающий глаза, а она по-прежнему была там, и рядом с ней – кошмарный Сталкер.

– Миссис Нэтсуорти! – заорал Тео.

Он выпустил рукоятки тачки с углем, и тут же на него накинулись Бабулины надсмотрщики с дубинками. Тео рухнул на палубу под градом ударов. Но мама Рен услышала, точно. Она повернула к нему свое жуткое лицо, и, падая, он встретился с ней взглядом.

– ОТОЙДИТЕ ОТ НЕГО, – проскрежетал голос Сталкера, громче рокота городских моторов и такой же нечеловеческий.

Надсмотрщики попятились. В машинном отделении стало очень тихо. Тео слышал частое дыхание своих надзирателей. Он попробовал встать, но от слабости упал на колени на горячую, шершавую от песка палубу.

– Миссис Нэтсуорти, – повторил Тео, глядя в глаза женщине на мостике.

Он не думал, что она ему в самом деле поможет, и понимал, что, как только она отвернется, надсмотрщики забьют его до смерти. Просто пусть она знает, что он здесь. Может быть, когда-нибудь она расскажет Рен, что с ним сталось.

Он сказал:

– Мы с вами встречались. Помните? На Облаке-девять.

– Я ТЕБЯ ЗНАЮ, – проговорил Сталкер Шрайк.

– А я – нет, – сказала Эстер Шоу.

Она растерялась, неожиданно услышав свое прежнее имя. Мальчишка внизу был тощий и черный, словно пучок обгорелых палочек. Зубы у него были оскалены – вероятно, он пытался изобразить улыбку, – а по лицу стекала кровь от удара дубинкой.

– Кто это? – спросила Эстер у Шрайка.

– ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫЙ ПО ИМЕНИ ТЕО. ОН БЫЛ С ТВОЕЙ ДОЧЕРЬЮ НА ОБЛАКЕ-ДЕВЯТЬ.

– Да?

Эстер смутно вспомнила, что во время их последней встречи Рен тащила за собой какого-то мальчишку. Возможно, их даже познакомили. Эстер было неприятно, что он ее окликнул. Она старалась забыть прошлое. В Катлерс-Галп она всего лишь заглянула за пресной водой и другими припасами. Она не хотела ни во что ввязываться.

Но когда она отвернулась, чтобы идти дальше, Шрайк схватил ее за руку:

– НЕЛЬЗЯ ОСТАВЛЯТЬ ЕГО ЗДЕСЬ.

– Почему это?

– ОН УМРЕТ.

– Все умирают, – сказала Эстер.

– НЕЛЬЗЯ ОСТАВЛЯТЬ ЕГО ЗДЕСЬ.

– Иди к черту, Шрайк! Что эта ведьма из Зеленой Грозы с тобой сделала? Совсем размяк!

– НЕЛЬЗЯ ОСТАВЛЯТЬ ЕГО ЗДЕСЬ.

– С собой вы его не заберете! – раздался новый голос из машинного отделения.

Даз Башли, старшина кочегаров, выглянул из своего логова в темном углу – посмотреть, из-за чего шум. Сталкеров Даз не боялся – он был любимым внуком Бабули Башли, и на его толстой шее болталось с десяток амулетов, которые она ему надавала для защиты от пуль и от дурного глаза. У него была одна забота – следить, чтобы городские моторы работали исправно. Он схватил Тео за железный рабский ошейник и поволок к

позабытой тачке.

– Он наш! Мы его нашли, все по-честному. Выковыряли его из разбитого моховицкого дирижабля. Бабуля говорит, мы можем все, что захотим, с ним сде…

Одним плавным движением Эстер сорвала с плеча ружье, сняла с предохранителя и выстрелила, убив Даза наповал.

Он шмякнулся на палубу, звеня амулетами. Остальных надзирателей Эстер перестреляла так быстро, что выстрелы и их эхо слились в одну барабанную дробь. Сбежав по лесенке, Эстер протянула руку Тео, но он так трясся, что не мог встать. Сталкеру пришлось нести его на руках, как ребенка. Эстер шла за ними, держа ружье наготове. В наступившей после выстрелов тишине слышно было только шарканье и тихое бормотание, когда встречные отодвигались с дороги.

Они подбежали к пескоходу. Шрайк, выдвинув когти-лезвия, оборвал причальные канаты, а Эстер почему-то вспомнила Стейнс – как они с Томом удирали от работорговцев и Анна Фанг их спасла.

Эстер сделала предупредительный выстрел в сторону гаражных дверей и забралась на палубу пескохода, мысленно ругая себя за сентиментальные настроения. Здесь не Стейнс, и Тео – не Том, и вообще – нечего об этом думать.

Напстер Варли, готовя дирижабль к полету, услышал крики и выстрелы и тихонько выругался. Он надеялся, что ему не помешают как можно скорее отчалить. Несколько минут назад Бабулины ребятки забросили ему в трюм леди Нагу. Напстера била дрожь от мыслей о том, какую цену можно будет за нее запросить на передовой. Если слишком долго копаться, Бабуля, того и гляди, еще передумает. Поэтому Напстер не побежал смотреть, как пескоход рванул через пустыню, а велел жене положить пока ребенка и запускать двигатели и подбил ей глаз за то, что недостаточно шустро побежала исполнять приказание.

– Шевелись, кобыла ленивая! – орал он, заглушая вопли младенца. – Пусть эти пескоструйщики сами разбираются со своими дрязгами, а нам надо дело делать!

Глава 11
Вольф Кобольд

Том сомневался, принимать или нет приглашение Вольфа Кобольда; его с детства воспитывали в том духе, что нужно знать свое место, и он точно знал, что это место – не на Оберранге, высившемся над Мурнау, словно затейливая корона. Рен потратила несколько часов на уговоры.

– Ну тебе правда нужно поговорить с этим Вольфом! – убеждала она. – Он так заинтересовался, когда ты рассказывал о Клитии Поттс! Наверняка он что-то знает.

Том покачал головой:

– Да я и сам себе не очень-то верю. Просто мысль мелькнула, а доказательств нет. Пеннироял не поверил, а он – человек, который утверждает, что мусорные свалки Древних на самом деле служили для проведения ритуалов и будто бы у Древних имелись машины под названием «ай-яй-поды», которые могли записать тысячи песен на крохотных граммофонных пластинках. Если уж он считает, что моя теория о Лондоне маловероятна, то, наверное, это и правда одни только праздные выдумки.

Тогда Рен попробовала зайти с другой стороны:

– А ты не думаешь, что это будет для меня полезно и познавательно? Завести знакомства в высшем обществе… Орла говорит – один ее друг может тебе одолжить парадную мантию…

Пришлось попотеть, но в конце концов она его дожала.

На следующий день они поднялись на Мурнау и сели в лифт, идущий на верхний ярус. Тому явно было не по себе в чужой одежде. Рен оделась, как всегда, в летный комбинезон, зная, что он ей к лицу, а все, что она могла бы купить на базарах Воздушной Гавани, будет выглядеть убого рядом с нарядами богатых дам. Глядя на других пассажиров лифта, она задумалась, правильно ли поступила. Щеголеватые офицеры в синих парадных мундирах и дамы в изысканных платьях и шляпах как-то странно на нее косились.

Один-два человека шепотом спрашивали, она слышала:

– Кто эта необычная девушка?

Рен вздохнула с облегчением, когда лифт остановился. Она взяла Тома под руку, и они вместе вышли из здания лифтовокзала на яркий солнечный свет. Оберранг, как и весь Мурнау, был накрыт бронированным куполом, но

кое-где целые секции держали открытыми, чтобы впустить свет и воздух. Приглашенные направлялись к массивному зданию со шпилями – ратуше, расположенной на бульваре Убер-ден-Линден[14]. Сквозь стеклянную мостовую бульвара виднелись деревья в парке ярусом ниже. Наверное, до войны это было очень красиво, но сейчас деревья засохли. Голые корявые ветки тянулись к Рен, вызывая жутковатое чувство.

Готическое здание ратуши окружала широкая полоса парка. Там, на поросших клочковатым мхом газонах, и происходил прием. Пестрели разноцветные навесы и палатки, между сухими деревьями и колоннами, сплошь в выщербинах от снарядов, развесили гирлянды ярких флажков и китайских фонариков – их зажгут, когда стемнеет. На газонах толпилось огромное множество народа. Кригсмаршал Мурнау пригласил мэров и советников всех городов, что собрались здесь. На украшенной флагами платформе играл оркестр, гости танцевали сложные торжественные танцы, скорее напоминавшие прикладную математику, чем развеселую джигу, которую Рен учила в Винляндии. Надо было послушать отца, зря они сюда явились. Рен всего однажды была на таком роскошном приеме – на Облаке-9, в качестве рабыни, разносящей на подносе напитки и закуски…

Она уже собралась удрать к лифту, и тут от небольшой группы офицеров у самой сцены с оркестром отделился Вольф и пошел к ней навстречу. Он слегка принарядился и почистился, но даже в парадной форме с алым кушаком выглядел чуточку потрепанным и небрежным. Сабля у него на боку была тяжелее и дешевле, чем вычурное церемониальное оружие других мужчин. Это был клинок, который постоянно используют для дела.

Улыбка Вольфа открывала острые зубы.

– Друзья мои! – крикнул он еще издали, поклонился Тому, а у Рен поцеловал руку. – Как я рад, что вы пришли!

Рен не привыкла, чтобы ей целовали руки. Вспыхнув, она присела в реверансе. Вольф погладил большим пальцем выпуклый шрам на тыльной стороне ее ладони – клеймо корпорации «Шкин», чьей собственностью она была в Брайтоне. Рен вырвала руку, застыдившись, но Вольф смотрел на нее со спокойным любопытством, как будто его совсем не смущало, что она была рабыней.

– Интересная у вас была жизнь, фройляйн Нэтсуорти, – сказал он, взял ее под руку и повел их с Томом через оживленную толпу.

– Не особенно, господин фон Кобольд. Хотя за последние полгода много всякого произошло…

– Прошу вас, называйте меня Вольфом. Или, в крайнем случае,

господином Кобольдом. «Фон» – устаревшее обозначение титула. Мои родители им дорожат, а я не придаю значения этой чепухе.

Он ближе склонился к Рен:

– Вам незачем смущаться среди этих глупых женщин в дурацких платьях. Они по большей части всю войну прожили в более безопасных городах, а в Мурнау примчались только теперь, когда замолчали пушки. Посмотрите на них – они же как дети-переростки. Настоящей жизни не знают…

Рен нравилось его общество, и было приятно ловить завистливые взгляды светских дам, но немного тревожило, что он так легко угадывает ее мысли.

– Простите, что притащил вас сюда, – продолжал Вольф, обращаясь к Тому. – Я думал, что это хорошая возможность поговорить. Не знал, с каким размахом мои родичи принимают гостей с тех пор, как объявили это нелепое перемирие. Пойдемте в дом…

Он повел их мимо оркестра к бронированной громаде ратуши, но на полпути их перехватила внушительного вида дама в сером шелковом платье, таком жестком и несгибаемом, словно и сама она была в броне.

– Вольф, золотце мое! – сладким голосом проговорила она. – Все меня спрашивают, кто такие твои друзья…

Вольф сдержанно поклонился:

– Матушка, позволь тебе представить: Том Нэтсуорти, авиатор, и его дочь, Рен. Том, Рен, это моя матушка, Анья фон Кобольд.

– Я в восхищении, – промолвила матушка, хотя взгляд, которым она смерила Тома и Рен, был скорее страдальческим, словно знакомство с простолюдинами причиняло ей физическую боль. – У Вольфа появились такие своеобразные демократические пристрастия с тех пор, как мой муж доверил ему управлять Хэрроубэрроу! Просто не знаешь, кого он еще домой притащит. Авиаторы, как интересно…

– Не обращайте на нее внимания, – сказал Вольф, как только его матушка отошла поздороваться с группой олдерменов и их жен. – Она ничего не знает о том, как живут на передовой. На время боевых действий она дезертирует с Мурнау, улетает в какой-нибудь отель на верхних ярусах Парижа. Ее интересуют только наряды и пирожные.

Он говорил достаточно громко, чтобы матушка могла услышать. Многие гости оборачивались, глядя на него с неодобрением.

Том, испытывая неловкость, задал невинный вопрос:

– Хэрроубэрроу? Так называется ваш пригород? Кажется, я о нем ничего не слышал…

Вольф перестал сверлить спину матери мрачным взглядом и улыбнулся:

– Он совсем маленький. По сути, даже не пригород, а специализированный поселок. Мурнау захватил его во время войны. Но сейчас он мой, и у меня на него большие надежды. Очень большие.

Входя за ним в ратушу, Рен старалась представить себе этот Хэрроубэрроу. По дороге на восток она видела несколько боевых пригородов. Они выглядели ужасно: приземистые, хищные и покрытые броней, как мокрицы. Но Вольф говорил о своем с нежностью. Наверное, это похоже на гордость авиаторов – те никогда плохого слова не скажут о своем дирижабле, даже если это просто старый протекающий небесный буксир.

Как только дверь ратуши закрылась за ними, шум разговоров и музыки сразу смолк. Вольф провел гостей в просторную тихую комнату. Стройные колонны поддерживали потолок, и Рен показалось, что она очутилась в железном лесу. Были в комнате и стулья. Все сели, Вольф звонком вызвал слугу и распорядился принести напитки. Затем с минуту помолчал, рассматривая Тома и Рен, словно сомневался, правильно ли сделал, что привел их сюда.

– Лондон, – сказал он наконец.

Его губы скривились в иронической усмешке, совсем как накануне, когда он слушал рассказ Пеннирояла.

– Насколько я понял, вы сами раньше жили в Лондоне, герр Нэтсуорти?

Том кивнул и стал рассказывать, как учился в Гильдии историков и как получилось, что его не было в городе, когда включилась МЕДУЗА.

– Интересно, – промолвил Вольф, когда Том закончил. – У меня, знаете ли, есть своя история, связанная с Лондоном. Потому я и пришел послушать, что скажет старина Пеннироял. Смотрите…

Он вынул из кармана и бросил Тому небольшой металлический диск.

– Если вы и вправду тот, как говорите, герр Нэтсуорти, вы должны знать, что это такое…

Том повертел диск в руках. Размером с большую монету, на одной стороне выбит герб. Том не видел таких почти двадцать лет, но сразу узнал и даже ахнул.

Когда он снова посмотрел на Кобольда, Рен увидела у него в глазах слезы.

– Это головка заклепки с ярусной опоры. С одного из нижних ярусов, полагаю. Из простого железа, а на верхних ярусах они были латунные…

Вольф усмехнулся:

– Мой сувенир из Лондона.

– Вы там были? – спросил Том.

– Совсем недолго. Около двух лет назад, еще до того, как у меня появился собственный пригород, я добился от отца позволения вместе с отрядом Абвертруппе поучаствовать в вылазке в глубокий тыл моховиков. Мы хотели уничтожить их крупнейший центр по производству Сталкеров. К сожалению, туда мы так и не добрались. Нас атаковали, и мой дирижабль совершил вынужденную посадку на равнине недалеко от Батмунх-Гомпы. Оставшись в одиночестве, я попробовал спрятаться среди обломков Лондона. Разумеется, мне было страшно, я же наслушался историй о привидениях в этом зловещем разрушенном городе. Но за мной гнались моховики, и я решил, что лучше уж рискнуть встретиться с призраками. Я бродил среди ржавого пейзажа, искал воду, еду и какое-никакое укрытие…

Он помолчал. Из-за стен старого здания доносилась музыка, еле слышная, словно тоже призрачная.

– Своеобразное место эти развалины, – снова заговорил Вольф. – Я видел только краешек, с юго-восточной стороны. Все обломки чудовищно искорежены и разбросаны на большой площади. Трудно поверить, что раньше это был огромный город, хотя кое-где попадались знакомые предметы: дверь, стол, детская коляска. Вот, например, такие заклепки повсюду валялись. Я прихватил ту, что у вас в руках, чтобы, если вернусь домой, можно было предъявить друзьям доказательство – я в самом деле побывал в развалинах Лондона… Двигаясь на север, я углублялся в развалины, и ближе к ночи что-то начало происходить. Я сам точно не знаю что. Тут и там среди обломков я замечал движение. Слишком целеустремленное, чтобы это были животные. Казалось, они следуют за мною по пятам. Потом начались звуки: потусторонние стоны и завывания. Я вынул револьвер и выстрелил пару раз в темноту. Стоны прекратились. В тишине послышался новый звук. Мне показалось, механический, хотя не могу сказать наверняка – слишком он был далекий и неясный. Я присел отдохнуть… и отключился. Смутно помню, как кто-то ко мне подошел, – но это, возможно, был просто сон. Воспоминания совсем неотчетливые… Очнулся я милях в десяти от того места. Лежал на голой земле к западу от развалин, в старой колее. Сверху я был прикрыт ветками, и патрули моховиков меня не заметили. Мои раны были перевязаны бинтами из походной аптечки, фляжка наполнена водой, а в рюкзаке лежали хлеб и фрукты.

– Кто все это сделал? – с жадным интересом спросил Том.

Вольф бросил на него острый взгляд:

– Вы мне не верите?

– Я этого не говорил…

Вольф пожал плечами:

– А я еще никому об этом не рассказывал. Знаю одно: в развалинах Лондона кто-то есть. Не моховики, те меня бы убили, когда была возможность. Но у этих людей есть свои секреты, и они хорошо их охраняют.

Рен посмотрела на отца. Рассказ Вольфа напугал ее сильнее, чем история Пеннирояла.

– Кто это может быть? – спросила она.

Том не ответил.

– Я бы хотел узнать, – сказал Вольф. – Поспрашивал кое-кого. У меня на Хэрроубэрроу есть бывшие кладоискатели, которые повидали разных странностей. Они не слыхали, чтобы кто-то из кладоискателей жил в Лондоне, но пару раз я слышал о Гайстлюфтшиффе – призрачном дирижабле. Когда ветер дует с запада, он бесшумно пересекает нейтральную полосу, а потом исчезает в тылу моховиков. Без опознавательных знаков, одинокий, не входит в состав ни одного подразделения, ни их, ни нашего.

– Снова призраки, – сказала Рен.

– Или «Археоптерикс». – Голос Тома чуть-чуть дрожал.

Том старался не показывать своих чувств, но он заметно разволновался от рассказа Вольфа и от мыслей о том, что все это могло значить.

– «Археоптерикс», когда возвращается в Лондон.

Вольф подался вперед.

– Герр Нэтсуорти, я верю в вашу теорию. Верю, что среди обломков Лондона скрываются люди, которые пережили МЕДУЗУ.

– Но зачем? – удивилась Рен. – Там же ничего не осталось, так?

– Значит, что-то осталось, – ответил Вольф. – Такое, ради чего стоит жить в развалинах и всячески его охранять. Когда я узнал, что вы спрашивали о Крюис Морчард, я провел собственные изыскания. Наша разведка хранит данные почти обо всех дирижаблях, которые появляются в здешнем воздушном пространстве. Их материалы о воздушном торговом судне «Археоптерикс» – прелюбопытное чтение за завтраком. Как выяснилось, ваша мисс Морчард за последние годы скупила немалое количество олд-тека.

– Она торгует олд-теком, – рассудительно заметил Том.

– Так ли? Я не заметил, чтобы она продавала много запчастей от

древних механизмов. А покупает постоянно. Куда же она их девает? Может быть, отвозит в Лондон. А чем славился Лондон?

– Инженерами, – нехотя ответил Том.

Он вспомнил человека, которого видел рядом с Клитией на причале в Перипатетиаполисе, – человека с блестящей, наголо обритой головой.

Вольф кивнул, пристально глядя ему в лицо:

– Что, если кто-нибудь из инженеров остался жив? И теперь они живут среди обломков? И что-то такое там строят? Настолько удивительное, что ради этого не жаль двадцать лет просидеть в развалинах и прятаться от всех. Нечто такое, что может изменить мир!

Том покачал головой:

– Нет-нет. Клития ни за что не стала бы сотрудничать с Гильдией инженеров.

– Та Клития, которую вы знали, может, и не стала бы. Но за двадцать лет ее взгляды могли измениться.

Вольф встал, подошел к окну и распахнул его, впуская праздничный шум.

– Идите сюда!

Он поманил их на балкон. Внизу на газоне пестрели разноцветные платья и мундиры гостей, словно лепестки или бабочки. Вольф посмотрел вниз, и на лице его промелькнуло выражение, которое почти можно было принять за ненависть.

– Перемирие не продлится долго, – проговорил он. – Однако, пока оно длится, мы должны этим воспользоваться по максимуму.

«Что значит – мы?» – про себя удивилась Рен. Она не уловила, как это вышло, что мечту ее папы вдруг поглотила мечта Вольфа Кобольда. К тому же она до сих пор не была уверена, что ей нравится этот привлекательный молодой человек.

– Я часто думал о том, чтобы вернуться в Лондон, – продолжал Вольф. – Но был слишком занят на войне. А теперь появилась возможность. Я порасспрашивал о вас, Том Нэтсуорти. Говорят, вы хороший авиатор. А ваш дирижабль, когда-то принадлежавший Лиге, – как раз то, что надо, чтобы пробраться на вражескую территорию…

– Вы хотите сказать, что мне нужно лететь в Лондон? – спросил Том. – Но это же невозможно! Правда? Нас перехватят патрули Зеленой Грозы…

– Здесь – невозможно, – согласился Вольф, глядя поверх толпы гостей на газонах, поверх зданий на краю Оберранга, туда, где за исковерканной поверхностью нейтральной полосы начиналась Грозовая территория. – Вся Девятая армия Наги там окопалась, только и ждет наших действий. А если

они вас не собьют, так подстрелят наши, решив, что вы собрались вести переговоры с врагом. Но к северо-востоку есть места, где линия фронта не так хорошо охраняется.

Он обернулся к Тому с мальчишеской улыбкой:

– Я могу вас туда доставить на Хэрроубэрроу. Мы часто охотимся на нейтральной полосе. Довезем вас до самой границы, за которой начинается территория Грозы. Такой умелый пилот, как вы, легко сможет проскочить через границу, а дальше следуйте на восток по старым колеям. Возможно, Клития Поттс так и делала все эти годы.

– Мистер Кобольд, а вы полетите с нами? – спросила Рен.

Том оглянулся на нее:

– Рен, ты не летишь! Слишком опасно. Я еще не решил, надо ли мне самому…

Вольф рассмеялся:

– Конечно надо! По глазам вижу. Вам больше всего на свете хочется узнать, что происходит в Лондоне. И я с вами полечу, потому что из-за перемирия мне скучно и я давно мечтаю посмотреть, что скрывается среди обломков. Не волнуйтесь, я все устрою и хорошо вам заплачу за беспокойство. Скажем, пять тысяч золотом, с переводом на счет в банке Воздушной Гавани.

– Пять *тысяч*? – вскинулся Том.

– Я из очень состоятельной семьи, – сказал Вольф. – Лучше уж потратить богатства фон Кобольдов на эту экспедицию, чем на бессмысленные приемы вроде сегодняшнего. Конечно, за такие деньги я буду настаивать, чтобы Рен летела с нами вторым пилотом. Она – отважная девушка, и нам понадобится ее помощь.

Он улыбнулся Рен, и она немедленно почувствовала, что краснеет.

– Я все-таки не уверен… – сказал Том, хотя на самом деле больше не сомневался.

Как можно отказаться? У него никогда столько денег не было, да и не нужны они ему, но надо думать о будущем Рен. Сумма, какую предлагает этот мальчишка, сделает Рен богатой, а когда его не станет и дочь, допустим, решит заняться воздушной торговлей, ей совсем не помешает, если на птичьих дорогах ее будут знать как авиатрису, которая побывала в Лондоне.

Сказать по правде, Том очень хотел вернуться в родной город. Увидеть своими глазами, что осталось от Лондона и осталось ли хоть что-то… Или кто-то. И Рен хотелось взять с собой, пусть увидит, где начались приключения ее отца. Поэтому он с такой легкостью находил причины,

почему ему необходимо согласиться и взять Рен с собой, преуменьшая будущие опасности. В конце концов, сказал он себе, они с Эстер на «Дженни Ганивер» побывали еще и не в таких передрягах.

– Значит, решено! – сказал Вольф. – Перегоните свой дирижабль в воздушный порт Мурнау. Через пару дней встретимся, обсудим подробности. Но прошу вас, не говорите никому, куда мы направляемся. Ни единой душе! У Грозы шпионы повсюду, и у других городов тоже.

Пожав друг другу руки, они снова вышли в сад, где слышался смех, звучала музыка и на газонах уже протянулись тени. Пеннироял, окруженный толпой блестящих девиц, бодро помахал Рен и Тому издали. Вольф извинился и отошел поговорить с отцом. Стоя рядом со старым кригсмаршалом, он казался неловким и чуточку смущенным. Таким он больше нравился Рен – у нее и у самой были проблемы с родителями. Она решила, что он кажется слишком жестким из-за своего военного опыта, а на самом деле наверняка он добрый и застенчивый, совсем как Тео.

Стараясь представить себе путешествие вместе с ним на восток, Рен сжала папину руку.

– Если ты полетишь, я тоже полечу, как Вольф Кобольд сказал. Ты меня не заставишь остаться здесь, даже не думай! Так что и спорить нечего. Я могу о себе позаботиться.

Том засмеялся: это было настолько в духе Эстер! Глядя на Рен, он видел в ней силу и упрямство матери.

– Ну хорошо, – сказал он. – Там посмотрим.

У Вольфа Кобольда разговор с отцом протекал далеко не так гладко. Где-то и когда-то за прошедшие годы затерялась непринужденная дружба, какая была в детстве у Вольфа с отцом. Сейчас кригсмаршал и его сын мыслили совершенно по-разному. И все же старик, видимо, решил, что обязан воспользоваться редким визитом сына и поговорить с ним серьезно. Они прошлись по сухому бурому газону с мертвыми деревьями и иссохшими кустами – до войны парк был гордостью Мурнау. Пересекли мостик через пруд, где раньше катались на лодках (сейчас, конечно, воду спустили и сухое дно шелушилось ржавчиной). Поднялись по ступенькам в небольшую беседку с колоннами, где статуя богини в античном платье смотрела вдаль, за край яруса.

– Когда ты был маленьким, это было одно из твоих любимых мест, – сказал кригсмаршал, поглаживая усы; он всегда так делал, когда волновался. – Ты был очарован этой барышней на пьедестале…

– Не помню, – сказал Вольф.

– Да-да…

Лицо статуи было все в потеках от сырости, как будто она плакала зелеными слезами. Кригсмаршал начал оттирать эти пятна носовым платком.

– Ты все спрашивал, кто она, и я тебе рассказывал, что она – символ Мурнау. Сильная, но добрая. Благородство, аристократизм. – Он трудился над замшелой статуей, и это позволяло не смотреть сыну в глаза. – Вернулся бы ты, Вольф. Мама по тебе скучает.

– Мама снова удерет в Париж, как только закончится перемирие. Да и какая тебе разница? Все давно знают, что ваш брак – одна видимость.

– Я по тебе скучаю.

– Уверен, что это неправда.

– Когда я предложил тебе руководство пригородом, имел в виду – на месяц-другой. Я не собирался переселить тебя туда насовсем! Черт побери, Вольфрам, твое место – здесь! Тебе нужно готовиться к тому, чтобы стать моим преемником. Я всего лишь старый солдат. А в мирное время Мурнау требуются люди помоложе. Способные мыслить масштабно.

– Мир долго не продлится, – сказал Вольф.

– Почему ты так уверен? По-моему, Нага не готовит никакого подвоха. Не забывай, я с ним воевал. Он полтора месяца продержался против Мурнау на Башкирском перевале. Его люди сражались как тигры, но он приказал пощадить всех пленных в захваченных городах. И бомбы-стаканы использовал только в самых крайних случаях. А когда он узнал, что меня ранил кто-то из его снайперов, прислал подарок: олд-тековский броневой жилет и записку: «Ждем, скучаем». Пусть он враг, но мне он симпатичней многих друзей.

– Очень трогательно!

Вольф зевнул; он слышал эту историю много раз.

– Но моховиков все равно нужно истребить.

– Чушь! – рассердился отец. – «Тракционштадтсгезельшафт» создали не для того, чтобы кого-то истреблять, а чтобы защищать честные города от Грозы. Пусть Нага со своими противниками движения живут себе спокойно в своих ужасных горах, лишь бы пообещали нас не трогать.

Вольф гневно повернулся к отцу, но не стал ничего говорить. Он отошел к краю беседки и долго смотрел сквозь мертвые деревья на восток, представляя, как где-то там, за перепаханными войной равнинами, затаился Лондон.

Наконец кригсмаршал фон Кобольд снова заговорил:

– Манчестер движется на восток. Я получил коммюнике от их мэра,

мистера Брауна…

– А-а! Тот, кто платит нам жалованье.

– Манчестер действительно помог нам с финансами… Мистер Браун планирует провести конференцию, как только город доберется до линии фронта. Мэры всех городов «Гезельшафта» соберутся вместе и обсудят наши дальнейшие действия. Я планирую высказаться за прочный мир с Грозой. Хорошо бы и ты там присутствовал, Вольфрам. Пусть все увидят, что ты – мой наследник…

– Я завтра или послезавтра возвращаюсь домой, на Хэрроубэрроу, – ответил Вольф. – Меня ждут дела.

– С твоими приятелями, небесными бродягами?

Вольф пожал плечами.

Кригсмаршал отвернулся, помедлил и, качнув головой, быстрым шагом двинулся прочь. Он выдержал несчетное количество боев с Зеленой Грозой, сходился врукопашную со Сталкерами на ступенях собственного дома багровой зимой четырнадцатого года, но неизменно проигрывал в разговорах с собственным сыном.

Вольф смотрел ему вслед. Спустя какое-то время у него появилось неприятное чувство, что за ним самим наблюдают. Он обернулся. Статуя богини смотрела на него слепыми, спокойными глазами. Вопреки тому, что он сказал отцу, сейчас Вольф вспомнил, как маленьким любил сидеть у статуи на коленях, глядя снизу вверх ей в лицо, пока отец рассказывал ему о славном прошлом Мурнау. Он выхватил саблю и тремя яростными ударами перерубил тонкую каменную шею, только искры посыпались. Потом он пинком отправил отрубленную голову вниз по лестнице, в пустой пруд, и стремительно зашагал прочь – готовиться к путешествию.

Глава 12
Пескоходы

Тео казалось, что идет дождь. Увидеть это он не мог, потому что лежал в постели в каком-то закрытом помещении. К тому же было темно. Зато он слышал тихий непрерывный шорох дождя, и один только этот звук уже освежал после долгих безводных дней на Катлерс-Галпе. Дождь шуршал и шелестел, что-то ласково приговаривал и связывал между собой его обрывочные сны.

Иногда Тео ненадолго приходил в себя и понимал, что шум дождя – на самом деле шорох песка под колесами черного пескохода.

– Не бойся, – сказал кто-то.

– Рен? – спросил Тео.

– Она была с тобой, когда тебя захватили в плен ребята Бабули Башли? Рен и Том были с тобой?

– Нет, нет, – ответил Тео, мотая головой. – Они далеко. На севере, на птичьих дорогах. Рен прислала мне открытку на Рождество… Я надеялся, что встречу ее…

Он вспомнил крушение «Нзиму» и дернулся приподняться на кровати.

– Леди Нага… Что с ней?

Его лица нерешительно коснулась чья-то рука. Чьи-то губы тронули лоб.

– Не бойся, Тео. Спи.

Он заснул, опять проснулся и увидел, что женщина, сидящая возле кровати, – мама Рен. У нее над головой покачивался аргоновый шар в скрипучей подвеске. В такт его движению по стенам каюты разбегались черные тени. Когда лицо Эстер скрывалось в тени, можно было представить, что это Рен сидит у постели, но вот она перехватила его взгляд и сказала резко:

– Очнулся? Давай, соберись! На моем пескоходе бездельникам не место.

Она как будто надеялась, что он не вспомнит, как ласково она говорила с ним раньше.

Тео хотел ответить, но во рту пересохло, как в Асфальтовом заливе. Эстер грубо приподняла его голову и ткнула в губы оловянную кружку.

– Много не пей, – предупредила она. – У меня лишней воды нет. Я в Катлерс-Галп зашла за водой и провиантом, а благодаря тебе пришлось

уносить ноги, ничего не успела добыть. Этот вшивец, которого я застрелила, – любимый внучек Бабули Башли. Она, видишь ли, не рада.

Песок все шелестел о корпус мчащегося на полной скорости пескохода. Тео снова заснул. Эстер встала и поднялась по трапу в открытую рубку. Шрайк стоял у руля. Его глаза горели зеленым светом. Пескоход шел по обожженному солнцем сланцу к западу от песчаного моря. Над горизонтом на востоке виднелась полоса бледного света. Ветер гудел в снастях.

– Он все спрашивает про какую-то леди Нагу, – сказала Эстер. – Наверное, она была с ним, когда его нашли эти стервятники. Ты слыхал про нее?

Шрайк сказал:

– ЗА НАМИ ПЕСКОХОДЫ.

– Что? Черт!

Эстер ожидала, что старая ведьма пошлет кого-нибудь в погоню. Про Бабулю говорили, что она занимается черной магией, а значит, головорезы ее боятся намного больше, чем Эстер и ее ручного Сталкера. Прищурившись, она смотрела на горизонт и скоро тоже их увидела – тонкие, острые плавники парусов, словно рыбьи зубы. Она ждала, что их будет один-два, боялась, что три, но Бабуля Башли отправила за нею шесть пескоходов разного размера – от крошечного катера до большого катамарана.

– Видимо, нам нужно гордиться таким вниманием, – хмыкнула Эстер.

За кормой над изломанной линией горного хребта выглянуло солнце, и дозорные на мачтах заметили черный парус прямо по курсу. На катамаране вспыхнул сигнал: «Цель под ветром». Через пару минут над одним из мелких песчаных суденышек поднялся клуб дыма, и Эстер со Шрайком увидели, как в сотне метров за кормой взрыв разметал песок.

– СКОРО ОНИ ПОДОЙДУТ НА РАССТОЯНИЕ ВЫСТРЕЛА, – бесстрастно прокомментировал Шрайк. – ЕСЛИ НА ЭТОЙ СКОРОСТИ НАМ ПРОСТРЕЛЯТ ШИНЫ, МЫ РАЗОБЬЕМСЯ.

– Черт!.. – повторила Эстер.

Она спустилась вниз и достала из рундука одну штуку, которую забрала у застреленного ею бандита в Джебель-Хакире. Это была автоматическая винтовка-джезайль, в длину больше человеческого роста, с красивыми серебряными накладками по цевью из древесины грецкого ореха. Будь тот бандит трезвым – вполне возможно, остался бы жив; ружье было отличное, дальнобойность – в несколько миль. Эстер загнала в патронник большие медные патроны, еще горсть рассовала по карманам.

Проверила, не проснулся ли Тео. Он спал как младенец, свернувшись калачиком, такой кроткий и беззащитный. Эстер заставила себя отвернуться. Надо остеречься, не то еще привяжется к нему. Она слишком хорошо знала: привяжешься к кому-нибудь – не сможешь потом защититься от боли.

Когда она снова вылезла наверх, жесткий беспощадно-белый свет ударил в лицо. Ветер нес тучи песка, а пескоходы-преследователи были уже ближе. Самый маленький и самый быстрый – тот, что выстрелил первым, – настигал их с правого борта. Можно было разглядеть, как Бабулины ребятишки наводят на Эстер какое-то орудие вроде пушки. Над пушкой поднялось белое облачко дыма, Эстер обдало ветерком: снаряд просвистел мимо и взорвался, врезавшись в груду камней цвета печенья, в сотне ярдов[15] по левому борту.

Эстер вытерла нос рукавом и прицелилась, пристроив дуло джезайля на поручень.

– Проще было бы тебе это сделать, – сказала она Шрайку, сдвигая противопесчаные очки на лоб и припадая к телескопическому прицелу. – Я их еле-еле вижу…

– Я НЕ МОГУ, – ответил Шрайк. – Я МНОГО РАЗ ОБЪЯСНЯЛ. ДОКТОР ЗЕРО ЧТО-ТО СДЕЛАЛА СО МНОЙ. КАКОЙ-ТО БЛОК ПОСТАВИЛА В МОЗГУ…

– Эх, если бы твоя доктор Зеро была сейчас здесь, – буркнула Эстер, стараясь поймать в прицел кучку людей, возившихся вокруг пушки с банниками и прибойниками. – Я бы ей блок в мозгах обеспечила!

Она надавила на спусковой крючок и выругалась, когда в плечо шарахнуло отдачей. Пустая гильза, кувыркаясь, улетела за корму. Эстер не могла бы сказать, куда улетела пуля, – во всяком случае, в цель не попала. Меткость не входила в число талантов Эстер. Стрелять она не умела – только убивать.

К счастью, преследователи стреляли не лучше. Один за другим снаряды пролетали мимо, а Эстер тем временем методично расходовала свой боезапас. Она уже принялась за второй карман, как вдруг вражеский пескоход резко вильнул в сторону.

– Это я их так? – спросила Эстер.

Преследователи потеряли управление. Может, случайный выстрел Эстер перебил трос или пробил шину. Пострадавший пескоход пошел юзом, поперек движения других судов. Идущий прямо за ним трехколесник торопливо повернул и столкнулся с небольшой боевой яхтой. Сцепившись друг с другом, оба судна перевернулись и покатились по песку, рассыпая во

все стороны рангоут, колеса, паруса и обломки мачт. Передовой пескоход преследователей опрокинулся тоже. За ним взметнулся песчаный шлейф, скрыв из виду оставшиеся три песчаных корабля, но они тут же показались опять, поначалу смутными силуэтами, затем стали отчетливо видны, причем расстояние до них быстро сокращалось. Пули из парового пулемета на большом катамаране защелкали по деревянному борту совсем рядом с Эстер. Она грязно выругалась и бросилась плашмя на палубу.

– ОНИ СТАРАЮТСЯ ЗАХВАТИТЬ НАШ КОРАБЛЬ, НЕ УНИЧТОЖИТЬ, – догадался Шрайк. – ПОТЕРЯЛИ ТРИ СВОИХ ПЕСКОХОДА И ТЕПЕРЬ НЕ МОГУТ ВЕРНУТЬСЯ К БАБУЛЕ БАШЛИ БЕЗ ДОБЫЧИ.

– Большое утешение, – хмыкнула Эстер, глядя снизу вверх, как пули отскакивают от его брони. – И что ты будешь делать, когда нас возьмут на абордаж?

– ДО ЭТОГО НЕ ДОЙДЕТ.

– А если дойдет?

– ТОГДА Я БУДУ ТЕБЯ ЗАЩИЩАТЬ, КАК СМОГУ, – терпеливо ответил Сталкер. – ОТНИМУ У НИХ ОРУЖИЕ. ОБЕЗДВИЖУ ИХ. ЗАСЛОНЮ ТЕБЯ ОТ ИХ КЛИНКОВ СВОИМ ТЕЛОМ. НО УБИВАТЬ ИХ Я НЕ БУДУ.

– А если они меня убьют?

– ТОГДА Я ВЫПОЛНЮ ТО, ЧТО ПООБЕЩАЛ ТЕБЕ НА ЧЕРНОМ ОСТРОВЕ.

Эстер исхитрилась сделать еще пару выстрелов по катамарану. Паруса у нее над головой были уже все в дырах, но прочный силикошелк пока не лопнул.

– Зачем она тебя изувечила? – крикнула Эстер. – Ладно, подстроила, чтобы ты расколошматил то чудище, переделанное из Анны Фанг, но потом-то почему нельзя было тебе вернуться к норме?

– НАВЕРНОЕ, У ДОКТОРА ЗЕРО БЫЛИ ПРИЧИНЫ ОСТАВИТЬ МНЕ СОВЕСТЬ.

– Эх, мне не хватает прежнего Шрайка!

– А МНЕ НЕ ХВАТАЕТ ПРЕЖНЕЙ ЭСТЕР.

– Это еще что значит?

Но ответа она так и не получила. Катамаран поравнялся с ними, через узкий просвет между двумя пескоходами полетели абордажные крючья, Эстер пришлось бросить джезайль, выхватить пистолеты и вступить в бой.

Стук пуль о корпус пескохода ударами молотка ворвался в сны Тео,

настолько неуместный среди тихих зеленых просторов, где он странствовал, что Тео в недоумении проснулся, стараясь понять, в чем дело. С минуту он лежал неподвижно, не зная, где он и почему так трясет. Ряд иллюминаторов над ним закрывали шторки, поэтому в каюте было полутемно, только прямо над головой Тео кто-то натянул золотой шнур от одной стены до другой. Зачем бы? Белье после стирки развешивать, что ли? Если да, то такой роскошной бельевой веревки Тео до сих пор еще не видел: яркая такая, прямо светится в темноте. Он протянул руку – потрогать. Пальцы прошли насквозь. Шнур был сделан из теплого света.

Тео сел на койке. По каюте были натянуты еще несколько таких шнуров, словно колыбель для кошки. Время от времени что-то глухо стукало снаружи о корпус и появлялась новая золотая линия. Это солнечный свет падал сквозь отверстия от пуль, одно за другим возникающие в стенах каюты.

Тео скатился с койки и шлепнулся на пол. Спросонья кружилась голова. Гладкие доски пола под ним то и дело взбрыкивали – пескоход, подпрыгивая, несся по барханам. Тео пополз к железной лесенке в дальнем углу каюты. Сверху доносились крики, топот и пистолетные выстрелы. Только Тео подполз к лестнице, с нее головой вниз кувыркнулся мертвец. Тюрбан дымился в том месте, где его пробило выстрелом. Тео посмотрел вверх. Солнце в открытом люке то и дело заслоняли силуэты дерущихся людей.

Тео вскарабкался по лесенке наверх. На палубе под палящими лучами солнца шел беспорядочный бой в почти полной тишине – слышно было только шарканье ног по палубе. Потрепанный темно-коричневый катамаран шел бок о бок с их пескоходом, прицепленный к нему веревками и абордажными крюками. Враги попрыгали на палубу, рассчитывая без особого труда одолеть одноглазую женщину и Сталкера, который не желает убивать, но трое из них уже валялись мертвыми, запутавшись в снастях или повиснув на поручнях. Четвертый боролся со Шрайком – тот отнял у противника ружье и не давал приблизиться к Эстер. Пятый кружил вокруг Эстер, а она, отшвырнув оставшиеся без зарядов пистолеты, выхватила нож и тыкала им в преследователя каждый раз, как тот на нее кидался. У него была сабля намного длиннее и тяжелее ножа, но он никак не мог собраться с духом и подойти вплотную.

Тео никто не замечал. Бой и пустыня кружились вокруг него, жара и свет обрушились сверху, будто сверкающий водопад. Под ногами на палубе лежал абордажный топор, и казалось, что из лезвия бьют лучи. Тео поднял топор и рубанул по канату, который тянулся от ближайшего абордажного

крюка. Канат был старый, засаленный и лопнул после пары ударов. Пескоход дернулся, разворачиваясь в сторону от катамарана. Тео, пошатываясь, перешел к следующему крюку.

– Тео! – крикнула Эстер.

Он оглянулся. На рее катамарана стоял человек и, ухмыляясь, целился в Тео из мушкетона. Мимо прожужжали какие-то шершни. Один ужалил Тео в руку. У человека на катамаране в шею вдруг вонзился нож, тот выронил мушкетон и полетел вниз, в бушующий между пескоходами песок.

Тео посмотрел на Эстер. Она метнула свой нож в человека с мушкетоном и теперь осталась без защиты. Не задумываясь, Тео замахнулся обухом на ее противника с саблей. Тот до сих пор не замечал Тео, и удар стал для него полной неожиданностью. Он отлетел в сторону, боком перевалился через поручень и рухнул вниз, в крутящуюся пыль. Шрайк швырнул ему вслед своего пленника. Тео видел, как оба поднялись на ноги и поковыляли прочь, махая остальным, которые понемногу сбавляли ход и разворачивались, окончательно пав духом из-за своих потерь и отказавшись от погони.

– Молодец, – сказала Эстер.

Тео кивнул. Голова все еще кружилась, но он гордился, что заслужил ее похвалу.

– Ты как? – спросила Эстер.

Тео посмотрел на свою руку, где ужалил шершень. На самом деле, конечно, это был не шершень, но рана оказалась неглубокой – просто царапина. Он упал на колени, а Эстер подобрала топор и перерубила оставшиеся канаты. Катамаран, лишенный управления, умчался куда-то вбок.

Эстер обернулась и сказала:

– Дурень! Я не для того тебя спасала, чтобы ты тут лез под пули.

Но за пренебрежительным тоном Тео чувствовал грубоватую доброту. Он вспомнил, как Эстер сидела с ним ночью, как заботилась о нем, и понял, что она не так уж не похожа на Рен.

Пыль понемногу рассеялась. Черный пескоход мчался дальше, теряя скорость, потому что паруса были все в дырах. Вокруг замелькали высокие каменные столбы. Над ними кружились стервятники. Некоторые столбы напоминали высеченные ветром статуи – а может, это и были статуи. Самые разные цивилизации оставили след на лице старушки Земли, и среди этих следов были очень странные. Все вокруг заполонили каменные колонны, и в этих пустынных флейтах свистел и плакал ветер. В скрещении

их теней Тео снова почувствовал себя в безопасности.

Пескоход совсем замедлился. В затененной ложбине, где росли карликовые акации, Шрайк бросил якорь и свернул паруса. Спрыгнув за борт, он легко, словно стальная ящерица, вскарабкался на каменный столб, чуть пониже других. Постоял немного на вершине, потом спустился и крикнул, что преследователи удрали и в пустыне больше ничего не движется. Пескоход скрипнул под его весом, когда Шрайк снова взобрался на борт. Тео попятился – он всегда ненавидел Сталкеров.

Шрайк почуял, что мальчику не по себе.

– Я НЕ ПРИЧИНЮ ТЕБЕ ВРЕДА, – проговорил Шрайк. – НЕ СМОГУ, ДАЖЕ ЕСЛИ БЫ ХОТЕЛ.

– Почему? – спросил Тео, вспомнив, как Шрайк во время боя пощадил врага, которого схватил. – Сталкеров же для того и делают, чтобы убивать людей?

Шрайк изобразил улыбку, сверкнув стальными зубами:

– ДОКТОР ЗЕРО С ЭТИМ НЕ СОГЛАСНА.

– Доктор Зеро? Она вас создала?

– МЕНЯ СОЗДАЛИ В ИМПЕРИИ КОЧЕВНИКОВ. Я СТАРШЕ ЗЕЛЕНОЙ ГРОЗЫ, СТАРШЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ДАРВИНИЗМА. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ БРИГАДЫ ЛАЗАРЯ. ЭНОНА ЗЕРО ВОССТАНОВИЛА МЕНЯ И, ВИДИМО, ВНЕСЛА ИЗМЕНЕНИЯ. ЕДВА ПОДУМАЮ О ТОМ, ЧТОБЫ УБИТЬ ОДНАЖДЫРОЖДЕННОГО, У МЕНЯ В ГОЛОВЕ ВОЗНИКАЮТ ОБРАЗЫ ВСЕХ ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫХ, КОТОРЫХ Я УБИЛ И ПОКАЛЕЧИЛ, И Я НЕ МОГУ НИЧЕГО ТАКОГО СДЕЛАТЬ.

– Доктор Зеро *здесь*! – закричал Тео, вспомнив свое обещание защитить Энону. – Она на Катлерс-Галпе! Ее теперь зовут леди Нага. Я слышал, что ее продали тому торговцу, Варни… Надо вернуться! Мы должны ей помочь!

Эстер, выйдя из каюты с едой и растопкой для костра, посмотрела на него холодно:

– Мальчик, мы никому ничего не должны. И возвращаться мы не будем. А если ты про Напстера Варли, так я видела, как его «Леденец» отчалил от Галпа в одно время с нами. Если он там что и купил, то увез с собой.

Шрайк зашипел, словно задумчивый чайник:

– МОЖНО ОТПРАВИТЬСЯ ЗА НИМ.

– И ты туда же! – рявкнула Эстер. – Ради всех богов, Шрайк, это же она тебя кастрировала! Ну взяли ее в рабство, тебе-то что?

В бронированном черепе Шрайка что-то зажужжало и защелкало. Тео

подумал, что это, наверное, мысли гудят у Сталкера в мозгу.

– ЕСЛИ Я ЕЕ НАЙДУ, МОЖЕТ БЫТЬ, ОНА РАССКАЖЕТ, ПОЧЕМУ ТАК ОБОШЛАСЬ СО МНОЙ. МОЖНО ПОЕХАТЬ НА СЕВЕР, ПРОДАТЬ ПЕСКОХОД И КУПИТЬ ДИРИЖАБЛЬ. У НАПСТЕРА ВАРЛИ КОРАБЛИК ТИХОХОДНЫЙ, ДВИГАТЕЛИ «УИДМЕРПУЛ[16] -ДВЕНАДЦАТЬ» МАЛОМОЩНЫЕ. МЫ ЕЩЕ МОЖЕМ ЕГО ДОГНАТЬ.

Эстер отвернулась, пиная ногой планширь. Она казалась лет на десять старше своих тридцати с небольшим и страшно усталой. Тео стало ее жаль. Хотелось подойти и обнять, да только вряд ли ей бы это понравилось. Тео покосился на Шрайка, но Сталкер, видимо, уже сказал все, что хотел.

– Миссис Нэтсуорти, – заговорил Тео. – Не только с доктором Зеро беда, в опасности еще много людей. От нее зависит, что будет с перемирием. Кто знает, что сделает генерал Нага, если она не вернется? Он ее любит.

– Ну и дурак, – буркнула Эстер. – Не надо никого любить, от этого только неприятности одни. Плевать мне на твое перемирие! И на генерала Нагу плевать, и на жену его.

Она спрыгнула на песок и пошла прочь от корабля, подбирая сухие сучья акации для костра. Не оборачиваясь, она знала, что Шрайк и Тео смотрят ей вслед. На нее напала дрожь, стало зябко, несмотря на жару, как будто у нее температура, но Эстер знала, что дело совсем не в том.

Когда она осталась вдвоем со Шрайком, то сперва перепугалась до смерти. Она помнила его вурдалаческие планы на свой счет и думала, что он ее тут же и прикончит. Но оказалось, что убивать он больше не может или не хочет, и тогда она решила, что со Шрайком ей будет лучше всего. Разве не Шрайк спас ее много лет назад, когда родной отец постарался ее убить? Шрайк заботился о ней, маленькой, задолго до того, как она встретила Тома. Теперь ее жизнь с Томом закончилась, и они снова встретились со Шрайком. В этом было что-то правильное.

Приятно к тому же, когда есть с кем поговорить. За месяцы, проведенные в пустыне, она рассказала ему много такого, о чем не рассказывала никогда и никому. Рассказала о своей первой встрече с Томом и как влюбилась в него, о «Дженни Ганивер», о Рен. И как она предала Анкоридж, как убила Петра Масгарда, как оттолкнула собственную дочь.

Шрайк не судил ее, как сделал бы человек. Он терпеливо слушал, и только. Эстер казалось, что, когда она расскажет ему все, сможет наконец забыть свою прежнюю жизнь. Станет чистым листом, как песок и красные скалы, и воспоминания больше не будут ее мучить.

И вдруг на нее свалился этот мальчик – так дождь падает на песок, и

под иссохшей поверхностью пустыни пробуждаются самые разные твари. Например, надежда. Крохотные мечты. Она старалась, но не могла помешать им расти. Тео переписывается с Томом и Рен и когда-нибудь, может, расскажет им, как встретил Эстер среди песчаного моря. Ей нравилось думать, что он скажет им о ней что-то хорошее. Где-нибудь в далекой гавани ее муж и дочка узнают, что она хоть раз сделала что-то хорошее, и это уравновесит все плохое.

Она повернула назад, к пескоходу, с охапкой хвороста в руках.

– Ладно, старый ты Сталкер, – сказала Эстер, подойдя ближе. – Ладно, раз так. Продадим это дряхлое корыто и купим себе дирижабль.

Глава 13
Пора в дорогу

ВТС «Дженни Ганивер»
Воздушный порт Мурнау
21 мая

Дорогой Тео!

Я решила тебе написать, потому что отправляюсь в путешествие, а там может быть опасно. Если я вдруг умру, не хочу, чтобы ты думал, что я не пишу, потому что мне просто неохота. Один богач из Мурнау, Вольф Кобольд, нанял нас для исследовательской экспедиции. Мы уже неделю в Мурнау, загружаем провиант и составляем планы. Господин Кобольд сейчас улетел на север, в пригород, которым он правит, называется Хэрроубэрроу (этот Кобольд такой солидный, что запросто может потребовать себе боевой дирижабль Абвертруппе, чтобы его подбросили, куда нужно, так что я даже удивляюсь: мы-то ему зачем, но, наверное, он любит сам все делать, не пользуясь своими привилегиями). Завтра мы летим к нему на Хэрроубэрроу, и там начнется наше путешествие. Я оставлю это письмо на Небесной Бирже. Надеюсь, его передадут капитану какого-нибудь дирижабля, идущего на запад, а он – еще кому-нибудь, и, если повезет, уже в этом году оно попадет в Загву, к тебе.

Все это довольно запутанно, но я постараюсь объяснить. Оказывается, в развалинах Лондона, возможно, еще живут люди, которые спаслись после катастрофы. Для меня это новость – я даже не знала, что от Лондона остались какие-то развалины. Думала, там все сгорело. Но вот, как выяснилось, целая куча обломков рассыпалась по Поверхности к западу от крепости Зеленой Грозы в Батмунх-Гомпе. Вольф Кобольд однажды там побывал и хочет побывать еще, разведать побольше, и папа хочет лететь с ним – не только из-за денег, а так, по старой памяти. И я тоже хочу с ними. Это должно быть интересно! Как раз о таких приключениях я мечтала, когда скучала в Анкоридже. Я видела старинные картинки с

видами Лондона, и папа о нем рассказывал, но ты представь только – самой там побывать, походить по развалинам улиц, где папа ходил, когда был маленький! Я дочка лондонца – значит и сама немножко лондонец, по крайней мере частично, и мне хочется увидеть Лондон почти так же сильно, как папе.

Прости, у меня больше нет времени. Папа сейчас у небесного поставщика, оплачивает счета, а я обещала до того, как он вернется, подготовить двигатели к отлету. Надеюсь, к тому времени, как ты получишь мое письмо, я уже снова буду в дружественных небесах. А если нет – ищи меня в Лондоне.

Рен поколебалась немного и аккуратно вывела подпись:

С любовью,

Рен.

Она приложила к письму промокашку, начала было перечитывать, но поняла, что, как обычно, струсит и скомкает листок. Она быстро сложила письмо и сунула его в конверт.

Несколькими днями раньше, когда Рен изучала цены в витрине фотографа на Небесной Бирже Мурнау, к ней подошел приятель профессора Пеннирояла, журналист Сэмпфорд Спайни, и предложил бесплатно ее сфотографировать. Ее усадили на солнышке у причала, и фотограф мисс Кропоткин сделала полдюжины снимков, а Спайни развлекал Рен светской беседой и с интересом слушал ее рассказы о приключениях в Брайтоне. Рен старалась не обвинять Пеннирояла во вранье, хотя Спайни все-таки несколько раз поймал ее на противоречиях с версией профессора.

– Он любит иногда немножко преувеличивать, – призналась она наконец, и журналист этим вроде бы удовлетворился.

Готовые снимки доставили на «Дженни» сегодня утром. По мнению Рен, она вышла на них серьезной и взрослой, и прыщи были почти незаметны, поэтому она положила в конверт с письмом одну из этих фотографий. Пусть Тео запомнит ее такой, если им не суждено больше встретиться.

С письмом в руке она отправилась на другой конец порта, на Небесную Биржу, и по дороге встретила папу. Он возвращался от поставщика, где должен был расплатиться по счетам. Рен догадывалась,

что счет огромный. Мало того что они перекрасили свой дирижаблик, заправили горючим и обновили такелаж, так папа еще купил новый компас и альтиметр, забил трюм и рундуки консервами и водой в бутылках, загрузил целые штабеля ткани для оболочки, канатов, запасных клапанов, шлангов, запчастей для двигателей, огромный рулон камуфляжной сетки и вообще все, что только может пригодиться, когда путешествуешь по вражеской территории. Но они могли себе это позволить, если вспомнить, сколько им платит Вольф Кобольд, так что папа не выглядел слишком уж расстроенным.

Рен помахала ему, потом вспомнила про письмо и попыталась спрятать его за спину.

– Что это у тебя? – спросил папа.

– Просто письмо, – ответила Рен. – Я хотела попросить какого-нибудь таксиста…

Том взял у нее конверт, посмотрел на адрес и закричал:

– Квирк всемогущий! Рен! Такое нельзя отправлять! Если в Мурнау узнают, что ты пишешь в Загву, власти решат, что ты шпионка, и нас с тобой посадят в тюрьму на Нидерранге![17]

– Но Мурнау не воюет с Загвой! Загва держит нейтралитет!

– Все равно они противники движения. – Том обнял ее за плечи и повел назад, к «Дженни». – Рен, мне очень жаль.

Тут с ближайшего причала раздался знакомый громкий голос:

– Конечно, я сам водил свои дирижабли! И неплохо наловчился, летал с арктическими ураганами и так далее. Но мне недосуг возиться с мелкими межгородскими перелетами. Помню, однажды в Нуэво-Майя…

К шикарному дирижаблю-такси неспешной походкой приближался Пеннироял. Команда выстроилась у сходней, дожидаясь, пока он поднимется на борт. Профессора сопровождала красивая дама, явно из высшего общества Мурнау, чье платье стоило, наверное, больше, чем «Дженни Ганивер». Дама с живым интересом слушала его повествование и была весьма недовольна, когда он прервался, чтобы крикнуть:

– Том! Рен! Как поживаете, мои дорогие? Вы знакомы с моим добрым другом, госпожой Кляйнгротхаус? Мы с ней собираемся в Воздушную Гавань. Нас пригласили на обед к Дорнье Ларду, дирижаблестроительному магнату. Он прислал за нами свою небесную яхту.

– Воздушная Гавань! – воскликнула Рен. – Вы могли бы отвезти мое письмо, да? Оставьте его, пожалуйста, в управлении порта, пусть его передадут на дирижабль, который направляется в Африку…

Она впихнула Пеннироялу в руки конверт и серебряную монетку на

оплату почтовой марки.

– Загва? – прошипел Пеннироял, взглянув на конверт. – Боже правый!..

– Я знаю, в Мурнау это не одобрят, но вы же их не боитесь, правда? – напирала Рен.

– Нет, конечно! – сейчас же отозвался Пеннироял, бросая взгляд на свою спутницу: поняла ли она, какой он храбрый и великодушный?

Он сунул письмо во внутренний карман пальто и лукаво подмигнул:

– Не беспокойся, Рен! Я позабочусь, чтобы молодой Нгони получил твой *billet doux*[18], хоть бы даже мне пришлось отвезти его лично!

Он оглянулся на Тома:

– Я прочел на Небесной Бирже, что вы нынче ночью покидаете Мурнау.

Том кивнул. Он понимал, что Пеннироялу любопытно, куда направляется «Дженни Ганивер», но не собирался его просвещать.

– До меня дошли слухи, что вы работаете на младшего Кобольда?

– Мы обсуждали такую возможность, – небрежно ответил Том.

Пеннироял закивал, сияя улыбкой:

– Отлично, отлично! Что ж, моя дорогая, не будем заставлять мистера Ларда ждать!

Он поклонился и пожелал Тому и Рен *bon voyage*[19], но, когда его спутница грациозно направилась к дожидающемуся их дирижаблю, профессор обернулся и крикнул:

– Том, не пропустите июньский выпуск «Зерцала»! Его можно купить у любого хорошего газетного торговца. Передовая статья Спайни посвящена мне!

Том помахал ему в ответ, а про себя подумал: где-то он будет в июне? Журнал «Зерцало» выходил на нескольких языках, и продавали его во многих городах, но вряд ли можно будет купить свежий выпуск в развалинах Лондона.

Глава 14
Генерал Нага

За двадцать миль от места действия предыдущей главы, на западной окраине территории Зеленой Грозы, генерал Цзян Сян Нага стоял на стрелковой ступени в траншее, изучая огни Мурнау сквозь медные окуляры перископа. Адъютант крутил ручки на треноге перископа, и прибор медленно поворачивался вокруг своей оси, показывая Наге огоньки соседних мелких городов и бесчисленных пригородов, а также другого Тракционштадта немного поодаль.

– Новые города прибывают с запада чуть ли не ежедневно, – сказал кто-то из собравшихся вокруг офицеров. – Разведка докладывает, что даже Манчестер, один из последних крупных градоядных, движется к скоплению возле Мурнау. Ваше превосходительство, они готовятся к наступлению!

– Чепуха, полковник Юй, – фыркнул Нага, оторвавшись от перископа. – Это всего лишь торговые города, пользуясь перемирием, примчались вести дела с боевыми городами.

– Да, продавать им оружие и боеприпасы! – не отступал Юй. – Перемирие подарило варварам столь необходимую им передышку, возможность заново вооружиться…

– И нам оно подарило точно такую же возможность, – заметила стоящая с ним рядом генерал Сяо, невысокая женщина с морщинистым, словно старый бумажник, желтым лицом.

Она улыбнулась. Генерал Сяо потеряла на войне с Зеленой Грозой троих сыновей, и уже очень давно никто не видел ее улыбки.

– Больше месяца на всей линии фронта никто никого не убивает, – сказала она. – Даже если завтра горожане нарушат перемирие, все равно оно было не зря. Слушайте!

Нага прислушался. Он услышал негромкие голоса солдат в ближайших окопах, шорох своего плаща из волчьей шкуры и далеко вдали – птичью песню. Кто это, соловей? Если бы знать, можно было бы рассказать жене, когда она вернется из Африки: «Мы на передовой слышали соловья!» Но он всю жизнь занимался только войной, некогда было изучать птиц. Если настанет прочный мир, подумал он вдруг, можно будет все узнать об этом: о птицах, цветах и деревьях. Они будут гулять с Эноной по зеленому лугу, и он сможет ей сказать название каждой птицы,

каждого цветка…

– Вот то-то и оно! – сказал он, и его механическая броня зашипела и лязгнула, помогая ему сойти со ступени.

Он хлопнул полковника Юя по плечу стальной рукой, похожей на латную рукавицу Сталкера.

– За это мы и сражались, Юй Вэй Шань! Мы пошли воевать не ради того, чтобы громить города, а чтобы вновь услышать, как поют птицы. И если за пятнадцать лет войны это у нас не получилось – может, стоит пойти на переговоры с варварами?

Он взмахнул рукой, показывая на выжженную землю за рядами колючей проволоки – изрытую воронками от взрывов, утыканную бетонными ловушками для городов, заросшую сорняками, усыпанную обломками и миллионами костей.

– Мы хотели, чтобы мир вновь стал зеленым, – сказал генерал Нага. – А добились только того, что он весь увяз в грязи.

О чем-то таком говорила ему Энона. В ее устах это звучало лучше. Возвращаясь в дирижабле в штаб-квартиру, которая размещалась в крепости под названием Передовое командование, Нага вдруг понял, что тоскует по жене. Будь она рядом, ему было бы легче идти тем трудным путем, на который она его направила. Половина соратников считает, что он лишился рассудка, раз пытается заключить мир с городами. Иногда он и сам начинал сомневаться: может, они правы? Но разве у него есть выбор?

Зеленая Гроза в упадке. Нага и не представлял насколько, пока не принял командование. При Сталкере Фанг солдаты вроде него никогда не испытывали нехватки продовольствия и снаряжения, но в тылу все разваливалось. Когда Зеленая Гроза захватила власть, все прежнее руководство Лиги арестовали. Их место заняли молодые фанатики, совершенно не умеющие управлять. В освобожденных районах, которые Нага и его товарищи с такими трудами зачищали от движущихся городов, никто понятия не имел, какие сельскохозяйственные культуры выращивать, как организовывать водопровод, канализацию и транспорт в наскоро построенных стационарных поселениях. Никто не знал, где взять деньги на оплату необходимых расходов. Если война прекратится, должно стать легче. Нага начал выпускать из тюремных колоний Такламакана старых управленцев, – может, они придумают, как выйти из положения. Но задача перед ними стояла огромная. Иногда Наге казалось, что задача слишком огромная для необразованного солдата вроде него.

И все-таки он знал: если поговорить с Эноной, она вмиг развеет все

его сомнения. За окном проплывало белое небо. В полудреме Наге чудилось, что он слышит ее запах, чувствует тепло миниатюрного тела. Где она? Он жалел, что отпустил ее с дипломатической миссией в Загву. Но Энона сама этого хотела, и он не мог придумать, кто другой сумел бы привлечь загванцев на свою сторону лучше малышки Зеро с ее абсолютно невоинственным обликом и нелепым старым богом.

Передовое командование размещалось в вышедшем из строя движущемся городе, на невысоком холме к северу от Ржавых болот. Вокруг возвели защитную стену из снятых с него же гусениц. В прошлом году здесь проходила линия фронта, а сейчас города «Гезельшафта» оттеснили за болота, и вокруг города выросло целое поселение. Ниже по склону жались друг к другу дома гражданских, а в полях вокруг росли какие-то чахлые злаки. На равнине возле холма выстроились ряды ветряков, словно размахивающие руками слабоумные великаны.

На причальной вышке собралась группа офицеров. Они столпились вокруг темнокожей молоденькой служанки. Наге она показалась смутно знакомой. Он еще издали увидел, что у них плохие новости.

– Ваше превосходительство, известия из Африки…

– Это служанка вашей жены, ваше превосходительство, глухонемая Рохини…

– Пришла пешком в Тибести, совсем одна, через пустыню…

– Ваше превосходительство, ваша жена… Ее воздушное судно атаковали боевые дирижабли горожан, в одном дне пути от Загвы. Видимо, загванцы ее выдали врагу. Леди Нага погибла.

Позже, в цитадели, девушка рассказала ему все: три дирижабля горожан устроили засаду и напали на «Нзиму», команда героически защищала его жену, но их одолели превосходящие силы противника. Служанка старательно выводила свой рассказ на листках бумаги, а адъютант генерала зачитывал вслух.

Еще маленькой девочкой Синтия Туайт мечтала быть актрисой. И мама, и папа у нее были актерами – богемные противники движения из движущегося города Эдинбурга. Они сбежали в Шань-Го, надеясь на идиллическую жизнь в стационарном поселении. Они поощряли дочкину любовь к переодеваниям и выступлениям, надеясь, что когда-нибудь она станет звездой. И как они были правы!

Славные, толерантные люди, они совершенно растерялись, когда к власти пришла Зеленая Гроза. «Не все горожане – варвары», – твердили они Синтии, пока из громкоговорителей, установленных новым руководством

на каждом углу, раздавались лозунги Зеленой Грозы. А Синтия была в восторге: ей нравились флаги, мундиры и воинственные песни, которые пели в школе. Она обожала Сталкера Фанг – такую сильную и сверкающую. Вскоре ей надоело слушать мамины и папины жалобы, и она донесла на них властям как на враждебные элементы, сочувствующие горожанам.

Родителей арестовали, а Синтию отправили в государственный сиротский приют в Тяньцзине. Когда в приюте набирали добровольцев, Синтия поступила в разведку, а затем – в личную шпионскую сеть Сталкера Фанг. Там выяснилось, что Синтия унаследовала от мамы и папы любовь к театру. Ей доставляло огромное удовольствие переодеваться, выступать под чужим именем, меняя голос и жесты, и она знала, что это у нее отлично получается. Жаль только, что ее игре не аплодируют восхищенные зрители. Но ей хватало и того, что по щекам Наги текли слезы, когда он слушал, какие ужасы горожане творили с его женой.

Нага, наверное, никогда еще не плакал прилюдно. Адъютанты и офицеры застыли, потрясенные. Даже генерал Дзю, который спланировал убийство леди Наги и помог Синтии внедриться в ее свиту, занервничал, глядя, как его старый друг шмыгает носом и слезы капают у него с подбородка. В конце концов он прервал выступление Синтии. Он не хотел уничтожить Нагу, только встряхнуть и выбить у того из головы дурацкие идеи насчет мира с городами.

– Хватит! – сказал он, взмахом руки останавливая адъютанта, который зачитывал показания Синтии. – Нага, не надо тебе это слушать. Напрашиваются два вывода. Первое – загванцам доверять нельзя. И второе – перемирие с городскими варварами нужно прекращать. Моя дивизия готова в атаку хоть завтра, только прикажи.

– И моя! – в один голос подхватили другие офицеры.

– Уничтожим города! – выкрикнул кто-то лозунг Зеленой Грозы времен до перемирия, когда все было проще.

– Нет! – гневно произнес Нага.

В ответ раздались изумленные возгласы. Даже Синтия чуть было не вскрикнула – еле успела спохватиться, что должна изображать глухонемую.

– Нет! – повторил несчастный дурачок и стукнул по столу механической рукой. – Энона бы не хотела, чтобы из-за нее снова развязали войну.

– Послушай, Нага! – не отступался генерал Дзю. – Нужно за нее отомстить!

– Моя жена не верила в отмщение, – сказал Нага, дрожа всем телом. –

Она верила в прощение. Будь она сейчас здесь, она бы сказала: из-за сделанного несколькими горожанами не следует думать, что никому из горожан доверять нельзя. В память о ней мы должны по-прежнему добиваться мира.

Он посмотрел на Синтию. Та скромно опустила глаза.

– Как нам наградить эту девочку за храбрость и преданность?

Вот досада, приходится ждать, пока его вопрос запишут на бумажке, прежде чем она сможет накорябать ответ. Синтия позволила себе чуть заметную улыбку. Ее грела мысль, что все присутствующие уверены, будто она улыбается, потому что такая хорошая и преданная.

«Я прошу только одного – позвольте мне служить генералу Наге, как я служила его любимой жене».

Глава 15
Невидимый пригород

Рассвет застал «Дженни Ганивер» над исполосованной шрамами бурой равниной ничейной земли. Пестрое скопление городов вокруг Мурнау скрылось за горизонтом на юго-западе, и единственным городом в пределах видимости осталась бронированная громада под названием Панцерштадт-Винтертур – он двигался на север, занимаясь патрулированием. И «Гезельшафт», и Гроза по привычке продолжали наблюдение за местностью, хотя всерьез не ожидали, что противник отважится на марш-бросок по болотистой, изуродованной боями равнине. По мере того как светало, пейзаж казался все более мрачным и неприветливым. За туманной дымкой скрывались только глубокие борозды, оставленные движущимися городами, и ничего более.

Старые колеи достигали иной раз сотни ярдов в ширину – настоящие каньоны с отвесными стенками, уходящие на восток. На топком глинистом дне скопились лужи застоявшейся воды. Тому чудилось, что он узнал следы Лондона, по которым они брели когда-то с Эстер. Скоро он снова пойдет по этим следам, и, если будет на то воля Квирка, они приведут его домой.

– Что-то я не вижу никакого пригорода, – сказала Рен, на ходу обертывая полотенцем голову: только что ее вымыла под краном на камбузе.

Лимонный запах шампуня разнесся по полетной палубе. Рен переходила от одного окна к другому, глядя вниз, на блестящие в сероватом свете глинистые отвалы.

– Там нет ничего!

– Терпение, – сказал Том, но ему тоже было не по себе.

Не похоже на Вольфа Кобольда опаздывать на условленную встречу… Том заложил очередной вираж. «Дженни» шла легко и резво, словно радуясь, что снова в небе. Трюм ее оставили пустым. Так распорядился Вольф, – возможно, он рассчитывал вернуться из развалин Лондона с полным грузом добычи. Но где он сам?

Вдруг затрещало радио, и вслед за тем раздался пронзительный писк. Приемник заранее настроили на указанную Вольфом частоту, так что этот раздирающий уши звук, видимо, был сигналом радиомаяка Хэрроубэрроу.

Том убавил звук, а Рен снова бросилась к окну. Внизу расстилался все тот же безжизненный пейзаж.

– Не вижу пригорода! – сказала Рен. – Наверное, он еще за горизонтом.

– Не может быть, – ответил, морщась, Том; радиосигнал снова усилился. – Звук такой, как будто он прямо под нами.

Рен первой заметила движение в широкой колее примерно за милю к востоку. Из луж в глубине ее стремительно уходила вода, деревья и кусты по краям колеи закачались и начали валиться друг на друга. Дно вспучилось, потом земляной бугор треснул, рассыпался, показались огромные вращающиеся сверла, а за ними – исцарапанный бронированный корпус. В небо пыхнул серый дымный выхлоп.

– Квирк всемогущий! – прошептал Том.

В Вундеркамере Анкориджа-Винляндского хранился панцирь древнего животного под названием мечехвост. Позже, рассказывая, как выглядел Хэрроубэрроу, Рен часто сравнивала его с этим существом. Пригород был небольшой, едва ли сто футов ширины и примерно втрое больше в длину, весь закрытый глухим бронированным панцирем. Тупой передний конец представлял собой своеобразный щит, и сверла втянулись в него, как только пригород оказался на поверхности. Помимо всего прочего, щит закрывал уродливые челюсти Хэрроубэрроу и его можно было поднять, когда пригород поедал мелкие поселки или крепости Зеленой Грозы. Далее Хэрроубэрроу сужался вплоть до кормы, которую защищали уложенные внахлест плиты брони. Несколько таких плит сдвинулись в сторону, и Рен увидела под ними тяжелые гусеничные траки и колеса. Выдвинулась на гидравлических поршнях аппарель, мигая посадочными огнями.

– Нам туда приземляться? – спросила Рен.

– Похоже на то, – ответил Том.

– Кобольд говорил, что пригород у него специализированный, – изумленно проговорил он, – но такого я не представлял…

Открывшаяся картина ему не нравилась, но Том сказал себе, что это всего лишь первый шаг на пути к Лондону, и аккуратно посадил «Дженни» на аппарель.

Вольф Кобольд ждал их, готовый ответить на любые вопросы. Прошла почти неделя с тех пор, как они виделись в прошлый раз, и Рен успела забыть, как он хорош. На фоне серого рассвета и посадочных огней, с хлопающими на ветру полами шинели, он был невероятно красив и похож на пирата. У Рен всегда была слабость к пиратам, а улыбка Вольфа казалась вполне дружелюбной и приветливой.

В отличие от его города. Куда ни посмотри – одни только унылые серые жилые корпуса с крохотными окошками. И люди, которые подошли

взять у путешественников сумки, тоже были с виду серые и унылые – насупленные коренастые кладоискатели, похожие на жуков в своих комбинезонах, респираторах и круглых очках, защищающих глаза от дневного света.

– Нет, Хэрроубэрроу не путешествует под землей, – говорил Вольф, отвечая на какой-то вопрос Тома. – Мы не можем просверлить себе дорогу сквозь плотный грунт, это было бы слишком медленно! Зато всегда можно передвигаться по глубоким колеям. На дне у них толстый слой рыхлой осадочной породы – вполне хватает, чтобы спрятать наш городок.

Люди Вольфа надежно пришвартовали «Дженни Ганивер», а затем он повел Тома и Рен через тесный переулок между металлическими зданиями, который вывел их на главную улицу. Узкие лесенки вели прямо с тротуара на вторые этажи домов – перенаселенных, обшарпанных, теснящихся под бронированным куполом. Другие лестницы вели вниз, в машинное отделение, откуда жар проникал сквозь палубу и подошвы дорожных ботинок. В нише между извивающимися, как змеи, воздуховодами стояло изваяние восьмирукой Тэтчер – всепожирающей богини безудержного муниципального дарвинизма.

– Вы впервые на жнеце? – спросил Вольф, наблюдая за лицами гостей. – Мы здесь не строим из себя высшее общество, как принято на больших городах. Но городок хороший, крепкий. Раньше был кладоискателем, пока не попался городу-охотнику в Мерзлых Землях. Те решили, что он может пригодиться на фронте, и целиком сдали его Мурнау, а отец отдал его мне, привести в рабочее состояние. Я набрал людей с других пригородов-жнецов, они мне помогают. Ребята неотесанные, но верные.

Вокруг пахло как от печки – дымом и раскаленным металлом. Рен казалось, что, живи она под землей, пользовалась бы любой возможностью выбраться наружу и подышать свежим воздухом, а хэрроубэрровчане как будто совсем не стремились выйти хотя бы на аппарель. Они держались в темных закоулках города, а если по работе приходилось выглянуть на свет, прятали глаза за темными стеклами защитных очков и кутались в теплые бушлаты и серые фетровые шарфы.

– Женщин у нас на борту мало, – сказал Вольф и покосился на Рен.

Она не поняла, то ли он извиняется за отсутствие дамского общества, то ли намекает, как его радует визит хорошенькой авиатрисы. Возможно, и то и другое сразу?

– А семей с детьми и вовсе нет. Жизнь в Хэрроубэрроу трудная. Не обижайтесь, если ребята будут на вас глазеть.

И они глазели, да еще как – разинув рты, с застывшим выражением на небритых лицах, пока молодой мэр вел гостей по шаткой движущейся лестнице в муниципалитет – здание в форме полумесяца, установленное на сваях, с видом на демонтажные мастерские у самых челюстей пригорода. Внутренние помещения были безобразные и довольно тесные, но Вольф неплохо их обставил. Металлические стены были прикрыты гобеленами, шторами и со вкусом подобранными картинами, а когда слуги закрыли ставни, скрывая от глаз всевозможную технику за окнами, стало прямо-таки уютно.

Вольф отвел гостей в длинную узкую столовую, где потолок был выкрашен в голубой цвет и расписан белыми облачками – напоминание о небе.

– Вы, я полагаю, не завтракали? – спросил Вольф и, не дожидаясь ответа, усадил их за стол, причем Тому досталось почетное место во главе.

Тут вошел еще один человек – пожилой, низенький, изжелта-бледный, с рябым лицом и какими-то сложными очками. Вольф поздоровался с ним очень приветливо и придвинул ему стул.

– Это мой главный навигатор, Удо Хаусдорфер, – представил он. – В мое отсутствие он всем тут заправляет. Я не встречал человека лучше!

Хаусдорфер кивнул, моргая. Если Вольф не знает человека лучше, подумала Рен, ей бы не хотелось познакомиться с остальными, – на ее взгляд, Хаусдорфер сильно смахивал на злодея. Но было видно, что Вольф ему симпатизирует и даже больше того. Рен могла бы принять их за отца и сына, если бы не знала, что это не так. С этим ушлым старым кладоискателем Вольф держался куда непринужденнее, чем с настоящим отцом.

Служанки с тусклыми глазами молча принесли еду и кофе. Кобольд, улыбаясь гостям, поднял свою чашку.

– Друзья! Как приятно видеть у себя за столом новые лица! Я счастлив сообщить, что у нас настоящий свежий кофе, взят в городе кладоискателей, который мы съели в прошлый четверг. Плоды охоты!

– Вы все еще охотитесь? – удивился Том. – Я думал, «Тракционштадтсгезельшафт» поклялся не поглощать другие города, пока не победит в войне…

Вольф рассмеялся:

– Дурацкая сентиментальность!

– А по-моему, благородная идея, – сказал Том.

Вольф задумчиво посмотрел на него, прихлебывая кофе.

Затем со стуком поставил чашку и ответил:

– Быть может, это и благородно, герр Нэтсуорти, но это не муниципальный дарвинизм.

– В каком смысле? – спросил Том.

– В том смысле, что я жил на Мурнау и своими глазами видел, как наши великие движущиеся города сами себя опутали сетью мелочных правил и запретов. – Он наколол на вилку шпротину и ткнул ею в сторону Тома. – Большим городам пришел конец! Даже если они выиграют войну, неужели вы думаете, что участники «Гезельшафта» снова начнут охотиться, как подобает мегаполисам? Нет, конечно! Поднимется крик: «Ах, нельзя охотиться на Бремен, Бремен обеспечил нам огневую поддержку, когда мы завязли в болотах на Припяти!» – или: «Нехорошо гоняться за маленьким Вагенхафном после всего, что Вагенхафн для нас сделал в военное время». Потому они и не могут одолеть моховиков. Они, видите ли, желают непременно помогать друг другу, а как только начинаешь помогать кому-то или рассчитывать на чью-то помощь, теряешь собственную свободу. Они забыли простое и прекрасное действие, которое лежит в основе нашей цивилизации: когда крупный город преследует и поедает своего меньшего собрата. Вот что такое муниципальный дарвинизм! Идеальное выражение истинной природы нашего мира: выживает сильнейший.

– И тем не менее вы входите в их альянс, – возразил Том. – Вы сражаетесь на их стороне.

– Пока это нас устраивает. Грозу необходимо сокрушить. Но я ни на минуту не позволяю своим людям забыть, что мы свободны. Мы охотимся в одиночку и поедаем все, что попадает к нам в челюсти.

Вид у Тома был несчастный. Рен очень надеялась, что он не ляпнет чего-нибудь этакого, что обидит Вольфа.

– У вас получается, что Хэрроубэрроу – это какой-то пиратский пригород, – пробормотал он наконец.

Вольф не обиделся. Он расхохотался:

– Спасибо, герр Нэтсуорти! Я всегда подозревал, что пиратство – муниципальный дарвинизм в чистом виде!

– Но вы же здесь мэр только временно? – спросила Рен. – То есть вы ведь наследник Мурнау…

Вольф пожал плечами и наконец сунул шпротину в рот.

– Я не возьму на себя работу отца, даже если он будет меня умолять. Зачем мне править неуклюжей громадиной, населенной торгашами и старыми бабами, когда здесь я могу быть свободным охотником? Будущее за такими городами, как Хэрроубэрроу. Когда моховики и крупные города разорвут друг друга на куски в этой нескончаемой войне, мы унаследуем

землю!

– Ух ты, а я и не сообразила, – с трудом выдавила Рен.

Ей казалось, что Вольф не прав, но он говорил с такой убежденностью, что она не смогла придумать никаких контраргументов.

Он снова засмеялся:

– Простите, я не должен был рассуждать о политике за завтраком! И даже не посвятил вас в подробности нашего путешествия. Мы отправимся на восток, через нейтральную полосу. Если все пойдет хорошо, к полуночи мы достигнем внешней оборонительной линии грозовиков. Я нашел самое подходящее место, где можно незаметно ее пересечь. А пока что вы – мои гости. Располагайтесь, как дома!

Вольф поклонился, не сводя с нее взгляда. Том подумал, что еще не поздно отказаться от экспедиции или хотя бы под каким-нибудь предлогом отправить Рен назад, в Мурнау, подальше от этого привлекательного и опасного молодого человека. Но ему так хотелось показать ей Лондон…

Да и на самом деле поздно уже. За тонкими стенами послышался скрежет и грохот – бронированный купол сомкнулся, и под палубой глухо зарокотали моторы. Набирая скорость, Хэрроубэрроу пополз по дну колеи. Сверла вонзились в землю, пригород начал погружаться, и вот уже только бугор взрыхленной почвы, словно крыса под ковром, движется навстречу восходящему солнцу.

Глава 16
Селедка на крыше мира

Помните малыша Селедку и его Сталкера? Почти все о них забыли. Смерть Морского Ежа и угон «Паучка» поразили Брайтон, но Пропащие Мальчишки тут же передрались между собой, занимаясь дележкой рабов и прочего имущества Морского Ежа, а к тому времени, как перестали летать пули и боевые фрисби, никто уже и не помнил, с чего началась заварушка.

Несколько дней спустя плавучий город, курсирующий по лабиринту кратеров в восточной части Срединного моря, сообщил о пропаже горючего из своих баков, а капитан подводного аппарата, который использовался для сбора термоядерного стекла на дне кратеров, утверждал, что видел, как над ним проплыло загадочное судно, – он разглядел только силуэт на фоне освещенной солнцем водной поверхности. Но капитан был известным пьянчугой, и те немногие, кто поверил его рассказу, только головой покачали: мол, Пропащие Мальчишки снова взялись за свои штучки.

Между тем «Паучок» пробирался на северо-восток, двигаясь от одного затопленного кратера к другому. Он пересек выступ Великих Охотничьих Угодий по залитым водой колеям, пугливо перебираясь через разделяющие их гребни. Земля дрожала под тяжестью рыскающих вокруг городов. «Паучок» пробрался через Ржавые болота и наконец оказался на берегу Хазакского моря. Не так давно здесь тоже кипели бои. Илистое дно было усеяно затонувшими пригородами и сбитыми дирижаблями. Селедка набрал топлива из их проржавевших баков и вынырнул в расселине на скалистом берегу Черного острова, чтобы подзарядить батареи. Затем пиявка вновь ушла под воду и двинулась дальше на восток.

Уже пару недель «Паучок» двигался по территории, не отмеченной на картах Пропащих Мальчишек, но у Селедкиного Сталкера как будто хранилась в мозгу карта здешних мест. На том берегу моря с востока, с гор вытекала широкая река, описывая плавную излучину. Селедка по указанию Сталкера направился вверх по реке, мимо воздушных баз Зеленой Грозы, проплывая под мостами, по которым с грохотом шли колонны вездеходов и бронепоезда. Поперек реки были установлены понтоны – на случай, если горожане вздумают пробраться в тыл на лодках, но «Паучок» легко скользил под ними, словно призрак, забираясь все дальше на территорию Грозы.

– Почему ты прячешься? – спросил Селедка, разглядывая в перископ

стационарные поселения, вспаханные поля и развевающиеся на шпилях крепостей и храмов зеленые знамена с изображением молнии. – Здесь же твои! Когда они увидят, что ты жива…

– Они меня предали, – прошипела Сталкер. – Однаждырожденные предали меня. Теперь они слушаются Нагу. Я сделаю мир вновь зеленым без них.

– Но у тебя же буду я, правда? – тревожно спросил Селедка. – Я могу тебе помочь, правда?

Сталкер не ответила. Но позже, когда Селедка спал, он вдруг проснулся, а она сидит возле него. Она снова была Анной, провела ему по волосам холодной ладонью и прошептала:

– Ты славный мальчик, Селедка. Я так тебе рада. Надо было мне завести ребенка. Так было бы хорошо смотреть, как мой сын растет, как он играет… Селедка, я ни разу не видела, чтобы ты играл. Хочешь, поиграем в какую-нибудь игру?

Селедку ошпарило стыдом.

– Я не знаю ни одной игры, – тихо ответил он. – В Грабиляриуме никто не… В общем, я не умею.

– Бедный Селедка… – прошептала она. – Бедная Анна…

Селедка забрался к ней на колени, обхватил руками покореженное металлическое тело и уткнулся головой в твердую грудь, слушая, как внутри у нее что-то поскрипывает и щелкает.

– Мама, – проговорил он еле слышно, просто чтобы узнать, как это слово ощущается на языке.

Он не помнил, чтобы кому-нибудь говорил это раньше.

– Мама.

Он плакал, а Сталкер его утешала, гладила по голове неуклюжими руками и шептала старинную китайскую колыбельную, которую Анна Фанг слышала в детстве на птичьих дорогах, много лет назад.

Селедка заснул и спал крепко. Проснулся, только когда Анна снова превратилась в Сталкера Фанг и, вставая, сбросила его на пол.

Милю за милей, вверх по течению рек, через болота, ковыляя на восьми стальных ногах по безлюдным долинам, «Паучок» продвигался на восток. Однажды ночью Селедка выглянул из люка подышать свежим воздухом и увидел в лунном свете горы Шань-Го, растянувшиеся вдоль горизонта, словно белесая улыбка.

Река обмелела, едва пробиваясь через завалы камней, которые смыло со склонов гор весенним паводком. «Паучок» двигался только по ночам,

перебираясь через пенистые пороги при свете звезд, а на рассвете прятался в зарослях сосен и рододендронов по берегам реки. Сталкера Фанг раздражали такие задержки; она выдвигала когти-лезвия и с завистью прислушивалась, как далеко вверху пролетают время от времени караваны дирижаблей Зеленой Грозы. Но когда она становилась Анной, ей нравилось в лесу. Она брала Селедку за руку, и они бродили в смолистой тишине между деревьями, а иногда Анна дурачилась, как маленькая, и бросала в Селедку сосновыми шишками. Он с хохотом гонялся за ней, швыряясь шишками в ответ.

– Мы играем! – азартно шептала она. – Селедка, вот это и называется – играть!

Селедка только и жил ради тех минут, когда она была Анной. Он ненавидел Сталкера Фанг, как и сама Анна.

– Я боюсь ее, – как-то призналась Анна. – Ту, другую. Такая холодная и разъяренная… Когда она приходит, я не слышу собственных мыслей…

Но и Сталкер Фанг боялась Анны. Всякий раз, возвращаясь, она первым делом спрашивала:

– Долго я была в бездействии? Что делала Неполадка? Что говорила?

Так она называла Анну – «Неполадка».

– Мой механизм поврежден, – объявила она. – Требуется ремонт.

– Я не умею чинить сталкерские мозги! – заныл Селедка. – Я в них не разбираюсь!

Если бы умел, он давно бы отключил ту часть ее мозга, которая отвечала за Сталкера Фанг, чтобы она всегда была Анной. Тогда они могли бы увести «Паучка» далеко в горы и жить там счастливо вдали от всех – Пропащий Мальчишка, которому нужна мама, и мертвая женщина, которой нужен ребенок. Но Селедка понимал, что надежды на это нет. Фанг убьет его, если узнает, что он пробовал помочь Неполадке.

Поэтому они уходили все дальше на север и на восток, следуя указаниям, которые нашептывала ему Сталкер. Понемногу река становилась быстрее и у́же, и однажды ночью «Паучок» вынырнул в пруду у подножия водопада. Вода вскипала белой пеной, и Селедка понял, что дальше пиявка не пройдет. Он было обрадовался, но Сталкер Фанг нисколько не растерялась.

– Бросим пиявку здесь и пойдем пешком, – прошептала она.

– Куда пойдем? – спросил Селедка.

– Поговорить с ОДИНом.

– А это далеко?

– Двести девяносто четыре мили отсюда.

– Я не дойду!

– Тогда оставайся здесь, – ответила Сталкер Фанг.

Она выбралась из пиявки и начала ощупью карабкаться по крутым, влажным от брызг каменным уступам около водопада. Селедка поскорее напихал в сумку провизию и побежал догонять. Когда он вылез на вершину обрыва, то увидел, что она его ждет. Она все еще была Сталкером Фанг. Просто решила, что он все-таки может ей пригодиться.

– На Чжань-Шане есть уединенная обитель, – прошептала она. – Там мы остановимся отдохнуть.

Чжань-Шань был вулкан, такой огромный, что Селедка уже несколько дней вел «Паучка» по его склону и даже этого не заметил. Казалось, весь мир – подножие Чжань-Шаня, а вершина его терялась в облаках. Узкие дороги вились по лавовым полям, а вдоль дорог стояли святилища. Рваные молитвенные флажки трепал ветер, отрывал клочки шелка и ситца и уносил молитвы к обиталищу небесных богов.

– Это священная гора, – сказала Сталкер, снова превращаясь в Анну Фанг.

Она взяла Селедку на руки, потому что тропа шла круто вверх, воздух на высоте был разреженный и Селедка совсем выбился из сил. Он старался понять, почему Анна вернулась именно сейчас. Может, хлопанье флажков на ветру ее разбудило?

– Никто не знает, почему так получилось, – шептала Анна. – То ли боги поставили ее здесь, то ли Древние. Земная кора вдруг лопнула, горячая кровь земли вырвалась наружу и создала Чжань-Шань и все молодые горы к северу отсюда. Тучи пепла и дыма закрыли солнце. Десятки лет длилась зима. А посмотри, как здесь красиво теперь!

– Ты же не видишь.

– Зато я помню. Я любила эти горы, когда была жива. Хорошо вернуться домой.

Они шли еще день и еще ночь, а потом Селедка увидел впереди мерцающий в сумерках огонек и бесшумно падающие снежинки. На лугу паслись косматые животные вроде коров, на спинах у них лежал снег. А дальше виднелся крохотный домик с островерхой кровлей. Края ее по углам загибались вверх, как у горящей бумаги. Дом был сложен из черного вулканического камня, как и вся гора, только ставни и крылечко со столбиками были деревянные, выкрашенные в красное с золотым и синим. Получилось очень нарядно. Навстречу путникам выбежала собака, принюхалась и отбежала, скуля, когда почуяла Сталкера.

– Что это за место? – прошептала Анна.

– Ты не знаешь? – спросил Селедка. – Ты же нас сюда привела.

– Я никогда не бывала здесь раньше. Просто шла по дороге, на которую направила меня та, другая.

Селедка критически взглянул на домик.

– Она сказала – тут какая-то обитель. Говорила, мы остановимся отдохнуть. Это оно и есть?

Анна не знала.

На двери были нарисованы два золотых глаза, чтобы отгонять нечисть. Селедка постучал между ними тощим кулачком. За дверью послышался шорох, потом тишина. Он снова постучал. На крутых отрогах горы из вечерного тумана возникали призраки.

Дверь открылась. На пороге стоял кто-то в алом одеянии из толстой, грубого плетения ткани. Женщина, решил Селедка. У нее было смуглое лицо с большими глазами, впалые щеки и бритый костлявый череп.

– Простите, госпожа, нам бы нужно еды и воды… – начал Селедка, но женщина на него даже не взглянула.

Она смотрела поверх его головы на Сталкера. Губы ее шевелились, но вместо слов получались только чуть слышные скулящие звуки. Она прижала к лицу левую руку, потом правую, и Селедка увидел, что вместо правой кисти у нее блестящий металлический крюк.

– Анна? – выговорила наконец женщина и попятилась в темноту за дверью домика. – Нет! Ты не она! Я так старалась, пробовала снова и снова, но ты – не она…

– Сатия! – прошептала Сталкер и бросилась мимо Селедки обнимать стальными руками перепуганную женщину.

Селедка вскрикнул – на секунду ему показалось, что это снова Сталкер Фанг и она хочет убить хозяйку домика. Когда он понял, что Анна просто ее обнимает, то сперва перевел дух с облегчением, а потом позавидовал.

– Сатия! – прошептала Анна, металлическим пальцем обводя контур ее лица. – Сколько же я тебя не видела? С той самой ночи в Батмунх-Гомпе, когда был снег, и огонь, и Валентайн… Ах, Сатия, ты так постарела! Бедная твоя рука! Что с ней?

Сатия посмотрела на Анну, потом на Селедку и, тихо вздохнув, без чувств осела на каменный пол.

– Она была моей подругой, моей ученицей, – шептала Анна, склоняясь над ней. Ее слепое бронзовое лицо повернулось к Селедке. – Что она здесь делает? Что с ней стало?

Селедка в тревоге покачал головой. Откуда ему что-то знать об этой

посторонней отшельнице? Это Сталкер была с ней знакома.

Он сказал:

– Давай сопрем какой-нибудь еды и уйдем, пока она не очнулась.

– Нет! Нужно ей помочь! Я хочу с ней поговорить!

– А что, если та, другая твоя половина вернется? Она разговаривать не станет, правда? Убьет, и все тут…

– Тогда ты должен о ней позаботиться, – прошептала Анна. – Предупреди Сатию, когда почувствуешь, что та, другая возвращается. А может, она и не появится?

Анна погладила Сатию по щеке:

– Столько воспоминаний, Селедка… Столько новых воспоминаний! Я чувствую, они делают меня сильнее. А теперь помоги мне; где тут кровать?

На это ответить было легко. В домике всего одна комната, кровать в дальнем углу – большая, застеленная мехами и одеялами, а под ней в очаге горит сухой навоз. Анна уложила Сатию и бережно укрыла одеялом. Сатия пошевелилась.

– Анна, это правда ты?

– Вроде да, – прошептала Сталкер.

Сатия всхлипнула:

– Анна, это все я виновата! Надо было дать тебе покоиться с миром, но я не могла этого вынести! Я договорилась с Попджоем.

– Кто это – Попджой?

– Инженер один. Он тебя воскресил. Обещал, что ты снова будешь собой, но ты не помнила меня, ты вообще ничего не помнила. Говорила, что ты не Анна…

– Ш-ш-ш, – прошептала Сталкер, прижимая руку Сатии к своим холодным бронзовым губам. – Сатия, ты вернула меня. Твоя любовь меня вернула.

– Ох! – простонала Сатия и спрятала лицо в складках одеяла.

А Селедка смотрел и ждал, когда Анна превратится в Сталкера Фанг. Но перемена все не наступала, и он постепенно начал надеяться, что встреча со старой подругой дала Анне силы навсегда прогнать Сталкера Фанг.

В ту ночь он спал на полу, на расстеленных одеялах, согретый горящим навозом в пузатой печке. Голоса Сталкера и Сатии омывали его, словно волны, тихонько шепча о незнакомых ему людях и странах, иногда переходя на чужой язык, которого он не знал.

Селедка проснулся, когда уже светило солнце, под звук работающего

насоса. Протирая глаза, он вышел в пронизанный светом утренний туман. Сталкер сидела на пороге, спиной к нагретой солнцем стене, с любопытством обратив лицо в ту сторону, где Сатия качала рукоятку насоса возле дальнего угла дома. Селедка подумал, что с одной рукой это довольно тяжело, и подошел помочь. Наполнив большое кожаное ведро, они вдвоем взялись за ручки и потащили его к дому.

– Тебе, наверное, любопытно, зачем это? – спросила Сатия. – А это чтобы тебя искупать.

Селедка возмущенно взвизгнул и чуть не выронил ведро. Он в жизни своей не мылся и не видел причин менять эту привычку. Но Сатия и Сталкер не желали слушать никаких отговорок. Они общими силами стащили с него заскорузлую от грязи одежду и окунули его в оцинкованную ванночку. Потом намылили и давай драить. Еще и голову отмыли от вшей.

Это был самый счастливый день за все Селедкино детство, и он запомнил его навсегда. Солнце, поднявшись выше, сожгло туман, и вокруг одинокого домика засверкали ослепительно-чистые снежные поля. Над каждой вершиной клубился подхваченный ветром снег на фоне блистающего неба. Сатия постирала одежду Селедки, а пока вещи сохли, дала ему надеть свои поношенные холщовые штаны и шерстяную рубашку. Он нарубил дров, вытаскивая из кучи поленья, которые принесли отшельнице в дар жители окрестных долин. Сталкер помогла перенести расколотые поленья под навес за домом, а потом Сатия отвела Селедку в сложенный из камня хлев, где стояли животные. Сперва Селедка испугался – они были такие большие и такие живые, но Сатия показала ему, какие они кроткие. Селедку насмешило, как они дергали мохнатыми черными ушами, словно руками в варежках, отгоняя мух, и подхватывали предложенные им в угощенье клочки сена розовыми языками. Сатия подоила корову, и Селедка отнес полное ведерко в дом, стараясь не пролить ни капли теплого пенистого молока, от которого шел пар.

Тем временем Анна выдвинула коготь-лезвие и стала что-то вырезать из полешка. А когда закончила, вложила Селедке в руку деревянную фигурку. Это была лошадка – она гарцевала, задрав голову, а хвост развевался, словно флаг.

– Зачем это? – удивленно спросил Селедка, вертя фигурку в руках.

– Это тебе, – прошептала Анна. – Игрушка. Чтобы играть. Когда я была маленькая, папа вырезал мне разные фигурки.

Селедка посмотрел на лошадку. Будь он обычным ребенком, у него было бы много игрушек. Он бы целыми днями валялся на ковре и

придумывал себе собственные миры, с городами и зверюшками, и сейчас уже, наверное, считал бы себя слишком взрослым для игр с деревянными лошадками. Но он был Пропащим Мальчишкой, у него никогда раньше не было игрушек. И он заплакал, потому что лошадка была такая красивая и он сразу ее полюбил.

Позже они с Сатией пошли к реке – пенистой стремительной реке, которая шумела под висячим мостом из веревок и бамбука и убегала вдаль, в заросшую лесом долину. Они бросали камни в бурлящую воду на перекатах, а собака Сатии с громким лаем носилась по берегу. Селедка нашел шест от старого молитвенного флажка – его смыло весенним паводком из какого-то святилища выше по склону – и тоже бросил в воду, и они смотрели, как река уносит шест прочь. Солнце начало клониться к закату. Долину наполнили тени, а горы засияли янтарно-розовыми отсветами.

– Останься здесь, Селедка, – сказала Сатия под шум воды.

– Не могу, – ответил Селедка, стараясь даже не думать об этом. – Сталкер…

– Она пусть тоже остается. – Сатия смотрела вдаль, куда-то за горы, в свое беспокойное прошлое. – Когда я потеряла руку, а Сталкер Фанг стала командовать Разбойничьим Насестом и к власти пришла Зеленая Гроза, я, наверное, немножко повредилась в уме. Всем говорила, что на самом деле Сталкер – не Анна, но они не слушали. Хотели меня казнить, но несколько офицеров меня пожалели. Среди них был и Нага. Они отправили меня сюда жить. Наверное, Сталкер Фанг подписала приказ, потому она и знала, где меня найти. Я думаю, остальные меня давно забыли. Мне нельзя уходить отсюда, но люди из долины обо мне заботятся, приносят дрова, мед и чай, а я за это поднимаюсь на Чжань-Шань, ухаживаю за высокогорными святилищами и молюсь за них небесным и горным богам.

– Тебе здесь не одиноко? – спросил Селедка.

– Конечно одиноко. Я и этого не заслуживаю – после всего, что натворила в молодости. Но если ты захочешь остаться, место для тебя найдется. Живи, пока не будешь готов двинуться дальше… Или пока не подрастешь настолько, чтобы переселиться в какую-нибудь деревню в долине. Селедка, ты же маленький еще!

Они вместе вернулись к домику. Сталкер стояла у крыльца, словно статуя, обратив лицо к горам. Услышав шаги, она повернулась и прошептала:

– Мне нужно идти.

– Нет! – сказала Сатия.

– Нет! – крикнул Селедка, чувствуя, как его чудесный день ускользает прочь.

Он подумал было, что Сталкер Фанг вернулась, но это все еще была Анна.

– Я тут подумала, – терпеливо проговорила она. – Тот инженер, что меня воскресил, все еще жив?

– Доктор Попджой теперь большой человек, – с горечью ответила Сатия. – Гроза выделила ему целую виллу на озере недалеко от Батмунх-Гомпы.

– Я пойду к нему, – сказала Анна. – Попрошу его, пусть залезет ко мне в голову и уберет ту, другую. Сталкер Фанг не должна жить. Кто знает, что она задумала?

– Она хочет поговорить с каким-то Одином, – сообщил Селедка. – Для этого сюда и шла.

– Кто это – Один? – спросила Анна. – Я ей не доверяю. Пусть Попджой заставит ее замолчать навсегда. А если не сможет, пусть уничтожит нас обеих.

– Ох, Анна! – вскрикнула Сатия и хотела ее обнять, но Анна уклонилась.

– Мне нельзя оставаться здесь, – прошептала она. – Если я снова переменюсь, могу вас убить. Я должна уйти, пока не вернулась моя другая сущность.

Сатия заплакала. Она умоляла Анну передумать, но Селедка знал, что спорить бесполезно. Он прошел долгий путь вместе со своим Сталкером и успел узнать, что Анна так же упряма, как и та, другая. Селедка сунул руку в карман и стиснул деревянную лошадку.

– Я с тобой, – сказал он.

– Нет, Селедка, – ответили обе женщины в один голос, и живая, и мертвая.

– Я тебе нужен, – сказал он твердо. – И даже той, другой я нужен. Далеко эта Батмунх-Гомпа? Наверное, до нее много миль. Ты не дойдешь одна, слепая…

Он заплакал, потому что не хотел уходить из обители, но и остаться, когда его Сталкер уйдет, не хотел тоже. Он крепче сжал в руке игрушечную лошадку, стараясь казаться храбрым.

– Я с тобой!

Глава 17
Территория Грозы

На нейтральной полосе вечер. Хэрроубэрроу весь день понемногу продвигался на восток, пережидая под слоем глины, когда вверху пролетал небесный патруль, и выбираясь на поверхность в те редкие минуты, когда в небе было чисто, чтобы выпустить из выхлопных отверстий на корме клуб дыма, похожего на туман.

Путешествие под землей в кротообразном пригороде оказалось из тех вещей, которые страшно увлекают воображение, но быстро надоедают в реальности. Так думала Рен, идя быстрым шагом по раскаленным, полным дыма улицам. Горожане таращили на нее глаза и смотрели вслед. Она боялась, что стрижка и одежда, которые в Мурнау казались ей такими модными и взрослыми, здесь просто выглядят несуразными.

Было бы спокойнее сидеть в здании муниципалитета и носа не высовывать, но Вольф Кобольд предложил ей встретиться с ним на мостике. Он и папу пригласил, но папа неважно себя чувствовал, а Рен не хотела, чтобы Вольф решил, будто его приглашением пренебрегают.

Она миновала заложенные стеклянными кирпичами окна таверны «Герб копателя» и свернула на Перпендикулярную улицу, которая каскадом лестниц спускалась в глубину пригорода.

Мостик представлял собой передвижную конструкцию, протянувшуюся через пищеварительные верфи Хэрроубэрроу. Он мог катиться по рельсам, проложенным вдоль стен, и с него можно было наблюдать за обработкой добычи или за ходом работ на складах. Свисающие с мостика цепи покачивались и лязгали в такт движению пригорода, а у подножия трапа дежурили двое караульных. Один заступил дорогу Рен, когда она потянулась к нижней перекладине, но его напарник сказал:

– Спокойно, это девчонка его высокородия.

– Я сама своя! – возразила Рен, но караульные ее не услышали.

Скрежет и грохот при движении пригорода под землей были оглушительные, а голос Рен рядом с этими суровыми кладоискателями с задубелыми лицами становился совсем тоненьким и девчачьим. Поднимаясь по трапу, она чувствовала на себе их взгляды и слышала, как один что-то крикнул другому, отчего оба засмеялись.

– Рен! – радостно воскликнул Вольф, когда она выбралась из люка на мостик и остановилась, еле переводя дух.

Рен растерянно оглядывала ряды рычагов, циферблатов, и переключателей, и переговорных трубок, свисающих, точно сталактиты, с низкого железного потолка.

Вольф поднялся с крутящегося кресла и пошел навстречу, ловко обходя Хаусдорфера и других навигаторов, которые спешили куда-то с охапками свернутых в рулоны карт и с приказами для котельной.

– Я рад, что ты смогла спуститься! Как себя чувствует герр Нэтсуорти?

– Все хорошо, – ответила Рен. – Надеюсь, он прилег поспать после обеда.

Папе нездоровилось с тех пор, как они прибыли в Хэрроубэрроу, и сейчас он выглядел бледным и слабым. Рен строго велела ему лечь отдохнуть, но, зная его, подозревала, что он в библиотеке, изучает по карте предстоящий маршрут.

Вольф взял ее под руку:

– Ты тревожишься о нем.

– По-моему, в Хэрроубэрроу слишком жарко и душно для него, – ответила Рен.

Ей не хотелось говорить про папино больное сердце. Папа так старался убедить всех, и прежде всего самого себя, что здоров, – было бы предательством разболтать Вольфу, насколько он болен на самом деле.

– Он скоро придет в себя, – пообещала она, улыбаясь как можно бодрее.

– Хорошо, – сказал Вольф, как будто они о чем-то договорились.

Он подвел Рен к своему креслу, рядом с которым с потолка свисала здоровенная медная штуковина, утыканная рычагами и кнопками. Внизу у штуковины были два окуляра. Вольф потянул всю конструкцию вниз, чтобы окуляры оказались на уровне глаз Рен.

– Я подумал, что тебе захочется полюбоваться пейзажем.

Рен почти забыла, что на свете бывают такие вещи, как пейзажи. На Хэрроубэрроу время тянулось так медленно, что ей уже казалось, будто она много дней не видела ни земли, ни неба. Но когда она заглянула в окуляры, то увидела и то, и другое; небо было темно-синее, почти совсем безоблачное, и месяц ярко сиял, озаряя заросшие сорняками стенки колеи, по которой двигался пригород.

– Где мы? – спросила Рен.

– Совсем близко к территории Грозы.

– А почему не видно крепостей? И поселений?

Вольф хмыкнул:

– У Грозы не хватает войск, чтобы оборонять все захваченные земли. На границах они только ставят сторожевые башни с промежутками в несколько миль. И небесные патрули проверяют местность время от времени.

– Значит, «Дженни» легко проскочит?

– Вполне. Я подготовил небольшой отвлекающий маневр, чтобы дозорным Грозы было чем заняться.

Рен нахмурилась. Когда обсуждали планы экспедиции, Вольф ни слова не говорил про отвлекающие маневры. Но не успела она расспросить подробнее, как к ним подошел Хаусдорфер. Вольф отвернулся и заговорил с ним по-немецки. Вскоре он усмехнулся, хлопнул Хаусдорфера по плечу, и тот начал выкрикивать команды в переговорную трубку на каком-то другом языке, Рен даже приблизительно его определить не могла. Славянский? Романский? Пригород дернулся и накренился, меняя курс.

– Когда мы движемся тихим ходом, как сейчас, я отправляю вперед пешие разведывательные отряды. Несколько из них как раз вернулись с докладом. Мы почти на линии фронта. – Вольф хлопнул Рен по плечу, широко улыбаясь; ему было весело. – Приведи отца! В течение часа мы отправляемся.

В том месте, где глубокие борозды, оставленные Лондоном двадцать лет назад, пересекают границу с территорией Зеленой Грозы, на них устроили земляные насыпи, укрепив их плетенками из металлических прутьев, а на насыпях тут и там установили железные будки и ракетные батареи. Десять лет назад шайка пригородов-жнецов попробовала здесь прорваться. Их обломки добавили к укреплениям – поставив на попа́ куски шасси и гусеничные траки, в них пробили амбразуры, а снаружи намалевали лозунги Зеленой Грозы: «Остановить города!», «Сделаем мир снова зеленым!», «Умоем старую добрую Землю кровью горожан-варваров!»

На батарее «Колея-16» девушке-часовому показалось, что она слышит рокот наземных моторов. Она подошла к парапету и осмотрелась, но увидела только туман. Утренние патрули докладывали, что варвары смирно сидят за линией фронта, почти как люди. Вероятно, шумел двигатель вездехода Зеленой Грозы, везущего солдат на какой-нибудь наблюдательный пункт на нейтральной полосе. Вот бедняги! Дежурить наблюдателем – тоска смертная, а колея номер 16 – никому не нужная сточная канава. Девушка вернулась в будку, где ее ждала горячая лапша и

можно было погреться у печки, перечитывая письма от родных из Занскара.

Тому снился Лондон, когда Рен пришла его будить. Во сне он уже добрался до развалин, и, к его огромной радости, оказалось, что старый город не так уж сильно пострадал. Всего-то и изменилось, что Второй ярус теперь был открыт небу и солнце ярко освещало улицы Блумсбери. Клития Поттс ждала Тома на ступеньках у входа в Музей.

– Почему ты так долго не возвращался домой? – спросила она и взяла его за руку.

– Не знаю, – ответил Том.

– Зато теперь ты дома, – сказала Клития и повела его через знакомый портик.

В главном зале скелеты динозавров дружно повернули к нему костяные головы и приветливо замычали.

– Теперь ты сможешь жить дальше, – сказала Клития.

Он посмотрел ей за плечо и увидел свое отражение в листке ископаемой фольги, висящем в витрине. В отражении он был не старым и болезненным, а совсем здоровым и молодым.

– Пап? – сказала Клития и превратилась в Рен.

Он нехотя проснулся в душной темноте Хэрроубэрроу и стал на ощупь искать свои зеленые пилюли.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила Рен. – Мы почти на границе. Вольф велел приготовиться…

От мысли, что они скоро отправятся в путь, Тому стало немного лучше. Приятный сон тоже его приободрил. Том оделся, и они вместе вышли на корму, к ангару, где дожидалась «Дженни Ганивер». В ангаре их встретил Вольф.

– Перенесите вещи на борт, – распорядился он. – Отправляемся, как только я вернусь. Будьте наготове!

– А куда вы идете? – Том удивился, что они не сразу отчаливают.

– На мостик. Мы еще не пересекли границу, герр Нэтсуорти. Я планирую небольшой отвлекающий маневр, чтобы моховикам было не до нас.

Он ушел быстрыми шагами по одной из трубообразных улиц. Том и Рен отнесли дорожные сумки в гондолу «Дженни» и встали на причале, среди шумной суматохи ангара. Внезапно звук работающих вхолостую моторов изменился, глухое бормотание перешло в пронзительный вой. Пригород рванулся вперед. Рен схватилась за Тома, чтобы удержать равновесие.

– Что происходит?

Том и сам не знал, но даже в закрытом ангаре без окон ощущалась огромная скорость. Включив все вспомогательные двигатели, Хэрроубэрроу мчался по колее. Пригород вынырнул на поверхность, гоня перед собой мощный вал почвы и растительности. Захваченные врасплох солдаты Зеленой Грозы успели дать несколько залпов, но ракеты отскочили от брони, не причинив пригороду вреда. А потом Хэрроубэрроу снес заграждение, крепость и орудия и вломился через границу на территорию Грозы. Вдоль бортов открылись дверцы, из них выскакивали отряды свирепых кладоискателей, вооруженных пистолетами, ножами и дубинками. Они добивали тех, кто успел выскочить из разрушенных укреплений. С надрывным воем двигателей Хэрроубэрроу развернулся боком, разворотил земляную стенку колеи и опрокинул стоявшую на ней сторожевую вышку.

И в тот же миг в ангар ворвался Вольф, крича:

– Пошел! Пошел! – и выкрикивая приказы своим людям по-немецки и по-романски.

Те навалились на медные рукоятки, открывая двери ангара. Повеяло запахами влажной земли и бездымного пороха. Только сейчас Том и Рен увидели, что происходит снаружи. В багровом зареве пожаров на крутых, осыпающихся боковых склонах колеи шел бой. Хэрроубэрроу продолжал разворот, поэтому картина боя стремительно двигалась, но Том и Рен успели разглядеть расплющенные казармы, спутанные мотки колючей проволоки, похожие на паутину на фоне пламени, барахтающиеся в грязи фигурки людей, вспышки выстрелов, блеск клинков и повсюду – падающих наземь убитых.

– Поднимаемся на борт! – заорал Вольф и подтолкнул Рен к сходням. – Пока не прибыли подкрепления, нужно улететь как можно дальше.

– Все это – только чтобы мы могли пересечь линию фронта? – ужаснулся Том. – Вы не говорили…

– Я обещал, что переправлю вас. – Вольф пожал плечами. – Я не уточнял, как я это осуществлю. Думал, вы понимаете, что придется совершить некоторые не совсем приятные действия.

– Но перемирие… – сказала Рен.

– Перемирие не будет нарушено. Мы не дали им повода считать, что мы – часть «Тракционштадтсгезельшафта».

– Несчастные люди…

Вольф втолкнул Рен на полетную палубу, улыбаясь ласково, как будто его забавляло ее мягкосердечие.

– Рен, это не люди, а всего лишь моховики. Они сами захотели жить на голой земле, как животные. Вот и умрут, как животные…

Хэрроубэрроу к этому времени совершил полный поворот; теперь он оказался носом в ту сторону, откуда приехал, а кормой – к территории Грозы. Том лихорадочно переключал рукоятки на приборной доске. Рен почувствовала, как ожили моторы, но не могла их расслышать за ревом двигателей Хэрроубэрроу и грохотом битвы за бортом. Несколько пуль ударились в притолоку дверей ангара, высекая искры, но по большей части защитники Зеленой Грозы смолкли. Вольф с размаху хлопнул Тома ладонью между лопаток и крикнул:

– Полетели! Вперед!

Том глянул на Рен и, крепко сжимая рычаги управления, отстегнул швартовочные зажимы «Дженни». Он вывел дирижабль из ангара, забирая круто вверх и к востоку, следуя по затянутой туманом колее.

Рен побежала в каюту на корме, встала возле широкого окна и бросила прощальный взгляд на Хэрроубэрроу. Бронированное чудище, окутанное туманом и дымом, встав на дыбы, схрумкало очередную крепость, потом снова шлепнулось в колею и погнало на запад. «Дженни» летела с хорошей скоростью, задевая килем за ветки деревьев и земляное дно колеи. Скоро отблеск пожарищ скрылся в тумане за кормой – и наступила тишина. Слышно было только привычное урчание двигателей Жёне-Каро.

– Я думаю, моховики нас не заметили, – сказал Вольф.

Давно он стоит у нее за спиной? Рен обернулась. Вольф смотрел благосклонно, хотел развеять ее страхи.

– А если и заметили, мои ребята всех уже положили. Хаусдорфер еще разнесет пару оборонительных сооружений и отправится восвояси, пока не подошло подкрепление. Гроза решит, что это был обычный кладоискательский городок, жадный до металлолома и моховиковой крови. Нас искать не будут.

– Вы нам ничего не объяснили, – холодно сказала Рен. – Сказали, что перейти линию фронта будет легко! Вы не предупредили, что будет настоящий бой.

– Это и было легко, – ответил Вольф. – Ты, фройляйн авиатриса, даже представить не можешь, что такое настоящий бой.

Рен, толкнув его плечом, прошла снова в кабину управления. Том смотрел в огромное носовое окно. Снаружи не было ничего, кроме тумана. Иногда – нагромождение камней и комьев земли в том месте, где частично обвалилась стенка колеи, в которой они летели. Каждый раз Том быстрым спокойным движением подправлял нужные рычажки на панели

управления, умело обводя «Дженни» вокруг препятствия. Рен тихо завидовала – ему было на чем сосредоточиться. А она ни о чем не могла думать, только о дергающихся и падающих фигурках, которые мельком увидела через двери ангара. Ей было стыдно, что она к этому причастна, а еще – страшно, и чем дальше, тем страшнее. Несмотря на слова Вольфа, она была уверена, что дозорные Грозы знают о «Дженни Ганивер» и вот-вот из тумана с ревом вылетят ракеты или птицы-Сталкеры и станут последним, что она увидит в своей жизни.

– Прости, – негромко произнес папа, тоже несчастный и потрясенный. – Когда он сказал, что знает место, где можно проскочить, я думал, мы просто…

Рен сказала:

– Как он мог? Столько людей…

– Рен, идет война, – напомнил Том. – Вольф – солдат.

– Не только, – сказала Рен. – По-моему, ему все это нравится.

– Бывает и такое, – согласился Том.

Он узнал огонь в глазах Вольфа, когда бой был в самом разгаре. Такое же выражение было у Эстер в ту ночь, когда она поубивала охранников Шкина в «Перечнице».

Том сказал:

– Вольф высказывает довольно странные идеи, но у него и вся жизнь странная. Он так молод и никогда не знал ничего, кроме войны. Глубоко внутри, я думаю, он человек порядочный.

– Разве что очень глубоко, – сказала Рен.

Том улыбнулся:

– Был у меня один знакомый, звали его Крайслер Пиви. Мэр пиратского пригорода, почти такого же свирепого, как Хэрроубэрроу. Больше всего на свете он хотел стать джентльменом. Вольф, наоборот, джентльмен, которому хочется быть пиратом. Но есть и другая сторона. С нами он обращался хорошо, правда ведь? И теперь, вдали от его пригорода, мы, может, снова увидим эту его сторону.

Рен осторожно кивнула, как будто очень хотела ему поверить. Том и сам хотел бы себе верить. Он уже не сомневался, что зря принял приглашение Вольфа. Если в этом путешествии с Томом что-нибудь случится, Рен останется совсем одна и некому будет о ней позаботиться, кроме Вольфа Кобольда. Что с ней тогда будет?

А пока «Дженни» летела себе дальше в полном одиночестве. Ни птиц, ни ракет не было видно, и Том снова начал надеяться на лучшее, вспоминая ощущение покоя, которое испытал, когда ему приснился Музей. Ему не

нравилось то, что сделал Кобольд, но, по крайней мере, они двигались к цели. Где-то там, за полночными равнинами, Лондон притягивал к себе «Дженни Ганивер» и ее пассажиров, словно темная звезда.

Глава 18
Кругом следы гигантского крушенья[20]

Через несколько часов туман поредел и Рен впервые смогла толком рассмотреть пейзаж, над которым они летели – а точнее, внутри его. Том по-прежнему вел дирижабль как можно более низко, прячась за гребнями засохшей глины, которые высились между старыми колеями. Насколько Рен могла разглядеть, местность вокруг не так уж сильно отличалась от тех равнин, по которым разъезжали города по другую сторону нейтральной полосы. Зеленая Гроза очистила восточные степи от движущихся городов, а стационарные поселения построить здесь еще не успела. Изредка через проломы в земляных отвалах мелькали далекие огоньки крепостей и ферм, но, если там и были дозорные, они уж точно не высматривали крошечный дирижабль среди выжженных, заросших сорняками просторов.

Лондонские колеи вели прямо на восток, будто их проложили по линейке. Каждая борозда была в двести футов шириной и в глубину кое-где почти столько же. Том вел «Дженни» по самой северной колее, пока полоска неба вверху не посветлела. Тогда он посадил дирижабль, чтобы переждать светлое время суток.

Чуть позже, когда Том лег спать, а Рен дежурила в кабине управления, она взглянула в небо и увидела, что над ними пролетают десятки дирижаблей Зеленой Грозы – очень высоко, и направлялись они на запад. Потом ее взгляд зацепила размеренно машущая крыльями стая птиц-Сталкеров, тоже летящая на запад.

Рен показала на них Вольфу, но он отмахнулся:

– Нет причин для тревоги. Рутинное перемещение войск.

Как ни сердилась на него Рен вчера, сейчас она была рада его присутствию, его по-военному четкой уверенности. К тому же вдали от Хэрроубэрроу он словно стал мягче, как и предсказывал Том. Голос и выражение лица уже не были такими жесткими, и когда Рен попросила его что-то сделать, он послушался, как будто признавал, что на борту «Дженни Ганивер» она лучше разбирается, что к чему.

А насчет птиц он оказался прав. Ни одна не спустилась настолько низко, чтобы различить красно-коричневый корпус «Дженни» на фоне красноватой глины в колее.

Ночью они полетели дальше. Так же прошел и следующий день,

только однажды им попалось глубокое чистое озерце. Том посадил дирижабль, и Рен смогла поплавать. От ледяной воды все занемело. На поверхности сверкали блики, разбиваясь перед лицом Рен. Она перевернулась на спину, чувствуя, как вздувается вокруг нее купальное платье, и слушая тишину. Прежняя жизнь, Винляндия и Брайтон, отошли немыслимо далеко.

С крутого откоса посыпались камешки, звонко плюхаясь в воду. От них к Рен побежали круги. Вольф пробирался между деревьями, растущими по краю колеи. Увидев Рен, он помахал рукой и крикнул:

– Просто осматриваюсь!

Рен подплыла к берегу и поскорее переоделась, стараясь, чтобы корпус «Дженни Ганивер» загораживал ее от Вольфа. Когда она вышла из-за дирижабля, с мокрыми волосами и дрожа, Вольфа не было видно. Рен вскарабкалась на земляной гребень и увидела, что Вольф лежит плашмя на траве и смотрит в карманную оптическую трубу.

– Что видно? – спросила Рен.

– Ничего настораживающего.

Он протянул трубу Рен, и она приложила окуляр к глазу. На юге поросшая бурой травой равнина уходила к далеким синим горам. Возле небольшого стационарного поселения поблескивали на солнце дурацкие ветряки. Дальше к востоку еще что-то двигалось: длинный приземистый город, подумала Рен, а потом сообразила, что этого не может быть.

– Товарняк, занимается снабжением войск, – сказал Вольф. – Грозовики проложили железные дороги от гор Шань-Го до самых Ржавых болот. Я в прошлый раз так добирался домой от Лондона – прятался в товарном вагоне. Людей на этих поездах обычно нет.

– Даже машиниста? – спросила Рен, разглядывая черный электровоз в голове поезда, – тупоносый, без окон, он мчался вперед, словно атакующий бык.

– Локомотив и есть машинист. Сталкер модели «Попджой-двенадцать». Им управляет Воскрешенный человеческий мозг. Какой-нибудь бедолага-инакомыслящий или пленный солдат, которого Гроза превратила в машину. Рен, их нечего жалеть. Они дикари. Тут или мы их, или они нас.

Рен поняла, что он говорит о вчерашней бойне – то ли извиняется, то ли просто объясняет. Она старалась придумать ответ, но так и не нашлась что сказать.

– Смотри, он замедляет ход. – Вольф снова забрал трубу. – Наверное, там мост или поврежденный участок дороги. Если понадобится, в этом

месте удобно будет забраться на поезд.

– В каком смысле?

Вольф оскалился:

– Мало ли, вдруг с дирижаблем что-нибудь случится, тогда домой будем возвращаться пешком. Если прокатиться на поезде, можно сэкономить пару недель пути.

Рен кивнула. Она видела, что он хочет вывести ее из равновесия, и не собиралась поддаваться.

– Вон там деревья близко к путям растут, – сказала она, показывая пальцем. – Можно спрятаться, пока будем ждать поезда.

Вольф расхохотался, оценив ее браваду.

– Рен, ты мне нравишься! Ни одна девушка в Мурнау не смогла бы отправиться в такое путешествие, да еще так спокойно ко всему отнестись. Ты, как это говорится… хладнокровная.

– В маму, наверное, – ответила Рен.

– Уже недолго осталось, – объявил Том вечером, заводя моторы.

Рен ушла в каюту на корме, чтобы хоть немного поспать, а Вольф расхаживал взад-вперед по кабине управления, время от времени останавливаясь и всматриваясь в черноту впереди – не покажется ли Лондон.

– Близко, – прошептал он, как будто про себя. – Совсем близко…

Гребни вывороченной Лондоном земли заслоняли ночное небо. Дважды мимо окон гондолы пролетали, хлопая крыльями, птицы, разбуженные шумом моторов. Том пугался, а во второй раз даже вскрикнул, и к нему сейчас же подбежал Вольф.

– Нет, ничего, – смущенно сказал Том. – Просто птицы. Много лет назад мне пришлось драться с летающими Сталкерами Зеленой Грозы, и с тех пор я боюсь птиц.

– Вы храбрый человек, герр Нэтсуорти, – сказал Вольф, успокаиваясь, и вновь принялся расхаживать взад-вперед.

– Храбрый? – засмеялся Том. – Посмотрите на меня – трясусь как лист!

– Храбрецы тоже чувствуют страх. А если вспомнить, что вы совершили… Рен мне рассказала кое-что о ваших чудесных приключениях в молодости.

– Тогда они совсем не казались чудесными, – отозвался Том. – Я по большей части только и делал, что цепенел от страха. Повезло, что жив остался. Все у меня получалось вкривь и вкось…

Полет продолжался. Через несколько часов Рен сменила Тома за приборами. Он включил кофемашину и растолкал Вольфа, дремлющего у окна:

– Кофе?

Молодой человек нахмурился:

– Который час? Мы уже над обломками Лондона?

– Пока еще нет.

– Пап! – окликнула Рен, сидя за панелью управления. – Папа, смотри!

Том, забыв о кофе, встал рядом с дочерью и, перегнувшись через ряды рычажков, стал смотреть в носовое окно. За дальними горами на бледном небе проступал рассвет. А между «Дженни» и горами, прямо посреди колеи, черным силуэтом на фоне неба выделялась пузатая приземистая башня без единого окна. Том на мгновение испугался, что Зеленая Гроза построила здесь крепость, чтобы охранять подступы к развалинам Лондона.

– Это колесо, – прошептал Вольф, как зачарованный глядя через плечо Рен.

Рен потянула на себя рычаг, «Дженни» поднялась выше, и Том, глядя вниз, понял, что Вольф прав: покореженное, изъеденное ржавчиной, заросшее сорняками, это все-таки было колесо, отломанное от Лондона. А дальше, рассыпанные по Поверхности, темнели в предрассветных сумерках разнообразные предметы: другие колеса, скрученные куски осей, причудливо оплавленные груды металла, выброшенные взрывом. Поверх всего этого валялись отдельные гусеничные траки, издали напоминая разрушенную дорогу, которая вела к огромной горе обломков, только что показавшейся из тумана.

Том затаил дыхание. Он помнил, каким в прошлый раз видел родной город, наутро после МЕДУЗЫ – в пламени пожара, сотрясаемый взрывами. Тогда с ним была Эстер. «Дженни Ганивер» дрейфовала по ветру, а Эстер утешала Тома и заставила его отвернуться, не смотреть на гибнущий Лондон. Когда Том снова взглянул, их уже отнесло далеко от места катастрофы.

– Приземлимся? – спросила Рен.

Том быстро провел рукой по глазам и вопросительно посмотрел на Вольфа.

Вольф сказал:

– Пока рано. Это всего лишь западная окраина развалин. Здесь ничего нет, кроме колес и траков, да еще пара-тройка обгорелых пригородов. Приехали поживиться, а их разбомбили сторонники Лиги….

– Или взорвали молнии-призраки, – пошутила Рен и тут же пожалела о своих словах.

Дурацкие истории о привидениях, услышанные в таверне «У Муна», сейчас уже не казались такими дурацкими. По обе стороны от дирижабля безмолвно проплывали пустые остовы разрушенных домов с провалами окон, словно целая флотилия призрачных кораблей.

– Полетим еще немного на восток, – решил Том.

Пейзаж внизу стремительно менялся. Землю покрывал сплошной слой обломков. «Дженни Ганивер» проплыла над обгорелым пригородом – отломанные колеса и двигатели смешались с развалинами, на которых тот собирался пировать. В трещинах между перекошенными стальными плитами палубы шелестели ветвями деревья. А дальше груды обломков громоздились все выше. Том присмотрел ровную площадку, полускрытую нависающими гусеничными траками, заложил над ней круг, проверяя, все ли спокойно, и аккуратно посадил «Дженни».

– Ого! – прошептала Рен в наступившей тишине.

Вольф Кобольд распахнул люк, впуская в гондолу прохладную сырость и запахи влажной земли.

– Вокруг ни души, – сказал Вольф. – Никто нас не встречает…

У Тома сильно забилось сердце. Он постарался успокоиться. Исподтишка проглотил зеленую пилюлю и под каким-то предлогом остался в кабине, пока Рен и Кобольд возились с причальными якорями и накидывали на двигатели маскировочную сетку – ту самую, что он привез из Мурнау. Весь дирижабль накрыть не получилось, но, если повезет, пролетающие дирижабли и птицы-Сталкеры его не заметят в тени траков, с искаженными сеткой контурами.

Втроем они собрали все нужное: рюкзаки, фонарики; Том вытащил из рундука над креслом пилота старое ружье, которым никогда не пользовался. Небо над развалинами посерело, звезды одна за другой гасли. Приближался рассвет. Выпили чаю, а Вольф еще и хлебнул чего-то покрепче из своей фляжки.

– Рен, тебе бы лучше остаться здесь, – начал было Том. – По крайней мере, пока мы не осмотрим ближайшие окрестности…

– Нужно держаться вместе, – твердо сказал Вольф, и никто ему не возразил; они снова были на твердой земле, в его стихии.

Вольф пошел первым, с фонариком в одной руке и пистолетом – в другой. Так, цепочкой, один за другим, они вступили в темные закоулки затерянного города.

Поначалу казалось, что здесь совсем тихо. Жуткая, потусторонняя, кладбищенская тишина, разбавляемая только шагами пришельцев. «Наверное, в белых лунных садах такое же безмолвие», – подумал Том. Но чем дальше они шли по узким запутанным тропинкам, тем больше звуков он различал. С нависающей железяки сорвалась капля; в пустом окне захлопал обрывок занавески; прошуршали чешуйки ржавчины – они целыми сугробами лежали среди обломков.

– Никого, – прошептал Вольф.

– Как тебе на родине, пап? – спросила Рен.

– Странно.

Наклонившись, Том потрогал валяющуюся под ногами гнутую жестяную табличку, обвел знакомое название лондонской улицы: «Финчли-роуд, Четвертый ярус».

– Странно и грустно…

– Тише! – Вольф шагнул вперед и замер, сжимая в руке пистолет.

– Если здесь кто-нибудь есть, они наверняка слышали, как мы приземлялись, – напомнил Том. – Они уже знают о нас. Могли бы и показаться…

Где-то в развалинах закричала птица. Исследователи двинулись дальше, нацепив темные очки, чтобы защитить глаза от ярких персиковых лучей восходящего солнца. Из иллюминаторов «Дженни» развалины казались большими, но с земли они выглядели просто огромными. Целая страна – гористый остров, где самые высокие вершины достигают нескольких сотен футов. Кое-где среди обломков угадывались приметы города: целые улицы домов с разбитыми слепыми окнами; ряд опрокинутых магазинов с почерневшими, опаленными вывесками над входом. В других местах все настолько смято и перекорежено – не угадаешь, что здесь было до МЕДУЗЫ. Дважды Том разглядел между грудами ржавого металла остовы пригородов и вспомнил, как в Мурнау рассказывали, что после крушения Лондона к нему направились за добычей несколько пригородов, но так и не вернулись. Их разбомбили сторонники Лиги. Но на этих двух, забравшихся в самую глубь развалин, – один все еще сжимал челюстями глыбу вкусного металлолома – не было ни единого следа от ракет или снарядов. Казалось, они просто *расплавились*.

Том взобрался на невысокую гряду мусора и закричал во все горло:

– Привет!

– Ш-ш-ш! – зашипел Вольф, стремительно оборачиваясь.

– Да, пап! – сказала Рен. – Услышит кто-нибудь!

– Мы же этого и хотим, разве нет? – спросил Том. – Для того мы сюда

и прилетели – найти людей, если здесь еще остались люди? И вы сами говорили, Вольф, что они не проявляли враждебности…

Том сложил руки рупором и снова закричал:

– Привет!

Отголоски разбежались и попрятались среди развалин. Вслед за тем раздался пронзительный свист, но это снова была всего лишь птица.

Тропинка нырнула в темное ущелье между ржавыми утесами и вскоре опять вышла на свет. Куда ни глянь, всюду лежали опоры верхних ярусов, разбитые балки и куски палубы, почерневшие и сплавленные невообразимым жаром в единую массу. Путешественники пробирались через переплетенье ржавых шестидюймовых тросов[21], словно комары – по тарелке остывших макарон. Впереди над тропой нависла стальная палубная плита. Когда проходили под ней, Рен почувствовала движение где-то вверху и быстро вскинула голову – но это была птица. Не Сталкер – славная обычная птица, она парила в восходящих потоках воздуха над горячими от солнца развалинами. Наконец исследователи вышли из тенистой прохлады снова на яркий свет.

И тут у них за спиной тишина взорвалась шквалом криков и воплей. Все мгновенно развернулись на сто восемьдесят градусов. Вольф выругался, а Рен схватилась за папину руку.

Ржавые осыпи по сторонам тропы кишели оборванными, суетящимися фигурками. А с нависающей искореженной плиты спускались по веревкам все новые преследователи.

Вольф прицелился, но Том крикнул:

– Не надо! – и дернул его за руку.

Выстрел ушел в сторону. Прежде чем Вольф успел выстрелить снова, его окружили чумазые подростки с самодельным оружием в руках, крича: «Не двигаться!», «Руки вверх!» и «Бросай оружие!» Кое у кого в волосах торчали перья, а лица были размалеваны полосами рыжей глины, наподобие боевой раскраски. Девчонка в грязном белом резиновом плаще подскочила к Рен и навела на нее грубо сделанный арбалет.

С тех пор как Рен сбежала из Анкориджа, в нее из чего только не целились – от неуклюжих газовых пистолетов Пропащих Мальчишек до блестящих новеньких пулеметов. И все равно ощущения не притупились. Трудно придумать что-либо неприятнее, чем обнаружить, что твоя жизнь внезапно находится в руках совершенно незнакомого человека, которому ты явно не очень нравишься, и он может в любой миг эту жизнь оборвать, всего лишь нажав на спусковой крючок. Рен подняла руки вверх и робко улыбнулась девушке с арбалетом, надеясь, что палец у той нечаянно не

дернется.

Тем временем Том пытался объяснить нападающим, что он сам по рождению лондонец и вдобавок ученик третьего ранга в Гильдии историков, но его не слушали. Кто-то вырвал у Вольфа пистолет и прицелился в него. Вольф был вне себя от злости и стыда, что так глупо попался в плен. Рен даже стало его жаль и захотелось сказать ему что-нибудь утешительное. Он же не виноват, что так получилось. И хорошо, что папа не дал ему никого застрелить.

Вперед вышел какой-то человек – судя по всему, предводитель засады – и подозрительно уставился на Рен. Постарше остальных, невысокий, квадратистый, седые волосы коротко острижены, над переносицей татуировка: маленькая зеленая роза ветров. Рен чувствовала, что он боится. Надо же, и это притом что на его стороне десяток вооруженных до зубов малолетних бандюганов! И у самого в руках ружье – странное какое-то, все опутанное разными трубками и проволочками, а вместо дула – плоский цинковый диск.

– Ну что, барышня? – спросил он сварливо. – Что за игру вы затеяли? Что вам понадобилось в Лондоне?

Рен вздернула подбородок, стараясь принять надменный вид.

– Нам нужно поговорить с Клитией Поттс, – объявила она.

– Что? – Человек явно удивился. – Вы знакомы с Клитией?

– Мистер Гарамонд, вот этот все бубнит, что он лондонец, – крикнул один из мальчишек, захвативших Тома.

– Чушь!

Главный снова посмотрел на Рен и пожевал нижнюю губу.

– Хорошо, – решился он наконец. – Свяжите пленникам руки! Отведем их к лорд-мэру.

Глава 19
Холлоуэй-роуд

Со связанными впереди руками, окруженные свирепыми молодыми лондонцами, исследователи продолжили свой путь. Вопреки ожиданиям, их повели не на восток, вглубь развалин, а на север. Девушка, охраняющая Рен, махнула арбалетом в сторону центральной груды обломков.

– Там горячие зоны на каждом шагу. Здесь тоже, только полегче малость. Если б вы и дальше туда шли, так бы и вляпались в Электрическую дорогу. Пакость.

Рен понятия не имела, о чем она говорит. Хотела спросить, но тут мистер Гарамонд заорал:

– Помолчи, Англи Пибоди! Что за панибратство с кладоискателями?

– Ничего я не панибратничаю! – возмутилась девушка.

– Мы не кладоискатели, – вежливо возразил Том. – Мы просто…

– Молчать! – рявкнул Гарамонд, словно учитель, призывающий к порядку непослушных учеников.

Он поднял руку, требуя тишины. На шее у него висел на шнурке занятный аппаратик с несколькими антеннами. Мистер Гарамонд нахмурился, вглядываясь в шкалу датчика в верхней части прибора.

– Сильфида! – крикнул он вдруг. – Ложись!

Его спутники мгновенно бросились на землю и потянули за собой Тома, Рен и Вольфа. Раздалось какое-то жужжание, оно становилось все громче, звук делался выше, пока не стал неслышным для человеческого уха; и тогда между двумя торчащими вверх перекрученными кусками железа затрещала громадная дуга электрического разряда.

– Что это? – ахнула Рен, протирая глаза, – под веками все еще горел отпечаток погасшей вспышки.

Девушка с арбалетом помогла ей подняться.

– Остаточная энергия МЕДУЗЫ, – весело ответил один из тех, кто охранял Тома. – Мы их называем сильфидами. Это еще мелкая, бывают такие монстры! Вот когда весь Лондон еще был горячий…

– Помолчи, будь любезен, Уилл Холсворт! – крикнул мистер Гарамонд, жестами подгоняя всех вперед.

Холсворт покосился на Рен и скорчил рожу, как будто хулиганистый школьник, вызвав у Рен улыбку. Пожалуй, ей случалось бывать в плену у людей похуже, чем эти лондонские ребята.

Тропинка вела в сторону от развалин, и на пути больше не попадалось горячих зон. Дважды встретились почти свободные от обломков участки возделанной земли – там зрели какие-то посевы. Среди металлолома ржавыми подсолнухами высились ветряки.

Дальше тропа пошла вниз, в обширную, V-образную долину. Стенами ей служили разрушенные здания, и вся она скрывалась в тени. Рен глянула вверх и увидела, что небо заслоняют ветки растущих по склонам деревьев и сложная сеть из веревок и тросов с вплетенными в нее сучьями и обрывками ткани. Сквозь эту своеобразную крышу кое-где пробивались лучи солнца, словно прожектором освещая пришвартованный дирижабль.

– «Археоптерикс»! – воскликнул Том, узнав изящный кораблик, который видел в порту Воздушной Гавани.

– Так вот где они его прячут… – словно против воли, восхитился Вольф.

Он уже бросил страдать по поводу своего позорного пленения и с таким же любопытством, как и его спутники, оглядывался по сторонам.

Они миновали неподвижный, тихий дирижабль, затем длинный ряд помятых цистерн с надписями «Горючее» и «Аэростатный газ» и, наконец, пост охраны с парой раскладных стульев и видами старого Лондона на жестяных стенах. Долина закончилась отвесной стеной металла, и Гарамонд велел всем идти в туннель, который как будто вел под эту скалу.

Круглый в сечении туннель с ребристыми стенами и потолком сперва озадачил Тома, но тут лондонцы включили фонарики, и он понял, что это старый воздуховод вроде тех, что безжизненными змеями валялись там и сям среди развалин. По дну воздуховода были проложены рельсы, и на них стояла наготове парочка деревянных вагонеток. Над ними в свете ламп поблескивала эмалью старая табличка, взятая, видимо, с лифтовой станции: на белом квадрате красный круг, перечеркнутый вертикальной синей полосой, на которой белыми буквами написано название[22]: «ХОЛЛОУЭЙ-РОУД».

– Так мы перевозим тяжелые грузы с «Птерикса» в Лондон, – шепнула Рен ее охранница, Англи. – Шпионские птицы моховиков нас не видят, пока мы в туннеле. Мы это называем «прокатиться по трубе».

– Холлоуэй-роуд[23], – снова прочла Рен. – Очень смешно…

– Надо же иногда и посмеяться, а что?

По Холлоуэй-роуд они прошли примерно с милю или больше, то при свете фонариков, то при дневном – в тех местах, где солнце заглядывало через пробоины в старом воздуховоде. Труба то и дело поворачивала, а

иногда круто ныряла вниз, в какой-нибудь овраг, или вверх, преодолевая очередную груду обломков. В пыли между рельсами отпечатались следы множества сапог.

Наконец добрались до другого конца, миновали еще несколько вагонеток и снова вышли на свет. Здесь меж двух холмов металлолома вела дорожка, выложенная металлическими планками. Пространство за холмами было расчищено от обломков, и на нем был разбит огород с аккуратными торфяными грядками. Там работали какие-то люди, собирали капусту, копали картошку. Они выпрямлялись посмотреть, как мимо ведут пленников.

Том тоже оглядывался на них. В Лондоне не просто живут люди, их много! Том смотрел в лица, но никого не узнавал. Не важно, главное – это лондонцы. Многие носили на себе следы давних ранений: у кого-то не хватало руки или пальцев, у одного лицо обожжено, там слепую женщину ведут за руку дети, на ходу взволнованно рассказывая ей про Тома, Рен и Вольфа. Всюду шрамы. «Эстер здесь была бы как дома», – подумал он. Если бы в тот день, после МЕДУЗЫ, ветер унес «Дженни Ганивер» в другую сторону, к Лондону, а не от него… Они остались бы жить в развалинах, и все могло бы быть по-другому.

За огородом лежал громадный кусок палубы, опираясь на груды металлолома, так что получилось что-то вроде пещеры с низким потолком. Гарамонд повел свой отряд внутрь через вытянутое отверстие, похожее на щель в почтовом ящике. Железная кровля была такая низкая, что приходилось пригибаться, но в полутьме пещеры виднелись десятки крохотных домишек, построенных из обломков металла и дерева. Здесь ждала целая толпа – всех предупредили взбудораженные ребятишки, бежавшие впереди процессии.

– Где мисс Поттс? – рявкнул Гарамонд, перекрикивая шум.

Ему ответил какой-то лысый дядечка в грязном белом резиновом плаще («Инженер!» – подумал Том):

– В ратуше, Гарамонд.

Процессия двинулась дальше, вглубь этой искусственной пещеры. Кровля опускалась все ниже, и под конец они шли согнувшись чуть ли не вдвое, чтобы не раскроить себе голову о торчащие из металлической плиты шурупы и скобы.

– Не зря этот район прозвали Крауч-Энд[24], – сказала общительная охранница Рен. – Для жизни не особо удобный, но поначалу, когда надо было прятаться от сильфид, и моховиков, и Квирк знает чего еще, крыша над головой была еще как в тему…

– Англи Пибоди! – гаркнул мистер Гарамонд. – Я, кажется, сказал тебе заткнуться!

В самом низком углу пещеры было втиснуто строение, сооруженное из бывшей конторы смотрителя Брюха и еще всякой всячины; разномастные куски были скреплены между собой гвоздями и шурупами и покрашены в веселенький красный цвет. Над дверью кто-то старательно вывел прописными буквами: «Лондонский чрезвычайный комитет». Гарамонд зашел внутрь, оставив своих подопечных дожидаться у входа, и с кем-то приглушенно заговорил. Потом вышел снова и распахнул дверь.

– Проходите, задержанные! И ведите себя уважительно. Перед вами – лорд-мэр Лондона!

Пол внутри здания был ниже порога, так что здесь не было необходимости наклоняться. Том шел первым, Уилл Холсворт держался рядом и предупредил о ступеньках. Том все равно споткнулся и ввалился в просторную комнату со скошенным потолком. Одну стену занимала карта развалин, испещренная надписями, флажками и загадочными красными булавками. В центре комнаты вокруг потертого жестяного стола собрались человек десять, – судя по всему, приход мистера Гарамонда с пленниками прервал какое-то совещание. Среди этих людей была и Клития Поттс. Она узнала Тома, выпрямилась и сказала:

– О Квирк!

Тут поднялся на ноги другой участник совещания. Потрепанная алая мантия и цепь на шее свидетельствовали, что это лорд-мэр. Том с облегчением выдохнул. Он было испугался, что ему предстоит столкнуться с Магнусом Кромом – зловещим инженером, который правил Лондоном раньше. Но этот корпулентный пожилой джентльмен с похожими на клубы пара клочками белоснежных волос над ушами был не Кром. Вслед за облегчением пришло изумление: Том понял, что ему знакомо это круглое красное лицо. Оно поразило его еще сильнее, чем первая встреча с Клитией Поттс.

– Чадли Помрой! – воскликнул Том.

– Я… Великий Квирк и Клио! – Седые брови старика поползли на лоб от удивления. – Клянусь священными черными штанами Чумазого Пита! Это же наш ученик! Юный, как бишь его… Э-э…

– Нэтсуорти, – подсказал Том.

Он всегда побаивался заместителя главы Гильдии историков, но, встретив его здесь и поняв, что старик выжил, несмотря на все ужасы и опасности, Том чуть не заплакал от счастья.

Смахнув слезы, он сказал дрожащим голосом:

– Том Нэтсуорти, мистер Помрой. Ученик третьего ранга. Я вернулся домой.

Глава 20
Дети МЕДУЗЫ

Чадли Помрой велел принести из общей кухни угощение и засуетился, подгоняя коллег по комитету, чтобы убрали со стола бумаги и потеснились, усаживая гостей. Том, понемногу приходя в себя, разглядывал остальных участников совещания. Среди них были два инженера – невысокий смуглый мужчина и сурового вида старая дама, оба лысые, словно галька, и в потрепанных белых резиновых плащах. Остальные – обычные лондонцы, разного типа и размера и разных оттенков кожи, в том числе жилистый, словно дубленый, человечек. Он помахал Англи, а она махнула в ответ и сказала:

– Привет, пап!

Том решил, что до МЕДУЗЫ он, скорее всего, был рабочим в Брюхе, – совсем не тот человек, какого в прежние времена можно было увидеть в Лондонском городском совете.

Наконец для вновь прибывших освободили три стула, и они уселись.

Чадли Помрой одарил их сияющей улыбкой.

– Мисс Нэтсуорти, рад познакомиться! – Он потянулся через стол и пожал ей руку, после того как Том ее представил. – И герр Кобольд! Наслышаны о героизме вашего города и его союзников. Мисс Поттс всегда привозит нам свежие новости о военных действиях. Добро пожаловать в Лондон!

– Спасибо, сэр. – Вольф сдержанно поклонился, машинально потянувшись рукой к поясу, где должна бы висеть сабля, да только мистер Гарамонд ее забрал. – Я здесь не впервые. В прошлый раз меня выдворили отсюда, прежде чем я мог с кем-нибудь из вас познакомиться…

Он лукаво улыбнулся, глядя на озадаченные лица, и коротко рассказал о том, как впервые попал в развалины.

– Квирк всемогущий! – пробормотал Гарамонд. – Я его вспомнил…

– Вы не первый солдат, кто приходил к нам в поисках укрытия, – объяснил Помрой. – Иногда на окраины развалин забредают раненые, отбившиеся от своих с обеих сторон линии фронта. Мы не можем позволить им выболтать наши секреты, но и убивать их тоже не хотим. Вот мы и придумали – попросту отпугивать посторонних. Обычно загадочных стонов хватает, чтобы даже храбрецы пускались наутек, но время от времени попадаются более любопытные. Мы их усыпляем при помощи

хлороформа, пока они ничего толком не успели увидеть, и уносим подальше от развалин. Большинство понимают все правильно. Вы первый вернулись обратно.

– А почему тогда вы нас не усыпили и не унесли подальше? – спросила Рен.

– Хороший вопрос, – проворчал кто-то из комитетчиков, бросив на Гарамонда мрачный взгляд исподлобья.

– Это было бы затруднительно, – со злостью ответил Гарамонд. – Они не пешком пришли, на дирижабле прибыли. И похожи не на заблудившихся солдат, а на кладоискателей. А у мистера Нэтсуорти вид не слишком здоровый. После хлороформа он мог и не проснуться….

Том начал было возражать, что со здоровьем у него все в порядке, он был бы прямо-таки рад получить хорошую, бодрящую дозу хлороформа. К счастью, спор не успел разгореться. Принесли угощение: хлеб с маслом, яблочную запеканку, домашнее печенье и бузинное вино в старых жестяных флягах.

– Я смотрю, вы научились жить на голой земле, – вкрадчиво проговорил Вольф. – Совсем как моховики.

Клития Поттс ему улыбнулась: ей нравился красивый молодой человек и она не уловила нотку отвращения в его голосе.

– О, мы выращиваем разные фрукты и овощи там, где между кучами ржавчины есть участки открытой земли. Почва здесь очень плодородная. А наши кладоискательские отряды находят в развалинах консервы, сахар, чай. В Лондоне сейчас меньше двухсот жителей, так что хватает на всех.

– Мы еще и охотимся, – подхватила Англи. – Добываем кроликов, птиц и всяких зверей, которые среди обломков селятся…

Она запнулась под суровым взглядом мистера Гарамонда. Рен подозревала, что Англи вообще не полагалось здесь быть, – остальным подросткам велели ждать снаружи.

– А Клития привезла на своем дирижабле коз и овец, – прибавила тихая пожилая инженерша.

– Я все-таки не понимаю, – сказал Том. – Как вы все выжили? Как оказались здесь? Я думал…

– Вы думали, что мы все умерли, – добродушно проговорил Чадли Помрой. – Между прочим, я то же самое думал о вас. Мерзавец Валентайн сказал мне, что вы упали в желоб для сброса шлака. Меня с тех пор совесть мучила, что я вас отправил на дежурство в Брюхо в тот вечер. Выпьем?

Он наполнил вином разнокалиберные эмалированные кружки и оловянные стаканчики. Гостям вручили по стаканчику, а Помрой сидел и

благосклонно улыбался, одновременно собираясь с мыслями. Пока все ели и пили, Помрой рассказал вновь прибывшим о последних часах Лондона – о том, как противостояние между Гильдией историков и жадными до власти инженерами, приближенными Крома, закончилось открытым столкновением в Музее и как Кэтрин Валентайн и инженер-подмастерье Под ушли потайным ходом, под названием Кошачий лаз, в надежде уничтожить МЕДУЗУ, прежде чем ее приведут в действие.

– Вскоре после этого, – рассказывал Чадли Помрой, – инженеры пошли на штурм и началась ужасная суматоха. Мы, конечно, сражались как тигры, но у них были Сталкеры и всякое оружие. Нас оттеснили в отдел естествознания. К тому времени нас осталось мало. Аркенгарта, Пьютертайда и доктора Каруну убили, а Клитию тяжело ранили. Я решил, что мы будем стоять насмерть за макетом синего кита, – его еще раньше зачем-то сняли с потолка, и из него получилась неплохая баррикада. Мы за ним затаились и ждали, когда Воскрешенные придут нас добить, и вдруг – БАБАХ! Все здание начало разваливаться на куски.

– Мистер Помрой закинул меня прямо в пасть кита, – сказала Клития Поттс, грустно глядя на свои руки, как будто ей до сих пор было обидно об этом вспоминать.

– Да, – подтвердил Помрой. – А затем я прыгнул вслед за ней, проявив необычайное присутствие духа. И как раз вовремя! Я думаю, в ту минуту весь Второй ярус целиком обвалился. Сквозь дырки от пуль в китовой шкуре бил невыносимо яркий свет, и я почувствовал, как кит катится куда-то, потом скользит, а потом падает! Дальше я почти ничего не помню. Не мое это – рушиться вместе с гибнущим городом в ките из стекловолокна. Увы, я банально потерял сознание…

– Кит в конце концов застрял между двумя упавшими опорами на южной окраине развалин, – продолжила рассказ Клития. – Нас нашли рабочие с пищеварительной верфи и помогли выбраться. Тогда я и увидела, что стало с городом. Это было… Ох, не знаю даже, как это описать. Все горит, в небе клубится чадный дым, кругом то и дело что-то взрывается, с неба сыплются обломки и пепел, как черный снег. А из самой середки развалин… раз – и вырывается словно бы громадный коготь ярко-белого света и шарит по земле, как будто нас ищет…

– Да, непростое было время. – Помрой торжественно кивнул. – Еще и Лига подоспела, пылая жаждой мести. Некоторые из выживших рискнули выйти из развалин и сдаться их патрулям – всех расстреляли на месте. Так что мы с Клитией и нашими друзьями с верфи решили сидеть тихо. Потом начали понемногу знакомиться с другими группами уцелевших,

объединились и стали решать, что дальше. Сперва думали пойти на запад по колеям, но куда бы мы пришли? Скорее всего, в рабство к какому-нибудь городу-кладоискателю, а это не лучше Лиги. В конце концов так и осели тут. Пусть от Лондона одни клочки по закоулочкам остались, а все-таки это Лондон, так? Все-таки дом родной…

Остальные комитетчики закивали и забормотали что-то утвердительное. Помрой с нежностью похлопал по стенке – она угрожающе зашаталась.

– Мы перебрались в Крауч-Энд, потому что здесь не было сильфид, – сказала Клития, – и можно было спрятаться от воздушных патрулей Лиги; они в первое время без конца тут шныряли. В полумиле к востоку лежит большой кусок Брюха, почти без повреждений. Мы там набрали много полезного, даже целый чемодан денег. А когда патрули стали появляться реже, мы устроили тайную вылазку и купили «Археоптерикс». Добыли еще кое-что нужное…

– Это, наверное, было опасно, – сказал Том, вспоминая, как сам пересекал границы Зеленой Грозы.

– Иногда и невозможно, – согласилась Клития. – Но обычно удается несколько раз в год…

– Собираете предметы олд-тека, как я понял, – обронил Вольф Кобольд.

Клития замялась. Кое-кто из советников заерзал в креслах.

– А эти инженеры что? – Вольф кивнул на лысых мужчину и женщину. – Вы с ними очень по-дружески обходитесь, если вспомнить, что из-за них-то Лондон и взорвался.

Женщина-инженер тихо проговорила:

– Не все в нашей Гильдии поддерживали Магнуса Крома и его безумные затеи. Тех из наших, кто открыто высказывался против, отправляли работать в тюрьмах и на заводах Подбрюшья. Наверное, это нас и спасло. Все сторонники Крома были с ним на верхнем ярусе, когда произошел сбой МЕДУЗЫ.

– Мы очень ценим наших инженеров, – сказал папа Англи, жилистый бывший рабочий. – Они для нас всякие полезные устройства понаделали – электроплитки с ножным приводом, солнечные накопители, ветряки, подъемники. Электрические ружья – запросто сшибают механических птиц-шпионов. Наш доктор Эброл, – он показал на скромно улыбнувшегося инженера, – состряпал приемник, через который можно слушать переговоры грозовиков. Если они вздумают сюда сунуться, мы заранее узнаем. А доктор Чилдермас, наш заместитель мэра, в прошлом

руководила отделом Исследований транспорта на магнитной подвеске. Она…

– Да-да, Лен, – предостерегающим тоном произнесла доктор Чилдермас.

– Зеленой Грозе наверняка известно о вас, – заметил Вольф. – Все эти ветряки, поля и так далее. Они не могли этого не увидеть.

– Скорее всего, – согласилась Клития Поттс.

– Однако вас оставили в покое. Возможно, они считают, что вы, как и они, – противники Движения?

– Тогда они ошибаются! – Папа Англи мгновенно ощетинился, почуяв в вопросе Кобольда вызов. – Они не знают наших планов. И вы не знаете…

– Лен, – сказала доктор Чилдермас.

Чадли Помрой поспешил вмешаться:

– Так, раз уж молодой Нэтсуорти с друзьями оказались у нас в гостях, нужно их устроить поудобнее. Решить, где они будут ночевать и так далее.

– О, мы не хотим вас затруднять, – отозвался Кобольд. – Погостим пару дней, полюбопытствуем и вернемся на «Дженни Ганивер»…

– Вы не можете так быстро нас покинуть! – возразил Помрой. – Вы же только что прилетели!

– Он хочет сказать, что вы вообще не можете нас покинуть, – нетерпеливо воскликнул мистер Гарамонд; он сидел на стульчике у двери. – Сейчас очень важный момент для Лондона. Мы не можем рисковать.

– Ну что вы, Гарамонд, – сказал Помрой. – Мистер Нэтсуорти и сам лондонец, как мы!

– Так-то оно так, но дочка его родилась не в Лондоне. А еще вот этот джентльмен… Я, как глава Подкомитета по безопасности, обязан подчеркнуть, что мы их не знаем и не можем доверять.

– Слушайте, слушайте! – энергично кивая, подхватил папа Англи. – Обидно будет, после того как мы столько лет здесь торчим, если какой-то проныра возьмет и разболтает о нас кладоискателям, как раз когда у нас почти уже…

– *Лен!* – оборвала его доктор Чилдермас.

– Боюсь, Гарамонд прав, – смущенно проговорил Чадли Помрой. – Будет лучше, если наша молодежь установит круглосуточное дежурство на Холлоуэй-роуд и возле дирижаблей. Том, Рен, герр Кобольд! Прошу вас, считайте себя нашими гостями, но, к сожалению, покинуть нас вам нельзя ни в коем случае. Кто-нибудь хочет еще печенья?

Глава 21
В поисках доктора Попджоя

На шестьдесят миль к востоку от мертвого Лондона, там, где поднимались ввысь отвесные склоны молодых гор Шань-Го, стоял город-крепость – Батмунх-Гомпа, охраняя перевал, через который движущиеся города веками рвались в плодородные восточные земли противников Движения. Но теперь граница передвинулась на восток, и Батмунх-Гомпа превратилась в бледную, сонную тень самой себя – словно гавань, откуда ушло море. На Щит-Стене еще оставался небольшой гарнизон, однако сам город служил всего лишь перевалочной базой. Здесь ненадолго останавливались войска и колонны снабжения по пути на запад, к новой линии фронта.

В долине за перевалом, на живописных берегах озера Батмунх-Нор, стояли рыбачьи хижины на сваях и хорошенькие виллы руководящих работников Зеленой Грозы. Одна, самая красивая, пряталась среди сосен на конце длинного мыса. Освещенные округлые окна отражались в воде, кровля по углам загибалась вверх, как носки турецких туфель из сказки. Тот, у кого хватило бы духу заглянуть между прутьями ворот с остриями наверху, увидел бы в саду весьма затейливые статуи, а рядом с мощеной дорожкой табличку:

«Оплот Воскрешения»

Дом принадлежал еще одному выжившему после МЕДУЗЫ – доктору Попджою, в прошлом состоявшему в Гильдии инженеров, а ныне возглавляющему Корпус Воскрешенных. Виллу он получил от Грозы в награду за созданные им войска.

– Это его дом, – сказала Сталкер Селедке, когда он описал ей, что видит, спускаясь вместе с ней по горной дороге поздним вечером. – Когда Сатия служила в Батмунх-Гомпе, мы ходили на озеро кататься на лодках и смотрели на виллу с воды. Тогда она принадлежала художнику, мастеру-каллиграфу. Сатия говорила, что сама будет здесь жить, когда состарится и разбогатеет.

Селедка остановился у последнего крутого поворота дороги, как раз над берегом озера. Он устал и замерз, натер ноги за долгий путь от дома Сатии и ужасно боялся, что их перехватят на подступах к городу. Сталкер предлагала его понести, но он отказался – не хотел, чтобы она считала его

слабаком. Уже через несколько миль мышцы заныли, а сейчас боль наполняла его до краев и каждый шаг давался с трудом. Он знал, что должен радоваться окончанию путешествия, но чувствовал только страх.

Сталкер оглянулась узнать, почему шаги за спиной смолкли, и Селедка сказал:

– Не ходи туда.

– Попджой сможет меня починить, – прошептала она. – Я смогу все время быть Анной.

– Он тебе не нужен! – крикнул Селедка.

Ему казалось, что она уже починилась. Она оставалась Анной с того дня, когда они поднялись на Чжань-Шань. Селедка смутно догадывался, что Анна в Сталкере окрепла благодаря воспоминаниям. Ее пробудили трепещущие на ветру флажки с молитвами ее прежним богам, а разговоры с Сатией добавили сил. Может быть, та ее часть, которая была Сталкером Фанг, окончательно разрушилась. Зачем рисковать и доверяться этому Попджою?

Но Селедка слишком устал и закоченел, чтобы все это объяснить.

Анна взяла его на руки и сказала:

– Не бойся, Селедка. Доктор Попджой меня починит, и мы вернемся к Сатии. А сейчас побудь еще немножко моими глазами. Скажи, есть здесь кто-нибудь?

Вокруг никого не было, и никто не встретился на пути, пока она несла Селедку к воротам. Была уже ночь. Батмунх-Гомпа мерцала на фоне неба за озером, словно сверкающий занавес. Шел снег. Снежинки задевали Селедку, как будто призраки детей гладили его по лицу холодными пальцами.

Сталкер поставила Селедку на землю и вдребезги разбила прочные замки на воротах. Селедка распахнул створки, с тревогой глядя на освещенные окна дома, проглядывающие из-за деревьев. Сталкер взяла его за руку. Они вместе вошли в ворота, и створки за ними захлопнулись.

– Мы попросим доктора Попджоя, чтобы он дал тебе что-нибудь поесть, прежде чем приступить к работе, – пообещала Анна.

– А если он не захочет? – спросил Селедка. – В смысле – не захочет тебя чинить?

– Я его заставлю, не беспокойся – прошептала Сталкер.

Селедка снова посмотрел в сторону дома и сжал в кармане игрушечную лошадку. Ему все-таки не хотелось, чтобы его Сталкер доверила свою судьбу какому-то зловещему инженеру. Он чуть было не потащил ее назад, но было уже поздно. В саду, в густой тени под

деревьями, что-то зашевелилось. Шипастые фигуры, которые Селедка принял за статуи, повернули к ним головы со светящимися зелеными глазами.

– Сталкеры! – прошептала Анна, услышав шипение и лязганье.

Кажется, она испугалась.

– Ты же сама Сталкер, – сказал Селедка.

– А, правда. Спасибо, Селедка. Я иногда забываю…

Она мягко толкнула его себе за спину и выдвинула когти-лезвия.

Дом охраняли три стража: рослые, отполированные до блеска боевые Сталкеры, созданные доктором Попджоем по особому проекту, с шипами и колючими гребнями, словно геральдические динозавры. Свет отблескивал на их серебристых лицах, гладких, как лопата. Они враскачку двинулись вперед по заснеженной лужайке. Анна, прихрамывая, пошла навстречу. Они были сильнее, зато она – ловчее. Она уворачивалась от их неуклюжих ударов. Ее когти сверкали, вонзаясь в шейные сочленения одного Сталкера за другим. Полетели искры, брызнула какая-то жидкость. Обезглавленные тела, шатаясь, налетали друг на друга и падали, судорожно дергаясь, на каменные плиты дорожки, словно отплясывали брейк-данс. Селедка видел, как его Сталкер повернулась к нему, протянула руку и сразу отдернула, коснулась своего лица, дернула головой. Ее глаза засветились.

– Нет! – прошептала она.

– Анна! – завопил Селедка.

Он прижался спиной к холодным прутьям ворот, глядя, как она борется с собой. Она встряхнулась, подошла к нему, за подбородок повернула кверху его лицо. Это была уже не Анна. Почему она изменилась? Может, во время драки с другими Сталкерами у нее в мозгах что-то закоротило? Или это сам Селедка ей напомнил, кто она? Он давился всхлипами, не зная, как вернуть Анну.

– Где мы? – прошипела она, прислушиваясь к свисту ветра в ветвях и плеску волн о берег озера. – Долго Неполадка была в действии?

– Д-доктор Попджой, – еле выговорил Селедка сквозь слезы. – Он здесь живет…

– Попджой?

– Анна думала… Она думала…

– Думала, он сделает ее еще сильнее, – прошептала Сталкер Фанг и залилась свистящим смехом.

– А как же Сатия? – спросил Селедка. – И лошадка моя как же? Помнишь…

– Помолчи.

Она выпустила его и подошла к наконец затихшим Сталкерам. Сталкер Фанг пошарила по земле и нащупала оторванную голову. Выдернув из собственного черепа провод, подключила его к разъему в той голове. Мертвые глаза другого Сталкера снова засветились. Сталкер Фанг подняла оторванную голову повыше, держа ее в руке, как фонарь. Повернула ее лицом к Селедке, и он понял, что она глядит на него теми глазами. Наверное, она разочарована, видя, какой он маленький и слабый…

А она сказала только:

– Идем. Повидаем доктора Попджоя, как хотела Неполадка. Пусть ликвидирует ее насовсем.

Селедке хотелось бежать, не разбирая дороги, но он пошел с ней, как всегда. Он не знал, что значит «ликвидировать», но догадаться было нетрудно. Хотел взять Сталкера за руку – вдруг тогда вернется Анна, – но она была не в настроении держаться за ручки; она отмахнулась и зашагала вперед, свирепо прихрамывая и держа в руке голову со сверкающими злыми глазами.

Ближе к дому из-за деревьев вылетели с десяток крупных птиц-Сталкеров и закружили вокруг посторонних, неумолимо сжимая круг. Их клювы и когти отбрасывали светящиеся блики. Селедка попытался спрятаться в складках грязной мантии Сталкера Фанг, но она вскинула руки и что-то шепнула птицам. Наверное, это был специальный боевой шифр. Птицы смирно уселись на лужайке, настороженно глядя на Сталкера Фанг и ожидая дальнейших приказов.

Дверь дома была из железного дерева, да еще и окованная настоящим железом, но она разлетелась на куски от пары пинков здоровой ногой Сталкера Фанг. За дверью оказался просторный холл с колоннами. Из какой-то ниши появился Воскрешенный дворецкий и заступил им дорогу.

– ПО КАКОМУ ДЕЛУ? – механическом голосом спросил он.

– Я пришла встретиться со своим создателем, – ответила Сталкер Фанг обычным своим холодным шепотом.

Одним ударом она разбила дворецкого вдребезги и оставила обломки валяться на полу. Селедка трусцой бежал за ней через весь холл, потом в еще одну разломанную дверь и на три лестничных пролета вниз, в комнату с мягкими занавесями по стенам, освещенную карамельным отраженным светом трех высоких светильников. Низенький лысый человечек вскочил с дивана, явно собираясь спросить, что там за шум. Узнав свою гостью, он замер. Бокал выпал из его руки, и вино пролилось на ковер.

– Не подходите! Мои птицы приведут подмогу из Батмунх-Гомпы!

– Ваши птицы у меня под контролем, доктор Попджой, – прошептала

Сталкер Фанг. – Тупые твари, но и они могут пригодиться.

Она повернулась к Попджою. Лучи из глаз головы в ее руке скользнули по стенам. Какие-то существа порскнули в стороны – Сталкеры-насекомые, животные, собака с головой мертвой девушки. На подлокотнике дивана стояла в неустойчивом равновесии тарелочка с куском фруктового кекса. Селедка схватил его и запихнул в рот целиком. Жуя и роняя крошки, он приоткрыл дверь в дальней стене и заглянул в щель. Там было что-то вроде мастерской. На столах лежали трупы, а на полках громоздились непонятные приборы.

– Это не я! – заскулил Попджой, решив, что Сталкер Фанг пришла сюда ради мести. – Я не знал, что Шрайк на вас нападет! Это все та девчонка подстроила, которая Зеро! Она умерла, вы не слыхали? Ее горожане сбили в Африке. Говорят, Нага страшно по ней убивается. Заперся у себя и приказов не отдает. Все так обрадуются, когда узнают о вашем возвращении! Вы, вероятно, направляетесь в Тяньцзин? Снова занять руководящий пост? Я могу вам помочь…

– Тяньцзин больше не имеет значения, – прошептала Сталкер Фанг, не сводя с него взгляда оторванной головы. – Зеленая Гроза больше не имеет значения. Сделать мир зеленым не помогут ни воздушный флот, ни пушки, ни свары однаждырожденных.

– Конечно, конечно! – Попджой пятился, пока не уперся спиной в стену. Его лицо в зеленом свете сталкерских глаз блестело от пота. – Что же я могу сделать для вас, ваше превосходительство? Какую ничтожную услугу может слабый однаждырожденный…

Сталкер Фанг ответила не сразу. Повернула оторванную голову, следя за полетом Воскрешенной пчелы вокруг лампы на низеньком столике, и только потом, еще более замогильным шепотом, чем обычно, произнесла:

– Я помню многое.

– А-а…

– Помню, как была Анной Фанг.

– О? Интересно!

Селедка видел, что Попджой и правда заинтересовался, несмотря на весь свой страх.

– Иногда воспоминания подавляют, – призналась Сталкер Фанг. – С тех пор как я пришла в Шань-Го, стало хуже. Иногда я как будто становлюсь ею…

– Ага, то, что я встроил, заработало наконец! – победно выкрикнул Попджой. – Должно быть, из-за полученных вами повреждений там что-то сдвинулось, или же ваш мозг, когда чинил сам себя, замкнул какой-то

контакт, с которым я не смог справиться своими несовершенными инструментами…

– Как это возможно? – спросила Сталкер Фанг. – Это истинные воспоминания?

– Трудно сказать, – задумчиво ответил Попджой. – Смотря что называть истинными воспоминаниями. Но бояться тут нечего. Думаю, я смогу это исправить… Позволите заглянуть внутрь?

Он похлопал себя по лысой макушке и ухмыльнулся. Страх сменился болезненным азартом.

– Если бы вы могли подождать до утра… Утром придут лаборанты, они помогают мне с разными мелкими проектами, которыми я занимаюсь на досуге, с тех пор как отошел от дел…

– Нет. – Сталкер Фанг направилась к мастерской. – Никто не должен знать, что я здесь. Делайте сейчас. Мальчик вам поможет.

В мастерской воняло смертью и химикатами. На специальных полочках была разложена целая выставка блестящих скальпелей и медицинских пил. Селедка, все еще не доверяя старому инженеру, стащил и спрятал за пазуху нож с длинным узким лезвием.

Сталкер Фанг отодвинула в сторону захламленный лабораторный стол и встала на колени в пятне света от висящего под потолком аргонового шара. Ее склоненная голова оказалась на уровне груди Попджоя. Инженер обошел вокруг нее, нервно облизывая губы.

– Так, мальчишка! – рявкнул он и, не глядя, протянул к Селедке руку. – Подай вон ту кювету!

Кюветой назывался металлический подносик, на котором были разложены тончайшей работы инструменты. Они загремели в трясущихся руках Селедки. Как не похоже на те корявые орудия, которыми он чинил Сталкера! Инженер поморщился, увидев, какими грубыми шурупами привинчена маска.

– Кто проводил ремонт? Ну и халтура…

– Мальчик хорошо справился, – ответила Сталкер Фанг, и Селедка почувствовал гордость.

У Попджоя были пальцы хирурга – длинные, чуткие. Он за полминуты отвинтил маску, обнажив мертвое лицо под ней. Еще полминуты – и крышка черепа лежит рядом на столе.

– Мальчик, лампу!

Он пристегнул себе на лоб фонарик, который передал Селедка, и вгляделся в мешанину деталек, проводов и сохранившейся ткани мозга.

– Иногда она бывает Анной много дней подряд, – сказал Селедка,

надеясь, что Попджой поймет намек, уничтожит Сталкера Фанг и спасет Анну. – Это Анна хотела прийти к вам за помощью. Мне кажется, Анна Фанг заперта где-то там внутри, как в ловушке. Иногда сталкерская часть отключается и она вспоминает, кто она…

– Призрак внутри машины… – Попджой подмигнул. – Нет, малыш. К сожалению, из Страны, не ведающей солнца, не возвращаются.

Он выбрал на подносике длинный тонкий щуп и погрузил его в щель в мозгу Сталкера. Голова Сталкера дернулась, приподнялась. Шевельнулись иссохшие губы.

Она прошептала:

– Стилтон… Прости. Я не хотела тебя обижать, но другого выхода не было…

– Анна? – вскрикнул Селедка.

Безглазое высохшее лицо повернулось к нему:

– Селедка?

– Это она! – сказал Селедка. – Удержите ее! Не пускайте обратно ту, другую!

Попджой деловито копался в мозге Сталкера какими-то крючками и пинцетами. На Селедку он даже не взглянул.

– Ты все неправильно понял, мальчик. Эти воспоминания – не личность. Просто мозг Сталкера извлекает из мертвых мозговых клеток тела-хозяина остаточные фрагменты. На восемнадцать лет позже, чем нужно было. Что ж, лучше поздно, чем никогда…

В голове Сталкера что-то сверкнуло. Свет вырвался из раскрытого рта. Голова снова дернулась и проговорила:

– Без фокусов, Попджой!

– Думаете, я испорчу свою лучшую работу? – возмутился Попджой. – Я всего лишь подправляю кое-что, по мелочи.

– Ты нашел Неполадку? Воспоминания? Убери их!

– Квирк всемогущий, ни в коем случае!

– Убери!

– Но, ваше превосходительство, именно это и отличает вас от безмозглых боевых моделей… Благодаря им вы – лучший Сталкер нашей эпохи, вершина технологии Воскрешения…

То ли слова, то ли умоляющие интонации Попджоя зацепили внимание Сталкера Фанг. Она осторожно кивнула, соглашаясь по крайней мере выслушать его.

– Эти воспоминания все время хранились у вас в мозгу, только очень глубоко, – объяснил инженер. – Они дают вам такой уровень опыта и

эмоциональности, каким не может похвастаться больше ни один из моих Сталкеров. Из-за нанесенных мистером Шрайком повреждений воспоминания стали интенсивней и временами подавляют ваше сознание. Но мы быстро установим здоровый баланс.

– Что это за воспоминания? – настойчиво спросила Сталкер Фанг. – Откуда они? Почему я помню, как была Анной?

– Не могу сказать наверняка, – признался Попджой, орудуя миниатюрными плоскогубцами. – Дело в том, что мозг, который я вам поставил, не похож на другие. Совсем не то, что эти корявые современные модели, которые мы делали в Лондоне, и с мозгом мистера Шрайка тоже ничего общего. Он намного старше и намного загадочнее… Видите ли, когда ваша приятельница Сатия много лет назад привезла меня на Разбойничий Насест и приказала вернуть Анну к жизни, я несколько испугался. Я знал, что это невозможно, и, чтобы выиграть время, организовал экспедицию – отправился на дирижабле Зеленой Грозы в Ледяные Пустоши. Еще учеником в милом старом Лондоне я слышал, что где-то там сохранился объект времен олд-тека. Инженеры долго его искали, но так и не нашли. Мне повезло больше. Мы добрались до самой макушки мира – так далеко на север, что дальше оставалось только двигаться снова на юг. И там, в снегах, на крохотном мерзлом островке, мы нашли комплекс, построенный какой-то забытой цивилизацией, – вероятно, ее расцвет относится к времени до империй кочевников. В помещении внутри центральной пирамиды сидели на каменных тронах мертвецы – мужчины и женщины. Их было около десятка. Некоторые вмерзли в лед, или их раздавила обвалившаяся кровля, но несколько из них, едва мы вошли, начали шептать на неизвестных языках. Это были своеобразные Сталкеры, только без брони и оружия. Очевидно, они были созданы не для боя.

– Тогда зачем? – спросила Сталкер.

– Я думаю, для того, чтобы помнить. – Попджой порылся в ящике, достал пару сталкерских глаз и начал подсоединять их к проводкам в пустых глазницах своей пациентки. – По моим предположениям, когда умирал правитель, жрецы-ученые переносили тело в пирамиду на вершине мира и помещали в голову трупа специальную машину. Там все они сидели и *помнили*. Воспоминания обо всем, что сделали в жизни, они передавали своим преемникам, чтобы память о них жила вечно. Только их все равно забыли, вся их цивилизация исчезла с лица земли. А империи кочевников, придя им на смену, использовали эту же технологию в упрощенном виде, создавая Воскрешенных воинов, таких как мистер Шрайк… Та пирамида – единственное, что сохранилось от создателей первых Сталкеров. К

сожалению, сопровождавшие меня офицеры Зеленой Грозы взорвали ее, чтобы другие кладоискатели не наткнулись на нее случайно. Зато в одном из сохранившихся строений меньшего масштаба, среди всяческой религиозной утвари и никому не нужных древних текстов я отыскал мозг Сталкера, почти идеальной сохранности. Я привез его с собой на Разбойничий Насест, изучил, подремонтировал, подсоединил к мозгу собственной конструкции, управляющему моторикой и тому подобными функциями, и все это дело встроил в труп Анны Фанг.

Сталкер повернула голову вбок:

– Значит, я все-таки Анна Фанг?

– Нет, ваше превосходительство! Вы – машина, имеющая доступ к некоторым воспоминаниям Анны Фанг. И от них вы получаете силу. – Попджой вернул на место маску и крышку черепа и прикрутил их блестящими новыми шурупами. – Вы хотите сделать мир снова зеленым, вы этого жаждете. И не потому, что подчиняетесь приказам Зеленой Грозы, как тупые боевые Сталкеры, а потому что подсознательно помните, как сильно этого хотела Анна Фанг. Вы помните, что горожане сделали с ней и ее семьей и что она при этом чувствовала. Эти чувства, эти воспоминания – ваша движущая сила.

– Я помню, как умерла, – сказала Сталкер Фанг – не мягким голосом Анны, а собственным свистящим шепотом. – Помню ту ночь в Батмунх-Гомпе. Шпага у меня в сердце, такая холодная и внезапная, а потом надо мной склоняется тот милый мальчик и повторяет мое имя, а я не могу ответить… Я все это помню.

Она выдернула кабель из оторванной сталкерской головы и отбросила ее в сторону. Снова подсоединила кабель к разъему в собственной голове, и новые глаза ее медленно налились зеленым светом.

– Теперь нам пора.

Она встала, повернулась к двери, и улыбка Попджоя поблекла.

– Ваше превосходительство, вы не можете сейчас уйти! Мне нужно еще понаблюдать, провести несколько тестов! Может быть, с вашей помощью я бы сделал еще таких же Сталкеров, как вы! Я столько лет пытался повторить тот свой успех, а получались только оловянные солдатики и дурацкие поделки…

– У тебя есть дирижабль?

– Да, яхта, в ангаре за домом, а что?

– Я не Анна Фанг, – задумчиво проговорила она. – Но я здесь, чтобы выполнить то, чего хотела она. Я возьму твой дирижабль и полечу в Эрдэнэ-Тэж. Там я буду говорить с ОДИНом.

– Нет! – сказал Попджой. – Нет!

– Вижу, вы слыхали об ОДИНе.

– Моя прежняя Гильдия… Но даже они… Это невозможно, коды утеряны…

– Коды нашлись, – ответила Сталкер Фанг. – Они были записаны в Жестяной Книге Анкориджа. Я видела их на Облаке-девять и с тех пор храню у себя в голове.

– Это безумие! То есть… ОДИН… Разве вы не понимаете, какая это сила?

– Конечно. Сила, которая снова сделает мир зеленым. ОДИН сможет то, что не удалось Грозе.

Попджой сжал пухлые руки в кулаки, как будто готов был броситься на нее.

– Но, ваше превосходительство, вдруг что-нибудь пойдет не так? Мы едва понимаем эти устройства Древних. Вспомните МЕДУЗУ! А ОДИН несравнимо опасней…

Из пальцев Сталкера показались когти-лезвия.

– Ваше мнение, доктор, к делу не относится. Вы больше не нужны.

– Нет-нет, я вам нужен! При определенных условиях могут вновь проявиться проблемы с памятью… Нет!

Сталкер Фанг перехватила его, когда он пытался проскочить мимо нее к двери.

– Спасибо за помощь, доктор, – прошептала она.

Селедка зажмурился и зажал уши, но все равно слышал хруст и бульканье умирающего Попджоя. Когда он снова открыл глаза, Сталкер Фанг сгребала с полок всякую всячину – обрывки проводов, резиновые трубки, мозги более примитивных Сталкеров. Стены мастерской были разукрашены ярко-алыми брызгами.

– Найди себе еды и воды, мальчик, – прошептала Сталкер Фанг. – Мне понадобится твоя помощь, когда придем в Эрдэнэ-Тэж.

Глава 22
Рен Нэтсуорти ведет расследование

Лондон (!!!)
28 мая

Я раньше думала: только самовлюбленные люди ведут дневники, но за последние дни столько всего случилось, что я, наверное, половину перезабыла бы, если бы не записывала. Поэтому я выпросила у Клитии Поттс этот блокнотик и пообещала себе вести дневник все время, пока буду в Лондоне. Если мы все-таки вернемся в Охотничьи Угодья, я, может, сделаю из дневника книгу, как профессор Пеннироял (только правдивую!).

Трудно поверить – всего два дня прошло с тех пор, как мы добрались до развалин. Столько всякого случилось, столько новых людей и столько нового я узнала, как будто год здесь живу.

Попробую начать сначала. После встречи с лорд-мэром мистер Гарамонд и кто-то из его молодых воинов отвели папу к «Дженни Ганивер» и велели завести ее в секретный ангар, где стоит «Археоптерикс». Сказали, там ей будет безопасно и птицы-шпионы грозовиков ее не заметят. Но я думаю, они еще хотят присматривать за ней. Все время повторяют, что мы не пленники, но видно же – они не хотят, чтобы мы удрали. Боятся, что мы расскажем о них другим городам. Даже смешно немножко. Ну что там у них найдется такого ценного, чтобы другие города потащились их есть через сотни миль территории Грозы?

Ближе к вечеру мы поели в общей столовой, а потом нас привели в этот дом – здесь мы будем жить. Я говорю – «дом», но на самом деле это просто хибарка такая: железные листы скрепили болтами и кое-где сварили друг с другом, и все это приткнули к старой тормозной колодке, на которую опирается крыша Крауч-Энда. Окна – сквозные дыры, заделанные

решетками из проволоки. Не знаю, это чтобы мы не сбежали или потому что в Лондоне нет стекла? В хибарке три комнаты, а между ними извилистые коридорчики. Пол углублен в землю, так что внутри можно даже выпрямиться во весь рост. Сыровато, но довольно уютно, а еще – домик у самого края Крауч-Энда, и по вечерам сюда на полчасика заглядывает солнце, это здорово. У папы самая большая комната, в соседней – Вольф, а я себе выбрала полукруглую комнатку в глубине. Одна стена там сделана из старого жестяного рекламного щита («Клей „Момент“ – остерегайтесь подделок»), а в окошко солнце заглядывает, и луна иногда.

Я думала, Вольф попробует сбежать, но он пока что вроде всем доволен и очень интересуется этим маленьким мирком, который лондонцы для себя устроили. Странный он, Вольф. Трудно понять, о чем он думает.

Папа, конечно, радуется, что попал на родину. Я чуть-чуть надеялась, что он обретет истинную любовь с Клитией Поттс, но она, оказывается, замужем – за инженером по имени Лурпак Флинт, он пилотирует ее дирижабль. Так что она не только Клития Поттс и Крюис Морчард, а еще и Клития Флинт. В жизни не встречала женщины, у которой так много имен.

29 мая

Кажется, мне нравится Лондон. Смешно – я так далеко заехала, а в итоге оказалась в таком месте, которое очень похоже на Анкоридж-Винляндский. Скрытное и такое малюсенькое, все всех знают – это и хорошо, и плохо. Иногда страшно хочется поскорее вернуться на птичьи дороги, но временами я и сама хочу быть жителем Лондона. А еще здесь красиво! Вроде и не подумаешь, что в громадной куче обломков может быть красота, а вот. В расщелинах и на открытых участках земли растут деревья, папоротники – и вообще в каждом закоулке, куда нанесло немного почвы. Птицы поют, насекомые жужжат. Англи говорит, через месяц мусорные кучи сплошным ковром покроют розовые цветы наперстянки.

Мы с Англи подружились. Ее имя – это сокращение от «Форд Англия». Ее папа, Лен Пибоди, всех своих детей назвал в честь олд-тековских автомобилей. Англи веселая и умная –

хорошее сочетание – и напоминает мне барсука или крота: что-то маленькое, толстенькое, пушистое и постоянно чем-то занятое. Она все развалины облазила, потому что участвует в патрулировании с отрядом Гарамонда, они высматривают посторонних и лазутчиков Зеленой Грозы. Все молодые лондонцы дежурят в патруле, а еще охотятся и собирают в дальних закоулках развалин все, что можно использовать. Наверное, чрезвычайный комитет нашел применение излишкам подростковой энергии. Я бы тоже с ними пошла потратить свои излишки, но Гарамонд не разрешил. Он мне по-прежнему не доверяет. Вот зануда! Требует, чтобы мы с Вольфом (Вольф и я?) целыми днями помогали старикам копаться в огороде или слушали, как папа разговаривает с мистером Помроем об истории.

2 июня

Хоть лондонцы и приветливые, у меня крепнет чувство, что они от нас что-то скрывают. Вольф с самого начала так говорил, но я считала, он ошибается. А сейчас начинаю думать, что он прав. Разные мелочи: как люди на нас смотрят и как доктор Чилдермас в то первое утро шикнула на Лена Пибоди. Что, по ее мнению, он мог нам выболтать? Бывает, когда мы с папой и Вольфом заходим в общую столовую, разговоры резко прекращаются и все начинают говорить о погоде. А когда папа спросил Клитию Поттс, зачем она покупала катушки Клейста и другие технические штучки времен Электрической империи, она страшно покраснела и поскорее сменила тему.

А вчера вечером я никак не могла заснуть и вдруг услышала голоса. Отогнула уголок занавески (на самом деле это просто кусок мешковины), и как вы думаете, что я увидела? Инженеров! Лавинию Чилдермас и еще полдесятка других! Они уходили из Крауч-Энда по тропинке, которая ведет на восток через высокую гряду обломков. Куда они пошли? Явно с какой-то целью, а не просто погулять при луне. Это они каждую ночь так ходят? Может, потому мы днем почти и не видим инженеров – они отсыпаются!

Ну а я всю жизнь мечтала побыть отважной школьницей-

сыщицей, как Милли Крисп, – я про нее в детстве книжки читала. Так что сегодня днем я тоже пошла по той тропинке. Как поднимешься на мусорную гряду – видно, что тропа вьется по развалинам еще, может, полмили и ведет к здоровенному клинообразному обломку. На вид похоже, что это кусок лондонского Брюха.

Вокруг никого не было, но в боку обломка что-то блеснуло: то ли в дыре, то ли в оконном проеме. И вдруг у меня за спиной раздались шаги и появился мистер Гарамонд, а с ним два его любимчика – брат Англи, Сааб, и девчонка по имени Кэт Луперини. «Что ты здесь делаешь?» – заорал мистер Гарамонд. Он сделался весь лиловый от злости, свирепый и уродливый, почти как мама. Я стала объяснять, что всего-навсего хотела размяться, но он и слушать не стал. «Ты чуть не влезла в горячую зону!» – разорялся он. Кэт меня потащила обратно, а Сааб сказал: «Рен, ты не броди в одиночку. Здесь опасный участок развалин. Нарвешься на сильфиду и поджаришься, никому это не надо».

Вообще, он по-доброму это сказал. Сааб симпатичный. Но если этот участок такой опасный, почему тропинка так хорошо натоптана?

Позже я поговорила обо всем этом с Вольфом. Он в сильфид не верит. Я ему напомнила, как нас в самый первый день чуть не поджарили, а он только засмеялся. Сказал, что это было «на редкость вовремя». Он считает, что сильфиды – какой-то фокус инженеров, чтобы чужаков отвадить от развалин. Может, в чем-то он и прав? Если уж они делают электрические противосталкерские ружья, почему бы и не сильфид?

Ну я-то не испугаюсь этого дурацкого Гарамонда. Его люди по ночам дежурят около нашей хибарки, чтобы мы не сбежали их продавать хищным городам, но караульные на самом деле не верят, что мы можем так поступить, и сторожат не особо усердно. Поболтают немножко и спят себе. Сегодня, как только все стихнет, я опять прокрадусь туда и узнаю, что на самом деле происходит в той ржавой бандуре.

Если эта запись окажется в дневнике последней – значит Вольф был не прав насчет сильфид и из меня получилась замечательная шкварочка…

Рен отложила карандаш, сунула блокнот во внутренний карман куртки и стала ждать. Она лежала, прислушиваясь к тихому, размеренному дыханию Тома за стенкой, и гадала, что ему снится. Есть у него хоть какие-нибудь подозрения насчет лондонцев? Пока что он ничего не говорил. Просто радовался, что вернулся домой.

Из комнаты справа, где поселился Вольф, доносились какие-то звуки. Тихое металлическое позвякивание и царапанье. Чем он там занимается? Снаружи домика негромко переговаривались охранники.

Рен не помнила, как заснула, а проснувшись, увидела, что светящиеся стрелки наручных часов показывают половину четвертого.

– О Клио! – застонала Рен, сбрасывая одеяло и вскакивая на ноги.

Она подошла к двери и выглянула в узкий коридорчик. Почему-то на душе было неспокойно. Из полуоткрытой двери в комнату Вольфа падал лунный луч. Рен подошла на цыпочках, заглянула в тесную комнатенку. Спальный мешок лежал пустой. Рен бросилась к окну и еле удержалась, чтобы не вскрикнуть, – сетка из стальной проволоки качнулась у нее в руках. Вольф исхитрился ее отцепить и вылезти, а потом повесил на место, чтобы охранники ничего не заметили.

– О боги! – прошептала Рен.

Она не забыла, что в характере Вольфа присутствует жестокость. Что, если он уже пробирается через развалины, чтобы украсть «Дженни Ганивер»? Давно он ушел? Может, Рен как раз проснулась, когда он вылезал в окно?

Она тоже протиснулась под расшатанной решеткой и выглянула из-за угла хибарки. Сонные охранники сидели на пороге и скучали. Один уже храпел, другой клевал носом. Рен на цыпочках отошла подальше, а потом побежала между безмолвными домишками и сарайчиками. Когда она выбралась из Крауч-Энда, впереди раскинулись развалины Лондона – лабиринт из яркого лунного света и чернильно-черных теней. С восточной стороны на зубчатом гребне мелькнула человеческая фигурка.

Вольф! Рен побежала за ним, радуясь, что он по крайней мере направляется не к «Дженни». Что же он задумал? Наверное, как раз то, чем она собиралась заняться, – разнюхивает окрестности. Стало досадно, что он ее обскакал. Рен хотела сама разведать тайны Лондона и за завтраком поразить Вольфа своими открытиями…

Она пошла за ним по давешней тропинке. Рен говорила себе, что бояться нечего – лондонцы все добряки; даже если поймают, ничего особо страшного ей не сделают, разве что вернут ее в камеру и решетки на окнах закрепят получше. И все равно она была как натянутая пружина, и, когда на

тропинку из теней вдруг вышагнул человек и схватил ее, она завопила во все горло.

Сильная рука держала ее за талию, чья-то ладонь зажала рот. Рен извернулась и в лунном свете увидела над собой лицо Вольфа Кобольда.

– Ш-ш-ш, – прошептал он.

Его ладонь освободила ее рот, ненадолго задержавшись на щеке.

– Рен… Что ты здесь делаешь?

– Тебя ищу, конечно, – ответила она чуть дрожащим голосом. – Куда ты идешь?

Вольф ухмыльнулся и выпустил ее. Показал на озаренную луной дорожку, ведущую к огромному клину. В оконных отверстиях мелькал свет, словно там плясали болотные огоньки.

– Слушай! – сказал Вольф.

По усыпанной кусками металла равнине прокатился низкий рокочущий гул. Он становился то тише, то громче, а потом оборвался. Свет в отверстиях ослепительно вспыхнул и снова потускнел.

– Сильфида? – спросила Рен.

Вольф покачал головой:

– Что-то механическое. Точно такой звук я слышал два года назад.

– Ночью сюда ходят инженеры, – шепотом сообщила Рен, надеясь поразить его своим открытием.

Вольф только кивнул:

– Я тоже их видел. Еще видел, как сюда носили ящики, набитые разными обломками. Инженеры рассматривали какие-то схемы. Зачем? Рен, что они тут строят?

Рен стало досадно, что Вольф разведал больше ее. У Милли Крисп не было таких пронырливых конкурентов. Она постаралась сделать вид, будто его находки для нее не новость.

– Давай выясним?

Они пошли дальше вместе и скоро добрались до отломанного куска Брюха. Он и правда был громадный – как будто целая скала, изрытая пещерами; раньше это были коридоры и трубы, соединяющие Брюхо с другими районами Лондона. Вольф залез в одно из таких отверстий и протянул руку Рен.

– Похоже, тут фабрика из лондонского Подбрюшья, – прошептал Вольф. – Сохранилась почти целиком…

Они двинулись дальше. Шли с трудом – пол был немного наклонный. В коридорах капала вода, гулко разносились звуки – удары металла по металлу. Наткнулись на запертую дверь, пришлось вернуться. Поднялись

по скособоченной железной лестнице. По дороге им попалось на стене нарисованное по трафарету изображение красного колеса с надписью: «Лондонская Гильдия инженеров. Экспериментальный ангар № 14». На верхнем этаже коридоры освещал падающий сквозь отверстия в потолке бело-оранжевый мигающий свет. Он становился все ярче по мере приближения к центру здания. Сквозь занавеси из прозрачного пластика пробивался ровный свет аргоновых ламп.

Рен почти уже не боялась, ей было страшно интересно. Она будто нечаянно задела руку Вольфа, он крепко сжал ее руку и отвел в сторону занавесь.

Держась за руки, они заглянули в огромное помещение в самом центре ангара.

– Великие боги! – прошептала Рен.

– Вот оно что! – воскликнул Вольф.

– Руки вверх, господин Кобольд! – произнес сзади еще чей-то голос. – Вы тоже, мисс Нэтсуорти. Поднимите руки, оба, и медленно повернитесь.

Глава 23
Эксперимент
Лавинии Чилдермас

Эстер? – медленно просыпаясь, пробормотал Том.

Ему опять снился старый лондонский Музей, но на этот раз по пыльным галереям Тома вела Эстер. Во сне он обрадовался, увидев ее.

А теперь его кто-то тряс, присев на корточки возле постели. Том вспомнил, что это не может быть Эстер, и сел. Свет фонарика ударил в глаза. Том отвернулся и увидел в дверях пару гарамондовских мальчишек. А разбудила его Клития Поттс.

– Том, у нас неприятности. Тут Кобольд и твоя дочка… Нет-нет, они невредимы, но… Пойдем со мной, посмотришь.

Наружу, потом через развалины. Лунный свет, груды битого металла. Клития шла рядом с Томом, а вокруг них – молчаливые лондонцы, некоторые с оружием.

– Что такое Рен сделала? – спросил Том.

– Шпионила, – ответила Клития. – Их с Кобольдом нашли… там, где им быть не следовало.

– Рен маленькая еще! – вскинулся Том. – Глупенькая, любопытная, но она не шпионка! И за чем тут шпионить? Где вы ее нашли?

– Проще показать, чем объяснить, – сказала Клития.

Том плотнее запахнул пальто. Его била дрожь – не только от холода. Вот-вот он узнает секрет родного города. Получается, Рен своими силами раскрыла тайну? Он гордился ее отвагой, но и тревожился – вдруг ей из-за этого грозит опасность.

У подножия обломочной стены в раскрытых дверях стояли доктор Чилдермас и еще пятеро инженеров; шесть лысых макушек, словно яичная кладка.

– Мистер Нэтсуорти! – Доктор Чилдермас устало улыбнулась. – Можете взглянуть на нашу работу. Несомненно, ваша дочь и ее друг в любом случае вам все расскажут. Если, конечно, мы сумеем убедить наших более впечатлительных коллег, чтобы они вас не пристрелили.

Вверх по лестнице, дальше между пластиковых занавесей на узкую металлическую смотровую площадку. Там Гарамонд и кучка его ребят

обступили Рен и Вольфа Кобольда, поставив тех на колени. Руки у обоих были связаны.

Доктор Чилдермас воскликнула:

– Ах, мистер Гарамонд, не будьте таким остолопом!

– Они находились в запретном секторе! Шпионили! – наябедничал Гарамонд.

– Только потому, что вы их проморгали, – отбрила доктор Чилдермас. – Право слово, Гарамонд, ваши люди разленились до безобразия. Немедленно отпустите этих бедолаг!

Гарамонд и его малолетние дружинники с большой неохотой развязали пленникам руки и позволили встать. Том бросился обнимать Рен. Хотел отругать ее за глупое поведение, но нечаянно глянул через ее плечо и увидел то, что было внизу, в ангаре. От неожиданности у него язык отнялся.

Перед ними был город. Небольшой, не особенно красивый (на верхнем ярусе почти не осталось зданий, не было ни колес, ни гусениц), и все-таки – город. Если не обращать внимания на отсутствие челюстей – стандартный лондонский пригород, вроде Танбриджа-на-Колесах и Кроули[25]. В период расцвета муниципального дарвинизма Лондон понастроил массу таких вот крохотных городишек, чтобы сгрузить на них излишки населения.

– Красиво, правда? – спросила Клития, с нежностью и восхищением глядя на недостроенный город.

Лавиния Чилдермас подхватила:

– Результат многолетнего труда близится к завершению.

Где-то под городом, установленным на ржавые опоры, работала большая пила. Искры разлетались в разные стороны, словно играющие светлячки.

– Вы его *построили*? – Потрясенный Том выпустил руку Рен и остановился на самом краю площадки, вцепившись в изъеденный временем железный поручень, чтобы убедиться, что это не сон.

– Не совсем, – ответила инженер Чилдермас. – Шасси и большая часть верхних конструкций у нас уже были. Мой отдел начал работать над этим проектом задолго до МЕДУЗЫ. К счастью, экспериментальный ангар находился глубоко в Брюхе и не слишком пострадал.

– Но почему я ничего об этом не слышал? – удивился Том. – Если в Лондоне строили новый пригород, о нем должны были сообщить в новостях!

Доктор Чилдермас пожала плечами:

– Проект был засекречен. В моей Гильдии придавали большое значение секретности. А этот городок был задуман всего лишь как пробный образец. Официальное название – Экспериментальный пригород эм-пэ-один. Мы надеялись, что он поможет решить проблемы Лондона, но Магнус Кром не разделял наших надежд. Он считал, что наилучшее решение – МЕДУЗА, и постепенно забирал у нас финансирование. А после катастрофы с МЕДУЗОЙ оставшиеся в живых продолжили работу. Теперь это не просто проект инженеров, над ним трудится весь Лондон.

– И не считайте его, пожалуйста, пригородом, – вмешалась Клития. – Хоть он и маленький, для всех лондонцев он – город. Наш новый город. Скоро мы поднимемся на борт и навсегда оставим эти развалины.

Том смотрел, как малюсенькие фигурки лондонцев далеко внизу карабкаются по новому городу, протягивают кабели, приваривают балки, размечают на голой палубе место для будущих улиц и зданий.

– Но у него нет колес, – заметила Рен.

– Я вижу, дорогая, ты не знаешь, что означают буквы «МП», – сказала доктор Чилдермас.

– Это какой-то шифр? – спросил Том.

Он тоже не знал.

– О нет! – ответила доктор Чилдермас. – Просто сокращение, обозначает «транспорт на магнитной подвеске».

– Он парит в воздухе! – воскликнул Вольф, словно в трансе глядя на строящийся город. – Как будто гигантская грузовая платформа на воздушной подушке…

Доктор Чилдермас кивнула, явно довольная, что хоть кто-то из ее слушателей соображает, о чем речь.

– Только не такой шумный, герр Кобольд, и потребляет намного меньше топлива. Скорее похоже на очень большой и низко летающий дирижабль. Видите серебристые диски вдоль бортов и по краям днища?

Том, Рен и Вольф слаженно кивнули. Диски трудно было не заметить – грязные металлические зеркала по пятьдесят футов в диаметре, установленные на вращающихся подвесках, как двигатели у дирижабля.

– Я их называю «магнитные отражатели». Когда они включатся, весь город сможет парить в потоках магнитного поля Земли. Зависнуть на высоте нескольких футов над землей… Или над водой, это все равно. Небольшие опытные образцы у нас функционировали великолепно. Осталось только доделать электромагнитный мотор, который будет питать отражатели…

– Катушки Клейста! – воскликнула Рен, как и полагается отважной

школьнице-сыщице, когда она приходит к блестящим дедуктивным выводам.

– Да, – подтвердила доктор Чилдермас. – Мы не знали, откуда взять достаточно энергии для отражателей, а потом мистер Помрой рассказал о работах доктора Клейста по исследованию машиностроения времен Электрической империи. Мне сразу стало ясно, что именно это нам и требуется. Клития раздобыла несколько десятков катушек и еще материалы, из которых мы сможем сами их изготавливать.

Рен покосилась на Вольфа. Он стискивал поручни, глядя на недостроенный городок сияющими глазами, как человек, перед которым открылось видение будущего.

– Теперь вы понимаете, почему мы опасаемся шпионов, – сказала Клития Поттс. – Мы почти двадцать лет строили Новый Лондон. Не хочется, чтобы какие-нибудь стервятники о нем пронюхали, когда он так близок к завершению.

– Новый Лондон! – прошептал Том. – Ну конечно…

Нельзя вечно называть город «Экспериментальным пригородом МП1», особенно если собираешься в нем жить и нести культуру и память о своей родине в новые края. Новый Лондон…

– Я тоже буду помогать! – выпалил он. – То есть если смогу пригодиться. Не могу же я жить здесь, у вас, есть вашу еду, мешаться под ногами и бездельничать, пока вы все трудитесь. Я тоже лондонец! Я не меньше любого из вас хочу увидеть Лондон снова на ходу. Я не инженер, но «Дженни Ганивер» поддерживаю в рабочем состоянии, а в Анкоридже я помогал мистеру Скабиозу прокладывать водопровод и систему электроснабжения. Я останусь и буду помогать… Если только Рен не против…

– Конечно я не против! – сказала Рен.

Было видно, что Новый Лондон поразил ее не меньше, чем Тома.

– И наверное, господин Кобольд тоже захочет помогать, – прибавила Рен, оборачиваясь к своему спутнику.

Но Вольф Кобольд исчез. Тихонько ускользнул, пока все слушали доктора Чилдермас и разглядывали Новый Лондон.

Гарамонд побелел и начал выкрикивать приказы, требуя замкнуть охранный периметр и немедленно организовать поиск.

Доктор Чилдермас пристально посмотрела на него:

– Разленились, я же говорю!

К тому времени как Том и Рен добрались до Крауч-Энда, там уже

узнали, что Вольф сбежал, и организовали несколько поисковых групп, вооруженных ломами, арбалетами и даже электрическими ружьями.

– Мы его поймаем! – поклялась Англи Пибоди, забрасывая на плечо колчан с короткими арбалетными стрелами. – Не дадим ему продать Новый Лондон подлым пиратским пригородам!

– Осторожнее только! – предупредила Рен. – Он опасный человек…

– Мисс Нэтсуорти, нас тут десятки против одного вашего приятеля, – отрезал мистер Гарамонд. – И мы намного лучше знаем здешние развалины. Это Кобольд в опасности, а не мы. Пошли, пошли! Выдвигаемся!

– Мы с вами, – сказал Том.

– Это вряд ли, мистер Нэтсуорти. С моей точки зрения, вы и ваша дочь в сговоре с Кобольдом. Вы останетесь здесь.

– Чушь какая, Гарамонд! – возмутился Чадли Помрой, выходя из своей хибарки в халате и ночном колпаке. – Том и Рен могут потерять ничуть не меньше любого из нас. Кобольд, вероятней всего, рассчитывает сбежать на их дирижабле.

Рен крепко обняла отца:

– Папа, ты оставайся здесь!

И, схватив фонарик, она побежала за Англи и ее братом Саабом.

Том смотрел им вслед. Фонарики, подпрыгивая, мелькали все дальше и в конце концов исчезли среди мусорных холмов. Мистер Гарамонд выкрикивал приказы, явно представляя себя командиром, но получалось больше похоже на зашуганного учителя на школьном пикнике.

– Бегом марш! Работаем по двое! Спандекс Трейл, смотри, куда электроружье повернуто!

Поисковики рассыпались веером, постепенно удаляясь от Крауч-Энда, прочесывая каждую тропинку и расщелину среди развалин.

– Он не мог уйти далеко, – перешептывались между собой.

«Да нет, мог, – подумала Рен. – Он же солдат, однажды он уже вернулся отсюда в Хэрроубэрроу, преодолев сотни миль по территории Зеленой Грозы. Что ему – спрятаться от нас в таком огромном лабиринте, как Лондон».

По крайней мере, до ангара он пока не добрался. «Дженни» и «Археоптерикс», нетронутые, стояли на своих местах. Гарамонд командирским голосом приказал Саабу и еще нескольким ребятам охранять их, и поисковая группа двинулась дальше.

– Бесполезно, – вздохнула Рен, шагая рядом с Англи по той же тропинке, которая впервые привела ее сюда. – Он хорошо умеет прятаться.

Сумел же спрятать целый пригород!

– Уф! – ответила Англи.

Ответ показался Рен немного странным. Она оглянулась и во второй раз за сегодняшнюю ночь столкнулась нос к носу с Вольфом Кобольдом.

– Рен, ты меня нашла! – весело заявил он. – Теперь моя очередь водить…

Он склонился над Англи. Та лежала у его ног, сраженная ударом какого-то тупого предмета. В развалинах не было недостатка в тупых предметах. Рен хотела позвать на помощь, но только раскрыла рот, как Вольф снова выпрямился, нацелив на нее арбалет Англи.

Рен не знала, нужно ли ей поднимать руки вверх, и неуверенно взмахнула ими. Жива ли еще Англи?

– Тебе не уйти! – сказала она. – В ангаре охрана с электрическими ружьями…

– Рен, мне не нужен дирижабль, – засмеялся Вольф. – Это раньше я думал, что секрет инженеров – нечто такое, что можно увезти на «Дженни Ганивер». Теперь я вижу, как сильно ошибался. Придется привести сюда Хэрроубэрроу…

По-прежнему держа арбалет направленным на Рен, он снял с Англи ремень, к которому были пристегнуты колчан и фляга с водой.

– Видишь, у меня есть все необходимое для путешествия по Поверхности. Поеду на одном из грозовых поездов-Сталкеров, очень удобно. Хаусдорферу приказано ждать меня сразу за линией фронта. – Он улыбнулся и протянул руку. – Поедем со мной?

– Что?

– Рен, ты попусту растрачиваешь свою жизнь. Таскаешься хвостиком за своим папочкой. Сколько вы здесь просидите на побегушках у этих копателей? Поехали со мной на Хэрроубэрроу!

– И смотреть, как он слопает Новый Лондон? Нет уж!

– Рен, подумай головой! Эта замечательная новая технология у лондонцев пропадет без всякой пользы. Прекраснодушные идиоты! Они даже челюсти своему новому городу не приделали. Я заберу его себе, и с ним Хэрроубэрроу станет сильнейшим хищником на планете. Летающим хищником с электрическим вооружением! Представь себе только!

Рен представила, и ей не понравилось.

Вольф снова расхохотался, посылая ей воздушный поцелуй, и пошел прочь со словами:

– Рен, для тебя в моей ратуше всегда найдется место!

Рен бросилась к Англи. Тронула ее лицо. Девочка застонала. Рен

хотелось верить, что это хороший знак.

– Помогите! – закричала она изо всех сил. – Сюда! На помощь! Он здесь!

Тут же набежала толпа народу: Сааб, Гарамонд, Кэт Луперини. Кто-то с медицинским опытом склонился над Англи.

– Все хорошо, она оклемается!

Вот только Вольф как сквозь землю провалился. Его искали, пока небо над развалинами не посерело перед рассветом, но он пропал бесследно, словно очередной лондонский призрак.

Часть вторая

Глава 24
Манчестер

Энону вырвали из снов лязг и встряска, когда защелкнулись швартовочные зажимы. Она старалась снова заснуть, но в животе ныло от голода, и она проснулась с тяжелой головой. Ей снилась родная Алеутия: серые скалы, серое небо, серое зимнее море. Они с братом Ино бежали по морозцу вниз с горки… В трюме «Леденца» стояла душная жара, и образы из сна быстро поблекли.

Было утро. Сквозь дыры в оболочке пробивались рассветные лучи. Энона лежала, сжавшись в комочек, на полу загончика из проволочной сетки. Рядом громоздились ящики и коробки с какими-то сомнительными устройствами, – должно быть, Напстер Варли рассчитывал на них нажиться, но промахнулся. Матраса в загончике не было, и у Эноны затекло все тело, так что она едва могла пошевелиться. Она лежала и пыталась понять, почему ей кажется, что что-то изменилось. Потом сообразила – умолк грохот моторов, терзавший ее уши всю дорогу от Катлерс-Галпа.

Внизу, в гондоле, слышались голоса. Варли, как всегда, орал на жену. Младенец, как обычно, плакал. Энона в жизни своей не встречала младенца, который бы столько плакал, как Напстер-младший.

Она выпила воды из жестяного кувшина, пописала в ночной горшок с облупившейся эмалью и прочла утреннюю молитву. К тому времени как она закончила, внизу все стихло. Энона со страхом ждала, что будет дальше.

К счастью, в трюме вместо Варли появилась его жена. Не сказать, чтобы миссис Варли была доброжелательна к пленнице, но по крайней мере относилась более дружелюбно, чем ее муж. Была она пухленькая, веснушчатая, бледная, как непропеченное тесто, с вечно растрепанными рыжими лохмами и испуганными глазами. Сейчас один глаз опух и не открывался, окруженный желтоватыми синяками. Варли где-то ее купил, и жена из нее вышла не такая хорошая, как он рассчитывал. Варли ее поколачивал. Энона часто слышала вопли и рыдания. У нее даже появилось теплое чувство к бедолаге, как будто они обе были пленницами на этом дирижабле.

– Напстер велел тебе завтрак отнести, – дрожащим голоском проговорила миссис Варли и просунула между прутьями решетки миску с

хлебом и половинкой яблока.

Энона стала заталкивать еду в рот обеими руками. Было стыдно, но она ничего с собой поделать не могла – за несколько недель плена превратилась в дикаря, в животное.

– Где мы? – еле выговорила она с набитым ртом.

– В Воздушной Гавани.

Миссис Варли тревожно оглянулась, будто боялась, что ее муж затаился между ящиками, готовый выскочить и второй глаз ей подбить за то, что разговаривает с грузом. Потом она наклонилась вплотную к клетке:

– Это город, который летает!

– Я о нем слышала…

– Он сейчас завис над такой штукой, называется – скопление Мурнау, – продолжала миссис Варли; у нее азарт пересилил страх. – Я в жизни не видела столько городов сразу! Один большой, боевой, весь в броне, и еще мелкие – торговые, и Манчестер! Напстер говорит, Манчестер – один из крупнейших городов в мире! Он читал в книжке. Он много читает, Напстер-то. Работает над собой. И вообще, нам повезло, что мы именно сегодня прилетели. Там большое собрание мэров и всяких таких шишек намечается, и Напстер тоже туда отправился, узнать… Может, кто из них вас купит, мисс.

Энона думала, что уже привыкла быть беспомощной и бояться, но от этих слов миссис Варли ее даже затошнило от страха. Она с самого детства слышала разговоры о жестокости правителей движущихся городов. Просунув руку через решетку, она схватила миссис Варли за юбку, не давая ей уйти.

– Пожалуйста! – взмолилась Энона. – Пожалуйста, не могли бы вы меня отпустить? Высадите хотя бы на землю! Лишь бы умереть не в городе…

– Простите! – искренне ответила девушка. – Я не могу. Напстер меня убьет. Вы же знаете, какой у него норов. Он моего малыша за борт выкинет. Уже много раз грозился.

Младенец, словно услышал, проснулся в своей колыбельке – внизу, в гондоле, – и заревел во все горло. Миссис Варли вырвала подол юбки из пальцев Эноны и бросилась к трапу.

– Простите, мисс, – повторила она на ходу. – Мне нужно идти…

Манчестер всю весну, громыхая, катил на восток, то и дело отклоняясь в сторону, чтобы проглотить какой-нибудь мелкий городишко, и наконец, под вечер вчерашнего дня, добрался до скопления Мурнау. Намного

превосходящий Мурнау размерами, он высился самодовольной глыбой в нескольких милях за линией фронта. Челюсти он держал полуоткрытыми, официально – чтобы техники могли прочистить ряды вращающихся зубьев, но впечатление получалось такое, как будто Манчестер подумывает, а не схомячить ли парочку мелких торговых городков, сбившихся в кучу вокруг Мурнау.

Городки один за другим собрали на борт своих жителей и начали потихоньку расползаться, понимая, что даже если Манчестер их не съест, его появление предвещает неприятности. Все знали, что Эдлай Браун – ярый противник перемирия, а большинство городов «Гезельшафта» были у него в долгу. Он много денег вложил в войну с Зеленой Грозой и теперь желал получить отдачу. Высланные вперед курьеры доставили руководителям городов приглашения на военный совет в Манчестере.

К девяти утра на верхний ярус Манчестера слетелись дирижабли и небесные яхты со всех собравшихся городов и пригородов. Толпы зевак наблюдали с безопасного расстояния, как мэры и кригсмаршалы входят в здание муниципалитета, где для них были приготовлены мягкие кресла в зале собраний. Ждали только, когда лорд-мэр Манчестера поднимется на трибуну. Высоко под куполом нарисованные лучи пробивались через нарисованные облачка и дородная девица, воплощающая собой Дух муниципального дарвинизма, размахивая мечом, обращала в бегство драконов – Бедность и Антидвиженчество. Взгляд ее был устремлен вниз, на трибуну, словно и ей не терпелось услышать, о чем будет говорить Эдлай Браун.

Браун обеими руками оперся на резной поручень и окинул взглядом слушателей. Он был приземистый, плотный и краснолицый, неимоверно богатый и оттого вечно недовольный всем вокруг. Он был похож на сердитую жабу.

– Джентльмены! – сказал он громко. После чего прибавил: – И леди, – вспомнив, что среди слушателей присутствуют несколько женщин-мэров и глава его собственных воздушных наемников, Орла Дубблин. – Прежде чем начать нашу историческую конференцию, хочу сказать, как я горжусь тем, что смог привести сюда свой город, и высоко ценю вашу многолетнюю самоотверженную борьбу, так же как ценят ее простые люди мирных городов на западе.

Слушатели вежливо похлопали.

Кригсмаршал фон Кобольд шепнул своему соседу:

– Деньги наши они ценят. За все эти годы мы им целое состояние отвалили за поставки оружия и боеприпасов. Неудивительно, что Браун

боится даже думать о заключении мира…

– Я и сам человек простой, – продолжал Браун, – и скажу прямо. Я не только для того приехал, чтобы вас по плечу похлопать. Я хочу вам, как говорится, дать пользительного пинка. А если точнее, напомнить… – Он сделал паузу, чтобы молодой человек, переводивший его речь на новонемецкий, мог за ним угнаться. – Напомнить вам, что победа близка! Я знаю, все вы были рады перемирию, возможности вновь увидеть открытое небо над головой и месяц-другой насладиться мирной жизнью. Но нам, кто живет на некотором отдалении от линии фронта и на свой лад борется с врагом, – нам, быть может, видней некоторые вещи. Сейчас мы видим шанс навеки очистить землю от угрозы антидвиженчества! И этот шанс мы обязаны использовать!

Снова редкие хлопки. Мэр Браун посмотрел на слушателей так, словно ждал более бурную овацию, но все равно поклонился в ответ, быстрым взглядом проверив, кто его поддерживает: фон Нейман из Винтертура, Деккер-Шталь из Дортмундского конгломерата и пара десятков закаленных боями мэров, правящих в пригородах-жнецах. Браун дал знак соблюдать тишину – не дожидаясь, пока аплодисменты затихнут сами собой.

– Кое-кто считает, что я слишком смело высказываюсь. Но у Манчестера есть агенты в землях Зеленой Грозы, и все они уже которую неделю докладывают одно и то же: генерала Нагу можно списывать со счетов. Его алеутская куколка убита, и старый дурак потерял волю к жизни. Целыми днями сидит один у себя во дворце и кроет последними словами своих богов за то, что отняли у него возлюбленную. Лишившись Наги, Гроза осталась без руководства. Джентльмены… ах да, и леди, – сейчас самое время перейти в наступление!

Снова аплодисменты, на этот раз более дружные.

В разных местах зала звучат выкрики: «Хорошо сказано, Браун!» и «К празднику Луны будем в Тяньцзине!»

Кригсмаршал фон Кобольд решил, что услышал достаточно.

Он встал и рявкнул, как на плацу:

– Это бесчестно, герр Браун! Было бы бесчестно воспользоваться горем Наги! Мы здесь, на передовой, знаем истинную цену войны! Не просто деньги, а человеческие жизни! Человеческие души! Наши дети из-за любви к войне превращаются в дикарей! Мы должны сделать все возможное, чтобы обеспечить прочный мир!

Кое-кто его поддержал, но гораздо больше кричали, чтобы он сел, и помалкивал, и прекратил пораженческие разговорчики. Фон Кобольд и не догадывался, сколько его коллег готовы с удовольствием слушать

воинственные призывы Брауна. Неужели за несколько месяцев перемирия успели забыть, что такое война? Они в самом деле думают, что из нового витка боевых действий кто-то может выйти победителем? Ничуть не умнее Вольфа! Кригсмаршал гневно озирался, чувствуя себя дураком. Его бросило в жар. Даже собственные штабные офицеры как будто стыдились его вспышки. Он начал проталкиваться мимо длинного ряда кресел к ближайшему выходу.

– Джентльмены! – говорил тем временем Эдлай Браун. – Я надеялся обсудить сегодня не столько план сражения, сколько своего рода меню. Перед нами лежат земли Зеленой Грозы, а защищает их измотанная, плохо вооруженная армия. Крупные оседлые города, такие как Тяньцзин и Батмунх-Гомпа, бесчисленные леса и залежи полезных ископаемых, которые варварские отродья не пожелали разрабатывать, – все они только и ждут, чтобы их съели. Остается единственный вопрос: как мы разделим добычу? Какой из городов что будет поглощать?

Старый кригсмаршал, борясь с тошнотой, шагнул за двери. Отзвуки восторженного рева, сердитых выкриков и яростных споров неотступно следовали за ним по коридорам муниципалитета. Не стихли, даже когда он вышел в парк, но здесь, по крайней мере, воздух был свежий и веял прохладный ветерок. Фон Кобольд сбежал по ступеням и, пригнувшись, прошел под охранным барьером, который установили люди Брауна, чтобы держать зевак на расстоянии. Толпа уже разошлась, только несколько человек еще сидели на газонах. На металлических дорожках валялись бумажные колпаки и плакаты вперемешку с опавшими цветами. Ветер подхватил брошенную кем-то газету с фотографией Нимрода Пеннирояла на первой странице. «Какая чушь!» – подумал фон Кобольд. Мир вот-вот вновь сорвется в хаос, а газетчиков интересуют только последние сплетни об этом нелепом писаке…

Кригсмаршал зашагал по траве к обзорному балкону. Остановился у поручня и глубоко вздохнул, глядя на восток, где высились бронированные стены его города, а за ними начиналась нейтральная полоса. Три недели прошло с тех пор, как Вольф покинул Мурнау. Что-то он сейчас делает? Где обретается его мерзкий пригород? И что с ним станет, если снова начнется война?

– Фон Кобольд? – раздался сзади чей-то голос. – Кригсмаршал фон Кобольд?

Он обернулся и увидел нахального, кричаще одетого незнакомца с рыжими бакенбардами. Вид у молодого человека был слегка безумный. Кобольд почти пожалел, что оставил своих офицеров в зале совета. Но нет,

он не позволит себя напугать какому-то паршивому хорьку!

Он вытянулся в полный рост и ответил:

– Я фон Кобольд.

– Варли, – представился незнакомец, протягивая руку.

Кригсмаршал не нашел предлога, чтобы ее не пожать.

– Напстер Варли, – продолжал тот, сияя улыбкой. Золотой зуб сверкнул, точно гелиограф. – Я думал – заскочу на минутку, выступлю на вашей конференции, но меня не впустили. Я рядышком околачивался, ждал, пока все закончится, чтобы кого-нибудь перехватить по пути к дирижаблю, гляжу – вы здесь бродите. Повезло, скажите?

– Вы так считаете?

– Точно вам говорю, герр Кобольд!

Он выговаривал «херр Кобольд». Кригсмаршал поморщился.

– Видите ли, сэр, я воздушный торговец – по части разных диковинок. И сейчас у меня на борту имеется одна маленькая диковинка, вот именно то самое слово. Только и ждет подходящего покупателя. И как я вас увидел, сэр, в одиночестве посреди парка, так и сказал себе: «Напстер, – говорю, – боги торговли тебе его послали, чтоб ты мог подойти и обрадовать господина кригсмаршала, какая выгодная сделка его поджидает прямо над головой, в Воздушной Гавани».

– В Воздушной Гавани?

Фон Кобольд глянул в подветренную сторону. Там, в нескольких милях от Манчестера, над тучей городского дыма виднелся парящий город. Вот уж куда его никто не заманит! Вольный порт наверняка гнездо моховицких шпиков и тайных убийц. Он попятился от Варли и зашагал к зданию муниципалитета, бросив через плечо:

– Не знаю, что вы там продаете, мистер Варли. В любом случае меня это не интересует.

– Еще как интересует, сэр! – возразил торговец, поспешая за ним. – Наверняка заинтересует, когда узнаете, что это. Большое влияние может оказать на ход военных действий. Я всего лишь стараюсь помочь по мере сил, сэр.

Фон Кобольд остановился. О чем толкует этот странный тип? Нечистоплотные кладоискатели постоянно являлись с Поверхности, предлагая предметы олд-тека, которые якобы наверняка остановят войну. По большей части это были шарлатаны, но кто знает…

– Если вы считаете, что эта вещь может иметь значение, обратитесь к властям, – сказал он. – Здесь, в Манчестере, или в Мурнау. Они решат, что с ней делать.

– Да, но вряд ли они мне компенсируют затраты и хлопоты, а, сэр? А мне стоило немалых хлопот раздобыть эту вещицу, так что и вознаграждение требуется немаленькое.

– Но если вы добропорядочный муниципальный дарвинист и притом считаете, что эта вещь может нам помочь…

– Я, сэр, если можно так выразиться, во вторую очередь муниципальный дарвинист, – ответил Варли, – а в первую очередь – деловой человек.

Он пожал плечами и вполголоса прибавил непонятное:

– Эх, подушки-думочки! Права была Бабуля! Не думал я, не гадал, что так трудно будет найти покупателя…

Фон Кобольд снова шагнул было прочь, но торговец ухватил его за рукав:

– Вы хоть гляньте, сэр!

Он протягивал какую-то фотографию. Фон Кобольд из гордости не носил очки при посторонних и потому не мог рассмотреть, кто изображен на снимке. Он оттолкнул Варли, но настырный торговец впихнул снимок ему в нагрудный карман и льстиво проговорил:

– Вы, наверное, пожелаете прийти и обсудить вопрос цены, сэр. Мой дирижабль стоит у Тринадцатого причала, Главное кольцо Воздушной Гавани. Варли моя фамилия, сэр. Начальная цена – десять тысяч блестяшек…

– Ну знаете!.. – начал возмущенный Кобольд, но его прервал голос адъютанта, капитана Эшенбаха.

Молодой человек быстро сбежал по ступеням муниципалитета, а Варли при виде него шмыгнул в ближайшие кусты и мгновенно исчез.

– Он вас побеспокоил, кригсмаршал? – спросил Эшенбах, поравнявшись с Кобольдом.

– Нет. Полоумный какой-то, и больше ничего.

– Пойдемте в зал, господин кригсмаршал, – сказал Эшенбах. – Там обсуждают планы сражения. Решают, какому городу какой участок вражеской территории атаковать. Браун от имени Манчестера застолбил стационарную крепость под названием Передовое командование, Дортмунд заберет все, что восточнее Хазакского моря. Если вы не поторопитесь, нам ничего не достанется. Было бы обидно остаться не у дел…

– Остаться не у дел?

Фон Кобольд прищурился, высматривая в окрестностях Варли. Тот пропал без следа – если только не находился сейчас на борту во-он того воздушного шара-такси, отчаливающего от посадочной площадки на краю

яруса.

– Значит, все только ради этого? – спросил фон Кобольд. – Чтобы люди вроде Эдлая Брауна могли устроить на землях Зеленой Грозы грандиозный фуршет? А почему бы не позволить им жить спокойно?

Эшенбах нахмурился. Он очень старался понять – и не мог.

– Сэр, они же моховики!

Фон Кобольд зашагал ко входу в муниципалитет.

– Бедный Нага, – пробормотал он.

Поднялся по ступеням и направился в зал – сражаться за долю своего города, напрочь забыв о фотографии, которую Напстер Варли сунул ему в карман.

Глава 25
Тео в Воздушной Гавани

Под вечер в небе вокруг Воздушной Гавани кипело оживленное движение. Все знали, что Эдлай Браун привел Манчестер на восток с единственной целью – вновь начать войну, и воздушные торговцы спешили урвать как можно больше выгоды, прежде чем отправиться на запад в поисках более безопасных рынков. Между городами и парящим городом сновали фрахтовые дирижабли и перегруженные воздушные шары, а высоко над ними, словно стая скворцов, кружили вечно бдительные Летучие Хорьки. Но летчики Орлы Дубблин высматривали боевые корабли Зеленой Грозы – они и внимания не обратили на задрипанный «Ачебе-100», который, пыхтя, прилетел с запада и занял место у одного из самых дешевых причалов.

Дирижабль назывался «Тень бессознательного», его давным-давно захватили в боях еще с прежней Лигой и переоборудовали в торговое судно. Не бог знает что, но это было лучшее, что Эстер смогла себе позволить после продажи пескохода. Пока летели из Африки, Эстер не переставая ворчала, что газовые ячейки подтекают, а двигатели грохочут так, что оглохнуть можно, и всячески поносила торговца подержанными дирижаблями, что продал ей этот летающий гроб. А Тео, который большую часть времени сидел за рычагами управления, приноровился, изучил причуды «Тени» и втайне считал, что это замечательный кораблик. В тишине ночной вахты он шептал дирижаблю что-нибудь ласковое, уговаривал: «Продержись еще немножко, ты же можешь…»

И «Тень» продержалась. Долгий путь наконец-то был окончен, и вид городов, расположившихся внизу, словно чудовищные шахматные фигуры, вызывал у Тео злость и страх. Города – его враги. Тысячу лет были врагами его народа. О чем он думал, зачем сунулся в самую их гущу? Нет никакой надежды вызволить леди Нагу из тюрьмы, куда ее наверняка заточили горожане. Она и не ждет, что Тео попробует… Она не захочет, чтобы кто-то погиб ради нее…

Защелкнулись швартовочные зажимы «Тени». Тео выключил моторы, и в гондолу хлынули звуки Воздушной Гавани – крики носильщиков и торговцев, грохот цепей, где-то играет шарманка, ворочается торговый дирижабль у соседнего причала. Подбежал мальчишка с ведром и мочалкой на длинной ручке, хотел помыть иллюминаторы «Тени», но Эстер махнула

рукой, прогоняя его прочь. Одного взгляда на ее сердитое изуродованное лицо мальчишке хватило, и он мигом удрал.

Эстер была не в духе. Она надеялась догнать «Леденец» в воздухе, взять на абордаж и забрать леди Нагу без особого труда. Но хотя ее «Тень» шла без груза и с четырьмя моторами против «Леденцовых» двух, много времени ушло на выяснение, куда направляется Напстер Варли, и он успел первым добраться до Воздушной Гавани. Здесь ворваться на «Леденец» будет намного труднее – в порту есть охрана, да и прохожие могут вмешаться. Эстер оглянулась на Шрайка, стоящего словно статуя в темном углу кабины управления.

– Спрячься получше, механизмище, – сказала она.

– Я МОГУ ТЕБЕ ПОНАДОБИТЬСЯ.

– Здесь не понадобишься. Кругом полно горожан; если они тебя увидят – решат, что мы из Зеленой Грозы. Еще и вспомнит кто-нибудь, как ты в прошлый раз половину Гавани разнес, пока нас с Томом искал. Посиди пока в трюме. Понадобишься – я тебя позову.

Шрайк молча кивнул и полез вверх по трапу. Эстер подтянула повыше вуаль, надела темные очки и открыла люк, ведущий наружу.

– Идешь? – спросила она Тео.

Таверна под названием «Шар и гондола» пережила все перемены Воздушной Гавани и до сих пор занимала то же скопище разнокалиберных домишек, что запомнилось Эстер после ее первого приезда в вольный порт. Но за прошедшие годы воздушная торговля, как и наземный мир, разделилась надвое: горожане – отдельно, моховики – отдельно. «Шар и гондолу» облюбовали горожане. Над входом белой краской было выведено предупреждение: «Собакам и моховикам вход запрещен». За маленькими грязными столиками кучковались торговцы из Манчестера, Дортмунда и Перипатетиаполиса, из городов-зиккуратов Нуэво-Майя на паровой тяге и буровых городов Антарктики. На стенах висели плакаты и карикатуры на Зеленую Грозу, а фоном на мишени для игры в дартс служило бронзовое лицо Сталкера Фанг.

Эстер остановилась у алтаря небесным богам, сразу у входа, и раздраженно вздохнула, когда Тео налетел на нее. Порылась в карманах пальто, отыскала несколько монеток и бросила их в ящик для сборов в Фонд помощи авиаторам – ящик был сделан в виде дирижабля. Подошла толстая официантка, посмотрела лукаво, явно предполагая, что Тео – сердечный друг Эстер, и намекая, что она отхватила себе настоящего красавчика. Эстер вдруг ощутила гордость, словно все это было правдой.

– Мы ищем Варли, – сказала она официантке. – Он торговец, недавно из Африки. Знаешь его?

– Тебе повезло. Вон он, сидит у окна. Только поаккуратней с ним, он вернулся из Манчестера в отвратном настроении.

За круглым окном, на которое показала официантка, заходящее солнце бросало яркие отсветы на вечерние облака, но молодой человек за столиком не обращал внимания на великолепный вид. Он читал книгу и время от времени рассеянно брал из миски жаренную на углях саранчу.

– Напстер Варли?

– А кто спрашивает?

Варли подозрительно прищурился и закрыл книгу, меряя Эстер взглядом. На обложке книги было выведено: «Дорнье Лард. Путь к успеху в торговых переговорах», а между страниц торчало с десяток обтрепанных и замусоленных закладок. Варли заметил, что Эстер смотрит на заглавие, и быстро перевернул книгу передней обложкой вниз.

– Я вас не знаю, – сказал он. – Вы с какого корабля?

– «Тень бессознательного», – ответила Эстер.

– Не слыхал о таком. – Он присмотрелся к Тео и спросил: – Ты из какого города? По каким делам здесь?

– Мы… – начала Эстер.

Варли ее оборвал:

– Я спросил мальчишку!

Тео не был хорошим актером. Вот Рен бы на его месте… Он вспомнил, как она в Брайтоне обвела вокруг пальца Пеннирояла и Набиско Шкина.

Он соврал, стараясь ей подражать:

– Мы с Занзибара.

– Говорят, у вас есть кое-что интересное. Возможно, мы бы захотели это купить, – сказала Эстер.

Варли встрепенулся, но все равно смотрел с подозрением.

– Присаживайтесь! – Он подтолкнул к ним стул ногой. – Возьмите кузнечика. Так что там говорят о моих делах и кто говорит?

– Бабуля Башли, – сказала Эстер.

– Вы ведете дела с Бабулей?

– Мы с ней старые друзья. Она сказала, что у вас на борту очень ценная пленница.

– Тш-ш-ш! – Варли перегнулся через стол и зашептал, обдавая Эстер запашком изо рта: – Не надо так говорить, дамочка! Мало ли кто может услышать. Власти Воздушной Гавани плохо относятся к работорговле. Если они подумают, что я хочу толкнуть живой товар на их территории,

такое начнется!

Тео стало трудно дышать от ярости и омерзения. Он еле удержался, чтобы не врезать торговцу. У него самого еще остались синяки и шрамы после Катлерс-Галпа, и ему до сих пор было стыдно вспоминать время рабства на Облаке-9; он слишком хорошо знал, что означает безобидное, казалось бы, выражение «живой товар».

Эстер и бровью не повела.

– Уже нашли покупателя?

– Пару часов назад я вступил в переговоры с кригсмаршалом Мурнау, – сказал Варли, отводя глаза. – Но это пока еще не окончательно.

– Я не прочь сделать покупку, – сказала Эстер.

Варли фыркнул, покачал головой и снова набросился на саранчу, словно от разговоров о делах у него разыгрался аппетит.

– Вам это не по карману, – сообщил он с полным ртом, хрустя саранчой.

– А может, и по карману.

Варли резко перевел на нее взгляд и сплюнул жесткое надкрылье.

– Вы не с Занзибара, – сказал он. – Мальчишка у вас, может, на мордочку и смазливенький, но врать не умеет. Кто вы?

Эстер промолчала и пнула Тео под столом по ноге, чтобы тоже помалкивал.

Варли расплылся в улыбке:

– Боги всемогущие! – И снова понизил голос до шепота: – Вы из Грозы, точно? Я все думал, явятся ваши или нет. Не волнуйтесь, у меня широкие взгляды. Золотишко есть золотишко, и Напстеру Варли наплевать, откуда оно взялось – из сундуков «Гезельшафта» или из сокровищниц Шань-Го. Так сколько она для вас стоит, ваша императрица? Только не тяните! Все говорят, со дня на день военные действия возобновятся. Вам же надо успеть ее переправить на моховицкую территорию, верно?

– Сколько вы хотите? – спросила Эстер.

– Десять тысяч золотом. Это самое меньшее.

– Десять тысяч? – У Тео засосало под ложечкой.

А он-то воображал, что можно будет выкупить леди Нагу… Но – десять тысяч золотом! С таким же успехом Варли мог у них потребовать луну с неба.

– Я подумаю, – спокойно ответила Эстер и встала, отодвинув стул. – Пойдем, Тео.

Варли помахал ей, держа в руке саранчу.

– Подумай, подумай, лапочка! Мой дирижабль называется «Леденец»,

стоит у Тринадцатого причала. Приноси денежки да передай мне из рук в руки, как полагается!

– Нам сперва будет нужно увидеть товар, – сказала Эстер.

– Сначала я должен увидеть деньги. И без глупостей! У меня в охране три здоровенных амбала.

На Главной улице уже зажглись электрические фонари. В сумерках порхали огромные мотыльки, а за ними гонялись предприимчивые мальчишки с сачками – чтобы пожарить и продавать как изысканную закуску. Неубитый до конца материнский инстинкт заставлял Эстер каждый раз вздрагивать, когда какой-нибудь беспризорник подбегал слишком близко к ничем не огороженному краю причала. Она строго сказала себе прекратить слюнтяйство: эти мальчишки родились в небе, никуда они не свалятся, а если и свалятся, далеко не упадут – по указанию властей под причалами натянуты страховочные сетки.

Она облокотилась о поручень с внешней стороны круговой улицы и притворилась, что любуется закатом, а на самом деле исподтишка разглядывала Тринадцатый причал. Там стоял на якоре «Леденец» в черно-белую полоску. Возле единственного люка в самом деле прохлаждались трое, весьма внушительной комплекции, как и обещал Напстер Варли.

– Он урвал себе кусок не по силенкам, – заметила Эстер.

– Кто? – спросил Тео. – Варли?

– Конечно Варли! Отхватил добычу, о какой и мечтать не мог, а теперь не знает, что с ней делать. До смерти боится, что кто-нибудь пронюхает и отобьет пленницу силой, потому и нанял громил. Но обратиться напрямую в «Гезельшафт» не смеет – опасается, что они заберут леди Нагу даром, а ему сунут в зубы какую-нибудь медаль за труды. А когда попробовал обратиться к частному лицу, получил от ворот поворот. Потому и вернулся из Манчестера «в отвратном настроении». Теперь сидит, ищет в книжке новую идею. Мы для него – как ответ на молитву. Дилетант он, Тео.

– Но он требует десять тысяч золотом! – сказал Тео.

– Согласится на меньшее. Даже на половину.

– Все равно это огромная куча денег, а у нас-то вообще ничего нет! Нам нужно спасти леди Нагу, а не купить! Мы легко справимся с Варли и тремя охранниками. Меня же вы спасли? И я слышал, что вы устроили в прошлом году в корпорации Шкина…

Эстер отвернулась, вспомнив, как убивала людей, чтобы вытащить Тома из башни рабовладельца в Брайтоне, и какими глазами смотрел на нее после этого Том. Это был их последний вечер вместе.

– Дело не только в том, чтобы забрать леди Нагу. Нужно еще ее

вывезти под носом у целой толпы городов и переправить на территорию Зеленой Грозы. Если поднимем шум на корабле Варли, мы и на полмили уйти не успеем, их летательные аппараты нас догонят и…

Она взмахнула рукой, схватила пролетающего мотылька и бросила смятое тельце в сачок ближайшему беспризорнику.

Тот сказал:

– Спасибки, тетенька!

– Значит, нужно сдаться? – спросил Тео, дождавшись, пока мальчишка отойдет.

Эстер молчала, рассматривая другую сторону Главной улицы.

– Миссис Нэтсуорти?

– Нет, – еле слышно ответила Эстер.

Она не смотрела на Тео. Эстер не отрывала взгляда от человека, который только что вышел из дверей большого облезлого здания с вывеской «Отель „Эмпиреи“».

Эстер, не глядя, нашарила руку Тео и ободряюще сжала.

– Нет, – повторила она. – Сдаваться не нужно. Просто нужно найти того, кто может нам дать огромную кучу денег.

Глава 26
Разорен!

Совещание на борту Манчестера затянулось. Правители городов «Тракционштадтсгезельшафта» никак не могли договориться обо всех деталях будущего наступления. Все бы им наступать, думал кригсмаршал фон Кобольд, выбираясь из гондолы своей воздушной яхты и тяжелыми шагами направляясь домой, в ратушу. Его жена, напуганная слухами о возобновлении войны, улетела в Париж на лайнере «Вероника Лейк»[26]. Кригсмаршал по ней не скучал. В последние годы они так редко виделись, что она стала казаться ему совсем чужой. Довольный, что не придется еще один вечер провести вместе с ней в слишком пышно украшенных и слишком сильно надушенных официальных покоях, он поднялся на самый верхний этаж, в маленькую комнату, которую занимал в отсутствие жены и Вольфа. Белизну голых стен нарушает только портрет сына, и взгляд невольно обращается к окнам – за ними на фоне заката мелькают черные силуэты летучих мышей. Небо расчерчено инверсионными следами летательных аппаратов.

«Такой мирный вечер», – думал кригсмаршал, вынимая из карманов бумаги и бросая их на кровать. А утром придется подписать приказ, который снова погрузит его город в войну. Молодых людей призовут на огневые точки, подготовят к бою дирижабли и тупорылые пушки… Женщин и детей уже отправили на запад, в мирные города. К ночи закроют броню. Возможно, пройдет не один месяц, прежде чем он снова увидит вечернее небо из окна своей комнаты.

Кригсмаршал повесил мундир и взялся за телефон над туалетным столиком. Сообщил экономке, что будет сегодня ужинать у себя, попросил принести хлеба, холодного мяса и стакан пива. Возвращаясь к двери, чтобы проверить, не запер ли ее случайно, он бросил взгляд на кровать и заметил, что из кучи бумаг на него смотрит чье-то лицо.

Он взял в руки фотографию, недоумевая, как она попала в стопку нудных машинописных страниц со стенограммой брауновской речи. Женское лицо. Наконец он вспомнил – этот снимок Варли сунул ему в карман в парке. За сегодняшними неприятностями кригсмаршал совсем позабыл о жуликоватом торговце. Теперь вспомнил и пришел в ярость. Подумать только – работорговец орудует в нескольких милях от Мурнау! Город фон Кобольда никогда не имел никаких дел с работорговлей, у них

считалось долгом чести освобождать рабов во всех съеденных городах. Как этому Варли в голову пришло, что он, фон Кобольд, захочет купить несчастную изможденную девушку со снимка!

Держа в руке фотографию, он снова шагнул к телефону и принялся гневно крутить ручку. Наорал на перепуганную телефонистку, требуя немедленно соединить его с начальником службы безопасности. Пока ждал ответа, он нацепил очки и внимательнее посмотрел на фотографию. Девушка явно с востока, грязная, вся в синяках, огромные глаза полны страха. Лицо кажется смутно знакомым, хоть фон Кобольд и не мог сообразить, где видел его раньше. Маленький беззащитный рот, кривые зубы…

И вдруг он вспомнил! Разведка присылала снимки со свадьбы генерала Наги. Невеста в красном наряде. Густые черные брови, выступающие скулы. И этот рот.

В трубке затрещало.

– Герр кригсмаршал! Что случилось?

Кобольд запнулся, не сводя взгляда с фотографии.

– Ничего, Шиллер, – негромко проговорил он. – Не имеет значения.

Он мягко вернул трубку на рычаг, взял в ящике туалетного столика пистолет, пристегнул тяжелую боевую саблю и надел свою любимую кевларовую броню, когда-то присланную врагом. Обычно кригсмаршал обходился без доспехов, но сейчас показалось уместным, чтобы подарок Наги защищал его, когда он будет спасать жену генерала.

Поверх всего накинул пальто и сбежал вниз по лестнице, мимо горничной, которая несла ему ужин.

– Прошу прощенья, милочка, – сказал он ей. – Планы изменились.

Но пиво взял и, прихлебывая на ходу, спустился на свою личную швартовочную площадку. Механики как раз уводили на ночь в ангар его яхту – «Die Leiden Des Jungen Werthers»[27].

– Отставить, ребята! – крикнул он и, отшвырнув пустую кружку, подошел к ним. – Она мне сейчас понадобится.

– На ночь глядя, господин кригсмаршал?

– Топлива в баках не так много осталось.

– Мне много и не надо, – ответил фон Кобольд. – Всего лишь долететь до Воздушной Гавани.

– У нас нет постояльца с такой фамилией, – сказал служащий отеля «Эмпиреи».

Пыльный аргоновый шар жужжал и мигал, освещая истертые ковры на

полу и табачного цвета стены. Лестница уходила вверх, во тьму.

– Уютное местечко, – буркнул Тео.

Эстер перегнулась через стойку регистрации. Сквозь вуаль ее почти безносый профиль выглядел жестким, как сжатый кулак. Тео испугался, что она сделает что-нибудь ужасное нахальному молодому человеку за стойкой, но она только сказала:

– Вы уверены? *Нимрод* Пеннироял. Он писатель.

– Дамочка, я знаю, кто он! – ответил дежурный все с той же дурацкой улыбкой. – Все слыхали о Пеннирояле. Но у нас такие не останавливались.

– Я только что видела, как он отсюда вышел, – сказала Эстер. – Толстый такой. Старый. Лысый.

– Это просто господин Унтерберг, – ответил дежурный. – Торговец из Мурнау, живет в номере сто двадцать восемь. Сказал, что пойдет в управление порта, чтобы… А, вот и он!

Эстер и Тео обернулись. Дверь вестибюля открылась, впуская шум развеселых компаний в барах на Главной улице, несколько заблудившихся мотыльков и нужного человека. Он сбрил бороду, нацепил синие очки и сменил свою роскошную одежду на скверно сшитый костюм в полоску, обычный для воздушных торговцев, но Эстер и Тео сразу его узнали.

– О великий Поскитт! – ахнул человек, заметив, что они идут ему навстречу. – О Клио! Ох ты ж Нора!

– Мы хотели бы немножко поболтать, – объяснила Эстер.

Она ожидала, что он начнет вопить, звать полицию и городскую стражу Воздушной Гавани. В конце концов, когда они виделись в прошлый раз, Эстер хотела его убить и остановилась только потому, что мягкосердечная дочь ей помешала. Но сейчас Пеннироял, казалось, больше боялся не ее, а дежурного за стойкой. Он с тревогой глянул через ее плечо на молодого человека (тот смотрел на них разинув рот и вытаращив глаза) и прошипел:

– Здесь нельзя разговаривать!

– Тогда у вас в номере, – сказала Эстер.

Пеннироял не спорил. Он взял у изумленного дежурного ключ, махнул Эстер и Тео рукой, чтобы следовали за ним, и начал подниматься по лестнице. Эстер чувствовала, что упускает что-то важное. Она в жизни не встречала такого самодовольного человека, как Нимрод Пеннироял. Почему он выдает себя за другого?

Номер 128 находился на верхнем этаже. Скошенный потолок, из крана капает вода в грязную металлическую раковину, повсюду пустые винные бутылки. Пеннироял рухнул в плетеное кресло у окна. Эстер пропустила

Тео в комнату и пинком захлопнула дверь.

– Если вы ищете Тома и Рен, – хнычущим голосом проговорил старик, – так они уже несколько дней как уехали. Отправились на север, по заданию одного типа, Вольф Кобольд его зовут.

– Том и Рен были здесь? – спросил Тео.

Эстер явно растерялась от неожиданных новостей. Несколько секунд она молча смотрела на Пеннирояла, потом начала было что-то говорить, снова замолчала и, наконец придя в себя, рявкнула:

– Мы здесь не за этим! Пеннироял, нам нужны деньги.

Пеннироял засмеялся совсем не весело – словно залаял тюлень, страдающий бронхитом.

– Деньги? Вы пришли ко мне за деньгами? Ха! Сразу видно, Эстер, что вы не любительница чтения. Неужели не слышали?

– О чем?

– Зачем я, по-вашему, прячусь в этой трущобе?

Нагнувшись, он вытащил мятую газету из-под кровати, где валялись пустые бутылки и грязные носки. Ткнул газету в руки Эстер и Тео и проговорил с горечью:

– Видите? Я разорен! Разорен! И все из-за вашей дочурки!

Газета называлась «Зерцало». Бóльшую часть первой полосы занимало фото Пеннирояла. Под его самодовольно улыбающейся физиономией громадные черные буквы кричали:

ЛЖЕЦ!

РАСКРЫТО ИСТИННОЕ ЛИЦО НИМРОДА Б. ПЕННИРОЯЛА!

Рассказывает наш специальный корреспондент в Мурнау Сэмпфорд Спайни

(стр. 1–24)

Тео взял газету и быстро пролистал несколько страниц.

– «Многие специалисты давно уже подозревали, что археологические изыскания „профессора“ Пеннирояла не выдерживают критики… – прочел он вслух. – Так и не было найдено доказательств, подтверждающих рассказы Пеннирояла о его приключениях в Америке и Нуэво-Майя»…

Тео заглянул в конец статьи и удивленно вскрикнул, увидев изображение Рен. Снимок был совсем крохотный, и со времени их последней встречи она что-то сделала с волосами (или просто во время съемки стояла на каком-то склоне?), но это точно была она. Тео пробежал глазами пару абзацев под фотографией и тревожно покосился на Эстер, прежде чем прочитать их вслух:

– «Мистер Томас Нэтсуорти, почтенный воздушный торговец, на самом деле не кто иной, как муж Эстер Шоу, чью смерть Пеннироял трогательно описывает в заключительных главах своего бестселлера „Золото хищников“. Фанаты этой книги, возможно, удивятся, узнав, что миссис Шоу была жива и здорова во время прошлого праздника Луны, когда они расстались с мужем, а также – что у супругов имеется очаровательная дочь, мисс Рен Нэтсуорти (15 лет), которая говорит о Пеннирояле: „Он любит иногда немножко преувеличивать“.

Ваш покорный слуга, как и многие читатели профессора, склонен считать, что Пеннироял преувеличивает более чем немножко, что он, в сущности, попросту шарлатан, обманщик, мошенник и его присутствие на верхних ярусах Мурнау оскорбляет все традиции этого благородного города».

Эстер одобрительно хмыкнула сквозь вуаль.

– Видите? – воскликнул Пеннироял. – Коварная змея! Наговорила Спайни всякого у меня за спиной! Или это он ее подловил? Исказил ее слова? С него станется! Он ничем не погнушается, чтобы мне досадить. Я бы напустил на него своих адвокатов, но, увы, все доказательства моих приключений сгорели вместе с Облаком-девять. Теперь Вердероб и Спур утверждают, будто я их обманул, и требуют вернуть аванс на новую часть моих мемуаров. А я не могу! Я его уже потратил! На Мурнау и в Манчестере выписали ордера на мой арест! Что я буду делать? Куда мне деваться? Я сбежал сюда – в надежде, что мой друг Дорнье Лард возьмет меня к себе на воздушную яхту, а он и знать меня не хочет! А попроситься за плату на обычный торговый корабль я боюсь – вдруг авиаторы меня узнают и сообщат моим кредиторам. Разве только…

Он уставился на Эстер, приоткрыв рот, стараясь скрыть свой страх и выглядеть трогательно-умильным.

– У вас есть дирижабль, миссис Нэтсуорти? Не могли бы вы, ради старого знакомства… Тео, милый мальчик, помнишь, как мы вместе выбрались с Облака-девять? По очереди пилотировали славную старушку «Арктическую качку»…

– Деньги, – твердо сказала Эстер.

– О, конечно, я могу оплатить проезд!

Пеннироял распахнул свои одежды, открыв выпуклый живот в седом меху и полотняный нательный пояс со множеством кармашков. Пояс он снял и принялся вытряхивать монеты прямо на пол.

– Всего лишь небольшая сумма, которую я всегда держу при себе на экстренный случай, – пояснил Пеннироял. – В сущности, карманные деньги. Забирайте их, на здоровье, если только увезете меня отсюда и никому не скажете…

– Карманные деньги? – Эстер поворошила кучки монет носком сапога. – Пеннироял, здесь, наверное, сотни четыре блестяшек!

– Пять сотен! – заверил ее старик, вытаскивая из-за подкладки мешочек с монетами и бросая его на пол в общую кучу.

– Как вы только еще на ногах держались с таким грузом?

– Они все ваши, только помогите!

Эстер кивнула и приказала:

– Тео, собери!

– Здесь не хватит…

– Хватит, чтобы попасть на борт «Леденца». Лишь бы прорваться мимо тех бугаев на причале, а дальше будем импровизировать.

Тео все равно не понимал, как она собирается утолить жадность Напстера Варли пятью сотнями золотых монет разного достоинства, но все равно начал собирать их с пола и рассовывать по карманам.

Пеннироял наблюдал за ним со странным выражением – одновременно страдальческим и полным надежды.

– У какого причала стоит ваш дирижабль? – спросил он. – Как называется? Скорость у него приличная? Я подумывал насчет Нуэво-Майя. Полагаю, там не особенно читают «Зерцало»…

– Вы с нами не полетите, – сказала Эстер.

– Но вы сказали…

– Пеннироял, я ничего не говорила. Вы, как обычно, говорили за двоих. Я бы ни за что не пустила вас на свой дирижабль, а если бы даже и согласилась, вам не нужно туда, куда мы летим.

Пеннироял захныкал:

– А мои деньги! Мои деньги!

– Так нельзя! – крикнул Тео, поворачиваясь к Эстер.

Пеннироял долгое время держал его в рабстве; надо бы радоваться, что боги наконец-то наказали профессора за вранье. Но Тео не радовался. Ему казалось, что они грабят беспомощного, испуганного старика.

– Нельзя вот так просто отнять у него деньги!

– Считай, что это благотворительный взнос, – ответила Эстер и распахнула дверь.

– Я пожалуюсь властям! – взвыл Пеннироял.

– Да ну? И выдадите свое убежище? Это вряд ли.

– Деньги нужны на хорошее дело, профессор! – Тео топтался на месте, хотя Эстер уже вышла из комнаты. Он мягко тронул дрожащую руку старика. – Мы их потом отдадим. Леди Нагу держат в плену на одном дирижабле. Мы доставим ее в Шань-Го, и генерал Нага нас отблагодарит… Даст в десять раз больше, чем мы у вас взяли.

– Леди Нага? – завопил Пеннироял. – О чем ты говоришь? Она убита!

– Тео! – крикнула Эстер, уже спускаясь по лестнице.

Бросив еще один встревоженный взгляд на Пеннирояла, Тео вслед за ней вышел из комнаты, из отеля, в холодную звездную ночь.

Дежурный за стойкой регистрации посмотрел им вслед, потом покрутил ручку телефона и попросил соединить его с братом – тот работал в радиотелеграфной конторе Воздушной Гавани.

– Лего? – прошептал он в трубку. – Это я, Дупло. Можешь передать сообщение в Мурнау – в темпе вальса?

Пеннироял остался один в номере 128. Несколько раз глубоко прерывисто вздохнул, постепенно успокаиваясь. Жалость к себе уступила место любопытству. О чем говорил этот мальчишка, Тео? Неужели жена генерала Наги жива? Она действительно в Воздушной Гавани? А если так, сколько за нее заплатит «Гезельшафт»? Человек, который им ее добудет, станет героем, в каких бы прошлых грешках его ни обвиняли…

Пеннироял налил себе бренди для укрепления нервов и, отогнув уголок замурзанной занавески, посмотрел на сонные силуэты дирижаблей у причала. Эстер обронила название – «Леденец». Пеннироял об этом корабле не слышал, но выяснить, где он пришвартован, будет нетрудно. И уж наверняка в тавернах на Главной улице найдутся крепкие горожане, которые помогут Пеннироялу, если дело примет дурной оборот.

Мысленно он уже видел, как гнусные измышления, опубликованные в «Зерцале», изглаживаются из памяти читающей публики и появляются новые, куда более благоприятные заголовки – что-нибудь в таком духе: «Пеннироял захватил в плен одну из крупнейших фигур в сообществе моховиков…»

Глава 27
Тринадцатый причал

Вечерний ветер пригнал с запада низкие облака и расстелил белым ковром в пятидесяти футах под Воздушной Гаванью, оставив на виду только верхние ярусы самых крупных городов. Над облаками проскользила воздушная яхта в полночно-синих цветах Мурнау и остановилась у причала на дальней стороне швартовочного круга, – наверное, какой-нибудь мажор с Оберранга собрался рискнуть своим наследством в казино. Эстер облокотилась о перила обзорной палубы; запах тумана на Главной улице напомнил ей ночь на Разбойничьем Насесте много лет назад.

Прямо под ней у Тринадцатого причала стоял «Леденец», рядом со сходнями скучали трое охранников. В гондоле виднелся свет, и в нижней части баллона тоже светилось окно.

Эстер повернулась к Тео:

– Иди на наш дирижабль, будь готов отчалить в любой момент. Если все пройдет хорошо, я вернусь через несколько минут с леди Нагой.

– Вам нельзя туда идти одной! – возразил Тео. – А если случится что?

– Тогда ты улетишь без меня. Отправляйся на восток и расскажи своему генералу Наге, что на самом деле стало с его женой.

Эстер хотелось поскорее сплавить Тео и заняться тем, что у нее получалось лучше всего. Наклонившись, она поцеловала его в щеку и почувствовала сквозь вуаль тепло его кожи. В эти мгновения, перед тем как начать действовать, все воспринималось острее, как будто мозг усиленно впитывал все ощущения, все звуки и запахи.

Тео кивнул, хотел что-то сказать, но в последний миг передумал. Он быстрыми шагами пошел прочь, лавируя в толпе авиаторов, бродивших между барами и кафе по Главной улице. Эстер смотрела ему вслед, пока он не скрылся из вида, и думала – была бы она на двадцать лет моложе, влюбилась бы в него без памяти. Потом обругала себя сентиментальной дурой и побежала по лестнице вниз, на Тринадцатый причал.

Как она и надеялась, охранники дремали на посту. Они были из тех захудалых авиаторов, что вечно толкутся в тавернах на Главной улице, надеясь найти работу. Варли нанял их охранять драгоценный груз, а они бы предпочли сейчас лучше напиваться в каком-нибудь баре, чем торчать здесь на холоде. Эстер подумала: может, попросту убить их, а золото Пеннирояла оставить себе? Но с тремя не справиться без шума, а она пока не хотела

рисковать.

Эстер крикнула:

– Где Варли?

Стражники встрепенулись и постарались принять деловой вид.

– Кто его спрашивает? – спросил один, целясь в нее из заряженного гарпунного ружья.

Эстер встряхнула сумку, чтобы они услышали, как взбрякивает пеннирояловское золото. «Есть вообще такое слово – взбрякивать? – подумала она. В такие моменты Эстер всегда становилась очень спокойной и в голову приходили разные любопытные вопросы. – Том наверняка смог бы ответить…» Но о Томе думать было нельзя.

Один охранник попятился на сходни и что-то крикнул через открытый люк тому, кто был внутри. Потом махнул гарпунным ружьем, и двое других посторонились, пропуская Эстер.

Тео включил моторы «Тени», чтобы прогрелись, и проверил рулевое управление, отчаянно надеясь, что их никто не заметит, – он же не запросил разрешения на вылет. Шрайк расхаживал взад и вперед у него за спиной. Палуба дрожала под тяжелыми шагами.

– ЗРЯ ОНА ПОШЛА ОДНА, – проговорил Сталкер.

– Я же вам сказал…

– ЭТО НЕ ТВОЯ ВИНА, ТЕО НГОНИ, НО ЕЙ НЕ НАДО БЫЛО ИДТИ ТУДА ОДНОЙ.

Раздался скрежещущий механический звук, и Тео вдруг подумал, что так вздыхает Сталкер.

– Я ДОЛЖЕН БЫЛ ЕЙ ПОМОЧЬ ОСВОБОДИТЬ ДОКТОРА ЗЕРО. РАНЬШЕ Я ЛЕГКО БЫ ЭТО СДЕЛАЛ. ВЫВЕЛ БЫ ИЗ СТРОЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЮ ВОЗДУШНОЙ ГАВАНИ, СОЗДАЛ ПАНИКУ И В СУМАТОХЕ ПОДНЯЛСЯ НА БОРТ «ЛЕДЕНЦА», ПОКА ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫЕ ЗАНЯТЫ ДРУГИМИ ДЕЛАМИ… НО Я НЕ МОГУ ЭТОГО СДЕЛАТЬ, НЕ УБИВАЯ.

– Да и после вы далеко не ушли бы, – напомнил Тео.

Шрайк словно не слышал. Сталкер остановился у иллюминатора, глядя в ночь, на безмолвные дирижабли у причала.

– Я ЕЙ ПОМОГУ.

– Вам нельзя! Если вас увидят…

– Я БУДУ ОСТОРОЖЕН.

Тео не успел его остановить – Шрайк открыл наружный люк и выпрыгнул на причал. Вокруг никого не было. Шрайк двумя широкими

шагами пересек швартовочную площадку и спрыгнул вниз. Его броня сверкнула отраженным светом портовых огней, словно ртуть. Решетчатые фермы опор под швартовочной площадкой терялись в тени. Шрайк пробрался между ними и оказался под набережной. Там он выждал, пропуская воздушный таксошар, направляющийся к центральному кольцу, а потом двинулся под брюхом Воздушной Гавани к Тринадцатому причалу.

Таксошар причалил к швартовочной площадке в центре Воздушной Гавани. Из поскрипывающей корзины выбрался Сэмпфорд Спайни, а за ним – его помощница мисс Кропоткин с огромным фотоаппаратом. Журналист был на обеде на Оберранге, когда ему передали сообщение из Воздушной Гавани, и не успел переменить парадную мантию. Чуть покачиваясь, он пересек причальную площадку и подошел к ожидающему его дежурному из отеля «Эмпиреи».

– Это вы утверждаете, что видели Пеннирояла?

– Он остановился в нашем отеле, сэр.

– И сейчас там?

– Нет, сэр. Выбежал почти сразу после того, как я отправил вам весточку…

– Куда он побежал?

– Не знаю, сэр. К нему приходили какие-то люди, а потом он умчался. Могу показать вам его комнату, сэр…

– Комнату? Его комнату? Великий Громовержец! Я не могу интервьюировать комнату! Найдите мне самого Пеннирояла, иначе от «Зерцала» ни цента не получите.

Служащий отеля бросился к лестнице, ведущей на Главную улицу. Спайни пошел с ним, отрывисто приказав девушке-фотографу, чтобы не отставала.

– Обратите внимание, мисс Кропоткин, – прибавил он, поднимаясь по ступеням, – по-моему, на входе в порт мы обогнали яхту кригсмаршала. Что привело старика в Воздушную Гавань? Азартные игры? Свидание с женщиной? Возможно, тут найдется материал для статьи…

Гондола «Леденца» насквозь пропахла мокрыми подгузниками. Жилое помещение на корме было все ими завешано – на бельевых веревках над трубами отопления. Плохо сколоченные книжные полки прогибались под тяжестью так любимых Варли книг с советами о том, как добиться успеха в жизни. В углу захныкал сопливый младенец.

– Тихо, тихо, – испуганно зашептала мать, оглядываясь на Эстер,

которую втолкнул в гондолу охранник.

Их встретил Варли, еще более дерганый и похожий на хорька, чем обычно. Перед ним на столе стоял недоеденный ужин. Варли был без пиджака. Брюки у него держались на подтяжках из змеиной кожи.

– На этот раз без сопровождения? – спросил он. – Принесла мои десять тысяч?

– Пять, – ответила Эстер. – Все, что удалось достать.

– Тогда я продам вашу леди Нагу другому покупателю.

– О да, перед сходнями стоит громадная очередь, я заметила, – хмыкнула Эстер. – Это был сарказм, – пояснила она, когда Варли кинулся к иллюминатору. – Признайте, нет у вас других покупателей. Лучше сторговаться со мной, пока кто-нибудь покруче не пронюхал, кого вы держите в трюме, и не облегчил ваш дирижабль бесплатно.

Варли промолчал, только злобно зыркнул. Эстер вытряхнула из сумки на стол несколько туго набитых мешочков. Они громко звякнули; в двух помещались накопления Пеннирояла, а в остальных восьми – болты и гайки, которые они с Тео купили в круглосуточном магазинчике хозтоваров на Главной улице.

– Десять мешочков, – объявила Эстер и, развязав один, высыпала на стол струйку золотых монет. – Двести пятьдесят блестяшек в каждом. Капитан Нгони принесет остальное, после того как я смогу ему подтвердить, что груз жив и невредим.

Варли смотрел на деньги голодными глазами, но все же был недоволен.

– Этот ваш черный мальчонка – капитан? Видать, у Зеленой Грозы и денег, и людей нехватка…

Эстер взяла другой мешочек, и на столе засверкала еще одна кучка золота.

– Смотри! Красиво! – проговорила нараспев миссис Варли, качая ребенка на коленях.

– Не хотите – как хотите, – сказала Эстер.

Варли по-прежнему колебался.

– Покажите ваше лицо! – потребовал он.

– Вам это не надо, поверьте на слово.

Торговец шмыгнул носом, ногой отпихнул с дороги валяющуюся на полу игрушку и приказал охраннику:

– Глаз с нее не спускай! И не вздумай своровать мои деньги!

И полез по трапу наверх. Охранник с трудом оторвал взгляд от груды золота на столе и уставился на Эстер. Младенец принялся гулить. Миссис

Варли запела. Эстер смутно узнала песенку – она слышала ее когда-то, давным-давно. Но миссис Варли заметила, что Эстер смотрит, и замолчала.

– Ты с Дубового острова? – спросила Эстер.

Миссис Варли покачала головой:

– С Оленьего.

Олений остров в хорошую погоду был виден с горки за домом на Дубовом острове, где Эстер провела свое детство. Не зря песня показалась ей знакомой. Эстер надеялась, что ей не придется убить эту женщину и ее ребенка.

– Напстер там меня и купил, на аукционе жен… – принялась объяснять миссис Варли и вдруг снова умолкла, услышав шаги мужа на лестнице.

Она придвинулась ближе к столу, освобождая ему место. Варли спрыгнул в кабину, волоча за собой перепуганный груз.

Пеннироял обошел с полдюжины питейных заведений на Главной улице, пока нашел то, что искал. Вернее, они сами его нашли – шумная компания молодых офицеров городской стражи Манчестера в увольнительной, в обнимку с девицами и бутылками, только что вывалились из казино над Первым причалом, где они просаживали свое жалованье в древних азартных играх, таких как бирюльки и домино. Пеннироял потрусил с ними рядом, выкрикивая: «Прошу прощенья, джентльмены» и «Послушайте», но на него не обращали внимания, пока он не завопил:

– Я Нимрод Пеннироял!

Манчестерцы разом обернулись к нему.

– Отвали! – сказал один.

– К стенке его! – прибавил другой.

– Сбросим его с причала! – гаркнул третий.

– Ура-а!

– Нет, – возразил пятый, чуть более трезвый, чем его приятели. – Это в самом деле Нимрод Пеннироял. Я видел его фото в газете.

– Все равно сбросим его с причала!

– Ура-а!

– Это же тот мошенник-исследователь, да? – спросила одна из девиц, разглядывая Пеннирояла, словно необычную зверюшку в зоопарке.

– Я не мошенник! – возмутился Пеннироял. – Я пришел просить у вас помощи – как у верных движенцев! На борту дирижабля, который стоит внизу, у причала, прячут некую особу из руководства Зеленой Грозы. Нужно ее задержать!

– Ха-ха-ха-ха-ха! – расхохотался один из манчестерцев.

Остальные напряглись, явно не понимая, о чем речь. Кто-то схватился за саблю.

– Моховики? Здесь?

– Леди Нага собственной персоной! Я работал под прикрытием, разыскивая ее. Все, что вы читали в газетах, – военная хитрость, чтобы противник думал, будто бы я в немилости. На самом деле я все это время работал на «Мурнауэр Гехаймдинст»[28].

Манчестерцы озадаченно смотрели на него. Никто из них не знал, как называется по-немецки разведслужба Мурнау. Пеннироял проклял их невежество (мысленно) и вытащил старый конверт, на который переписал сведения о «Леденце» с информационной доски на Парящей Бирже. Профессор с трудом разобрал собственные каракули, а потом замахал конвертом, как боевым флагом.

– Вперед, джентльмены! – крикнул он. – За мной, к Тринадцатому причалу, навстречу славе!

Лицо в синяках, спутанные колтуном грязные волосы, истощенное тело в рубахе из мешковины бьет дрожь. Эстер сама удивилась, какой силы жалость почувствовала, увидев, как леди Нага чуть ли не ползком спускается по трапу. «Она же ненамного старше Рен», – подумала Эстер. Захотелось подбежать и обнять несчастную, напуганную девушку, утешить, сказать, что теперь она в безопасности.

Но пока еще рано говорить о безопасности, да и не захочет она, чтобы ее обнимали; она, кажется, боится Эстер не меньше, чем Напстера Варли. Когда Варли вытолкнул ее вперед со словами: «Эта добрая леди пришла тебя купить», – Эстер в черном пальто и черной вуали выглядела точь-в-точь как богиня смерти.

– Вы – леди Нага? – спросила Эстер.

– Энона, – испуганно моргая, ответила девушка.

Ее очки были скреплены лейкопластырем, одно стекло треснуло.

– Нага она, кто же еще! – заорал Варли. – На кольцо посмотрите и подвеску загванскую. За них, кстати, отдельная плата! Давайте отправляйтесь за остальными деньгами!

Эстер кивнула и быстро глянула мимо Варли, меряя взглядом расстояние до двери, где стоял охранник с гарпунным ружьем. Повернулась так, чтобы оказаться спиной к стене, медленно сдвинула руку к спрятанному под пальто ножу и краем глаза увидела, как младенец потянулся к сваленным в кучу на столе мешочкам с деньгами.

Дальше все происходило очень медленно, но Эстер все равно не успевала ничему помешать. Пухленькая детская ручка ухватила мешочек; мешочек упал; мешочек лопнул. Под ноги Напстеру Варли посыпались гайки и болты. Варли, поняв, что его облапошили, заорал во все горло. Эстер выхватила нож и метнула снизу, целясь в охранника. Попала в горло. Охранник упал, ружье выстрелило, но гарпун прошел над головой Эстер и с глухим стуком воткнулся в переборку. Миссис Варли закричала. Ребенок завопил. Вдруг что-то с силой ударило Эстер по макушке. Внутри черепа сверкнула ослепительная фиолетовая вспышка. Ругаясь, Эстер начала оборачиваться – ей показалось, что ударили сзади. Вокруг падали какие-то предметы, били Эстер по плечам и шлепались на палубу. Эстер упала на колени и тогда разглядела, что это книги. Гарпун мертвеца сорвал со стены самодельную книжную полку. Эта самая полка и ударила Эстер по голове. Дурацкое ранение, но оттого не менее серьезное. Эстер казалось, что книги кружатся вокруг нее, словно в хороводе. «Торгуйтесь, не стесняйтесь. Руководство для начинающих», «Вкладывайтесь в людей», «Разбогатей на птичьих дорогах и останься в живых, чтобы потратить нажитое!». Эстер чувствовала, что ее сейчас вырвет.

Варли схватил Энону за горло.

– Парни, сюда! – орал он. – Держите ее, держите!

Эстер вспомнила, что снаружи остались еще два охранника. Щурясь от боли в голове, она попробовала встать. Гондола качнулась – по сходням простучали тяжелые шаги. Эстер потянула из кармана пистолет. Она застрелила охранников поочередно, когда они один за другим врывались в кабину. Газовый пистолет негромко кашлял; Эстер надеялась, что этих звуков не слышно с Главной улицы. Охранники повалились на своего приятеля. Один все еще дергался, и Эстер выстрелила в него снова, чувствуя, как у нее самой кровь течет по лицу. Она перевела пистолет на Варли, но не успела спустить курок – потеряла сознание.

Когда она очнулась, торговец выдирал у нее из руки пистолет, раздувая ноздри и скалясь в тупой безумной улыбке. Он сдернул вниз вуаль Эстер и заулыбался еще шире, как будто ее уродство каким-то образом означало его победу.

Он плюнул ей в лицо и сказал:

– Ну-ну.

Отложив пистолет в сторону (опасно использовать такую штуку на борту собственного дирижабля), он вытащил из-за пояса нож.

– Никто по тебе скучать не будет!

Варли очень удивился, когда его жена подняла с палубы пистолет и

выстрелила. Он не сразу понял, что убит. Улыбка медленно сползла с его лица. Варли упал на колени рядом с Эстер, склонил голову, да так и остался на коленях, мертвый.

– Господи!.. – прошептала Энона.

Миссис Варли опустила пистолет. Ее колотило. Младенец громко ревел. Энона, спотыкаясь, добралась до Эстер и помогла ей подняться.

– Вы лучше идите, – сказала миссис Варли.

Она сняла с веревки подгузник и начала сгребать в него золотые монеты.

Эстер потрогала больное место на голове – там, где о нее ударилась полка. На руке осталось влажное и красное. Эстер была как пьяная. Она ухватилась за Энону, чтобы не упасть, и сказала:

– Мы пришли спасти вас. Мы со Шрайком.

– С мистером Шрайком? Он здесь?

– И Тео. Дирижабль ждет.

Держась за Энону, она поковыляла к наружному люку – до него, казалось, несколько миль идти.

– Черт, больно-то как!..

Наконец они все-таки добрались до сходней. Снаружи на причале стоял человек. Наверняка он слышал тот последний выстрел. Порыв ветра распахнул его пальто, и в лунном свете блеснула рукоять тяжелой сабли за поясом.

Эстер застонала. Ее тошнило, и она чувствовала себя не в силах ни с кем драться.

– Леди Нага? – спросил незнакомец. – Вижу, я успел вовремя.

Энона съежилась, прижимаясь к Эстер. Незнакомец шагнул вперед, поставил ногу на сходни. Лицо его в слабом свете из люка «Леденца» было суровым, но не сказать чтобы недобрым.

Он протянул руку:

– Я – кригсмаршал фон Кобольд. Поедемте со мной в Мурнау. Побыстрее, пожалуйста.

Эстер вцепилась в поручень, мрачно глядя исподлобья:

– Сначала вам придется справиться со мной.

Фон Кобольд вежливо посмотрел на нее. Слегка поклонился. Лицо со шрамом его не поразило, как и кровь, слепившая волосы и капающая с подбородка.

– Простите, сударыня, но вряд ли это будет слишком трудно. Как я понимаю, вы – агент Зеленой Грозы и желаете освободить свою императрицу? Даже не будь вы ранены, вам ее отсюда не вывезти. Между

вами и вашей территорией более десятка городов, и не во всех правители такие понимающие, как я. Поедемте со мной в Мурнау, и я найду способ переправить вас и вашу хозяйку к генералу Наге.

Тут он обернулся на внезапный шум со стороны причального кольца. Кто-то громко кричал, на фоне освещенных окон круглосуточного игорного дома «Доминошка» мелькали бегущие силуэты.

– Придется поверить, – шепнула Энона, помогая Эстер спуститься по сходням.

Но когда они добрались до Кобольда, было поздно – по палубе гремели шаги тяжелых сапог. По причалу шли шестеро вояк в красных мундирах, со шпагами наголо, а за ними, подбадривая их криками, вприскочку поспешал низенький толстый человечек – Нимрод Пеннироял.

– Вот они! – вопил Пеннироял. – Они удирают! Держи их!

– Кто вы такие? – рявкнул кригсмаршал фон Кобольд командным голосом, так что атакующие разом остановились.

На Главной улице начали собираться прохожие, заглядывая вниз с обзорной площадки: что там происходит на Тринадцатом причале?

– Мы, сэр, офицеры Манчестерской городской стражи! – отчитался самый высокий и самый трезвый из новоприбывших. – Нам сообщили, что на этом дирижабле скрывается опасный моховик…

– Чтоб меня черти взяли! – крикнул его товарищ, показывая пальцем. – Это она! Как старик и говорил, жена генерала Наги!

– Что, в такой рванине? – удивился другой.

– Она, точно! Я видел ее фото в «Вечерних новостях»! Чтоб меня черти взяли!

– Вы арестованы! – сказал предводитель и шагнул к Эноне.

– Назад, сударь! – Фон Кобольд выхватил саблю. – Эта дама – моя пленница, и я не отдам ее вашему мэру, который только и рвется снова разжечь войну!

– Постойте, давайте успокоимся! – вмешался Пеннироял, боясь, что ссора между Мурнау и Манчестером разрушит его надежды на благоприятные отзывы в газетах.

Но больше ничего сказать профессор не успел, так как его ослепила фотовспышка. К толпе на причале присоединился невысокий человек в парадной мантии. За ним шла девушка, на ходу пристраивая новую лампу-вспышку к фотоаппарату.

– Мистер Пеннироял! – любезно приветствовал профессора незнакомец. – Я – Сэмпфорд Спайни, корреспондент «Зерцала». Всюду вас ищу. Не скажете ли несколько слов вашим разочарованным поклонникам?

Его приятный и чуть-чуть язвительный голос внезапно оборвался – корреспондент увидел манчестерцев с обнаженными шпагами, фон Кобольда с саблей, Энону и рухнувшую на колени Эстер возле сходней «Леденца».

– Послушайте! – взволнованно пробормотал Сэмпфорд Спайни. – Что здесь происходит?

Однако предводителю манчестерцев уже надоели разговоры. Он взмахнул шпагой и хотел проскочить мимо фон Кобольда, но кригсмаршал заступил ему дорогу. Клинки столкнулись, полетели искры – вопиющее нарушение строгих противопожарных правил Воздушной Гавани. На Главной улице раздались крики. Манчестерский предводитель тоже закричал и, шатаясь, отступил назад; по руке у него текла кровь. Фон Кобольд обернулся к остальным стражникам.

– Защищайтесь! – крикнул он.

Противники попятились в страхе перед старым воином, – казалось, он готов был сразиться со всеми пятью одновременно. Только один остался на месте – молодой человек, довольно пухлый и краснощекий. У него, кроме шпаги, был еще и револьвер. Стражник прицелился в фон Кобольда и два раза подряд нажал на спуск.

Тео, сидя в кабине «Тени», услышал выстрелы и бросился к входному люку. Он говорил себе, что эти хлопки не обязательно означают стрельбу, но в глубине души знал, что ничем иным они быть не могут. И доносились они со стороны Тринадцатого причала.

Зазвонил тревожный колокол. Тео спрыгнул на швартовочную стойку и бегом бросился к причальному кольцу. По лестнице с арбалетами наготове спускался отряд в небесно-голубых мундирах Воздушной Гавани. От причала возле ратуши отвалил красный дирижабль пожарных, готовый направить струю воды на возможный очаг возгорания.

Тео беспомощно застыл на полпути между «Тенью бессознательного» и причальным кольцом. Что делать? Чем помочь?

Ветер принес полный ужаса вопль. Потом еще один. Еще крики. Тео помчался назад, к «Тени».

Когда кригсмаршал фон Кобольд упал, тот, кто стрелял в него, рванулся вперед, к леди Наге. Эстер с трудом встала ему навстречу, и вдруг, хотя она успела только взглянуть на него, человек выронил револьвер и выкрикнул:

– Га-а-а!

Эстер перевела взгляд ниже. Сквозь палубу снизу высунулись острые лезвия, числом пять. Два проткнули сапог манчестерца и ногу в сапоге. Тот опять закричал, дернулся прочь, и лезвия вновь ушли под палубу, оставив рваные дыры в стальной плите.

– Мисс Кропоткин, снимайте! – скомандовал Спайни своей помощнице.

Стальная поверхность палубы вспучилась. Показался бронированный кулак; пальцы расширили дыру, и из нее выбрался Шрайк. Он засверкал в свете новой фотовспышки, озарившей серебряными бликами его доспех, когти и зловещую металлическую улыбку.

– Сталкер! – завизжал человек с револьвером, отпрыгивая на одной ноге.

Шрайк схватил его и с размаху бросил через край причала. Стрелок на мгновение завис, молотя руками по воздуху, а потом с диким криком упал и шлепнулся в страховочную сетку. Его несколько раз подбросило вверх. Шрайк швырнул ему вслед еще одного манчестерца. Остальные ринулись бежать и налетели на первый прибывший с Главной улицы отряд местной стражи.

Эстер снова потеряла сознание, упала на жесткую палубу и очнулась через несколько секунд. Над причалом проплыл пожарный дирижабль, поливая всех ледяной водой. Кажется, здесь решили, что на Тринадцатом причале высадился целый отряд Сталкеров. Со всех сторон звонили тревожные колокола, создавая кошмарный диссонанс. Манчестерцы сцепились с местной стражей, которая с чего-то приняла их за переодетых диверсантов Зеленой Грозы.

– Нет, нет, нет! – надрывался Пеннироял.

Двое манчестерцев, сброшенных Шрайком, карабкались по сетке к соседнему причалу, а оттуда им протягивали руки авиаторы с флорентийского лайнера, чтобы вытащить горемычных наверх.

А еще ниже на фоне облаков показался темный округлый силуэт дирижабля, поднимающегося вверх.

– «Дженни Ганивер», – сказала Эстер, глядя на него сквозь дыру в палубе.

Потом сообразила, что это невозможно. На этот раз не Том пришел ей на помощь, а Тео на «Тени бессознательного».

Шрайк тоже увидел дирижабль, а может – услышал рокот моторов. Он подхватил Энону и сунул ее под мышку, словно какой-нибудь пакет. Протянул руку Эстер, но Эстер поползла прочь от него, к фон Кобольду.

На дальнем конце причала продолжалась свалка.

Кто-то из манчестерцев орал:

– Это все Пеннироял! Он нас сюда заманил! В когти Сталкерам Зеленой Грозы!

– Неправда! – взвизгнул Пеннироял, отпрыгивая от местного стражника, который хотел его схватить. – Я – жертва! Кто мне вернет мои деньги?

«Тень бессознательного» вынырнула у края Тринадцатого причала, словно всплывающий кит. Эстер перевернула фон Кобольда на спину, краем глаза поглядывая на Тео в гондоле дирижабля. Шинель фон Кобольда была пробита в двух местах, но сам фон Кобольд был жив, просто из него ненадолго дух вышибло. Под шинелью тускло блестел олд-тековский бронежилет.

Кригсмаршал приложил к ее щеке ладонь и прошептал:

– Отважные люди живут в землях Зеленой Грозы.

– Я не… – начала было Эстер, но некогда было объяснять.

Она еще услышала слова фон Кобольда:

– Скажите Наге, что не все здесь хотят войны.

Потом Эстер потеряла сознание. Шрайк поднял ее на руки и помчался к «Тени». Арбалетные стрелы отскакивали от его бронированной спины.

Пеннироял потрусил подальше от свалки и наткнулся на Спайни. Журналист отдавал приказы мисс Кропоткин, которая делала один снимок за другим, – завтра все они появятся в газетах под заголовком: «Гости из Манчестера отважно сражаются с десантниками Наги!» На Пеннирояла он набросился с коварной улыбкой:

– Нимрод, какова твоя роль в происходящем? Давно работаешь на Зеленую Грозу?

Пеннироял отпихнул его. От причала в оглушительном грохоте моторов отходил дирижабль, и Пеннирояла сокрушила ужасная мысль, что это «Леденец» уходит с его золотом на борту.

– Мои деньги! – завопил он вслед.

– Сколько тебе заплатили, Пеннироял? – Спайни снова заступил ему дорогу, отчаянными взмахами руки подзывая мисс Кропоткин с фотоаппаратом.

Пеннироял слабо заревел от ярости и обеими руками оттолкнул Спайни. Спайни в ответ замахнулся и ухватил его за воротник. Столько всего происходило на Тринадцатом причале, что никто и не заметил, как два литератора пошатнулись на краю и сорвались вниз. В краткий миг падения их крики звучали в унисон.

В кабине управления «Тени» Тео запустил двигатели на полную мощность, готовясь вывести дирижабль в открытое небо, но, едва потянулся к рулевым рычагам, его запястье перехватила стальная рука.

– НА ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ ВОЗДУШНОЙ ГАВАНИ СТОЯТ ДВЕ ПРОТИВОВОЗДУШНЫЕ ГАРПУННЫЕ БАТАРЕИ, – сообщил Сталкер Шрайк. – НАС РАССТРЕЛЯЮТ, КАК ТОЛЬКО МЫ ПОКИНЕМ ВОЗДУШНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОРТА.

– Но мы не можем здесь оставаться! – закричал Тео, тыча пальцем в окно.

В стекле уже зияла неровная дыра от десятка арбалетных стрел. Из более серьезного оружия по ним стрелять пока не решались, опасаясь, что начнется пожар, который может охватить всю Воздушную Гавань.

– СНИЖАЙСЯ, – ответил Шрайк. – УХОДИ НИЖЕ ОБЛАКОВ, ОНИ НАС УКРОЮТ.

Тео кивнул, злясь на себя, что сам не сообразил. В следующую секунду «Тень», развернув двигатели, рванулась вертикально вниз, в клубящуюся белизну под Воздушной Гаванью.

– А-а-а-а-а-а-а-а! – кричали в один голос Пеннироял и Спайни, а потом: – Ох! – когда страховочная сетка подхватила их и остановила свободное падение.

Литераторы еще несколько раз взлетели вверх, как будто качаясь в огромном гамаке.

– Великий Поскитт! – простонал Пеннироял, отпихивая журналиста, и попробовал встать.

Он совсем забыл о сетке – вспомнил только тогда, когда упал в нее.

– Я уж думал, нам каюк! – пропыхтел он.

– Тебе уж точно каюк, Нимрод! – хрипло расхохотался Сэмпфорд Спайни.

Он перепугался не меньше Пеннирояла, только старался не подавать виду.

– Сговор с Грозой, участие в вооруженной стычке, пособничество в покушении на убийство кригсмаршала… Слушай, та деваха на причале – действительно супружница Наги? Так говорили твои манчестерские друзья…

Журналист снова запрыгал на сетке, восторженно представляя, какие сенсационные статьи напишет.

– Старик, прекрати! – взмолился Пеннироял. – Меня тошнит…

– Тебя еще не так затошнит, когда увидишь следующий номер

«Зерцала»! – хмыкнул Спайни, подпрыгивая с новой силой.

Сетка издавала какие-то странные звуки – слабое поскрипывание и потрескивание.

– Правда, Спайни, остановись! По-моему, сетка довольно старая, а сегодня в нее уже шмякнулась пара жирных манчестерцев…

Раздался звук, словно кто-то дернул за струну. Болты, которыми сетка крепилась к Четырнадцатому причалу, начали вылезать из своих гнезд. Спайни перестал прыгать и придушенно взвизгнул.

– Помогите! – во все горло заорал Пеннироял.

Но хотя на Тринадцатом причале металась толпа народу, жалобный крик услышала только мисс Кропоткин. Ее лицо показалось над краем причала. Она протянула руку, но не могла достать до застрявших в сетке. Пеннироял полез наверх, цепляясь за ячейки, но добился только того, что и с этой стороны вылетели несколько болтов.

– О Поскитт!

– Мисс Кропоткин! – завопил Спайни. – Зовите на помощь! Скорее, иначе будете у меня фотографировать выставки комнатных собачек всю свою никчемную…

И тут мисс Кропоткин проявила небывалое присутствие духа, которое гарантировало, что ей больше никогда в жизни не придется снимать выставки комнатных собачек. Она навела свой фотоаппарат в тот самый миг, когда сетка окончательно оборвалась, и сделала снимок, который появился в следующем номере «Зерцала» под заголовком: «Ужас в Воздушной Гавани! Смертельный полет двух выдающихся литераторов».

Глава 28
Грозовые птицы

«Тень бессознательного» медленно погружалась в облака. Шрайк прошел на корму. Там, в отгороженном занавеской закутке, Энона склонилась над Эстер, пытаясь пальцами остановить кровь, которая лилась из глубокой ссадины на голове.

Энона оглянулась на Шрайка:

– Здесь есть аптечка? Хотя бы набор первой помощи?

Шрайк смотрел в серое, измученное лицо Эстер. «Дай ей умереть, – хотелось ему сказать. – А потом Воскреси, это же твоя специальность. Вместо обезображенного лица подари ей стальную маску, еще совершенней, чем у Сталкера Фанг. Вместо слабого человеческого тела сконструируй такое же, как у меня». Она забудет свою жизнь, но дух ее останется прежним, Шрайк был в этом уверен. Впереди у них тысячелетия, Шрайк ей поможет, и она снова станет собой. Его бессмертное дитя.

– Аптечку! – крикнула Энона. – Мистер Шрайк, скорее!

Шрайк повернулся и достал из шкафчика над койкой корабельную аптечку первой помощи. Едва он успел передать аптечку Эноне, дирижабль тряхнуло. Шрайк вернулся в кабину управления. Тео склонился над приборной доской, растерянно глядя в забрызганные водой окна.

– НАС АТАКУЮТ, – проговорил Шрайк.

– Что? – Мальчик оглянулся, сверкнув белками широко раскрытых глаз на темном лице.

– В ДИРИЖАБЛЬ ПОПАЛ СНАРЯД…

Тео вновь отвернулся к окну.

– Я не вижу рядом другого дирижабля. Вообще ничего не вижу. Эти облака…

Затем «Тень бессознательного» вынырнула из-под облачного слоя, и стало видно, что со всех сторон высятся стены городов, а в небе между ними мелькают сигнальные огни дирижаблей. Капли дождя усеяли оконные стекла, превращая общую картину в размытый калейдоскоп светящихся точек, но Шрайк по траекториям движения определил, что другие дирижабли не занимаются поиском «Тени». Это были не военные корабли, а торговые и пассажирские, и направлялись они на запад.

– МУРНАУ ЭВАКУИРУЕТ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ, – сказал Шрайк.

– Они готовятся к войне… – прошептал Тео. Потом спохватился: – А

мы как же?

– ВОЗМОЖНО, В ДРУГИХ ГОРОДАХ ЕЩЕ НЕ ЗНАЮТ О НАШЕМ ОТЛЕТЕ.

– Это наверняка ненадолго, – сказал Тео.

Поворачивать на восток не имело смысла – Тео был уверен, что им не уйти от городов, окруживших Мурнау, – но он все равно развернул «Тень бессознательного», вглядываясь в мутную завесу дождя. Они летели по узкому ущелью между бронированными боками Манчестера и Тракционштадт-Брауншвейга. «Тень» шла так низко, что по обеим сторонам гондолы проплывали громадные городские колеса. Другие дирижабли мчались намного выше, по большей части – на запад. Впереди, за толпой копошащихся в грязи свирепых с виду пригородов, стоял закованный в броню Мурнау. Тео повел «Тень» по широкой дуге, обходя город с севера и по-прежнему не поднимаясь выше гусеничных траков. Дирижабль неохотно слушался руля.

– Кажется, рулевые плоскости повреждены, – сказал Тео, нетерпеливо дергая рычаги.

Шрайк вспомнил удар по корпусу дирижабля при отлете из Воздушной Гавани и снова пошел на корму. Эстер была в сознании и стонала, пока Энона чистила ее рану.

– Том! Ох, Том!

Резко пахло медицинским спиртом. Шрайк поднялся по трапу и, пригнувшись, вышел на центральный мостик во всю длину баллона. В конце его, ближе к корме, в оболочку был вделан небольшой люк, рассчитанный на однаждырожденных, – Шрайк еле протиснулся. Снаружи серебристо блестели хвостовые стабилизаторы «Тени», когда на них падал свет из проплывающих мимо бойниц Мурнау. Крепко держась за канат, Шрайк добрался до стабилизатора. У самого его конца что-то застряло между тросов управления. За гулом двигателей и барабанной дробью дождя по оболочке Шрайк различил еще один звук – ритмичное постукивание. Какое-то новое оружие? Он оторвал одну руку от каната и выпустил клинки.

Они влажно блеснули отраженным светом, и темный комок в путанице тросов вдруг зашевелился. Белое испуганное лицо изумленно уставилось на Шрайка.

– Великий Поскитт! – раздался вопль.

Тогда Шрайк понял, что произошло. Этот однаждырожденный, должно быть, упал с Воздушной Гавани, как раз когда отчалила «Тень». Шрайк спрятал клинки и протянул руку, чтобы перетащить нечаянного пассажира

в безопасное место, но однаждырожденный неправильно его понял, в ужасе выпустил из рук трос и с диким криком полетел в пустоту. Шрайк успел ухватить его за ворот пальто и снова закинул на стабилизатор. «Тень бессознательного» дала крен, моторы взвыли. Шрайк перевалил Пеннирояла через закрылок и поволок к открытому люку.

Внезапные необычные движения дирижабля привлекли внимание дозорных на бортовых укреплениях Мурнау. К тому времени как Шрайк со своей насквозь промокшей полуобморочной добычей вернулся в кабину управления, в бойницах города засветились огни. Это было даже красиво, пока первые пули не застучали по обшивке гондолы. Со звоном вылетели стекла. Стрелки манометров заметались – выстрелами пробило несколько газовых ячеек. Двигатели натужно ревели, все еще толкая дирижабль на восток мимо высоченных городских челюстей и дальше, над изрытой воронками от снарядов, залитой дождем равниной. Стрельба стихла. Тео заглянул в перископ. За кормой от громады Мурнау отделились три светящиеся точки; три черных силуэта быстро увеличивались на фоне серых облаков.

Высоко в небе Орла Дубблин смахнула дождевые капли со стекол защитных очков и бросила в пике свою крылатую машину, «Комбата Вомбата», рассчитывая сесть «Тени» на хвост. Вслед за ней тот же маневр повторили орнитокоптер «Самопальное буги»[29] и реактивный триплан «Не надо мне больше фаршированных яиц»[30]. Их крылья вспарывали влажный воздух, словно лезвия.

Тео заорал от страха и отчаяния. Он понимал, что медлительная, раненая «Тень» не сможет уйти от Летучих Хорьков. Увидел, как Шрайк поворачивается к нему, решил, что Сталкер хочет его предупредить о погоне, и крикнул:

– Знаю я!

Но Шрайк сказал:

– ТАМ ОПЯТЬ ПТИЦЫ-СТАЛКЕРЫ.

– Что?

В залитом дождем окне Тео видел только темноту и собственное испуганное отражение. Мимо промчалась ракета, выпущенная кем-то из преследователей, и взорвалась далеко впереди, и вдруг оказалось, что темнота в основном состоит из крыльев. Из пустоты неба над ничейной землей навстречу им, хлопая крыльями, мчалась огромнейшая стая

Воскрешенных птиц.

– Дьявол! – Тео рванул рычаги управления в бессильной попытке сменить курс.

Лучше уж принять в лоб ракеты, чем клювы и когти грозовых рапторов. Но система управления была повреждена. «Тень» откликалась неохотно, и, пока она повернулась, в окна уже бились крылья и прямо в кабину смотрели зелеными искрами глаза мертвых птиц.

Далеко за кормой промокшая насквозь и исхлестанная ветром в открытой кабине «Комбата Вомбата» Орла Дубблин увидела тучу машущих крыльев. Изощренно выругавшись, она развернула свой летательный аппарат и дала знак ведомым сделать то же самое. Она достаточно своих людей потеряла из-за птиц-Сталкеров на Облаке-9; ничто не заставило бы ее вступить в бой с такой огромной стаей. Орла проверила, что ведомые следуют за ней, и помчалась назад, к Манчестеру, а стая птиц, вытянувшись длинными рядами, словно пальцы неведомого мрачного бога, охватила «Тень бессознательного».

Тео съежился в кабине управления. Он так и ждал, что птичьи клювы и когти вот-вот пропорют тонкую обшивку. Хлопанье крыльев заглушало рокот моторов. Птицы кружили, ничуть не уступая маленькому дирижаблю в скорости.

– Они здесь не для того, чтобы нападать, – негромко произнесла Энона, встав за спинкой пилотского кресла. Ее рука легла Тео на плечо. – Я думаю, их прислали нам в сопровождение…

Тео вытянул шею, стараясь заглянуть за выпуклую оболочку. Раненый дирижабль летел в темной туче крыльев. Сотни птичьих глаз горели зелеными звездами. Птицы были все крупные – Воскрешенные коршуны, кондоры, орлы и грифы. Из разодранной оболочки дирижабля утекал газ. Сотни птиц вцепились когтями в каркас и, размеренно махая крыльями, понесли воздушный корабль на восток, через исчерченную колеями, изрытую воронками от взрывов ничейную землю.

В разбитое окно с правого борта влетела птица меньшего размера. При жизни она была вороном. Птица села на рычаг управления и повернула голову. Зеленый глаз, механически жужжа, сфокусировался на Тео. Птица раскрыла клюв. Из спрятанного за ее ребрами радиопередатчика зазвучал слабый, искаженный помехами голос далекого командира Зеленой Грозы. Он говорил шифром, которого Тео не знал, зато знала Энона. Она ответила на том же грубом по звучанию языке. Ворон расправил крылья и вылетел в

окно.

Энона посмотрела на Тео:

– С наблюдательного поста Грозы увидели, что нас атакуют, и решили, что мы – их агенты. Я сказала им правду: что я леди Нага, возвращаюсь домой. Птица сообщила мне координаты посадочного поля, где нам следует приземлиться.

Тео выслушал продиктованные ею цифры, но их и не требовалось – птицы гнали «Тень» в нужном направлении. Тео рухнул в кресло и оглянулся на Шрайка. Он так обессилел от потрясения, что почти не удивился, когда в мокром, скулящем человеке, которого держал Шрайк, узнал Нимрода Пеннирояла.

– А он что здесь делает? – спросил Тео.

– Это был несчастный случай! – испуганно выпалил Пеннироял, как будто боялся, что его обвинят в преднамеренном проникновении на борт дирижабля. – Я упал. Мы со Спайни… упали с Воздушной Гавани и приземлились к вам на стабилизатор. То есть я приземлился. Спайни, бедняга, дальше полетел. Хотя… так ему и надо!

Мысль о том, что враг мертв, слегка его приободрила, но ненадолго. Взгляд Пеннирояла обратился к окну, за которым кружили птицы.

– Нгони, я пленник?

– Я думаю, мы здесь все пленники, профессор.

– Тебя не тронут, ты же из Зеленой Грозы! А я был мэром Брайтона. Ты ведь скажешь, что я всегда в глубине души был противником Движения? Скажешь, правда? Я согласился на эту должность ради того, чтобы расшатывать систему изнутри. И с пленными моховиками я ведь хорошо обращался? Ты можешь подтвердить, на Облаке-девять тебе не слишком плохо жилось! Трехразовое питание, и тебе никогда не приходилось носить ничего тяжелее опахала.

Энона пообещала:

– Я скажу, чтобы с вами хорошо обращались.

– Скажете? Спасибо!

– Не знаю только, послушают ли меня. Все зависит от того, какой отряд контролирует этих птиц – верные люди или те, кто желает мне смерти.

– О Поскитт!

Энона сжала плечо Тео и сказала:

– Мне нужно пойти взглянуть, как там ваша подруга.

– Как она себя чувствует? – спросил Тео.

Ему стало стыдно, что он совсем забыл про Эстер.

Энона серьезно смотрела на него.

– Она поправится?

– Надеюсь. У нее серьезная травма головы. Я сделаю, что смогу. Кто такой Том? Она все время о нем спрашивает.

– Это ее муж, Том Нэтсуорти. Папа Рен.

Энона задумчиво кивнула и снова ушла на корму. Шрайк ушел за ней, поставив Пеннирояла на палубу. Оставшись наедине со стариком, Тео подумал, не надо ли его связать или, может, запереть в туалете. Но Пеннироял, промокший и дрожащий, выглядел слишком несчастным, чтобы устроить какую-нибудь пакость, и, уж конечно, войско птиц-Сталкеров за окном не даст ему разгуляться. Тео откинулся на спинку пилотского кресла, чувствуя на языке вкус крови: тонкая струйка стекала ему в уголок рта из небольшого пореза на лбу. Он вспомнил Загву. Увидит ли он еще когда-нибудь свою семью? Где бы он ни оказался, нужно будет постараться отправить им весточку.

– Тебе письмо, – робко проговорил Пеннироял.

Тео оглянулся. Пеннироял протягивал ему грязный, мятый конверт.

– Она просила тебе передать, а я, признаться, запамятовал. Нашел сегодня в кармане пальто, когда искал бумажку, чтобы записать номер причала, где стоял «Леденец». Вот, решил вручить. Лучше поздно, чем никогда, верно?

Тео повертел конверт в руках и узнал почерк Рен. Он разорвал конверт, вытащил письмо и зашипел от досады – мокрая бумага расползалась у него в руках. Рен улыбалась ему с фотографии, той самой, что была в газете, – умное узкое лицо, не такое красивое, как ему запомнилось, зато настоящее и совершенно очаровательное. Тео положил письмо на панель управления, расправил, как мог, и попробовал прочесть. От воды чернила расплылись. Тео смог разобрать лишь несколько обрывочных фраз: «…отправляюсь в путешествие…», «загружаем провиант…», «даже не знала, что от Лондона остались какие-то развалины…» Что-то похожее на слово «спаслись». И в самом низу: «ищи меня в Лондоне».

– В Лондоне? – Тео старался не заплакать, но не справился с собой. – Она поехала в Лондон?

– Что? – встрепенулся Пеннироял. – Нет-нет, ты что-то не так понял. Они взялись выполнить какую-то работу для Вольфа Кобольда, это сын кригсмаршала. Лондон? Туда никто не заглядывает, в развалинах живут одни призраки…

Тео сумел прочитать еще одну только строчку в конце: «С любовью, Рен».

В кабине воняло кровью и антисептическими маслами. Эстер лежала, запрокинув голову, и лицо у нее было белее, чем наволочка на подушке. Шрайк смотрел на нее и надеялся, что она умрет, не приходя в сознание. Когда она станет Сталкером, как он, ему не придется постоянно за нее беспокоиться. Однаждырожденные так хрупки, так легко ломаются. Любить их – сплошное мучение.

Энона, встав на колени, проверила пульс пациентки, а затем посмотрела на Шрайка снизу вверх. В суматохе драки на Тринадцатом причале и бегства из Воздушной Гавани не было времени на реплики вроде: «Мистер Шрайк, что вы здесь делаете?» или «Мистер Шрайк, я так рада вас видеть!» А сейчас для этого было уже поздно.

Энона сказала:

– Это Эстер Шоу, да?

– ТЫ ЕЕ ЗНАЕШЬ?

– Конечно. Я изучила ваше прошлое, прежде чем заново пробудить вас.

Шрайк почувствовал, что дирижабль снижается, и подошел к боковому окну. За гущей машущих крыльев мерцали далекие цепочки огней – фонари и факелы на границе Зеленой Грозы. Из земли могильными камнями торчали противогородские надолбы и бетонные звукоотражатели. Шрайк понимал, что, когда они приземлятся, времени на разговоры, скорее всего, не будет, поэтому быстро спросил, обращаясь к отражению Эноны в оконном стекле:

– ПОЧЕМУ ТЫ ТАК СО МНОЙ ПОСТУПИЛА?

– Как поступила? – виновато откликнулась Энона. – Разве к вам не все воспоминания вернулись? Я ничего не стирала; как только вы уничтожили Сталкера Фанг, должны были снова стать собой…

– Я НЕ МОГУ СРАЖАТЬСЯ.

Шрайк повернулся к ней, чувствуя, как дергаются в стальных руках когти-лезвия, не показываясь наружу. Глубоко внутри вспыхнула былая сталкерская ярость, словно угли под слоем пепла. Хотелось убить ее за то, что она с ним сотворила, но убить-то он и не мог.

– ТЫ СДЕЛАЛА МЕНЯ СЛАБЫМ. ПРИЗРАКИ ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫХ, УБИТЫХ МНОЮ, БОЛТАЮТСЯ У МЕНЯ В ГОЛОВЕ, КАК БУДТО МОКРЫЕ ПРОСТЫНИ. Я НЕНАВИЖУ ТО, ЧТО ДЕЛАЛ РАНЬШЕ. ЗАЧЕМ ТЫ ВЛОЖИЛА В МЕНЯ ЭТИ ЧУВСТВА?

Энона подошла ближе. Коснулась рукой его брони:

– Я этого не делала. Просто не сумела бы. Эти чувства рождаются

внутри вас.

– КОГДА ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫЙ НЭТСУОРТИ УБИЛ МЕНЯ НА ЧЕРНОМ ОСТРОВЕ, Я МНОГОЕ ВСПОМНИЛ. КОГДА ТЫ МЕНЯ ПОЧИНИЛА, ВОСПОМИНАНИЯ УШЛИ. Я ДУМАЮ, ЭТО БЫЛИ ВОСПОМИНАНИЯ О ТОМ ВРЕМЕНИ, КОГДА Я ЕЩЕ НЕ БЫЛ СТАЛКЕРОМ. КОГДА Я БЫЛ ЖИВЫМ, КАК ТЫ. ЭТА СЛАБОСТЬ ОТТУДА?

– Возможно… У доктора Попджоя была теория о происхождении Сталкеров…

Энона улыбнулась. Шрайк увидел ее белые, чуть-чуть кривые зубы – первое, что он в ней заметил, когда она выкопала его из могилы.

– По-моему, более вероятно, что у вас постепенно развились собственные чувства и совесть. Вы умны и сознаете себя, и, в конце концов, у вас было более чем достаточно времени! Я думаю, процесс начался еще до того, как мы с вами встретились. Я знаю, вы спасли Эстер, когда она была маленькой, и долго разыскивали ее, когда она ушла из дома. В частности из-за этого я поняла, что вы – не обычный Сталкер. Вы ведь любили Эстер с самого начала, правда?

Шрайк отвел глаза. Все-таки для Сталкера тяжело говорить о таких вещах, как любовь.

Он сказал:

– ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕЙ ЖИЗНИ ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫМ КОГДА-НИБУДЬ ВЕРНУТСЯ?

– Может быть. Возможно, они вернутся, когда вы умрете в следующий раз. Но это будет очень, очень не скоро. Я построила вас на века, мистер Шрайк.

Земля была уже совсем близко. Шрайк посмотрел на Эстер и подумал: не важно, как долго он проживет, лишь бы она была с ним.

Он сказал:

– Я ХОЧУ ЗАЩИТИТЬ ЕЕ И СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ОНА БЫЛА СИЛЬНОЙ, НАВСЕГДА. ТЫ ПОМОЖЕШЬ МНЕ?

Энона не поняла скрытого смысла его слов.

– Конечно помогу! – Она встала на цыпочки и поцеловала его металлическое лицо, испачкав губы и кончик носа в антикоррозионной смазке. – Поздравляю, мистер Шрайк! У вас появилась душа.

Глава 29
Веселье на Оберранге

Под сияющим в свете аргоновых фонарей дождем Хэрроубэрроу высунулся из раскисшей земли по правому борту Мурнау, как подводная лодка, выныривающая из очень грязного моря. Выдвинули посадочный трап, Вольф Кобольд перешел на Мурнау, и лифт-экспресс понес его на Оберранг. Там Вольфа дожидался «жук», а рядом с ним – офицер, который, завидев младшего Кобольда, закричал:

– Скорее, сэр, скорее! Ваш отец ранен!

– Да, я получил вашу радиограмму, – устало ответил Вольф, усаживаясь на заднее сиденье «жука».

Глупость какая – тащиться невесть куда, только чтобы изображать беспокойство за здоровье старика, абсолютно ему безразличного. Скорее бы вернуться на Хэрроубэрроу, там он будет свободен от этой лицемерной сентиментальщины. Вольф вполуха слушал сбивчивые рассказы водителя о Воздушной Гавани и шпионах Зеленой Грозы. Маленький автомобильчик промчался по Убер-ден-Линден и подкатил к ратуше. На улицах молодые офицеры прощались с возлюбленными, а рабочие заканчивали ставить на место последние секции городской брони. Вольф их едва замечал. Он смотрел на отражение своего худого угрюмого лица в стекластиковом колпаке «жука» и вспоминал долгий переход через территорию Грозы, часового, которого задушил, пробираясь через границу на ничейную землю, где его поджидали верный старина Хаусдорфер и Хэрроубэрроу. Вольф с гордостью думал о Лондоне и о фантастических машинах, которые совсем скоро заберет себе.

В ратуше слуги проводили его в парадную гостиную. Отец сидел в кресле, грудь у него была забинтована, и над ним хлопотали медики. Рядом стоял Эдлай Браун – он явился из Манчестера с цветами, виноградом и просьбой к кригсмаршалу подписать бумагу о том, что он не имеет претензий к манчестерским городским стражникам в связи со своим ранением. За плечом Брауна стояла командир пилотов-наемников. Когда-то Вольф считал мисс Дубблин привлекательной, но сейчас она показалась ему вульгарной – розовый летный комбинезон и явный избыток туши на ресницах. Он с грустью вспомнил Рен Нэтсуорти, ее бесхитростную красоту и блестящий ум, так легко поддающийся влиянию.

– Вольфрам! – Отец оттолкнул врачей, с трудом встал и обнял сына. –

Мне сказали, что ты в отлучке…

– Просто небольшая поездка по делам, – ответил Кобольд. Ему были противны пигментные пятна на старческих руках и выглядывающие из-под бинтов седые завитки волос на груди. – Позавчера вернулся на Хэрроубэрроу.

Отец внимательно разглядывал его.

– Мальчик мой, ты похудел.

Худой, небритый, с воспаленными глазами – Вольф только отмахнулся.

– Что я, это о тебе нужно беспокоиться. Мне сказали, ты ранен.

– Всего несколько синяков да пара сломанных костей.

– Вижу, я вовремя вернулся.

– О чем ты?

– Пресвятая Тэтчер! Отец, моховики пытались тебя убить. Это акт агрессии! Мы должны нанести ответный удар! Немедленно!

– Вот и я ему это же говорю! – прогудел Эдлай Браун с видом человека, которому не терпится продолжить прерванный разговор. – Нельзя им такое спускать!

– Чепуха, Браун! – огрызнулся фон Кобольд, морщась от боли. – В меня стрелял кто-то из ваших пьяных оболтусов!

– Юношеская импульсивность! – возразил Браун. – Если б вы не так стремились оставить пленницу себе… – Он обратился за поддержкой к Вольфу. – Слышали новости? Женушка Наги, ни больше ни меньше, явилась в Воздушную Гавань с отрядом Сталкеров! По сговору с этим ренегатом Пеннироялом, видимо.

– Понятно.

В другое время Вольф только посмеялся бы над такими россказнями. Преувеличенные слухи всегда носятся там, где богатеньким горожанам случается понюхать настоящей войны. Но сегодня паника была ему на руку. Чем скорее вспыхнет война, тем скорее Хэрроубэрроу сможет отправиться в путь, к Лондону.

– Как я понял, им удалось сбежать?

Браун обернулся к авиатрисе:

– Расскажи ему, девочка.

Орла Дубблин поклонилась:

– Над ничейной землей их дирижабль встречали птицы-Сталкеры. Громадная стая, я такой никогда не видела. Должно быть, на борту дирижабля было что-то невероятно ценное. Или кто-то. Я ничего не смогла сделать.

Вольф про себя подумал, что она могла бы сделать очень многое, если

бы не ценила свою жизнь больше, чем долг. Но вслух он сказал только:

– Да, неприятно. Кто знает, что задумали моховики и что им известно о наших планах? Теперь нам остается одно.

– Хотите сказать – нападение? – с надеждой спросил Эдлай Браун.

– Лучшая защита! Моховики первыми нанесли удар. Мы обязаны ответить. Атака по всей линии фронта одновременно.

Фон Кобольд потер глаза:

– Должен же быть другой выход…

– Если вам состояние здоровья не позволяет командовать городом… – фальшиво-заботливо начал Браун.

– Я свою часть работы сделаю, – устало пообещал старый кригсмаршал. – Не смейте называть меня трусом, Браун! Если другие города пойдут в атаку, Мурнау займет свое место в строю, и я сам поведу его в бой. Разве что мой сын захочет занять место на мостике?

Вольф покачал головой:

– Прости, отец, я должен вернуться на Хэрроубэрроу. Когда начнется наступление, я прогрызу для тебя хор-рошую дыру в укреплениях моховиков.

Он пожал отцу руку, поклонился Брауну и мисс Дубблин и вышел из комнаты, оставив за спиной молчание и отчетливое, как шлейф аромата, ощущение грусти.

– Ну что же! – заговорил Эдлай Браун, громко хлопнув в ладоши. – Нужно оповестить остальных мэров и кригсмаршалов. Мисс Дубблин, поднимайте ваши крылатые машины. На рассвете мы приступим к окончательному уничтожению Зеленой Грозы!

Глава 30
Она восстала вновь

Летное поле под названием «Воплотим в жизнь чаяния Цветка Ветра!» представляло собой прямоугольник выровненного грунта в нескольких милях за линией фронта, в окружении посадочных огней, блиндажей и горбатых, словно киты, ангаров. Противовоздушные орудия замерли на позициях, укрепленных набитыми землей корзинами. Лучи прожекторов бесцветными пальцами подхватили «Тень бессознательного», как только дирижабль, подгоняемый стаей птиц, приблизился к причалу.

Едва «Тень» пришвартовалась, к ней подбежали солдаты, и не успел Тео открыть люк, в гондолу набилась толпа народу в белых форменных мундирах, шлемах в форме крабьего панциря, и все с оружием. Из-за занавески в задней части кабины вышла Энона. Толпа шарахнулась от нее, вскинув ружья, напуганная ее грязной одеждой в засохшей крови и видом Сталкера у нее за плечом. Энона протянула руку; на пальце блеснул перстень.

– Прежде чем вы меня застрелите, – вежливо проговорила Энона, – позаботьтесь, пожалуйста, о моих спутниках. Мистер Нгони и профессор Пеннироял – не враги Зеленой Грозе.

Мичман, возглавляющий отряд, низко поклонился и стукнул сжатым кулаком правой руки в ладонь левой – приветствие, принятое в прежней Лиге.

– Леди Нага, здесь вы в безопасности!

Энона в свою очередь поклонилась, все еще настороженная, не вполне ему доверяя.

– На борту раненая, требуется врачебная помощь. Здесь есть полевой госпиталь?

Военный показал на укрытые маскировочными сетками землянки вдали.

– Вызвать санитаров с носилками?

– Я ЕЕ ПОНЕСУ, – проскрежетал Шрайк.

Отдернув занавеску, он бережно поднял Эстер на руки, как будто она ничего не весила, и направился к открытому люку. Тео и другие шагнули было за ним, но мичман, чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля, быстро заступил им дорогу.

– Ваша светлость, за ней будет хороший уход, – пообещал он, – однако

вы и другие иноземцы должны пройти со мной. У меня приказ – доставить вас к командиру.

На том участке фронта, где приземлилась «Тень бессознательного», командовала по-матерински заботливая генерал Сяо. Судя по сонным глазам, ее только что разбудили, но она приветливо улыбалась, встречая Энону со спутниками в землянке, где располагалась штаб-квартира. Местечко было уютное, насколько может быть уютно в землянке, – не слишком сыро, пол выложен шиферной плиткой, беленые дощатые стены увешаны картинами. В личном уголке генерала на изящном алтаре стояли фотографии покойных родственников и статуэтки домашних богов. Пузатая печка распространяла сухой жар, и от одежды Пеннирояла мигом повалили клубы пара, да с такой силой, что генерал предложила ему снять мокрые вещи. По ее приказу кто-то из офицеров покорпулентнее одолжил профессору запасной мундир и стильный серый плащ. Энона тоже переоделась в мундир Зеленой Грозы, умылась и промыла волосы. Она по-прежнему не выглядела императрицей, но хотя бы уже не так походила на беспризорника.

Слуги генерала Сяо принесли рисовое вино, чай и паровые булочки. Тео снял летную куртку и клевал носом, стараясь не заснуть на складном стуле, который поставил для него еще один слуга. После кошмарных событий сегодняшней ночи это казалось немыслимой роскошью. Тео, хоть и стал ненавидеть Зеленую Грозу, никогда не сомневался в силе и мужестве ее армии. Как-то спокойнее было сознавать, что между ним и горожанами стоят отважные воины и мощные пушки. Даже об Эстер можно не беспокоиться, раз она теперь в полевом госпитале под надежной охраной.

Генерал Сяо сказала:

– Госпожа, мои люди готовят дирижабль, чтобы отвезти вас домой, в Тяньцзин. Капитан корабля – мой друг, верная сторонница генерала Наги, и каждому в ее команде можно доверять. Мы уже отправили на восток птицу-Сталкера, передать добрые вести вашему мужу. Надеюсь, это придаст ему сил.

– Он болен? – встревожилась Энона.

Генерал Сяо мрачно посмотрела на нее:

– Из Тяньцзина уже несколько недель не поступает внятных приказов. Мы предупредили вашего досточтимого мужа, что противник подтягивает новые силы к линии фронта, а их пригород-жнец совершил вылазку у Шестнадцатой колеи. Мы докладывали, что не сможем удержать позиции, если города пойдут в наступление, а ему как будто и дела нет. Словно,

узнав о вашей смерти, он отказался от всякой надежды.

У Эноны на миг стало такое лицо, как будто она сейчас заплачет.

Она сказала хрипло:

– А нельзя с ним связаться побыстрее? Например, поговорить по радио…

Сяо покачала головой:

– Леди Нага, это слишком большой риск. Варвары могут перехватить сообщение и тогда снова попытаются вас убить.

– Меня пытались убить не варвары, – сказала Энона. – Варвары меня спасли, с помощью Тео.

– Да, верно. – Генерал кивнула и улыбнулась Тео, а потом Пеннироялу. – Мы слышали об отважном поступке профессора Пеннирояла.

– Отважном поступке профессора Пеннирояла?! – Тео чуть не подавился булочкой.

У него закралось подозрение, что генерал Сяо пьяна. Сперва – пораженческие разговоры о том, что они не смогут удержать позиции, а теперь еще того хлеще!

– Что именно вы слышали? – спросил Тео.

– У нас есть посты прослушивания на нейтральной полосе, они перехватывают радиосообщения горожан. – Генерал Сяо взяла со стола какие-то бумаги. – Этот бюллетень показали в Мурнау на общественных визи-экранах несколько часов назад.

Она пробежала глазами первые два абзаца и, откашлявшись, начала читать:

– «Участникам налета помогал сообщник в самой Воздушной Гавани: известный писатель, шарлатан и бывший мэр Брайтона Нимрод Б. Пеннироял. Когда дирижабль-шпион улетал, многие очевидцы наблюдали, как предатель Пеннироял бежал за ним с криками: „А как же мои деньги?“».

– Предатель? Я? – возмутился Пеннироял.

– Только для варваров-движенцев, – ответила генерал Сяо. – Для наших вы герой!

– Но… Э-э… Надо же! Правда?

– Подумать только – мэр варварского плавучего города осознал свои ошибки и рискнул жизнью, чтобы освободить из плена представительницу Зеленой Грозы! – продолжала генерал Сяо. – Вам при жизни поставят памятник в Тяньцзине, в Зале несравненных бессмертных. Нага щедро наградит вас. Он…

Вошел офицер, тревожно поклонился и что-то прошептал на шаньгойском наречии. Генерал, нахмурившись, встала.

– Простите, я должна вас покинуть.

– Что там? – спросила Энона.

– Наши звукоотражатели уловили шум двигателей со стороны городов… Мы ожидали штурма, но не так скоро. Великие боги, мы до сих пор не получили подкрепления, которое я запросила еще в прошлом месяце!

В соседней комнате зазвонил полевой телефон, потом еще один и еще.

Генерал Сяо резким тоном отдала приказ подчиненному и сказала Эноне:

– Ваше превосходительство, вам нужно немедленно подняться на корабль. Я не хочу рисковать…

Окончание фразы утонуло в оглушительном грохоте. Пол тряхнуло, из щелей между досками низкого потолка посыпалась пыль. Пеннироял вновь начал призывать своих своеобразных богов. Тео посмотрел на стол: чашка, которую он туда поставил, подпрыгивала в такт глухим раскатам грома – бум, бум, бумм. В землянку ворвался солдат, и, хотя он рапортовал на шаньгойском наречии, Тео и его спутники поняли, в чем дело, еще до того, как генерал Сяо повернулась к ним со словами:

– Сейчас начнется! Все города разом тронулись с места! Десятки городов! Сотни пригородов!

Да что же такое – не успели от одного приключения опомниться, и уже новое навалилось!

– А как же Эстер и мистер Шрайк?

– Ваши друзья встретятся с вами на летном поле, я распоряжусь! – крикнула генерал Сяо. – Идите скорее, и да хранят нас боги…

Очередной мичман провел их окопами, где сотни солдат спешили на боевые позиции. От грохота с запада закладывало уши. В небе над окопами непрерывно мигали сполохи. Пеннироял затравленно озирался. Тео, вздрагивая от звука разрывов, напоминал себе, что по большей части это наверняка артиллерия Зеленой Грозы бьет по городам и наступление скоро будет остановлено.

Одна только Энона бывала раньше на передовой. Она распознавала содрогания земли, так же как любой горожанин понимает, что значит то или иное движение палубы под ногами. Она знала, что где-то поблизости боевые пригороды приближаются на высокой скорости, ведя непрекращающийся навесной огонь из тупорылых пушек. Энона молилась

на бегу, только сомневалась, что даже Бог способен ее услышать среди такого грохота.

Они зигзагами пробежали по соединительной траншее, и наконец впереди показалось летное поле. У центрального причала ждал воздушный корвет, а вокруг с рычанием взмывали в бледно-желтое небо машины Лисиц-оборотней, вылетая из врытых в склоны холма ангаров. Корвет звался «Фурия», его двигатели были уже развернуты в стартовое положение и пропеллеры вращались, сверкая серебряными бликами. Пока Энона и другие бежали к причалу, с другой стороны лихо подъехал полугусеничный автомобиль медицинской службы с символом кадуцея[31] на боку и затормозил возле трапа «Фурии». Из машины выскочил Шрайк и стал помогать санитарам вытаскивать носилки, на которых лежала Эстер.

Мичман торопил Энону, а Пеннироял семенил рядом – его подгонять не требовалось. Тео хотел пойти за ними и вдруг вспомнил, что письмо Рен осталось в кармане летной куртки, а куртку он повесил на стул у печки в штаб-квартире генерала Сяо.

– Мне надо вернуться! – крикнул Тео.

Его услышал только Шрайк. Идя по сходням с Эстер на руках, Сталкер оглянулся и увидел, как Тео нырнул в лабиринт окопов.

– ТЕО НГОНИ! – крикнул Шрайк.

Какими все-таки тупыми бывают однаждырожденные, уму непостижимо.

– Сталкер! На борт ее неси! – закричал ему авиатор из открытого люка.

– НУЖНО ПОДОЖДАТЬ, – ответил Шрайк. – ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫЙ ТЕО НГОНИ ОТСУТСТВУЕТ.

Снаряд тупорылой пушки взорвался у самого края поля, смяв взлетающую Лисицу-оборотня и окатив баллон «Фурии» градом земли и мелких камешков. Шрайк посмотрел в сторону окопов, но ничего не увидел в дыму. Взрывы гремели без передышки, а за грохотом орудий Шрайк расслышал еще один звук – низкий рев городских моторов, и контрапунктом к нему – визг движущихся гусениц.

– Сталкер, поднимайся на борт – или улетим без тебя! – рявкнул перепуганный авиатор, придерживая рукой шлем, – по летному полю то и дело прокатывались одна ударная волна за другой.

Шрайк еще раз проорал среди общего гвалта: «ТЕО НГОНИ!» – и, нехотя отвернувшись, понес Эстер в гондолу.

Энона встретила его в коридоре:

– Где Тео? Я думала, он с нами.

«Фурия» дернулась и рванулась вверх, быстро набирая высоту. Шрайк

уложил Эстер на койку в медотсеке.

Сказал санитарам:

– ПОЗАБОТЬТЕСЬ ОБ ЭТОЙ ОДНАЖДЫРОЖДЕННОЙ, – и отошел к окну.

За окном закладывали виражи крылатые машины, поливая из пулеметов бронированный корпус «Фурии». Землю внизу усеяли вспышки разрывов. По всей линии фронта били тяжелые орудия Зеленой Грозы. Паровые требушеты, широко замахиваясь, швыряли бомбы в густую пелену дыма над нейтральной полосой.

– Нага, началось!

Генерал Нага сгорбился в своем любимом кресле у окна. Эти апартаменты он раньше делил с Эноной. Вокруг Нефритовой пагоды бушует ураган, бросая снег в окна, и винтовая лестница гудит, словно трубы органа.

Старый друг Наги, генерал Дзю, мнется у двери, страдая оттого, что принес дурные вести.

– Поступают сообщения об ожесточенных боях на десятке участков фронта. Форты Ржавых болот подверглись нападению, и связь с командным пунктом генерала Сяо потеряна…

– А, – отзывается Нага, не поднимая головы.

Рядом с ним на низком столике стоит чашка и чайничек с зеленым чаем. Служанка Рохини приносит ему чай каждое утро в этот час и играет на шудраге[32], но сегодня Дзю ее отослал, сказав, что им с Нагой необходимо поговорить с глазу на глаз. Жаль: она славная девочка; иногда Нага думает, что и жив еще до сих пор только благодаря ее доброте. Ее музыка напоминает ему детство – как он охотился на уток в затопленных атомных кратерах южного Китая и вступил в военно-воздушный флот летом того года, когда Лондон прикатил на восток. В военной академии на горе Семи Тигров ему нравилась девушка по имени Сатия, но она была влюблена в Цветок Ветра.

– Что стало с Сатией? – раздумывает он вслух. – Как ты считаешь, она все еще отшельничает в той обители, что мы для нее нашли, на Чжань-Шане?

– Нага, у нас война! – кричит его друг. – Какие будут приказы? Я должен отдать команду отступать или стоять насмерть?

– Как считаешь нужным, Дзю.

Тот вздыхает, готовясь уйти. Оборачивается на пороге.

– Еще одно. Это мелочь, но из Батмунх-Гомпы сообщают, что в

развалинах Лондона замечена какая-то деятельность.

Нага отмахивается:

– Лондон? Горстка несчастных варваров, Дзю! Мы давно о них знаем. Они безвредны.

– Так ли? Что, если они – пятая колонна? Пока выжидают, а когда противник пойдет в наступление, поддержат его? Я приказал усилить наблюдение…

Нага пытается пожать плечами, но механический доспех не приспособлен для таких жестов.

– Старый друг, я совсем расхворался. У меня все болит, я не могу спать, но и проснуться до конца не выходит. Голова гудит, как улей. Возьми на себя командование!

– Нага, люди хотят тебя! Ты разбил варваров прошлой весной, и все знают, что ты можешь сделать это снова. За мной они не пойдут!

– Мне не хватает Зеро, – шепчет Нага. – Как мне ее не хватает!

Дзю смотрит на него, вытаращив глаза:

– Я скажу генералу Сяо – пусть удерживает позиции. Если получится с ней связаться.

Выходя за дверь, он видит, что Синтия Туайт ждет поблизости, наблюдая за ним из темного угла. Он тащит ее по узкой лестнице вниз и выводит на балкон.

– Что с Нагой? – шипит Дзю. – Я думал: как избавимся от Зеро, он придет в чувство и поведет нас к победе, а он сидит и ничего не делает! Горюет, что ли? Он умирает? Говори!

Синтия улыбается:

– Зеленый чай. Полный чайничек каждое утро, как заваривала его бедная жена.

– Ты его травишь?!

– Самую чуточку. Не настолько, чтобы насмерть. Только чтобы он был беспомощным.

– Но он нам нужен!

– Нет, не нужен, дурачок!

Дзю поражен до глубины души. В горных царствах принято, что женщины уважают мужчин, а молодежь уважает старших, но эта девица говорит с ним, как с малым ребенком!

– Дзю, ты что, не слышал слухов? Неизвестный Сталкер перебил Пропащих Мальчишек в Брайтоне. У подножия водопада в провинции Снежный Веер нашли брошенную кем-то пиявку. Доктор Попджой убит. Все сходится! Тут явная взаимосвязь. Или ты слепой и не видишь, что все

это значит?

Дзю молча смотрит на нее. Снег такой густой, что ее лицо идет рябью, как изображение на визи-экране при сильных помехах.

– Она восстала вновь! – с торжеством шипит Синтия. – Скоро она явится к нам и спасет от варваров. А до тех пор наша задача – ослабить Нагу. Пусть он позволит варварам разбить его войска и сожрать наши западные поселения, тогда люди охотно откажутся от него и будут радостно приветствовать истинную предводительницу!

– Ты с ума сошла! – Генерал Дзю отворачивается, чтобы уйти и предупредить своего друга.

Одна из длинных булавок в прическе Синтии смазана ядом. Синтия берегла ее как раз для такого случая. Острый кончик лишь слегка царапает шею Дзю, но генерал умирает, не успев даже вскрикнуть. Кряхтя от усилий и проклиная толстый генеральский живот, Синтия переваливает труп через балконные перила, и он падает в круговерти снежинок – на острые скалы далеко внизу. У Синтии давно были сомнения насчет Дзю, и она заранее подделала его предсмертную записку. Положить записку на стол генерала – дело одной минуты.

Синтия думает о своей хозяйке. Где-то сейчас Сталкер Фанг? Ждет своего часа там, в горах. Когда же наконец она явит себя народу? Синтия понимает, почему Сталкер хочет наказать слабаков, которые стеклись под знамена Наги, но она же наверняка знает, что по-прежнему может положиться на своих верных специальных агентов! Направляясь к покоям генерала Дзю, Синтия почти злится на свою бывшую хозяйку, но это быстро проходит. Несомненно, Сталкер Фанг задумала нечто ужасное и удивительное, и не Синтии ее судить.

У Тео всегда было хорошее чувство направления. Он быстро нашел обратную дорогу в лабиринте окопов и почти уже видел впереди землянку, когда совсем рядом за колючей проволокой грохнул взрыв, швыряя веером землю высоко в предрассветное небо. Траншею заволокло дымом. В дыму метались перепуганные солдаты, на бегу бросая оружие, срывая с себя ранцы и патронташи. Рты у них были разинуты будто в крике, но Тео ничего не слышал – оглох от взрыва.

Почти ничего не соображая, он взобрался на земляную приступку для стрельбы – посмотреть, от чего все бегут. За ограждением из колючей проволоки двигались какие-то громадные силуэты. В краткие секунды, когда порывы ветра отгоняли в сторону дым, можно было увидеть Мурнау на расстоянии всего в несколько миль. Он неумолимо катился вперед,

поедая поврежденные взрывами противоградные надолбы, а перед ним шло с десяток пригородов-жнецов, проверяя почву на предмет мин и ям-ловушек. Из форта поблизости по городу палили ракетами, но на глазах у Тео земля задрожала, вспучилась и у самого форта из нее высунулся громадный тупой стальной нос. Когда он поднялся выше, стали видны гигантские сверла и зазубренные челюсти – они в считаные секунды разнесли форт на куски и схрумкали их. На бронированном боку чудовища было намалевано белой краской: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ХЭРРОУБЭРРОУ!» Тео успел прочитать надпись, пока необычный пригород со скрежетом полз мимо, сминая гусеницами землянки и круша огневые точки. На верхнем ярусе Мурнау замигали сигнальные огни, словно подзывая пригород, но тот и внимания не обратил, снова закопался в раскисшую грязь и ускрежетал на территорию Зеленой Грозы.

Тео спрыгнул с приступки и побежал, спотыкаясь, дальше. Бежать было трудно из-за дыма и оттого, что траншею во многих местах засыпало землей от взрывов. Новые взрывы гремели поблизости, Тео осыпáло грязью и окатывало грязной водой, но все происходило в безмолвии, словно под водой или во сне. Он слабо понимал, что вообще случилось. Почему города сумели прорваться так легко? Где неустрашимые истребители и отряды быстрого реагирования с тысячами бомб-стаканов, о которых столько рассказывают в пропагандистских фильмах Зеленой Грозы?

В небе проплыл дирижабль, весь охваченный огнем, так что невозможно было определить, какой из сражающихся сторон он принадлежит. При свете пламени Тео увидел вход в землянку и радостно бросился туда. Командный пункт уже эвакуировали, но куртка Тео так и висела на спинке складного стула, где он ее оставил. Тео натянул куртку, чувствуя, как в кармане похрустывает письмо Рен; ее фотография пришлась как раз напротив сердца.

Тео не слышал воя падающего снаряда из тупорылой пушки. Узнал о нем, только когда силой взрыва его оторвало от земли, а потом все исчезло в ослепительной вспышке.

Глава 31
Дом в Эрдэнэ-Тэж

Сталкер Фанг останавливается на краю причальной тарелки, где пришвартована воздушная яхта Попджоя, и обращает бронзовое лицо к западу.

– Что? – спрашивает Селедка. – Что там такое?

Он тоже смотрит на запад, но ничего не видит, кроме гор. Как ему надоели горы! Стоят на страже, словно ледяные великаны, вокруг зеленой долины, а их отражения мерцают на взъерошенной от ветра поверхности озера под причалом.

– Пушки бьют, – шепчет Сталкер.

– Значит, опять война? – Селедка напрягает слабый слух однаждырожденного, стараясь расслышать то, что слышно ей.

– Мне нужно действовать быстро. Идем!

Она, прихрамывая, идет к плотине, и Селедка семенит за ней. На плече он тащит ящик с оборудованием, которое Сталкер заставила его приволочь из виллы Попджоя. Мертвые птицы, сопровождавшие ее от самой виллы, кружат над головой, высматривая малейшее движение в небе или на крутом перевале у западного края долины.

Плотина в длину – двести шагов. На дальнем конце – скалистый островок, на котором стоит дом, темный и холодный, будто склеп. Когда-то здесь был монастырь, посвященный горным богам и демонам, – их лица все еще ухмыляются в нишах наружных стен. Позже здесь жила Анна Фанг, наполняя дом светом и смехом в перерывах между заданиями Лиги. Здесь она собиралась поселиться, уйдя на покой, и разводить лошадей на зеленых высокогорных пастбищах, но шпага Валентайна оборвала эти планы.

В первые годы после того, как к власти пришла Зеленая Гроза, в долине Эрдэнэ-Тэж собирались устроить музей, куда приводили бы на экскурсию школьников посмотреть реликвии Цветка Ветра, ступая по тем же полам, где ходила она. Но Сталкер Фанг запретила. По ее приказу дом заперли, и он ветшал себе потихоньку.

Калитка жалобно скрипит, когда Сталкер настежь ее распахивает. Селедка ковыляет следом. Кое-где в тени еще синеет снег и хрустит под ногами. За толстой каменной стеной прячется сад: сухие деревья и сухая бурая трава, фонтан в ледяном кружеве. Селедка еле поспевает за

Сталкером по промерзшей тропинке к дому. Он ждет, что Сталкер вынесет дверь одним ударом, но она выдвигает из пальца лезвие, аккуратно ковыряет в замке, и вскоре замок щелкает. Сталкер открывает дверь, оглядывается на Селедку и шепчет:

– Снова дома!

Он входит за ней в дом, где притаились тени. Селедка уже не может определить, кто она – Анна или Сталкер Фанг. Может быть, обе сразу? Как будто Попджой, копаясь в ее голове, каким-то образом объединил две личности в одну. Она к Селедке не жестока и по-прежнему делится воспоминаниями, но больше с ним не играет, не берет за руку, не треплет ему волосы и не приходит посидеть с ним ночью, если ему приснится страшный сон. Все, что у него осталось от той Анны, – деревянная лошадка, и, засыпая, он крепко сжимает игрушку в руке.

Кем бы она ни была, Сталкер явно рада, что вернулась домой.

– Ах! – вздыхает она, проходя через прихожую, где потолок обвалился и узорные плитки пола сплошь покрывает птичий помет. – О! – говорит Сталкер, заглядывая в длинную комнату, откуда через разбитые окна открывается вид на озеро и белые вершины Эрдэнэ-Шаня за ним. – Какие праздники она здесь устраивала! Счастливое было время…

Ветер свистит, задувая через дыры в стенах. За комнатой для праздников – спальня, кровать под балдахином тонет, словно пробитый торпедой корабль, в море заплесневелых покрывал. В дальней стене – еще одна запертая дверь. А за дверью…

Когда Сталкер открывает ее, оттуда веет затхлостью. Селедка крадучись входит за Сталкером, догадываясь, что комната закрывалась герметично. Здесь пахнет немного похоже на Гримсби. Стены и пол обшиты металлом, на полу резиновые коврики, чтобы ноги не скользили. Паутина и листы пластика укутывают странное механическое сооружение: разноцветные провода и трубки, экраны и металлические коробки, клапаны, циферблаты, несколько клавиатур от пишущих машинок.

– В старое доброе время не одни только инженеры умели создавать разные устройства, – шепчет Сталкер. – Анна разбиралась в механике совсем как ты, Селедка. Даже сама себе дирижабль построила из всякого хлама. А здесь она пробовала собрать радиопередатчик дальнего действия. Он не очень хорошо работал, и после нее у других получалось намного лучше, но все-таки это начало. Возьмем радиостанцию с яхты Попджоя и детали, которые мы забрали из его мастерской, и я уверена – мы сможем усилить сигнал.

– А кому ты отправишь этот сигнал? – спрашивает Селедка.

Сталкер смеется шипящим смехом. Потом хватает Селедку за локоть и тащит в разрушенную спальню. Показывает вверх, сквозь дыру в потолке, на темно-синее в зените небо.

– Туда! Там приемник. Мы отправим послание в небеса.

Часть третья

Глава 32
Лондонский дневник

19 июня

Семнадцать дней прошло с тех пор, как Кобольд сбежал. Кажется, его все забыли. Даже я почти не вспоминаю. Даже Англи, с тех пор как шишка у нее сошла и голова перестала болеть. Большинство считают, что Вольфу ни за что не одолеть столько миль по территории Зеленой Грозы, чтобы вернуться на Хэрроубэрроу. А если даже и вернется, он не сможет привести Хэрроубэрроу на восток и слопать Новый Лондон – по крайней мере, пока держится перемирие. Но на всякий случай работать стали еще быстрее.

Когда я узнала, что́ они тут строят, если честно – сперва подумала: все они слегка свихнулись. Но как посмотришь, насколько все выкладываются и как верят в придуманный инженерами безумный новый город, начинаешь понимать, что творилось в Анкоридже, когда Фрейя Расмуссен решила вести его через льды в Америку. Такая же безумная идея была, и наверняка многие думали, что ничего не выйдет. Мама была в этом уверена и уговаривала папу улететь, а когда не вышло – продала город Архангельску. Только она была не права, ведь на самом деле все получилось, правда? А я не хочу быть как мама, поэтому решила – буду верить, что и с Новым Лондоном все получится.

Папа-то уж точно рвется внести свой вклад. Сперва он хотел помогать инженерам, но машины доктора Чилдермас совсем не похожи на знакомую ему технику, так что он, по-моему, больше мешал. Тогда он стал помогать мужчинам, которые подносили к ангару найденные в развалинах детали и куски оборудования, но я потихоньку поговорила с доктором Чилдермас, объяснила, что у него больное сердце. Она потихоньку поговорила с Чадли Помроем, он отвел папу в сторонку и сказал – на самом деле, мол, Новому Лондону совершенно необходим собственный музей, чтобы жители, даже

если улетят на другой край земли, не забывали старый Лондон и что с ним стало. «А поскольку ни у кого из нас, Том, нет времени этим заниматься, – сказал Чадли Помрой, – может быть, если вы не против, начнете собирать коллекцию?» И вот папу назначили Главным историком. Теперь он целыми днями роется в кучах ржавого металлолома, ищет артефакты, по которым потомки смогут узнать о Лондоне его времени. Собирает все подряд, от крышек старых канализационных люков и стяжек для межъярусных опор до крошечной статуэтки богини Клио с чьего-то домашнего алтаря.

А я пока хожу патрулировать развалины с другими младшими лондонцами. Мистер Гарамонд поначалу оч. сильно возражал, но мистер Помрой сказал ему не валять дурака. Англи и ее друзья все очень дружелюбные и прямо восхитились, когда я им рассказала, что была в настоящем бою, видела Сталкеров, бомбы-стаканы и прочее (о том, что перепугалась до смерти, я говорить не стала, чтобы не сбивать им боевой настрой). В общем, я уже несколько раз прошла развалины из конца в конец. Там оч. страшно, особ. ночью, но Англи, Кэт и другие – отличная компания, и еще мне дали арбалет на случай нападения. Не уверена, что смогу из него кого-нибудь застрелить, но все-таки с ним немножко спокойнее.

На самом деле мне бы пригодилось электрическое ружье – инженеры их специально разработали для борьбы со Сталкерами, но таких ружей не оч. много, их выдают только самым надежным бойцам мистера Г-да – Саабу, Кэт и т. д. В последнее время сталкерские птицы Зеленой Грозы уж очень активно шныряют, в Крауч-Энде то и дело звонит тревожный колокол, и всем приходится нырять в укрытие, потому что вверху опять летает погрызенный молью дохлый сарыч и подглядывает за нами. Обычно мы на них и внимания не обращаем, но если какая-нибудь птичка подберется слишком близко к Родильному отделению, мальчишки, которые там дежурят в специальных наблюдательных будках, сбивают ее из электрического ружья. Сейчас вокруг Крауч-Энда развешаны с полдюжины обугленных тушек.

Есть еще другой способ с ними справляться, только он намного опаснее. Англи с друзьями относятся к этому как к своеобразному спорту. На прошлой неделе во время

патрулирования над нами пролетела птица-Сталкер. В таких случаях положено прятаться, но Англи сказала: «Давайте поиграем в салочки!» – и выбежала прямо на открытое место. Ну и я за ней. Мы пошли по тропинке между кучами мусора, птица – за нами. Я боялась, что она нападет, но Англи сказала – они никогда не нападают, их задача – только разведка.

Тропинка петляла, мы шли довольно быстро, и скоро я поняла, что мы направляемся в самую гущу развалин, – это место здесь называют Электрической дорогой. Раньше я соглашалась с Вольфом, что сильфиды – просто выдумка. Но тут, в развалинах Лондона, где все обожжено и оплавлено, у меня появились сомнения. Я спросила Англи – тут безопасно? Она сказала: «Вроде того». Меня это не очень обнадежило, но я не хотела показаться трусихой, поэтому пошла дальше.

Наконец мы вышли на горку и впереди увидели такую, как будто вытянутую долину посреди обломков. С виду все вполне мирно, деревья и озерца, но по сторонам от долины все обуглено и искорежено. Англи сказала: здесь упало ядро МЕДУЗЫ – проплавило себе дорогу сквозь все семь ярусов Лондона. Поэтому здесь остаточные явления сильнее всего. Не знаю, правда или нет. Я успела только глянуть, и тут Англи меня толкнула в какую-то выемку среди развалин, занавешенную плющом. «Прячься!» – говорит. Глупая птица-Сталкер нас не заметила и полетела прямо над долиной. Не успела и полсотни футов пролететь, как из развалин ударила здоровенная ветвистая молния и поджарила птичку. Только дымок вьется и несколько обгорелых перышек ветер уносит!

Меня потом долго еще трясло, как подумаю, что было бы с «Дженни», если б мы тогда полетели вдоль Электрической дороги.

P.S. Сааб Пибоди пригласил меня на свидание. Я сказала, что мне надо подумать, а он сказал – у меня, наверное, свой парень есть где-нибудь на птичьих дорогах, а я сказала – вроде того. Глупо, нет?

А теперь время уже позднее, завтра важный день – первое испытание нового города. Пойду-ка я спать.

Глава 33
Испытание

Утро в день испытания выдалось пасмурное, тучи грозили дождем. Западный ветер налетал порывами, сыпал конфетти из лепестков с цветущих деревьев, которые прижились кое-где в развалинах Лондона.

Рен собралась идти в Родильное отделение со своими новыми друзьями. Том не хотел навязывать им свое общество, поэтому пошел один. На ходу он поглядывал на груды мусора по обочинам – Том завел привычку всюду искать обломки, которые могли бы сгодиться для Новолондонского музея. Если умеешь смотреть, в каждой куче ржавых железок полно бесценных свидетельств прошлого: дверные ручки и петли, самовары, таблички с названиями улиц… На глаза попалась оловянная ложка с гербом Гильдии историков, и Том сунул ее в карман. Словно овеществленное воспоминание: в детстве он каждый день пользовался такими ложками во время еды, и было приятно думать, что будущие лондонцы, глядя на нее, станут представлять себе его жизнь.

Конечно, подробностей они никогда не узнают: что он чувствовал, о чем мечтал, какие приключения пережил на птичьих дорогах, в Ледяных Пустошах и в Америке. Такие вещи оловянная ложка передать не может.

Вечером, глядя, как Рен пишет в своем дневнике, Том задумался: может, и ему начать записывать кое-что из своей жизни, пока не поздно? Да только он не Таддеус Валентайн и даже не Нимрод Пеннироял. Ему не очень легко удавалось письменно выражать свои мысли. К тому же пришлось бы писать об Эстер, а это ему вряд ли по силам. Том ни разу не произнес вслух имя жены, с тех пор как они прилетели в Лондон. Если новые друзья и гадали, кто мама Рен, то держали свои вопросы при себе. Возможно, они предполагали, что она умерла и Тому будет тяжело о ней говорить, – и это было не так уж далеко от истины. Как он может рассказывать об Эстер будущим поколениям, если сам не понимает, почему она сделала то, что сделала, и почему он ее полюбил?

Уже на подходе к Родильному отделению Том нагнал толпу лондонцев, которые направлялись туда же, куда и он. Среди них была Клития Поттс. Она явно ему обрадовалась; ее муж сейчас был с инженерами на борту Нового Лондона.

– Доктор Чилдермас опасается, что магнитная подвеска сработает слишком хорошо, – объяснила Клития. – Хочет, чтобы рядом был авиатор

на всякий случай – спустить Новый Лондон вниз, если он взлетит слишком высоко.

– Вот как?

– Том, я шучу!

– А-а… – Том засмеялся вместе с ней, хотя шутка не показалась ему смешной. – Прости! Многое изменилось с тех пор, как мы были молодыми… Столько новых изобретений… Я действительно не представляю всех возможностей Нового Лондона.

Он вспомнил экспериментальные образцы, которые показывала ему доктор Чилдермас: платформы на магнитной подвеске, размером с обеденный стол, носились по Родильному отделению, зависнув в нескольких футах над полом, словно какой-то волшебной силой. Если новый город окажется жизнеспособен, инженеры планировали на следующем этапе ту же технологию применить к настоящим столам. В проекте были и летающие кровати, и стулья, и даже игрушки – их собирались продавать как диковинки другим небольшим городам. Говорили даже о транспорте на магнитной подвеске. Почему-то от этих разговоров становилось грустно. Если все получится, придет конец эпохе дирижаблей и милая старушка «Дженни Ганивер» окажется не у дел.

От этой мысли заныло сердце – а может, из-за того, что Том слишком энергично поднимался в гору. Он проглотил зеленую пилюлю и вслед за Клитией вошел в Родильное отделение.

В сумрачном ангаре Новый Лондон ждал своего часа, тяжело осев на блестящих от машинного масла опорах, и меньше всего походил на предмет, способный взлететь. На его корпусе, размахивая руками, суетились крохотные фигурки. Судя по всему, возникли какие-то сложности с магнитным отражателем. Том поискал глазами Рен в толпе зрителей и наконец увидел – она стояла в первых рядах, рядом с Англи, Саабом и другими молодыми людьми, Том никак не мог запомнить их имен. Он гордился ею и радовался, что она прижилась здесь, что у нее появились друзья. Когда Том смотрел на нее вот так, издали, она напоминала ему Кэтрин Валентайн – то же изящество движений и быстрая, ослепительная улыбка. Раньше Том этого не замечал, но он почти и не вспоминал Кэтрин, пока не вернулся в Лондон. А теперь удивительное сходство просто бросалось в глаза.

Рен словно почувствовала его взгляд, обернулась и, увидев Тома, встала на цыпочки, чтобы он видел ее поверх моря голов, и помахала рукой. Том помахал в ответ, надеясь, что не накликал беду, сравнивая ее с

несчастной Кэтрин.

Кто-то позвонил в колокольчик.

– Начали! – сказала Клития.

Инженеры проталкивались через толпу, предупреждая, чтобы все отошли к стенам. Народ затих, в ожидании глядя вверх.

В тишине раздался голос доктора Чилдермас – она была на борту:

– Все готовы? Поехали!

Послышалось тихое гудение. Звук делался все выше и наконец стал совсем неслышным. Больше ничего не происходило. Подпорка ближе к корме протяжно застонала, как будто разделяя всеобщее разочарование. Потом заскрипели остальные опоры, и Том вдруг понял – это оттого, что на них больше не давит мертвым грузом Новый Лондон, который они поддерживали долгие годы. Вниз посыпались чешуйки ржавчины, будто ноябрьские листья. Забытая кем-то малярная кисть скатилась с мостика и громко стукнула, упав на пол. Магнитные отражатели чуть-чуть развернулись по команде с городского пульта управления, но на вид по-прежнему напоминали большие тусклые зеркала – ни тебе полыхающих молний, ни мистического сияния, только воздух вокруг едва заметно мерцал, словно от жары.

Медленно-медленно, как будто взлетающее неуклюжее насекомое, Новый Лондон заворочался, поднялся над своей металлической колыбелью, сунулся носом в одну сторону, потом в другую. Немного продвинулся вперед, и снова послышалось тихое гудение.

– Работает! – зашептались в толпе.

Наверное, так же было, когда полетел первый дирижабль, подумал Том. Или когда божественный Квирк впервые включил наземные двигатели Лондона. Трудно даже вообразить, насколько изменят мир машины Лавинии Чилдермас. Возможно, к тому времени, когда родятся внуки Рен, все города будут парить в воздухе. А может, города и вообще станут не нужны…

Что-то громко затрещало. Из выхлопных отверстий в киле Нового Лондона повалил дым. Марево вокруг отражателей исчезло, и город неизящно шмякнулся на опоры под скрежет перегруженного металла. Над толпой пронесся разочарованный стон. Зрители шарахнулись к стенам, а рабочие кинулись укреплять пошатнувшиеся опоры.

– Не получилось! – пожаловалась женщина рядом с Томом.

– Фуфло! – крикнул еще кто-то.

Среди недостроенных зданий на краю верхнего яруса показалась Лавиния Чилдермас. Из-за ее волнения и специфической акустики в ангаре

ее слова почти невозможно было разобрать. Проталкиваясь к выходу, Том слышал только обрывки:

– Небольшая проблема с катушками Клейста… нельзя сдаваться… еще много работы… тонкая настройка… отладка… подождать еще пару недель…

«А есть ли у нас эта пара недель?» – подумал Том.

Выйдя за дверь, он услышал гул дирижаблей Зеленой Грозы, направляющихся на запад, и еще один звук – сперва решил, что это гром, но сразу понял, что это рев тяжелых орудий далеко за горизонтом на западе.

Глава 34
Перемещенные лица

Я вижу, вам лучше.

– Это – лучше?!

– Ну, вы в сознании. Уже что-то.

Эстер протерла глаз и попыталась сфокусировать взгляд на потолке. Она чувствовала себя размазанной, как будто все ее тело – всего-навсего клякса, медленно подсыхающая на жестком матрасе, набитом конским волосом. Над ней склонился призрак, медленно овеществляясь и превращаясь в человека. Вроде бы этого человека она должна знать. Понемногу вспомнились Воздушная Гавань и девушка, которую Эстер вытащила с грузового дирижабля Напстера Варли. Леди Нага. Удар по голове, драка на Тринадцатом причале.

– Вы были очень плохи.

Энона говорила как доктор и сменила рубаху из мешковины на что-то белое, военного покроя, но все равно была похожа на мальчишку. Эстер уставилась на ее очки в скрепленной скотчем оправе и кривые зубы.

– Теперь вы идете на поправку. Рана хорошо заживает.

Эстер вспомнила дирижабли: «Тень бессознательного» и потом еще громадный корабль грозовиков. Как они улетали среди безумного грохота. Люди вокруг кричали друг на друга, Эстер тоже кричала, а Шрайк нес ее на руках. Шрайк, наверное, огорчился, что она осталась жива. Эстер оторвала голову от подушки, поискала его взглядом, но Шрайка не было. Они с Эноной были одни в квадратной комнате со стенами цвета слоновой кости. Металлические ставни были открыты, и через большое окно в комнату лился дневной свет. На стуле в углу Эстер увидела свою одежду, аккуратно сложенную. Рядом на полу стояли рюкзак и сапоги, а у стены была прислонена пара ее больших ружей, таких основательных и успокаивающих в незнакомом месте.

– Где мы?

– Передовое командование, – ответила Энона. – Бывший движущийся город, Гроза его захватила много лет назад.

– Значит, не в Шань-Го?

– Пока еще нет. Когда мы улетали с передовой, «Фурию» довольно сильно повредили. Города раньше, чем ожидалось, пошли на прорыв, а их летательные аппараты вообще кишмя кишели. Мы кое-как доковыляли

сюда и застряли. Генерал Сяо тоже здесь, старается организовать вторую линию обороны. Она обещала отправить нас дальше, как только починят «Фурию». Но механики пока слишком заняты, латают боевые дирижабли. Бои идут и к северу, и к югу отсюда. А мы – на островке в океане голодных городов…

Эстер слушала вполуха, стараясь упорядочить смутные воспоминания о своей болезни и о путешествии на восток. Теперь она знала, каково было Тео, после того как она спасла его из Катлерс-Галпа. Надо было тогда проявить к нему больше сочувствия.

– А что остальные? – спросила она.

– Мистер Шрайк здесь, он совсем не пострадал. Он не отходил от вашей постели, но сегодня генерал Сяо уговорила его пойти на передовую, помочь рыть окопы. Манчестер и еще несколько городов наступают с запада, ей нужна вся помощь, какую только получится найти. Я попросила ему передать, что вы пошевелились; он, наверное, скоро будет. Он обрадуется, что вы выкарабкались.

– Это вряд ли, – откликнулась Эстер. – А как там Тео?

Энона вдруг запнулась.

– Профессор Пеннироял тоже здесь. Бессовестно флиртует с генералом Сяо.

– Тео? Что с Тео?

Энона опустила глаза, спряталась за своей раздражающей черной челкой.

– Боги и богини!

Эстер перекатилась к краю кровати. Попробовала встать, но голова шла кругом. Руку что-то тянуло. Эстер посмотрела вниз и увидела, что возле локтя прямо из руки торчит прозрачная гибкая трубка, подсоединенная к перевернутой бутылке на штативе рядом с кроватью. Эстер вскрикнула от ужаса и отвращения.

– Все в порядке, – успокоила ее Энона, не давая вырвать из руки трубку. – Это технология Древних, чтобы жидкость поступала в организм. Вы несколько дней были без сознания, нам пришлось…

Эстер, вся дрожа, села на край постели и уставилась в окно. Комната, видимо, находилась на верхнем ярусе обездвиженного города. Крыши и дымовые трубы за окном уходили круто вниз, а за ними виднелась серо-зеленая равнина, и по ней группками передвигались солдаты, полугусеничные машины везли пушки на позиции.

– Она пришла за ним, да? Госпожа Смерть…

У нее за спиной Энона сказала:

– Он зачем-то вернулся в окопы… – Энона обошла кровать и тронула костлявое плечо Эстер. – Мы слишком поздно заметили, что он ушел. Наверное, попал как раз под бомбежку…

Эстер протянула руку и схватилась за шнурок на шее Эноны, на котором болталось дешевое распятие из Загвы. Рванула, притягивая ошарашенное лицо Эноны вплотную к своему.

– Надо было побежать за ним! Ты должна была его спасти! Он-то тебя спас!

Но на самом деле Эстер винила себя. Зря она позволила Тео устроить эту придурошную спасательную операцию. А теперь он умер. Эстер отпустила Энону и уткнулась лицом в ладони, сама пугаясь хлынувших слез и жутких стонов, которые не могла сдержать. Ведь обещала себе никогда и ни к кому больше не привязываться, но нет, глупое сердце открылось для Тео, а теперь он убит, и приходится расплачиваться за то, что полюбила его.

Эстер закричала на Энону:

– Хоть бы ты помолилась этому своему древнему богу! Чтобы уберег его! Чтобы он вернулся!

Внизу на равнине войска генерала Сяо спешно рыли окопы и ямы-ловушки для городов. Лопаты и мотыги ритмично взблескивали, словно косяк серебристых рыб. Из-под пола доносился топот марширующих сапог и громкие приказы – на нижних ярусах усталые унтер-офицеры спешно сколачивали новые отряды из еле живых уцелевших, кто сумел добраться сюда после сокрушительного поражения на севере и на западе.

Энона и Эстер сидели рядышком на кровати. Молчали, потом Энона сказала:

– Если бы Бог мог делать такое, мир был бы совсем другим. Он не может дотянуться до нас с небес и что-то изменить. Не может помешать нам делать то, что мы выбрали.

– Зачем тогда Он нужен?

Энона пожала плечами:

– Он видит. Он понимает. Он знает, что ты сейчас чувствуешь. Что чувствовал Тео. Он знает, как это – умирать. И после смерти мы придем к Нему.

– В Страну, не ведающую солнца, что ли? Как призраки?

Энона терпеливо покачала головой:

– Как дети. Помнишь себя маленькую? Когда все было возможно, и все тебе давалось, и ты знала, что тебя любят и берегут, и каждый день был вечностью? Так будет и после смерти. Так сейчас все для Тео на небесах.

– Откуда ты знаешь? Тебе трупы рассказывали, когда ты их Воскрешала?

– Просто знаю.

Они сидели рядом, и Энона обняла Эстер, а Эстер не оттолкнула ее. Чем-то эта серьезная, не умеющая шутить девушка ее тронула, как ни старалась Эстер этому противиться. Энона ей напоминала Тома. Они сидели на кровати, ждали мистера Шрайка и думали о Тео на небесах. За окном сгущались серо-стальные сумерки. У горизонта на западе мерцали огни наступающих городов.

Тео не был на небесах. Он плелся пешком по необозримой, продуваемой всеми ветрами степи к северо-западу от Передового командования. Он шел так долго, что сапоги совсем развалились. Он подвязал их полосками ткани, а те постоянно развязывались и волочились за ним по грязи.

Он был не один. Справа и слева, спереди и сзади брели на восток остатки передовых отрядов Зеленой Грозы. Их гнали вперед рассказы о голодных пригородах-жнецах и о наемниках-авиаторах, которые устраивали вылазки вглубь территории Зеленой Грозы.

В тот первый день войны, когда Тео выкарабкался из разрушенной землянки генерала Сяо, первая его мысль была – как-нибудь добраться домой, в Загву. Но по всей линии фронта шло наступление городов. Спасаясь от них, Тео очутился в гуще отступающих солдат побежденного войска, и его затянуло общее бегство в единственном направлении, которое казалось безопасным: на восток. Он нашел себе место на полугусеничном грузовике, но через несколько дней дирижабли горожан разбомбили мосты впереди, и ему пришлось слезть и дальше ковылять с отставшими от основной массы – ранеными, оглушенными или повредившимися рассудком от всего, что они повидали на передовой.

Тео и сам временами чувствовал себя полусумасшедшим. Он часто просыпался по ночам, весь дрожа, – ему снилось, что он снова под обстрелом.

Но по большей части он просто чувствовал себя глубоко несчастным. Окружающий пейзаж тоже не радовал. Здесь уже больше десяти лет была территория Зеленой Грозы, но Гроза толком не знала, что с этой землей делать. Одна фракция попыталась культивировать выросшие в колеях естественным путем сорняки и кустарники, потом другая попробовала сровнять колеи с землей и посеять пшеницу. Результатом этих усилий стала неровная местность, кое-где поросшая лесом и быстро превратившаяся в

трясину под сапогами отступающих войск. Изредка попадались фермы с ветряками и маленькие стационарные поселения, но дома были брошены, жители разбежались, а поля и жилища разграбили солдаты, идущие впереди.

Тео гадал о судьбе Эстер, Эноны и профессора Пеннирояла. Удалось ли им спастись? Вначале он надеялся, что они будут его разыскивать, но, осознав масштабы поражения, надеяться перестал. Как они узнали бы, где искать? Если хоть половина слухов – правда, целые армии разбиты наголову и вся восточная часть Охотничьих Угодий переполнена разрозненными колоннами беженцев (вроде той, куда он сам попал), стремящимися добраться до безопасных мест, пока прожорливые города их не настигли.

Тео долго брел вверх по пологому склону, а поднявшись на гребень, увидел вдали на севере темный зубчатый силуэт посреди равнины. Несколько его попутчиков (друзьями их назвать он не мог, все они были слишком измотаны, чтоб хотя бы назвать свои имена) остановились и что-то обсуждали, показывая в ту сторону пальцами.

– Что там? – спросил Тео.

– Лондон, – ответил мичман из Шань-Го. – Сильный город варваров. Боги его разрушили, когда он попробовал штурмовать стены Батмунх-Гомпы.

– Тогда боги были с нами, – сказал другой. – А теперь отвернулись от нас. Они наказывают Нагу и его потаскуху за то, что те предали Сталкера Фанг.

Офицер-связист с повязкой на глазах сказал:

– Я рад, что не вижу Лондона. Этот город приносит несчастье. Даже смотреть на него – к беде.

– Куда уж хуже-то, – хмыкнул мичман.

Из конца колонны донесся крик:

– Дирижабль!

Все попадали плашмя, некоторые заползали под кусты или старались зарыться в землю. Но дирижабль, рокочущий моторами у них над головой, оказался своим – «Женьшеневый Мотылек» с Чжань-Шаня, с зеленым зигзагом молнии на стабилизаторах. Он приземлился на равнине в нескольких милях впереди.

Военные вокруг Тео притихли. Впервые за много дней они увидели корабль Грозы, и все гадали, что это может значить. А Тео больше заинтересовался Лондоном. Он смотрел сквозь дымку на зазубренные неприветливые контуры и никак не мог представить их движущимся

городом. Неужели Рен действительно где-то там? Тео вытащил из кармана снимок и стал рассматривать ее лицо, как рассматривал много раз во время долгого марша на восток, вспоминая их давний поцелуй. «С любовью» – так она подписала письмо, но всерьез или просто как подписываются, не думая, не скрывая за словами желания и тоски?

Все равно – у Тео была хоть надежда, что Рен близко. Лондонских призраков он не боялся. Ну, не очень. Он выжил в Ржавых болотах, на передовой и в Катлерс-Галпе, вряд ли призраки могут быть страшнее. Как и тот связист из Шань-Го, он не верил, что может стать еще хуже.

Вдоль колонны промчался офицер в моторизованных грязевых санях, задерживаясь возле каждой группы солдат и выкрикивая в рупор:

– Новый приказ! Движемся на юго-запад! Генерал Сяо организует оборону вокруг Передового командования!

Солдаты зароптали. Они не верили, что Передовое командование продержится долго, и хотели идти дальше, к горам и безопасности. Может, хоть в Батмунх-Гомпе у них появится надежда, крепость ведь так долго отражала атаки городов…

– Шевелись! – орал офицер. Его сани хлюпали по грязи, рыча мотором. – Веселей! Мы соединимся с генералом Сяо и разобьем варваров! На дороге к Передовому командованию нас ждут провиант и боеприпасы!

Кажется, он и сам в это не верил, но все знали, какое наказание полагается за неподчинение приказам Зеленой Грозы. Солдаты устало подбирали с земли рюкзаки и ружья, кто – ворча и ругаясь, кто – приободрившись и обещая разделаться с варварами раз и навсегда.

Кроме Тео. Ему приятно было услышать, что генерал Сяо жива, но это была не его война. Под краденой шинелью на нем не было даже мундира грозовиков. Он упрятал фото Рен поглубже в карман, тихонько отошел в сторону и сполз в затопленную колею. Колонна отправилась в путь без него.

Только к ночи он рискнул покинуть свое укрытие. Прошел вброд по дну колеи и выбрался наверх с противоположной стороны. От войска, вместе с которым он шел, ничего не осталось, только несколько брошенных рюкзаков там и сям, дохлая лошадь и бумажный мусор, который носился на ветру. На западе снова слышался грохот орудий. Тео зашагал по равнине к далекому силуэту разрушенного города.

«Ищи меня в Лондоне».

Глава 35
Контакт

Дом в Эрдэнэ-Тэж гудит энергией старых машин, питающихся от гидроэлектрического генератора в подвале. Мигают лампочки, дрожат стрелки на циферблатах, вынутые из древних сталкерских мозгов элементы негромко пощелкивают и что-то чуть слышно бормочут. Комната опутана паутиной проводов. В центре этого механизированного гнезда стоит Сталкер Фанг, ее пальцы стремительно бегают по клавиатуре. По ее команде за стеклом старого визи-экрана пляшут светлячки. Она шепчет себе под нос цепочки букв и цифр, загадочные кодовые слова, выученные наизусть по Жестяной Книге, – забытый язык ОДИНа.

Для Селедки все это – сплошная бессмыслица. Когда Сталкеру не требуется что-нибудь принести или починить, он бродит по безжизненным комнатам, или выходит в сад и смотрит на рыб, вмерзших в лед на пруду, или просто спит, стискивая в руке свою любимую деревянную лошадку. Он теперь много спит, ослабев от голода и холода. Хоть он и прихватил целый мешок еды из Батмунх-Гомпы, запасы подходят к концу. Живот постоянно болит от голода. Селедка пожаловался Сталкеру, но та его игнорирует. Передатчик уже готов, и Селедка Сталкеру более не интересен.

Иногда он мечтает о побеге, с надеждой поглядывая на ключи от воздушной яхты Попджоя. Сталкер по каким-то своим соображениям носит их на шнурке на шее. Селедка не решается их схватить – он знает, что и трех шагов не успеет сделать, как она его прикончит.

Этой ночью в старом доме до того промозгло, что Селедка снова пробирается к ней в комнату, – там от машин хоть немного теплее. Сталкер все еще печатает свои цепочки цифр. Стальные пальцы стучат по клавишам, словно сама Госпожа Смерть играет в кости костяшками скелетов в Стране, не ведающей солнца. Где-то над потолком жалобно поскрипывают гидравлические агрегаты, с потолка то и дело сыплется штукатурка, будто снег идет. А снаружи идет настоящий снег, завихряясь над скатом крыши; птицы-Сталкеры высматривают, не подбираются ли к дому не в меру любопытные дирижабли, и антенна-тарелка медленно поворачивается на северо-запад, фокусируясь на одной-единственной точке высоко в небе.

Там, вверху, далеко-далеко, в непроглядной тьме мчится нечто

огромное, древнее и холодное, облепленное примерзшей космической пылью, изрытое вмятинами от микрометеоров. Солнечные батареи устало поблескивают, как пыльные окна. Внутри бронированного корпуса приемное устройство терпеливо слушает все те же помехи в радиоэфире, как и тысячи лет до этого. Но что-то изменилось: в общем потоке помех, словно обломок, выброшенный прибоем, мелькает знакомое сообщение. Древний компьютерный мозг распознает его и реагирует. За долгие годы многие системы повреждены, но есть запасные, дублирующие. Гудят силовые ячейки; в оружейном отсеке по обмотке катушек пробегают полосы света; снаружи, осыпая ледяные кристаллы, раздвигаются тяжелые щиты.

ОДИН смотрит вниз, на голубую лужицу Земли, и ждет дальнейших указаний.

Глава 36
Чужак

22 июня (кажется…)

Я сейчас пишу, сидя в одном унылом месте на западном краю развалин Лондона, и слушаю, как на западе пушки стреляют. Как далеко разносится звук пушечного выстрела? Никто здесь не знает точно. Ясно только, что опять началась война и что Зеленая Гроза проигрывает. Пару раз на окраины развалин забредали беженцы. Потом уходили дальше – сами или после небольшого намека от лондонцев, которые прятались среди обломков и издавали зловещие звуки. Но что, если беженцев станет больше?

А если вслед за ними придут города и пригороды? И что, если Вольф Кобольд уже направляется сюда со своим Хэрроубэрроу?

В одном лондонцам не откажешь – они легко не сдаются. Все просто решили, что Новый Лондон должен быть готов к концу недели, и, хотя Лавиния Чилдермас и ее инженеры отнеслись к этому с сомнением, они понимают, что другого выхода нет.

Пока инженеры трудятся в Родильном отделении, остальные пакуют все, что может понадобиться на борту нового города, и посылают дополнительные патрули к западным окраинам. Поэтому я и сижу здесь под мелким дождичком, вместо того чтобы уютно сопеть в своей кровати в Крауч-Энде. Мы разбили лагерь между ржавых куч и спим сегодня под открытым небом (точнее, под нависающей железякой, чему очень рады, а то дождик моросит). Кэт Луперини, она главная в нашей маленькой компании, говорит, что нужно дежурить по очереди, пока остальные спят. У нее первая вахта, а я заступаю в…

Рен выронила карандаш и захлопнула блокнот. Сквозь мерный шорох дождя она отчетливо услышала птичий крик – условный сигнал, какими патрули перекликались между собой. Она побежала рассказать Кэт, но та уже и сама слышала.

– Это отряд Ходжа, – сказала Кэт. – Зовут нас на помощь…

Остальные участники патруля – Англи Пибоди и застенчивый мальчик помладше, по имени Эпоксидный Грунт, – проснулись и начали выбираться из-под одеял, хватаясь за фонарики и арбалеты. У Рен быстрей забилось сердце и, кажется, застряло где-то в районе гланд. Что, если патруль Рона Ходжа на юго-западной окраине заметил огни Хэрроубэрроу? Что, если передовые отряды Хэрроубэрроу уже рыщут среди развалин, готовые убивать всех, кто попадется на пути? Рен на ощупь вытащила короткую арбалетную стрелу из колчана у пояса и приладила ее к тетиве.

Птичий крик раздался снова. Кэт ответила таким же сигналом, и весь патруль быстрым шагом двинулся сквозь пелену дождя. Луна слабо светила из-за туч. Рен была рада свету, но ужасно боялась, что отстанет от остальных, потеряется и будет бродить по этому безумному царству ржавчины в одиночестве. Страшилки, над которыми она посмеивалась в Крауч-Энде, здесь, глухой ночью, казались до ужаса реальными. В голову лезли пугающие обрывки лондонского фольклора – Рен их нахваталась от отца. Темные потусторонние силуэты, населяющие кошмарные закоулки старого города, призраки Боадицеи и Джека-прыгуна и жуткие Уомблы[33], похитители мусора.

Рен чуть не завизжала, когда на тропинке прямо перед ней вдруг выросла темная фигура, но это оказался всего лишь Рон Ходж. За ним толпился его патрульный отряд.

– Что случилось? – спросила Кэт.

– Чужак на территории, – дрожащим голосом ответил Рон. – Мы его заметили издалека, потом потеряли. Он где-то здесь.

– Только один?

– Не знаю.

Кэт взяла на себя командование, приказала всем рассыпаться цепью и искать. Перекликаясь друг с другом, они медленно пробирались через нагромождения мусора. Перекликались не только птичьими криками, но и обычными словами – иногда чужаки удирали, просто услышав голоса в развалинах.

Пока что им никто не попадался.

– Что там? – вдруг вскрикнул Эпоксидный Грунт.

Рен кинулась к нему. Сугробы ржавчины хрустели под ногами, словно кукурузные хлопья.

– Вон там! – прошептал Эпоксид, когда она подбежала ближе.

Теперь и Рен тоже увидела, всего на мгновение, – что-то шевельнулось между двумя большими обломками. Она попробовала позвать Кэт и других,

но во рту пересохло. Рен нащупала предохранитель арбалета, говоря себе, что, если чужак – один из людей Вольфа, нужно успеть его убить раньше, чем он убьет ее.

– Кто здесь? – раздался голос.

Знакомое произношение. С таким акцентом говорил Тео. Рен даже дрожь прошибла от облегчения. Это не вражеский лазутчик, просто какой-то африканец отбился от своей воздушной части или дезертировал из отступающей армии Зеленой Грозы. Дозорные сообщали о том, что происходит большое отступление. Кэт говорила – за последние дни с полдесятка человек нечаянно забрели в развалины, и отпугнуть их было совсем легко. Как бы внушить этому незнакомцу, что в развалинах обитают беспокойные духи… Может, выскочить, замахать руками и крикнуть «бу!»?

Тут произошло сразу несколько разных вещей. Чужак внезапно выглянул из-за угла старого машинного отсека – он был ближе, чем казалось по голосу. Кэт и Англи, забравшись на кучу мусора у него за спиной, включили фонарики. Яркий призрачный свет не раз прогонял посторонних. Чужак испугался и побежал прямо к Рен и Эпоксиду. Эпоксид шарахнулся назад и налетел на Рен. Ее арбалет нечаянно выстрелил. Зазвенела тетива, и отдачей Рен чуть не сломало руку. Чужак, падая, оказался в пятне света от фонариков, и Рен увидела, что он не только произношением напоминает Тео – он и есть Тео.

– Ой! – сказал он слабым голосом.

Шурша чешуйками ржавчины, подбежали другие лондонцы. Рен стояла на месте, мотая головой и растирая ноющую руку, и все ждала, когда же она проснется. Конечно, это сон, и довольно глупый. Тео никак не может здесь быть, он же в Загве. Это не Тео лежит тут и умирает у нее на глазах.

Но потом она подошла ближе, Кэт подняла повыше фонарь, и тут уже ошибки быть не могло – невозможно не узнать его славное, красивое, темно-коричневое лицо.

– Тео? – позвала Рен. – Я не хотела… О Квирк!

Она стала судорожно щупать его промокшую шинель, ища стрелу.

Тут появился Рон Ходж, спеша утвердить свой авторитет, раз чужак оказался безопасным.

– Рен, отойди от него! – скомандовал он.

– Отстань! – завопила Рен. – Это друг! А я его, кажется, застрелила…

Но в шинели не было дырок, не было и крови, и стрела не торчала из груди. Рен промахнулась.

– Я просто поскользнулся, – тихо проговорил Тео, глядя на Рен, как

будто не верил, что она действительно здесь.

Потом он сел и настороженно обвел взглядом столпившихся вокруг лондонцев. Рен не могла отвести от него глаз. Какой он худой, измученный и как же она рада его видеть!

Тео попытался улыбнуться:

– Я получил твое письмо.

Они вернулись в лагерь. Англи развела костер и согрела супу для Тео, потому что он весь трясся от холода и усталости. Рен сидела рядом, пока он ел. Было так странно, что они снова вместе. Рен была уверена, что он в безопасности в Загве. Как он ухитрился оказаться посреди разгрома Зеленой Грозы? Она спросила, но он ответил только: «Это сложно», – и она не стала допытываться.

Помнит ли он их поцелуй в воздушном порту Ком-Омбо? Наверное, помнит, раз притащился за ней в Лондон, в такую даль.

– Нечего с ним нянькаться! – сердито сказал Рон Ходж, расхаживая взад-вперед у самой границы светлого круга от костра. – Он грозовик!

– Неправда! – крикнула Рен.

– На нем форма Зеленой Грозы.

– Только шинель. – Тео распахнул ее, показывая, что под ней авиаторский костюм. – Я ее снял с мертвеца, когда шел на восток. Я не грозовик. Вообще не знаю, кто я.

– Он из Загвы, – сказал кто-то из отряда Рона. – Загванцы против Движения. Их нельзя впускать в Лондон. Рен со своим папочкой уже привели к нам одного шпиона, а теперь она еще просит принять моховика…

– И что, по-твоему, с ним делать? – спросила Кэт Луперини. – Убить?

Мальчишка замялся.

– Как рассветет, я его отведу в Крауч-Энд, и Рен тоже с нами пойдет, – решила Кэт.

На ночь Рен свернулась в клубочек рядом с Тео. Она все время просыпалась. Неудобно спать на металлоломе, но Рен и без этого не смогла бы крепко заснуть: все вглядывалась в сонное лицо Тео – лишний раз убедиться, что ей не приснилось. А потом она проснулась в очередной раз, и оказалось, что уже рассвело и пора отправляться в Крауч-Энд.

Рен и Тео шли рядом, Кэт с арбалетом – за ними. По дороге Тео рассказывал Рен, что с ним было. Так она узнала, что он встретил ее маму и они вместе добрались до границ Зеленой Грозы.

– А потом? – спросила Рен.

– Не знаю. Я думаю, с ней все хорошо. Наверное, она уже в Шань-Го.

Рен не знала, как к этому отнестись. Она привыкла думать, что мама умерла, и немножко растерялась, когда выяснилось, что Эстер жива, а Тео говорит о ней прямо-таки с восхищением. Да еще она путешествует с тем кошмарным Сталкером, мистером Шрайком. Думать об этом не хотелось, и Рен почти обрадовалась, когда Кэт вдруг крикнула: «Ложись!» – и можно было отвлечься от мыслей, затаскивая Тео в укрытие.

Над ними пролетела птица-Сталкер – совсем низко, Рен даже услышала, как маховые перья стригут воздух. Слишком большая голова птицы механически поворачивалась из стороны в сторону.

Кэт, пригибаясь, подбежала к ним.

– Когда мы выходили из лагеря, она кружила в вышине, я видела! Я поглядывала на нее, пока вы трепались. Все надеялась, что она улетит по своим делам, а она специально за нами следит. Наверное, заметила костер ночью.

Рен выглянула из-под нависающего куска палубной стальной плиты, под которым они прятались. Птица поднялась выше и выписывала круги в небе. Вдруг она захлопала рваными крыльями и помчалась прочь, в сторону Крауч-Энда.

– Они точно еще настырней стали, – сказала Кэт.

– Птицы-шпионы, – объяснила Рен, обращаясь к Тео. Ей показалось, что он испугался. – Прилетают нащелкать фоток в альбом генералу Наге.

Тео покачал головой:

– Рен, это была не птица-шпион, а стервятник. Когда я служил в Зеленой Грозе, у нас была целая стая таких. Они используются для разведки боем.

Девчонки смотрели на него, не понимая. Это часто случалось, когда Тео, забывшись, переходил на военный жаргон.

– Рен, эти птицы приспособлены для атаки! Я думаю, твои друзья в опасности…

Птицы Зеленой Грозы, безусловно, в то утро усиленно интересовались тем, что происходит в развалинах. Том занимался упаковкой сокровищ, найденных среди металлолома, готовясь перевезти их в Новый Лондон, и постоянно слышал звяканье тревожного колокола, призывающего лондонцев поскорее убраться с открытого места. К обеду возле столовой висели еще три дымящиеся тушки птиц-шпионов – их пристрелили из электрических ружей патрули, потому что птицы проявляли слишком большой интерес к Родильному отделению.

Том радовался, что победа над птицами-Сталкерами поднимает лондонцам боевой дух, но невольно задумывался – разумно ли это? Не вызовет ли исчезновение птиц еще больше подозрений у тех, кто отправил их в развалины?

Чадли Помрой посоветовал ему не изводить себя.

– В Грозе считают, что мы – просто кучка бездомных, и птицы ничего такого не видели, что бы этому противоречило. А если бы даже и подглядели, у грозовиков сейчас и без того есть о чем беспокоиться. Пока они соберутся отправить к нам дирижабли, Новый Лондон будет уже далеко.

Том незаметно постучал по дереву. Он знал, что лондонские инженеры изо всех сил трудятся над отладкой двигателей, но невольно вспоминал вчерашнюю неудачу. Что, если и следующее испытание провалится?

Жаль, что он не в силах помочь чем-нибудь более существенным. Когда Чадли Помрой предложил ему должность Главного историка, Том был растроган до глубины души и очень серьезно отнесся к сбору экспонатов, но он понимал, что работу эту для него специально придумали. На самом деле она была не такой уж необходимой. Новый Лондон – город, созданный для будущего, а не для прошлого.

После обеда Помрой засобирался в Родильное отделение, и Том вызвался пойти с ним. В конце концов, он столько раз чинил «Дженни Ганивер», наверняка у инженеров найдется для него несложное задание – что-нибудь припаять или контакты зачистить. Но не успели они и на тридцать шагов отойти от Крауч-Энда, как снова зазвонил тревожный колокол.

– Квирк милосердный! – вскрикнул Чадли Помрой, поворачивая назад, к столовой. – Как можно вообще что-то сделать, когда без конца прерывают? Я уже думаю написать суровое письмо генералу Наге. Объясню ему, что добрые соседи так себя не ведут…

Том привык уже видеть в небе птиц-Сталкеров, но эти новые трупы, вывешенные на всеобщее обозрение, выбивали его из колеи. Поторапливая Чадли Помроя, он глянул вверх – и, оказалось, не зря. Птицы вернулись с подкреплением, и теперь это были не крохотные точки в вышине, а черные силуэты, приближающиеся с огромной скоростью, словно снаряды, пущенные прямо из солнца.

– Ложись! – крикнул Том и сбил с ног Чадли Помроя.

В ту же секунду птица пронеслась над ними. Стальные когти едва не задели макушку старика. Снова зазвонил тревожный колокол, и на дороге к Родильному отделению люди с криками бросились в разные стороны. Из

Крауч-Энда с электрическим ружьем в руках выбежал Сааб Пибоди. Недавно он сбил птицу-шпиона, и теперь ему явно не терпелось прибавить к своим трофеям еще одну. Птица спикировала на него сверху и вцепилась острыми как бритва когтями в лицо. Ослепнув и отчаянно крича, Сааб выронил ружье. Другие птицы метались над огородом, сшибая подпорки для гороха и преследуя напуганных детей, которых учителя пытались загнать в Крауч-Энд, подальше от опасности. Но даже и там, среди уютных домиков, хлопали мертвые крылья.

Том наблюдал это, дрожа всем телом. Он старался, как мог, прикрывать Чадли Помроя. Сааб лежал на земле без сознания. Электрическое ружье откатилось всего на несколько шагов. Будь Том помоложе, наверняка схватил бы его и вытворил что-нибудь героическое, но сейчас он ужасно боялся нового приступа, и птиц тоже боялся, причем так сильно, что едва мог пошевелиться.

Когда началась птичья атака, Рен, Тео и Кэт только-только вышли из-за холмов металлолома к западу от Крауч-Энда. Они услышали звон колокола, и девчонки застыли на месте, не понимая, что происходит: внизу метались люди, убегая от стремительных птиц.

– Там папа! – сказала Рен, увидев Тома, распростертого на земле рядом с Чадли Помроем.

Она обернулась к Тео, но Тео уже и сам увидел Тома и бегом кинулся к нему. Рен едва могла его рассмотреть против солнца в мелькании птиц.

Кэт всхлипнула от страха. Рен выхватила у нее арбалет и отщелкнула предохранитель. Эти лондонцы все время строили из себя великих вояк, но на самом деле для них все было игрой; они еще не видели настоящего насилия. А Рен видела, и, хотя понимала, что после будет трястись как желе, сейчас она была абсолютно спокойна. Она прицелилась в птицу, пикирующую на Тео, и пробила ее стрелой за миг до того, как птица достигла цели. Одна арбалетная стрела не убьет птицу-Сталкера, но силой удара ее отбросило в сторону, и Тео побежал дальше, так и не узнав, что ему грозило.

А птица переключила внимание на Рен. Та выдернула из колчана Кэт еще одну стрелу, но заново взвести арбалет уже не успевала – птица доберется до нее быстрее. Рен бросила арбалет, схватила из кучи лома у обочины искривленный кусок железной трубы и шмякнула птицу, уже нацелившуюся на нее когтями. Кэт тоже подобрала какой-то железный обломок, и они вместе расколошматили бьющуюся на земле птицу.

Тео, пробежав уже половину расстояния до Тома, вдруг сообразил, что

не представляет своих дальнейших действий. Он побежал, потому что хотел показаться храбрым в глазах Рен, и еще он всегда считал, что мистер Нэтсуорти не в состоянии сам позаботиться о себе. По земле скользили птичьи тени, в лужах мелькали отражения крыльев. А у Тео и оружия-то нет…

Неподалеку от Тома и старика на земле лежало серебристое ружье. Тео нырнул рыбкой и дотянулся до него, чувствуя, как когти рванули воздух над самой головой. Перекатился, перехватил ружье поудобнее, нашарил спусковой крючок в хитросплетении проводков и трубок. Лучше бы это было что-нибудь попроще – все солдаты знают, что кое-как восстановленные олд-тековские штучки-дрючки крайне ненадежны. Но Тео сказал себе: не до жиру – и прицелился в пролетающую птицу. Нажал, надеясь, что это действительно спусковой крючок; из ружья ударила молния, и дымящаяся птица шлепнулась к его ногам. Обалдев от неожиданности, Тео встал и навел ружье на другую птицу. Когда он сбил четвертую, лондонцы начали его замечать, но они уже и сами стреляли. Из таких же, как у него, ружей с треском вылетали разряды, повсюду падали обугленные птицы, перья сыпались дождем.

А потом внезапно все закончилось. Последняя птица улетела на восток, держась на такой высоте, что ее не доставали электрические разряды. Колокол все звонил и звонил, пока кто-то не сказал дежурившей возле него девушке, что уже можно остановиться. Люди, настороженно озираясь, выползали из нор и щелей, отряхивали ржавчину с одежды, молчаливые и бледные от потрясения. Раненые стонали, звали друзей на помощь…

– Почему птицы напали? – спрашивали все. – Столько лет не нападали, и вдруг… Почему именно сейчас?

– Это была не настоящая атака, – сказал Тео.

Его затрясло – он представил, что бы с ним было, если бы в стае оказались не птицы-разведчики, а тяжелые штурмовики.

– Это была проверка. Они просто хотели оценить, сколько у вас сил…

Он огляделся, впервые как следует рассматривая это странное поселение.

Лондонцы, в свою очередь, уставились на него, недоумевая, откуда взялся этот молодой человек в форменной одежде врага.

Том с трудом встал и начал помогать Чадли Помрою тоже подняться на ноги. Сердце колотилось у него в груди, но приступа не было. Всего один тревожный симптом: галлюцинация, которая никак не хотела исчезнуть. Ему мерещилось, что рядом стоит Тео Нгони с электрическим ружьем.

– Здравствуйте, мистер Нэтсуорти, – сказала галлюцинация и нерешительно помахала рукой.

Тут подбежала Рен – перемазанная грязью, со ссадиной на лбу, но в остальном невредимая, слава Квирку. Подбежала и кинулась его обнимать, спрашивать, цел ли он, а потом сказала:

– Папа, это Тео. Помнишь Тео? Он из Африки приехал, нас искал.

Глава 37
Любовь среди развалин[34]

Время было не самое удачное для появления в Лондоне молодого антидвиженца в шинели Зеленой Грозы. Люди были злы и напуганы, они грозили кулаками в сторону Шань-Го и спрашивали: что они такого сделали моховикам, за что на них нападают? Для Тео все могло обернуться довольно плохо, если бы не одна деталь: он сбил пять кошмарных птиц.

– Это ничего не значит! – разорялся мистер Гарамонд. – Может, все это – часть их плана, чтобы мы ему поверили, приняли его, а он потом нас всех убьет, пока мы спокойно спим в своих кроватях!

Но Помрой велел ему заткнуться; молодой человек спас и его, и множество других людей, и лично он, Помрой, готов с радостью его приветствовать.

Том и Рен его поддержали. Рассказали, как Тео летал с ними на «Дженни Ганивер» и, находясь в движущемся городе Ком-Омбо, совсем не стремился никого убивать. Постепенно, неохотно люди признали, что Тео, возможно, не агент Зеленой Грозы, а просто чужеземец, который забрел сюда случайно, и нужно проявить гостеприимство.

Раненым оказали медицинскую помощь, охрану поселения удвоили, электрические ружья перезарядили. Чадли Помрою изрядно досталось, но он утверждал, что в полном порядке. Он долго расспрашивал Тео о ходе войны, однако Тео мог рассказать очень мало. Чадли Помрой спрашивал как историк – все больше о тактике, о планах и решениях военачальников, а Тео не имел возможности составить о них представление, пока месил грязь вместе с отступающим войском.

Под вечер, когда заходящее солнце заглянуло в Крауч-Энд и в их тесную хибарку, Том и Рен смогли наконец-то залучить Тео к себе. За сладким пирогом и крапивным чаем, которые Рен притащила с общественной кухни, они рассказали ему о своих приключениях и выслушали его рассказ. Тогда Том впервые узнал, что Тео встретился с Эстер, что она спасла его в пустыне и обо всем, что за этим последовало, вплоть до той минуты, когда она поднялась на корвет с леди Нагой.

Пока Тео рассказывал, Рен держала отца за руку, а у него в глазах стояли слезы. Но сказал он только:

– Где Эстер сейчас?

Тео покачал головой:

– На фронте была такая каша… По-моему, их дирижабль благополучно отбыл. Но она нигде не пропадет. Я не встречал другого такого храброго человека и такого сильного. И мистер Шрайк за ней присмотрит…

– Шрайк! – Том покачал головой. – Значит, это действительно его вы, ребята, встретили тогда на Облаке-девять. Я думал, что окончательно его уничтожил на Черном острове. Противно думать, что старый изверг снова ходит по земле.

– Мистер Нэтсуорти, если бы не он, меня бы здесь не было, – сказал Тео. – Он изменился, после того как Энона его перевоскресила.

Том верил Тео, но все равно не мог отогнать воспоминания о прежнем Шрайке, безумном и беспощадном, который гнал его через Ржавые болота двадцать лет назад. А теперь Шрайк и Эстер снова вместе, как раньше, когда она была маленькой. Нахлынуло непривычное для Тома горькое чувство. Он ревновал к древнему Сталкеру.

Вечером, когда солнце опустилось в дымку на западе и небо над развалинами окрасилось лиловым, Рен повела Тео в Родильное отделение – пусть сам посмотрит, что́ там строят лондонцы. Рен волновалась. Тео был хоть и умеренным, цивилизованным, но все-таки антидвиженцем. Его с детства приучали бояться движущихся городов и ненавидеть их. Но Новый Лондон стал ей дорог, и хотелось показать его Тео. Рен было необходимо знать, как Тео к нему отнесется.

Когда они пришли в ангар, Тео долго стоял и смотрел на новый город. Рен рассказала, как его строили и как должны действовать отражатели. Она не могла понять, что думает Тео и слушает ли он вообще.

– Но колес-то нету, – сказал он наконец.

– Я же говорю – колеса ему не нужны! Так что можешь не смотреть с таким подозрением, он не повредит твоей драгоценной зеленой земле, не раздавит ни одного цветочка или кролика. По сути, это вообще не город, а скорее – огромный низко летающий дирижабль.

Они вошли в густую тень под днищем Нового Лондона. У них над головой инженеры ползали, как пауки, по городскому Брюху, что-то налаживали и чинили. По всему ангару стояли, дожидаясь погрузки, штабеля бочонков с водой и ящиков с солониной, переносные курятники с квохчущими курами и целые горы консервов, добытых на затерянных складах и в бакалейных лавках в самом центре развалин. Даже домики, в которых так долго жили лондонцы, разбирали на части и на тележках и волокушах везли в ангар, чтобы погрузить в трюм. Когда Рен и Тео вышли

из ангара, им навстречу двигалась целая вереница жителей с тележками, поднимая тучи пыли и ржавчины. В северном конце Родильного отделения раздавались голоса Лена Пибоди и его приятелей: они расчищали от обломков площадку перед входом и устанавливали заряды взрывчатки, чтобы обрушить двери ангара, когда придет время Новому Лондону отправляться в путь.

– Ну, что думаешь? – спросила Рен.

Ее пугало, что Тео все еще молчит. Она увела его с тропинки в узкую расщелину, где росли яблони, решив, что для моховика, наверное, будет легче находиться здесь, среди шелестящих листьев. Может, он приободрится, глядя, как природа возвращается в развалины.

– Скажи! – попросила Рен.

– Ты точно решила улететь? – спросил Тео.

– Да, – ответила Рен. – Папа хочет с ними. И я тоже. Я хочу стоять на борту Нового Лондона и чувствовать, как он мчится в новые неведомые края.

– И охотиться?

– Торговать, как раньше Анкоридж.

– Большие города станут охотиться на вас.

– Не поймают!

В кустах затрепыхалась птица. Всего-навсего черный дрозд, но Рен и Тео вздрогнули и придвинулись поближе друг к другу.

– Понимаешь, – сказал Тео, – я ничего этого не ожидал. Я думал, вы тут просто исследуете…

– Это Пеннироял виноват! – сказала Рен. Когда она волновалась, всегда начинала болтать без умолку. – Если бы мое письмо у него не размокло, ты бы знал про теорию Вольфа Кобольда…

– Тсс… – Тео прижал ей палец к губам. – Я думал, ты в опасности, раз варвары снова двинулись на восток. Надеялся, что найду тебя и заберу вас с отцом к нам в Загву.

«Фу-ты!» – подумала Рен. Она надеялась, что Тео снова ее поцелует, а теперь стало ясно, что ничего не выйдет. Он – моховик, она – горожанка. Он ни за что не одобрит Новый Лондон. А потом она подумала: «Да какая разница?» Все идет к тому, что их обоих еще до завтрашнего вечера если Хэрроубэрроу не съест, так птицы-Сталкеры заклюют.

И тогда она сама его поцеловала.

Электронный глаз сфокусировался на Рен и Тео, рассматривая с увеличением пятнышко тепла среди холодного металла. Компьютерный

мозг за долю секунды обработал данные и забыл о них. ОДИН перевел взгляд на запад, стремясь постичь непонятный мир, который увидел при пробуждении. Где обширные города его прежних хозяев: Нью-Йорк и Сан-Анджелес, которые ему полагалось охранять с орбиты? Откуда взялись новые горные цепи? Новые моря? И что за громадные автомобили ползают по Европе, волоча за собой длинные шлейфы выхлопного газа?

Древнее оружие цеплялось за единственную знакомую деталь в изменившемся мире: поток закодированных данных, серебряной нитью тянущийся откуда-то из горных районов центральной Азии.

Глава 38
Миллион голосов ветра

Для городов война шла хорошо. Потеряли Панцерштадт-Винтертур, а Дармштадт и Дортмундский конгломерат сгинули где-то в Ржавых болотах, зато остальные встречали на диво слабое сопротивление. Крылатые машины горожан кружили в дымном небе, нападая на отступающие дирижабли Зеленой Грозы, а городские дирижабли – орудийные платформы, подвешенные на бронированных баллонах, – приманивали к себе поближе стаи птиц-Сталкеров и разносили их в слизь и перья.

Когда стало ясно, что войска Грозы разбиты, Эдлай Браун решил, что настала пора Манчестеру сыграть свою роль. Через пару недель вернутся старые добрые времена муниципального дарвинизма, и Манчестер должен оказаться на вершине пищевой цепочки. Город собрал вокруг себя эскорт из пригородов-жнецов и покатился на восток, не смыкая челюстей, набивая брюхо обломками крепостей и сторожевых башен, крестьянских домов и амбаров, и ветряков-электрогенераторов.

Когда Рен целовала Тео в развалинах Лондона, Манчестер пробивался через молодые лесопосадки к стационарному поселению под названием Передовое командование. Вокруг города носились на бреющем полете Летучие Хорьки, поливая ураганным огнем ракетные установки моховиков. А впереди, как охотничьи псы, мчались бронированные пригороды – Вервольф и Эверкрич.

Откуда-то из цитадели моховиков поднялись в небо Лисицы-оборотни и взяли курс на Манчестер. Орла Дубблин подала сигнал своей эскадрилье. Хорьки собрались вместе и ревущей стаей рванулись навстречу дирижаблям. Строй дирижаблей распался, Лисицы уходили в стороны, рассыпая ракеты «воздух – воздух». Орла выругалась – только что у нее по правому борту гирокоптер «Большой синий плимут»[35] столкнулся лоб в лоб с ракетой. Все заволокло дымом. Орла села на хвост Лисице-оборотню, которая выпустила ракету, и погнала на запад, выстрелами из пушки «Комбата Вомбата» выдирая у противника куски стабилизаторов. Она прошила бок Лисицы зажигательными пулями и смотрела, как одна за другой вспыхивают газовые ячейки. Вокруг гондолы белыми цветками распустились спасательные воздушные шары – команда покидала горящий дирижабль. Некоторые авиаторы считали спасательные шары прекрасной мишенью для тренировки в стрельбе, но Орла всегда твердила, что Хорьки

расстреливают воздушные корабли, а не людей, поэтому она описала широкую дугу вокруг падающего дирижабля и повернула назад, чтобы помочь своим боевым товарищам.

Когда до Манчестера оставалось около трех миль, небо раскололось. Раздался рев и пронзительный вой. Отчаянно стараясь не дать «Вомбату» уйти в пике, Орла увидела, как небосвод перечеркнуло лезвие белого пламени. Полотняные крылья «Вомбата» задымились. Призывая всех богов и богинь, Орла принялась поливать горящие участки пеной из огнетушителя. Небо наполнилось дымом и светом. Орле показалось, что огненный клинок повернул на север, к одному из пригородов Манчестера. Когда он ушел дальше и ревущий, воющий звук затих, Орла поняла, что у «Вомбата» отказали двигатели, и снова их завести не получилось.

Планируя над горящими лесами на восходящих потоках воздуха, Орла взяла курс на Манчестер, но Манчестер застыл неподвижно. Броня его была пробита, гусеницы разломаны, а над рухнувшими ярусами в опаленное небо рвались языки пламени. Орла даже не представляла, что огня может быть так много. Она облетела вокруг остова, плача от ужаса, – столько мертвецов и умирающих!.. А она ничем не может помочь. Орла взяла курс на северо-запад, ища места, где приземлиться. Свет в небе погас, но остался след из лесных пожаров на равнине и кое-где – огромные погребальные костры там, где раньше стояли города.

Наконец, когда вечерняя прохлада остудила воздух и «Комбат Вомбат» начал терять высоту, впереди показался бронированный город. Это был Мурнау – неподвижный, но целый. Дозорные узнали летучую машину Орлы и открыли для нее проход. Орла посадила «Вомбата» на Убер-ден-Линден и почувствовала, как подломились колеса, а потом и шасси. Машина заскользила, теряя скорость, под треск ломающегося дерева и лопающихся тросов и хлопанье рвущегося полотна. Она и не догадывалась, как сильно обгорела ее несчастная этажерка. Не сознавала, как обгорела она сама, пока не увидела, как на нее смотрят подбежавшие на помощь люди. Розовый летный комбинезон почернел, и лицо тоже, только светлые круги остались вокруг глаз, где кожу прикрывали защитные очки.

От перчатки тоже повалил дым, когда Орла отмахнулась от медиков и, шатаясь и кашляя, побрела к ратуше. Она должна кому-нибудь рассказать о том, что видела; насколько могла судить, кроме нее, никто не спасся.

– Мне нужно к кригсмаршалу, – еле выговорила она, отплевываясь.

Фон Кобольд встретил ее на ступенях ратуши.

– Мисс Дубблин? Этот свет… пожары… Мы потеряли связь с Манчестером, Бреслау, Молох-Машиненштадтом… Что за чертовщина там

творится?

– Манчестера больше нет, – ответила Орла и начала падать.

Фон Кобольд ее подхватил, сам перепачкавшись в крови и саже.

– Они все погибли, – сказала Орла. – Разворачивайте город, бегите! У Грозы новое оружие, уничтожает вообще все…

– Курьер, господин! Известия с фронта!

Голос адъютанта эхом разносится по залу военных советов в Нефритовой пагоде и отдается в голове у генерала Наги. Он не может понять, с чего помощник так разволновался. Целую неделю без конца прибывают курьеры с фронта, и всегда с плохими новостями. Нага уже толком не знает, где сейчас фронт. Удача окончательно его покинула. Наверное, умерла вместе с Эноной.

– Генерал Нага!

Ну вот он, этот пресловутый курьер. И посмотреть-то не на что: офицерик с круглым, как луна, лицом, с какого-то затерянного в горах на западе поста прослушки…

– Ну что?

Мальчишка кланяется так низко, что из нагрудного кармана выпадают карандаши и со стуком раскатываются по полу.

– Тысяча извинений, генерал Нага! Мне пришлось явиться лично. Всех птиц-Сталкеров забрали на фронт, а радиосообщения не доходят из-за помех…

– Так в чем дело? – рявкает Нага.

Вернее, пытается рявкнуть, но получается скорее досадливый вздох.

– Госпожа Нага, господин генерал!

Как блестят глаза у этого мальчишки! Наверное, война уже шла, когда он родился?

– Господин, она жива! От генерала Сяо прислали птицу-Сталкера. Прилетела в сильно поврежденном виде, но мы разобрали послание. Госпожа Нага возвращается домой.

Всего минуту назад мальчишка казался совсем неинтересным, лицо как непропеченная лепешка, а ведь на самом деле он замечательно хорош собой! Храбрец, умница. О чем только думают в Зеленой Грозе – такой прекрасный молодой человек занимается доставкой сообщений с отдаленных постов прослушки! Нага тяжело поднимается на ноги. Механический доспех несет его к столу, где расстелены карты.

– Повысить этого юношу до лейтенанта! Нет, капитана!

Генерал Нага снова чувствует себя почти молодым. Энона жива! Сто

новых стратегий расцветают в голове, словно брошенные в воду бумажные цветы. Хоть одна из них уж наверное остановит наступление городов.

Она жива! Жива!

Нага так счастлив, что проходит целая минута, прежде чем он вспоминает о девушке, которая явилась к нему из пустыни и так живописно рассказывала о гибели Эноны.

Он выхватывает меч у какого-то военачальника. Офицеры и Сталкеры разбегаются с дороги, когда механический доспех выносит его из комнаты и движется вверх по лестнице.

– Генерал Нага? Господин? – кричит кто-то сзади.

– Бестолочь! Служанка, Рохини! – рычит он в ответ.

Или старается рычать. В его мозгу наконец-то забрезжила истина. «Что она со мной сделала?»

– Зовите стражу!

Но на самом деле он не хочет, чтобы стража с ней расправилась. Он хочет сделать это сам, вот этим добрым мечом. Хочет расколоть ее голову, как арбуз.

Добравшись до двери ее комнаты в дальнем конце западного крыла, Нага не останавливается, чтобы постучать. Доспех разносит дверь в щепки. Стряхивая с себя обломки антикварной древесины, Нага поднимается на пять пролетов лестницы, в комнату Рохини. Она встает ему навстречу, прелестная и невозмутимая, как всегда. Огромное окно у нее за спиной выходит на залитый лунным светом балкон.

– Моя жена жива, – говорит Нага. – Летит сюда. Будешь и дальше притворяться немой или у тебя найдется что сказать напоследок?

Мгновение она смотрит на него в растерянности – испуганная, оскорбленная. Затем понимает, что это больше не прокатит, и смеется:

– Старый дурак! Я рада, что она жива. Теперь она увидит, к чему привело ее драгоценное перемирие! На грань полного уничтожения! Даже ты не станешь больше слушать ее движенческие басни!

– О чем ты?

– Все еще не понимаешь? – Смех Рохини отдает безумием. – Она работает на них! С самого начала! Как ты думаешь, почему она вышла за тебя? Нага, ты, вообще-то, не то чтобы воплощенная девичья мечта. Половина человека, упакованная в лязгающую броню. А скоро и того не останется. Я убью тебя, генерал, а твои люди взбунтуются и прикончат твою предательницу-жену. И тогда они смогут как следует встретить нашу настоящую предводительницу, когда она снова явит себя нам.

– Что ты… – начинает Нага.

И запинается, потому что Рохини вдруг срывает с себя пышную прическу, – оказывается, это был парик, а под ним прятались короткие белокурые волосы (странный контраст со смуглым лицом) и маленький газовый пистолет, из которого Рохини и стреляет в генерала. Нагрудная пластина доспеха спасает Нагу от пули, но силой удара его отбрасывает назад. Он падает и с грохотом съезжает по лестнице.

– …такое говоришь? – заканчивает он вопрос, лежа на спине среди обломков разбитой двери и глядя в потолок.

На верхней ступеньке лестницы появляется Рохини – или как там ее зовут на самом деле. Пистолет все еще у нее в руке. На этот раз она целится в лицо, а не в броню.

С той же улыбкой она говорит:

– Синтия Туайт, из особой разведгруппы Сталкера Фанг. Кое-кто из нас, генерал, остался верен. Мы знали, что она восстанет вновь.

– Ты меня отравила! Чай!

– Точно! – весело щебечет девушка. – А сейчас я закончу то, что нача…

Только закончить она не успевает даже свою фразу. В эту самую секунду в окно врывается столб света – до того яркий, что кажется твердым, вещественным, до того раскаленный, что и Синтия, и все остальное в комнате мгновенно воспламеняется. Рев и вой пламени заглушают ее крики. Лежа в тени у подножия лестницы, Нага чувствует, как жаром опаляет лицо, – будто дохнуло из плавильной печи. Пылающая Синтия наверху – словно искривленная черная ветка. Слышно, как трескается каменная кладка. Нефритовая пагода кренится набок, будто ей надоело стоять на горном склоне. Нага пытается встать, но механический доспех не слушается. Свет постепенно гаснет. На генерала сыплется пепел Синтии.

– Помогите! – кричит он в дыму. – На помощь!

Позади него древняя каменная стена уходит в сторону, будто отдернули занавес. Центральная часть Нефритовой пагоды рухнула. Нага смотрит в долину, где только что стоял Тяньцзин. Сейчас там лишь огонь и миллион скорбных голосов ветра.

Глава 39
Отсвет пожаров

Когда Рен и Тео собрались вернуться в Крауч-Энд, Рен вдруг смутилась. Они пробыли наедине в закоулке среди развалин гораздо дольше, чем Рен планировала. Кажется, она наконец освоила умение целоваться, но теперь ей чудилось, что все вокруг знают, чем они занимались. Даже когда она выпустила руку Тео, между ними как будто проскакивали искры, и оба то и дело поглядывали друг на друга.

Но как выяснилось, половина лондонцев столпилась на открытой площадке у входа в Крауч-Энд и никто даже не посмотрел на Рен и Тео. Все смотрели на запад. Рен тоже повернулась в ту сторону и увидела, что небо над колючими, словно гребень на спине динозавра, очертаниями развалин отсвечивает красным – словно там, за горизонтом, полыхает гигантский пожар.

– Мистер Луперини, что это? – спросила Рен, разглядев в толпе папу Кэт. – Война?

Луперини пожал плечами. Ветер приносил странные, потусторонние звуки: отголоски далекого визга и воя. Призрачное светящееся крыло озарило полнеба на западе, заставляя померкнуть звезды. Рен снова схватила Тео за руку.

– Напоминает ту ночь, когда мы шандарахнули Байрёйт, – заметил кто-то.

– Рен! – К ним подбежал Том. – Я голову сломал, куда ты подевалась. Тео, что скажешь обо всем этом?

Тео покачал головой:

– Давно это творится?

– С полчаса. Вы же наверняка заметили ту первую вспышку?

– Э-э… – сказала Рен.

Тео нахмурился, глядя в небо:

– Если это перестрелка, то я такой никогда в жизни не видел.

Доктор Эброл прибежал рысцой по тропинке от поста прослушивания на самом краю развалин – там он перехватывал радиосообщения Зеленой Грозы и приближающихся городов. Лондонцы мигом его обступили, наперебой спрашивая, что он услышал в эфире.

– Трудно сказать. – Он явно нервничал. Очки сверкали, отражая небо. – Какие-то помехи, ничего толком не разберешь. Но похоже…

Похоже, что…

– Что? Что? – напирали вокруг.

Доктор Эброл сглотнул, так что дернулся кадык.

– Несколько городов полностью уничтожены. – Ему пришлось повысить голос, чтобы перекричать бурю возгласов, ругательств, охов и ахов. – Манчестер. Другие города «Гезельшафта», пригороды…

– Олд-тек! – воскликнул Чадли Помрой.

Он вышел в халате посмотреть, из-за чего шум.

– Больше нечему! Зеленая Гроза раздобыла какое-то оружие Древних…

– А почему они столько ждали и только сейчас пустили его в ход? – спросила Клития.

– Кто их знает. Может, они сами его боятся. Оно, видимо, чудовищно мощное.

– Где они его нашли? – раздались голоса. – Что это вообще такое?

Лурпак Флинт встал за спиной Клитии, обхватив ее руками.

– Возможно, нашли не на Земле. Вспомните, от Древних осталось оружие на орбите. Что, если Зеленой Грозе удалось его разбудить?

– На частотах грозовиков тоже идут просьбы о помощи, – сказал доктор Эброл. – Сообщают о взрыве в Тяньцзине. Все известия очень противоречивые, увы.

– Может быть, города «Гезельшафта» отправили в Тяньцзин дирижабли, надеясь взорвать передатчик, который управляет этим оружием? – предположил Помрой.

В небе снова сверкнула арктически-белая вспышка.

– Непохоже, чтобы они его разбомбили, – сказал Лен Пибоди. – Плохо дело, да? Я хочу сказать – что помешает моховикам направить свою игрушку на Новый Лондон, как только мы попробуем улететь?

Чадли Помрой со вздохом пожал плечами:

– Ничто не помешает. Это действительно проблема. Но мы тут ничего поделать не в силах. Можем только молиться Квирку, и Клио, и всем богам, чтобы грозовики посчитали нас слишком ничтожными и недостойными выстрела из их нового супер-пупер-оружия. В конце концов, Новый Лондон совсем маленький. Если Квирк смилостивится, может, мы еще и ускользнем. Полетим на север, подальше от этого кошмара. Я бы не прочь перед смертью увидеть Ледяные Пустоши…

Он чуть повысил голос. Люди вокруг прекратили таращиться в небо и прислушались.

– Все это не меняет наших планов! Может даже помочь, хоть и

ужасным способом, задержать Хэрроубэрроу. Так что ложитесь-ка спать и постарайтесь отдохнуть хорошенько. Любуясь фейерверками, мы ничего не добьемся, а завтра у нас много работы. Меня, например, в сон клонит.

Лондонцы начали понемногу расходиться – по одному, по два. Том узнавал выражения лиц у тех, кто проходил мимо. Такие лица он видел девятнадцать лет назад в Батмунх-Гомпе. Так смотрят люди, которые только что узнали, что самой могущественной силой на Земле стала цивилизация, во всем противоположная их собственной. Несмотря на отважную речь Помроя, им было страшно.

Только Рен и Тео казались спокойными. Они шли, обняв друг друга за талию, и о чем-то тихо разговаривали. Они не верили, что неведомое древнее оружие может встать между ними; воображали, что их чувство сильнее Грозы, и городов, и всех олд-тековских устройств на свете. Том не стал им мешать и долго смотрел вслед, вспоминая, как чувствовал то же самое – с Эстер.

Он вернулся в Крауч-Энд с Чадли Помроем. Старик шел медленно, как будто нападение птиц-Сталкеров подкосило его сильнее, чем он соглашался признать, но, когда Том предложил опереться на его руку, он только отмахнулся:

– Я пока еще не совсем инвалид, ученик Нэтсуорти! Хотя, должен сказать, с тех пор как вы с дочкой к нам прибыли, жизнь пошла совсем веселая. Птицы, пригороды и свистопляска с каким-то вселенским оружием… Ни минуты покоя.

На западе вновь мелькнул бледный сполох – на этот раз ярче, и Тому показалось, что белое световое лезвие полоснуло по небу, затмевая звезды, и ударило в землю с неизмеримой высоты. И опять донесся слабый отголосок визжащего, воющего звука.

– Квирк всемогущий! – прошептал Том.

– Да уж, эти Древние если и валяли дурака, то всерьез.

– Выходит, Лурпак прав? Это оружие в самом деле на орбите?

– Возможно, – ответил Чадли Помрой. – Там до сих пор много всякого крутится. В старинных документах перечислено несколько видов оружия, которое Древние предположительно подвесили в небе. Алмазный Нетопырь, Чинджу-четырнадцать[36], Девять Сестер, ОДИН. Большинство их, по всей вероятности, уничтожили в ходе Шестидесятиминутной войны, или они за минувшие тысячелетия сошли с орбиты и упали на Землю. Но возможно, какое-то оружие до сих пор там – и люди Наги сумели его разбудить.

– ОДИН, – проговорил Том. – Где-то я уже слышал это название…

– Квирк сохрани и помилуй! Так ты все-таки слушал хоть иногда у меня на лекциях, Нэтсуорти! – хмыкнул Чадли Помрой, но голос его звучал устало.

Том пошел дальше, думая, что старому историку вредно долго находиться на холоде. Все равно белых вспышек больше не было, остался только зловещий красноватый отсвет на западе.

– ОДИН – сокращенный вариант названия «Оборонная динамическая инициатива», – снова заговорил Чадли Помрой. – Это оружие разработали в Американской империи во время последней отчаянной гонки вооружений с Великим Китаем. Где, интересно, наши друзья-моховики откопали коды доступа?

– Квирк всемогущий! – вскрикнул Том с такой тревогой в голосе, что Помрой снова остановился и оглянулся на него:

– Все в порядке, Нэтсуорти?

– Да, – соврал Том.

Он вспомнил, почему название «ОДИН» показалось ему знакомым. Это было единственное слово, которое удалось разобрать среди тысяч символов и цифр, нацарапанных на страницах Жестяной Книги Анкориджа. Рен помогла Пропащим Мальчишкам украсть эту реликвию в Винляндии. Том почти забыл о книге – был уверен, что она погибла при падении Облака-9. Видимо, люди Наги забрали ее с собой в Шань-Го и с ее помощью вызвали к жизни ужасное небесное оружие.

Том попросил:

– Пожалуйста, не говорите об этом Рен.

Чадли Помрой снова хмыкнул и толкнул Тома локтем:

– Не хочешь портить ей романтику, а? Ну и правильно. Приятно видеть, что наша молодежь занимается серьезными вещами – влюбляются, не отвлекаясь на пустяки. И мне нравится Тео Нгони. Они подходят друг другу.

– Если выживут, – сказал Том. – Если кто-нибудь из нас выживет.

– Это уж решит история, – ответил Чадли Помрой. – Я всю жизнь изучаю историю и одно усвоил точно: против нее не попрешь. История – как река в половодье, подхватит тебя и утащит с собой. Великие люди, вот как Нага и ребята из «Гезельшафта», пробуют хоть какое-то время плыть против течения, а мы люди маленькие, нам лишь бы голову над водой держать, пока силенок хватит.

– А когда мы утонем? – спросил Том. – Что тогда?

Помрой засмеялся:

– Тогда придет еще чья-нибудь очередь. Например, твоей дочки и ее

молодого человека. Дочь лондонского историка и антидвиженец… Возможно, за ними будущее.

Они подошли к его уютной хибарке с книжными полками по стенам. Помрой пожал Тому руку, прощаясь, а Том вдруг сказал:

– Мистер Помрой, если со мной что-нибудь случится, позаботьтесь о Рен, пожалуйста, хорошо?

Помрой нахмурился. Кажется, он хотел отшутиться, но, поняв, насколько Том серьезен, просто кивнул.

– За нею Тео присмотрит, – сказал Чадли Помрой. – Ну и я, конечно, сделаю, что смогу, если понадобится. Как и Клития, и всякий лондонец. Не волнуйся за нее, Том.

– Спасибо.

Они постояли еще немного. Потом Чадли Помрой сказал:

– Что ж, спокойной ночи, ученик Нэтсуорти.

– Спокойной ночи, лорд-мэр. Вам точно не нужно…

– Нечего надо мной хлопотать! – добродушно усмехнулся Помрой. – Я пока еще способен самостоятельно улечься в постель. И не тревожься слишком о Грозе, о Хэрроубэрроу и прочем. Лондон справится.

Он зашаркал прочь, а Том пошел в свою хибарку, где отныне будет жить и Тео. Но, подойдя, он услышал из-за двери голоса Рен и Тео, – должно быть, они ждали, когда он вернется. Они разговаривали совсем тихо, слов не разобрать, но Том и так знал о чем. Они говорили друг другу все то же, что когда-то – сам Том и Эстер. То, о чем говорят между собой влюбленные, воображая, что до них никто и никогда этого не говорил.

Том не хотел мешать. Он повернулся и побрел к мусорным холмам. Шел медленно, чтобы не нагружать сердце. Небо на западе побагровело. «Я должен что-то сделать, – думал Том. – До сих пор я так мало сделал для Нового Лондона. Одни неприятности от меня. А ведь на мне в каком-то смысле ответственность; это дело семейное. Но разве могу я надеяться остановить ОДИН? Я даже не знаю, откуда Гроза им управляет…»

А потом он подумал: «Может, мне не под силу остановить ОДИН, но, возможно, я сумею сделать так, чтобы они не применили его к Новому Лондону».

Генерал Нага – хороший человек. Рен рассказывала, как он по-человечески отнесся к ней на Облаке-9, какой он справедливый. Возможно, он пустил в ход это оружие с отчаяния, потому что и сам напуган. Такой человек может прислушаться к голосу разума. Если он встретится с кем-нибудь из лондонцев и узнает о Новом Лондоне из первых рук, наверное, он поймет, что с этой стороны Грозе нечего опасаться?

Тома затрясло с такой силой, что пришлось присесть. Возможно ли устроить встречу? По-видимому, да. У «Дженни Ганивер» хватит топлива долететь до Батмунх-Гомпы. И вдруг он вспомнил: Тео рассказывал, что Эстер спасла леди Нагу. Вдруг она сейчас в Шань-Го? Поможет ли она Тому убедить генерала Нагу его выслушать?

Когда он вернулся в Крауч-Энд, оказалось, что времени прошло больше, чем он думал. Рен и Тео не дождались его и заснули. Том тихонько прошел мимо них к своему рюкзаку, достал карандаш и бумагу и написал дочери записку. Положил рядом с лежанкой, постоял немного, глядя на Рен, – слушал ее дыхание, смотрел, как чуть подрагивают ее пальцы во сне, точно так же, как когда она была совсем малышкой. Поцеловал ее в лоб, а она улыбнулась сквозь сон и покрепче прижалась к Тео.

– Спокойной ночи, маленькая Рен, – прошептал Том. – Сладких снов тебе…

Потом он вышел из дома, взвалил на спину рюкзак и зашагал по Холлоуэй-роуд туда, где была пришвартована «Дженни Ганивер».

На равнине к западу от Лондона Вольф Кобольд стоял на своем любимом наблюдательном пункте, на бронированном хребте Хэрроубэрроу. Пригород зарылся в пологий глинистый холм, выставив наружу только тщательно закамуфлированные ракетные установки и дозорные вышки. С тех пор как расстался с Мурнау, пригород путешествовал исключительно по ночам. Несмотря на поражение Зеленой Грозы, здесь все-таки была вражеская территория, а Вольф не хотел отвлекаться в пути на разные нелепые стычки.

Но этой ночью им все-таки помешали, хотя и несколько иначе.

Глядя в полевой бинокль, Вольф насчитал семь… девять… двенадцать огромных костров, полыхающих к западу от Хэрроубэрроу. Он был слишком молод, чтобы помнить МЕДУЗУ, но именно это название сразу пришло ему на ум. Дозорные – все люди надежные, проверенные – сообщали о том, что с неба ударил световой клинок и от него вспыхнули пожары. Вольф запрокинул голову, рассматривая звезды. Сейчас они казались совершенно безобидными.

Скрипнул, открываясь, люк, и на броню выбрался Хаусдорфер.

– Ну что?

– Поговорил с радистами, – сказал Хаусдорфер. – Они пробовали связаться с Манчестером, Винтертуром, Кобленцем. Безрезультатно. От Дортмунда пришел сигнал бедствия, а потом они тоже замолчали.

Вольф перевел взгляд на пылающий горизонт:

– Что насчет Мурнау?

– Не могу сказать. На всех частотах идут помехи. Но похоже, моховики нашли себе новую игрушку.

Хаусдорфер ждал приказа. Не дождался.

– Нам поворачивать обратно или как?

– Поворачивать?

Вольф слегка удивился. Подумал и покачал головой.

– Знаете, Хаусдорфер, кто лучше всех выжил после Шестидесятиминутной войны? Тараканы и крысы. Это правда, я читал в книге по истории. Крысы и тараканы. Так пускай старые города сгорят. Пришло время Хэрроубэрроу. Время тех, кто хитер и умеет красться незаметно. Заводите двигатели. Курс на Лондон!

Часть четвертая

Глава 40
Что это с небом?

Эстер и ее спутники наблюдали через амбразуру в новой штаб-квартире генерала Сяо, как огонь обрушился с неба на города, приближающиеся к Передовому командованию, одним прикосновением превращая их в огромные факелы горящего топлива и раскаленного газа. Шрайк тоже был с ними, но он ничего не видел. Выбросы энергии загадочного оружия повлияли на столь же загадочные механизмы в его голове. В результате зрение ему отказало, а бронированное туловище беспомощно дергалось. Другим Сталкерам приходилось еще хуже: они уступали Шрайку в силе и у них не было рядом Эноны Зеро, чтобы оказать помощь. На рассвете защитники Передового командования обнаружили, что их боевые Сталкеры валяются там и сям в окопах, словно кто-то рассыпал оловянных солдатиков. Но это уже не имело значения – на западных равнинах, где недавно кишели города, пригороды и стаи дирижаблей, теперь не осталось ничего, кроме дыма.

– Что это с небом? – спросила Эстер, выглянув с утра в окно.

Она все еще чувствовала слабость из-за раны на голове. Сперва она решила, что висящая над крышами причудливая дымка – признак ухудшения ее здоровья: что-то не в порядке у нее с глазом или с мозгом. Но, судя по испуганным лицам Эноны и Пеннирояла, они видели то же, что и она.

Солнце встало бледно-розовое и какое-то съежившееся. С неба сыпались хлопья, как будто шел снег.

– Снег? Летом? – пожаловался Пеннироял.

– ЭТО ПЕПЕЛ, – объявил Шрайк. – В НЕБЕ ПОЛНО ПЕПЛА.

Генерал Сяо, пользуясь затишьем, отдала приказ починить «Фурию».

– Мы не можем связаться с Шань-Го, – сообщила она гостям. – Это новое оружие, видимо, повредило наши радиостанции. Поэтому я отправлю вас к Наге как курьеров. Нам нужны приказы. Что делать – наступать? Вернуть отнятые городами территории? Или просто ждать, пока они сдадутся?

Энона посмотрела на столбы дыма над мертвыми движущимися городами.

– Не могу поверить, что у Наги было такое оружие и он ничего мне не сказал. Не верю, что он пустил его в ход. Столько убитых. Ужас!

Генерал Сяо поклонилась:

– Я лично согласна с вашим превосходительством. Но не будем говорить об этом слишком громко. Личный состав в восторге от нового оружия.

И точно, по пути к причалу, где стояла «Фурия», четверо спутников слышали победные крики и пение, доносящиеся с нижних ярусов Передового командования, из окопов и крепостей вокруг. Выстрелы хлопали, как пробки от шампанского, – солдаты Зеленой Грозы на радостях выпускали в небо заряды, которые хранили для боев с городами. Когда от металлической палубы в нескольких шагах впереди отскочила пуля, они сперва решили, что это стреляная гильза.

– Поскитт милосердный! – возмущенно закричал Пеннироял. – Так и глаз кому-нибудь выбить можно!

Только когда прямо перед ними возник злой, взъерошенный солдат, на ходу досылая новый патрон в патронник, они поняли, что пуля предназначалась Эноне.

– Алеутка! – крикнул солдат, показывая на нее своим товарищам, которые спешили к нему. – Вот она, друзья! Алеутская предательница! Пыталась уничтожить Цветок Ветра и посадить на ее место Нагу!

Шрайк шагнул вперед, заслоняя Энону, и выпустил перстяные клинки. Приятели солдата шарахнулись назад, но он остался на месте, продолжая кричать:

– Алеутка, твое время вышло! Она восстала вновь! Все слышали весть! Неведомый Сталкер убил тысячу городских в Брайтоне! На священной горе нашли пиявку-амфибию! Сталкер Фанг вернулась!

Эстер схватилась за ружье, но Энона поймала ее запястье, не давая застрелить разозленного солдата.

– Нет. Оставь его. Кто знает, что ему пришлось пережить?

От причала к ним уже бежали люди генерала Сяо.

Когда солдата схватили, он закричал:

– У Наги кишка тонка столько городов спалить! Это ее победа! Сталкер Фанг вернулась в Тяньцзин и убила трусливого калеку! Лети домой, алеутка, она и тебя убьет!

Буяна уволокли прочь. Энона вся дрожала. Эстер подхватила ее под руку и скорее повела к причалу.

– Не волнуйся так, он пьяный или сумасшедший.

– Я СЛЫШАЛ ТЕ ЖЕ СЛУХИ ОТ ДРУГИХ ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫХ, – сказал Шрайк. – КОГДА ПОРАЖЕНИЕ КАЗАЛОСЬ НЕИЗБЕЖНЫМ, ОНИ УТЕШАЛИСЬ ВЕРОЙ В ТО, ЧТО

ПРЕЖНЯЯ ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА ВЕРНУЛАСЬ.

– Но ведь Фанг мертва, правда? – сказал Пеннироял, прячась за Сталкера. – Вы ее уничтожили!

– Она мертва, – сказала Энона. – Иначе и быть не может…

Но она все еще дрожала и полчаса спустя, когда «Фурия» уже уносила ее в замаранное пеплом небо, начиная обратный путь к Тяньцзину.

Лондон. После ночи наступил бессолнечный рассвет. Повсюду туман. Туман по окраинам развалин – там, где завалы обломков постепенно переходят в поросшую кустарником равнину. Туман в самом сердце развалин, клубится между высокими кучами ржавых кусков железа. Туман на дороге к Родильному отделению, туман на мусорных холмах. Туман вползает в домики Крауч-Энда, плотной пеленой окутывает ослепшие наблюдательные посты и замершие ветряки, виснет клочьями на оснастке «Археоптерикса» в секретном ангаре. Всю равнину укрыл такой толстый слой тумана, что птицы-Сталкеры не могут разглядеть Лондон, – только самые высокие груды обломков торчат скалистыми островками в сплошном белом море.

Рен проснулась от тревожного сна под равномерное кап-кап-кап с карнизов. Рядом – Тео (значит, он ей все-таки не приснился), а папы все еще нет. Нехотя Рен выбралась из тепла под боком у Тео и обошла стылую хибарку, заглядывая во все комнаты по очереди.

– Пап? Папа?

Письмо зашуршало под ногой, когда Рен вернулась к Тео. Спросонья ей пришлось дважды перечитать короткую записку, прежде чем она наконец поняла.

От ее крика проснулся Тео. Рен сунула ему листок.

Дорогая Рен!

Когда ты прочтешь это письмо, я уже буду в воздухе. Прости, что не попрощался, но, как ты мне написала когда-то, «иначе вы бы меня не отпустили». Я не хочу с тобой спорить, не хочу вспоминать тебя несчастной, плачущей или сердитой на меня. Хочу навсегда запомнить тебя такой, какой увидел сегодня, – в безопасности рядом с Тео.

Я попробую объяснить Зеленой Грозе, что Новый Лондон им ничем не угрожает. Новое оружие все изменило, но я верю, что генерал Нага – хороший человек и если он поймет, что мы, лондонцы, в сущности, такие же люди, как его народ, то

отпустит нас с миром. Быть может, я даже уговорю его совсем отказаться от этого оружия. Я должен хотя бы попробовать.

Надеюсь, через несколько дней я вернусь и успею увидеть, как Новый Лондон отправится в путь, но если я и умру, это не важно. Если честно, Рен, я уже умираю. Так сказал врач в Перипатетиаполисе. Я умираю давно и скоро в любом случае умру, с помощью Зеленой Грозы или без нее.

Самое странное – я этим не слишком расстроен, потому что знаю – ты будешь жить дальше и увидишь много разных чудес, и когда-нибудь, надеюсь, у тебя тоже будут дети, они будут тебя и тревожить, и радовать, совсем как ты – меня. Я думаю, этому как раз и учит история: жизнь продолжается, даже если умирают отдельные люди и рушатся целые цивилизации. Простые вещи существуют всегда, повторяясь заново в каждом поколении. Что ж, я пожил свое, теперь твоя очередь, а я постараюсь добиться, чтобы в мире, где ты будешь жить, стало одной угрозой меньше…

Рен уже надела куртку и шагнула за порог раньше, чем Тео дочитал. Он обрадовался поводу прерваться. Письмо было слишком личное. Казалось неправильным в него заглядывать.

– Куда ты идешь? – спросил Тео.

– В ангар, конечно!

– Он уже улетел… Он сам говорит…

– Я знаю, что он говорит, но мы же не знаем, когда он все это написал! Он болен. Может, дорога заняла у него больше времени, чем он рассчитывал.

Рен не плакала, просто злилась на Тома, что держал такое в секрете от нее. И как он собирается без ее помощи долететь до Шань-Го?

Они с Тео побежали вместе – остановились только прихватить фляжку с водой на общественной кухне. Англи помогала готовить завтрак. Рен сунула ей в руки письмо и сказала:

– Разбуди мистера Помроя, пусть прочтет!

И побежала дальше, не дав Англи времени закидать ее вопросами.

День был хмурый, пасмурный. Рен почудился запах дыма – как будто огромная туча пепла от убитых городов за ночь приползла и навалилась на Лондон. Дальше по тропе хмарь становилась гуще, и груды обломков справа и слева от дороги казались призраками.

– А это правда, что твой папа говорит? – спросил Тео на бегу. – У него

все так серьезно со здоровьем?

– Нет, конечно! – ответила Рен. – Это он нарочно, думает – я тогда не буду так расстраиваться, что он уехал в Шань-Го. У него иногда сердце покалывает, но от этого он пилюли пьет. Зелененькие такие.

Туман все сгущался. Ближе к восточному концу Холлоуэй-роуд уже на три метра впереди ничего было не разглядеть, а когда вышли из трубы, они оказались в мире сплошной белизны, даже лиц друг друга не видели, стоя рядом и держась за руки.

Сперва им показалось, что обоих дирижаблей нет на месте, но когда Тео врезался в стабилизатор «Археоптерикса» – стало ясно, что не хватает только «Дженни Ганивер».

– Кто идет? – раздался испуганный голос.

– Это я! Рен!

В тумане возникло сероватое пятно и, постепенно уплотняясь, превратилось в людей – Уилла Холсворта и Джейка Хенсона.

– Точно, это ты, – сказал Джейк.

– Проходи, друг, – прибавил Уилл.

– Где мой папа? – спросила Рен.

Ей было не до игры в солдатики.

– Он тут был рано утром, – сказал Джейк.

– Очень рано, – подтвердил Уилл. – Сказал, что мистер Помрой поручил ему взять «Дженни Ганивер» и слетать на разведку и что он ненадолго. Сейчас небось кружит над нами. Задержался из-за тумана.

– Фирменный лондонский туманчик! – сказал Джейк.

– Что ж вы, два дурака, его не остановили! – закричала Рен.

– Эй, полегче!

– Он же сказал – приказ начальства. С приказом не поспоришь.

– Он был при оружии? – спросил Тео.

Уилл и Джейк смутились.

– Пришел-то он без оружия…

– Но потом забрал у нас одно электроружье. Сказал, мало ли, вдруг там, над этим гороховым супом птицы-Сталкеры налетят.

Рен, чуть не плача, прижалась к Тео – почти упала на него. Она выбилась из сил, пока бежала сюда, и была уверена, что больше не увидит отца.

– Он улетел! Совсем улетел!

Из темной глотки Холлоуэй-роуд раздались какие-то гулкие звуки. Голоса и топот ног. Эхо разносилось далеко впереди тех, кто шел по трубе. Тео обнимал Рен, стараясь ее утешить. Лучи фонариков зашарили в тумане,

высвечивая каждую капельку, хотя ничего толком и не освещая.

– Загванец? – послышался из-за светящегося пятна раздраженный голос.

– Я? – откликнулся Тео.

– Руки вверх! Отойти от дирижабля!

– Да я не рядом с ним стою, – возразил Тео.

– Это я тут, – сказал Уилл Холсворт.

– Да? – Из тумана проступил расплывчатый силуэт.

Это был Гарамонд, и в руке он держал револьвер, конфискованный у Вольфа Кобольда.

– Где Рен?

– Здесь, – ответила Рен. – А в чем дело?

– Вовремя мы вас поймали, как я погляжу, – сказал Гарамонд.

– Что значит – вовремя?

За спиной Гарамонда возникли из тумана еще люди. Они обступили Рен и Тео, в туманной дымке похожие на круг камней. Рен вроде бы узнала среди них Рона Ходжа и Кэт Луперини.

– Они хотели украсть «Археоптерикса»! – с торжеством провозгласил Гарамонд. – Нэтсуорти увел свой дирижабль на восток, а за «Археоптериксом» прислал свою дочурку и их сообщника из Зеленой Грозы. Чтобы у нас не осталось пути к спасению, когда сюда явятся Сталкеры грозовиков!

– Что ты несешь, придурошный? – заорала Рен. – Папа хочет поговорить с Нагой…

– Вот именно! Продать нас своим хозяевам из Зеленой Грозы! Да-да, мы все читали письмо. Я сразу подумал: слишком уж удачно получилось, что твой африканский друг появился ровно в тот момент, когда птицы пошли в атаку! Вы сами подстроили нападение, чтобы изобразить, будто он всех спас, и тогда мы якобы станем ему доверять. Так вот, Рен Нэтсуорти, у меня для тебя новость: я ему не доверяю. И тебе я не доверяю, и твоему папаше-предателю!

Кулак Рен врезался точно ему в нос. Гарамонд опрокинулся в туман, придушенно пискнув: «Ой! Бой доз! Бой доз!» Тео еле удержал Рен. Она рвалась кинуться на Гарамонда, хотя уже не видела его.

Всхлипывая, она кричала в туман:

– Ты что, читал письмо? Это личное! Папино! Я сказала Англи показать его мистеру Помрою, и больше никому!

– Рен! – Кэт подбежала и обхватила ее, помогая Тео. – Рен, Рен…

– Гарамонд – вот настоящий предатель! Когда мистер Помрой узнает,

что вы хотели арестовать Тео…

– Рен…

– Что?

Кэт опустила голову. Ее волосы намокли в тумане, с них капала вода.

– Мистер Помрой умер.

– Что?!

– Англи нашла его, когда пришла с письмом. Наверное, вчерашние тревоги его доконали. Он умер ночью, во сне.

Из тумана выскочил Гарамонд, зажимая рукой разбитый нос. Кровь тонкой струйкой стекала ему на подбородок.

– Арездовадь обоих! – гнусаво скомандовал он. – Руги связадь! Ведиде их в Граудж-Энд. Буздь джрезвыджайный гобидед решаед, дждо с диби деладь.

Глава 41
Снова Батмунх-Гомпа

Мурлыча мотором, «Дженни Ганивер» прокладывала путь по отравленному небу на восток, к горной цепи, обозначающей границу Шань-Го, и к перевалу через нее, где стоял на страже город-крепость Батмунх-Гомпа. На подлете Том настроил радио на волну для общих переговоров и еще раз отправил в эфир сообщение, которое передавал с тех пор, как вылетел из Лондона, объясняя, что пришел с миром. Ответа по-прежнему не было. Том покрутил ручки настройки, проходясь по разным частотам. Помехи трещали, как еловые шишки в костре, время от времени вклинивался какой-то писк. За шквалом помех очень слабо можно было расслышать, как кто-то быстро и явно в панике говорит на наречии Шань-Го.

Еще десять миль до горного хребта. Том уже путешествовал в этих небесах, когда они с Эстер летели из Батмунх-Гомпы в Лондон, надеясь остановить другое оружие Древних. Он старался не вспоминать, чем закончилось то путешествие, но воспоминания всплывали сами собой. Тома одолевали сомнения. Тогда ему не удалось, и теперь ничего не получится. План обратиться с мольбой к Наге ночью казался многообещающим, а теперь все больше смахивал на безумие. Надо было остаться в Лондоне, там, где Рен…

Он начал разворачивать «Дженни» и тут увидел, что за кормой поджидают три клина темных остроклювых силуэтов. Сердце как будто стиснули в кулаке. Нахлынули воспоминания о вчерашнем нападении и о птицах на бесконечной лестнице Разбойничьего Насеста. Он схватил с соседнего пилотского кресла электрическое ружье Джейка Хенсона, готовясь отбивать атаку. Птицы, конечно, быстро расправятся с «Дженни», но по крайней мере пару десятков он заберет с собой.

Птицы по-прежнему держались за кормой. Том не сразу понял, что они не собираются атаковать, всего лишь наблюдают. Возможно, они летели за ним от самого Лондона. В этом мутном, грязно-буром свете ничего толком не разберешь…

И тут наконец в радиоприемнике прорезался долгожданный голос. Довольно суровый голос, говорящий на шаньгойском наречии. Взглянув на восток, Том увидел в хмуром небе светлые баллоны двух Лисиц-оборотней.

Голос перевел свой приказ на англичанский:

– Варварский дирижабль, заглушить моторы! Приготовьтесь принять на борт патрульных. Говорит Зеленая Гроза.

Том еле успел спрятать ружье, прежде чем гости ввалились на борт. Они казались такими же неприветливыми, какими ему запомнились солдаты Зеленой Грозы на Разбойничьем Насесте, но держались без привычного высокомерия. Скорее они выглядели напуганными.

– Откуда ты знаешь, что генерал Нага в Батмунх-Гомпе? – гневно спросили его, когда Том стал объяснять, зачем направляется в их город.

– Я не знал. Он здесь? Я думал, он в Тяньцзине. Это ваша столица, правильно? Я надеялся, что вы доставите меня из Батмунх-Гомпы в Тяньцзин.

– Тяньцзина больше нет, – сказала командир грозового патруля, нервно расхаживая взад-вперед.

– Как это – больше нет?

Девушка-офицер не ответила.

Помолчав, она сказала:

– Дирижабль Анны Фанг назывался «Дженни Ганивер». В учебном лагере показывали фильм о ее жизни.

– Это тот самый дирижабль! – обрадовался Том. – Анна была моим другом. Я получил «Дженни» в наследство, когда она… Когда…

– Молчать! – рявкнула девушка-офицер на шаньгойском, оборачиваясь к начавшим перешептываться подчиненным.

Похоже, они были все из разных стран и сейчас торопливо переводили друг другу слова Тома. Девушка-офицер выкрикнула еще какие-то приказы, и двое рядовых, подойдя к Тому, защелкнули на нем наручники.

– Полетишь с нами в Батмунх-Гомпу, – распорядилась она.

– Мне бы только поговорить с генералом Нагой, – с надеждой сказал Том. – Я должен ему сказать нечто очень важное.

– О новом оружии?

– Наверное, отчасти…

Снова перешептывание, снова приказы на неизвестном Тому языке. Несколько человек из отряда вернулись на свой дирижабль и убрали хлипкий переходный трап. Офицер взяла на себя управление «Дженни Ганивер». Том смотрел из-за ее плеча и вспоминал, как впервые прилетел в Батмунх-Гомпу с Анной и Эстер много лет назад. Скальная стена такая же черная и отвесная, как тогда, и так же покрыта броней из стальных палубных плит мертвых городов – огромные металлические диски похожи на щиты древних воинов. Но наверху, где раньше развевались знамена

Лиги с дубовыми листьями, сейчас в красноватом свете солнца безжизненно свисают флаги с изображением молнии, а гигантская статуя Анны Фанг указывает на запад, призывая к борьбе с движущимися городами. Когда «Дженни» подошла ближе, Том заметил, что статуя намного миловидней, чем была настоящая Анна Фанг, и что лицо у нее все в потеках птичьего помета.

Они перевалили через стену и начали снижаться, минуя вертикальный город с восточной стороны, живописные улицы с крутыми лестницами и домами, наподобие птичьих гнезд, – все точно так, как запомнилось Тому, только на нижних уровнях построили дополнительные причалы, а в долине, у западного берега озера, теперь стояли рядами бетонные бараки. «Дженни» прошла над ними, направляясь к постройкам за пределами города, на утесе, выступающем из скальной стены к северу от перевала. На плоской вершине стоял старинный женский монастырь, а вокруг – что-то вроде палаточного городка. И повсюду – флаги с молнией, и тут же – громадные портреты генерала Наги. На причале у подножия, где пришвартовалась «Дженни Ганивер», кто-то вывел побелкой, огромными китайскими знаками, а ниже – кривоватыми англичанскими буквами: «ОНА ВОССТАЛА ВНОВЬ!»

– Что это значит? – спросил Том.

– Ничего не значит! – огрызнулась командир отряда. – Вранье антинаговских смутьянов!

Девушка была угрюмая и неразговорчивая, но по крайней мере она позволила Тому оставить при себе зеленые сердечные пилюли. Ее люди, подталкивая в спину, отвели Тома к одному из приземистых бетонных зданий, а когда вошли внутрь – в крошечную оштукатуренную камеру.

Все время, пока его куда-то вели, что-то приказывали, пока ему нужно было бездумно подчиняться, Том не чувствовал страха. От него ничего не зависело, и казалось несущественным, что с ним будет дальше. Но как только за ним захлопнулась окованная железом дверь и он остался в одиночестве, страхи навалились все разом. Что он здесь делает? Как там Рен, в Лондоне? И что значат слова той девушки из Грозы, что Тяньцзина больше нет? Может, он ослышался? Или она, плохо зная язык, неправильно выразилась?

В камере было очень тихо. До странности тихо. Когда он в прошлый раз был в Батмунх-Гомпе, ему особенно запомнились звуки – тарахтение моторов воздушных шаров-такси, крики уличных торговцев, музыка из открытых баров и чайных домиков. Том встал на койку в углу камеры и выглянул в крошечное зарешеченное окошко. Перед ним раскинулся

город – мешанина лестниц и домиков, где ничто не шевелилось, только флаги трепетали на ветру. Из труб не шел дым, в порту не стояли дирижабли, всего лишь несколько миниатюрных фигурок спешили куда-то по крутым улочкам. Как будто жители покинули город, а те, кто остался, ютились в палатках на утесе над ним. Загадочно…

Шаги и голоса в узком коридоре за дверью. Том удивился и спрыгнул с койки. Он думал, что придется ждать несколько часов или даже дней, пока Гроза уделит ему внимание. Но дверь открылась, по обе стороны от нее встали вооруженные стражники в белых мундирах, направив на Тома ружья, а вслед за ними, лязгая доспехами, появился высокий человек с желтоватой кожей. Том узнал генерала Нагу. Генерал пригнулся, когда экзоскелет внес его в камеру через низкую дверь. Том обрадовался, что его просьбу об аудиенции приняли всерьез, но его изумляла скорость, с которой все происходило. К тому же он еще не придумал, что должен сказать этому суровому воину.

Нага еще больше сощурил узкие глаза, меряя Тома взглядом, отмечая его грязную с дороги одежду и растрепанные волосы. Доспех генерала был поцарапан и кое-где помят, а сервомоторы внутри него надсадно выли, когда он двигался. Свежая рана на лице Наги была залеплена пластырем.

– Ты – посланец варваров?

Том растерялся. О чем речь?

– Ты прибыл на бывшем дирижабле Цветка Ветра и говоришь, что принес весть о новом оружии. А с виду похож на воздушного бродягу. Даже без мундира. Неужели «Гезельшафт» настолько уверен в победе, что прислал шута принять мою капитуляцию?

– Капитуляцию? Но ведь новое оружие…

– Да, да! – рявкнул Нага. – Новое оружие! Вы уничтожили Тяньцзин, вы уничтожили Батмунх-Цаку, вы и меня почти уничтожили!

У Тома было такое чувство, словно он долго шел по незнакомой территории и вдруг оказалось, что карту, с которой сверялся, он держит вверх ногами. Как в дурном сне. Если не Нага контролирует ОДИНа, то кто? Города? Но те пожары прошлой ночью на западе… Разве грозовики не видели, как они горят? Или новости сюда еще не дошли?

Том зажмурился и вдохнул поглубже. Он ничего не понимал, но все же мог выполнить то, ради чего проделал весь этот путь.

– Я не имею никакого отношения к «Гезельшафту», – сказал он. – Я прилетел из Лондона.

– Из Лондона?

– Я хотел просить… умолять вас. Выжившие в Лондоне… я знаю, вам

о них известно… они кое-что строят. Давно, много лет уже… Это новый город, он летает по воздуху. Он не повредит землю и не имеет желания поедать ваши неподвижные города. Я хочу вам сказать, что они… мы… ничего не имеем против Зеленой Грозы. Если бы вы согласились отозвать своих птиц и позволили нам уйти с миром…

Нага нахмурился.

– Летающий город?

– Это называется – на магнитной подвеске, – объяснил Том. – Он как бы парит в воздухе…

Том взмахнул руками, стараясь показать наглядно, и вдруг вспомнил, что говорила Лавиния Чилдермас.

– Это, по сути, и не город вовсе, просто очень большой, низко летающий дирижабль… Там моя дочь…

Нага повернулся к своим офицерам и отрывисто пролаял несколько слов на шаньгойском наречии. Том почти ничего не разобрал, но отлично понял интонацию. Генерал спрашивал: «Этот человек не в своем уме? Почему я должен тратить на него время?»

И, не глядя больше на Тома, он вышел из камеры. Стража последовала за ним.

– Я прошу вас! – крикнул Том. – Ваша жена может за меня поручиться! Она здесь? А ее спутники?

Том вдруг сообразил, что если Тяньцзин уничтожен, Эстер могла погибнуть вместе с ним.

– Прошу вас! Я друг Тео Нгони и Эстер…

– Моя жена? – Нага обернулся, гневно сверкая глазами. – Она возвращается домой. Я обязательно скажу ей о тебе, когда она будет здесь.

Но в его устах это прозвучало не обещанием, а угрозой.

Дверь захлопнулась. Том снова остался один.

За дверью Нага остановился и задумался. Его люди сбились тесной группой, со страхом поглядывая на окутанные туманом вершины Батмунх-Гомпы. Он знал, чего они боятся. Трудно представить, чтобы после Тяньцзина варвары не обратили свое дьявольское оружие на Щит-Стену, ведь это откроет им дорогу к горным царствам. Но когда, собрав немногие уцелевшие после катастрофы в Тяньцзине дирижабли, Нага добрался сюда на рассвете, крепость оказалась нетронутой, хотя население и половина гарнизона уже сбежали в горы. Чего ждут горожане? Донесения, где говорилось о гибели движущихся городов этой ночью, Нага не принимал в расчет. Явная ошибка или просто ложь, выдумка врага, чтобы еще усилить

растерянность Зеленой Грозы.

И что означает появление этого безумца Нэтсуорти со старым дирижаблем Цветка Ветра?

– Лондон, – пробормотал Нага. – Несчастный Дзю что-то говорил о Лондоне.

Один из офицеров, капитан из гарнизона Батмунх-Гомпы, лихо козырнув, сказал:

– Ваше превосходительство, мы наблюдали через птиц-шпионов усиление активности среди тамошних поселенцев.

– У вас есть записи?

– Есть документы в отделе разведки на проспекте Тысячи Лестниц.

– Бегом туда и принесите их!

Капитан отсалютовал и убежал, серый от страха, явно ожидая, что небо вот-вот обрушится на Батмунх-Гомпу. Нага проводил его взглядом. С грустью подумал об Эноне, сейчас же задавил эти мысли и пробормотал себе под нос:

– Лондон…

Он вспомнил ночь после того, как умерла Цветок Ветра. Он стоял на вершине Щит-Стены, снизу от ангаров поднимался дым сгоревшего северного воздушного флота, а вдали мерцал огнями Лондон. Кажется, все неприятности в мире начинаются с Лондона.

Глава 42
Погребальный барабан

В тот же день, после полудня, когда туман поредел и над развалинами проглянуло солнце, лондонцы хоронили своего лорд-мэра. Восемь человек из чрезвычайного комитета с непокрытой головой и траурной повязкой на рукаве несли завернутое в саван тело старого историка по извилистой, почти нехоженой тропе между мусорными холмами, а за ними шел весь Лондон. Эпоксидный Грунт размеренно и торжественно бил в барабан – жестянку из-под машинного масла. Бум-м, бум-м, бум-м – разносилось эхо, далеко за пределы развалин, по равнине до самого неба, где все еще кружили несколько птиц-Сталкеров, и за ними неустанно наблюдали дозорные с заряженными электрическими ружьями в руках.

Чадли Помроя положили на покой в долине Патни[37] – поросшем мхом участке между завалами металлолома, где густо росли деревья, укрывая тенью могилы всех лондонцев, умерших со времени МЕДУЗЫ. Сверху насыпали землю и установили металлическую табличку с вырезанным на ней символом Гильдии историков – оком, обращенным в прошлое. Лавиния Чилдермас прочитала молитву Квирку, прося создателя Лондона встретить старика и принять его душу в Стране, не ведающей солнца (сама Лавиния, будучи инженером, не верила ни в богов, ни в загробную жизнь, но она была Помрою не только заместителем, но и другом и понимала, что ритуал необходим). Затем вперед вышла Клития Поттс и тонким, дрожащим голоском запела гимн богине Клио.

– Он должен был своей рукой вывести Новый Лондон из развалин! – сказал Лен Пибоди, сердясь на несправедливость бытия.

– Так! – сказал мистер Гарамонд. – Теперь пора избрать нового лорд-мэра.

– Лавиния будет новым мэром, – сказала Клития Поттс. – Этого хотел мистер Помрой.

– Мистер Помрой скончался, – ответил Гарамонд. – Решать будет чрезвычайный комитет. А потом обсудим, что делать с арестованными.

Рен не разрешили пойти на похороны. Другие лондонцы просили за нее, но Гарамонд с распухшим носом цвета баклажана уперся на своем: Рен и Тео – крайне опасные агенты Зеленой Грозы и должны сидеть под замком. И вот их посадили в две старые клетки, давным-давно найденные

среди обломков. Когда-то в них держали диких зверей в зоологическом саду в Круговом парке, а теперь они стояли в темном сыром углу Крауч-Энда, чтобы запирать в них чужаков, убийц и безумцев, которые, по мнению Гарамонда, могли бы угрожать безопасности Лондона. Клетки ни разу еще не использовались, и Гарамонд с огромным самодовольством смотрел, как его подчиненные, смущаясь, затолкали туда Рен и Тео, закрыли за ними решетчатые дверцы и навесили огромные висячие замки.

Сидя в темноте на матрасе – единственном предмете обстановки в клетке, – Рен помолилась за Чадли Помроя, пока барабанный бой скорбным эхом звучал среди развалин, подобно ударам сердца.

– Что теперь? – спросил Тео из своей клетки.

Хоть здесь и было темно, Рен видела, как он смотрит на нее между прутьями решетки. Если протянуть руку, они могли дотронуться друг до друга кончиками пальцев.

– Что с нами будет?

Рен не знала ответа. Было обидно, что их вот так обвинили и посадили под арест, но у Рен никак не получалось по-настоящему бояться своих лондонских друзей и старого дурака Гарамонда. Рано или поздно все уладится. А сейчас у нее нет сил думать об этом, она горюет о мистере Помрое и беспокоится о папе.

Они то спали, то разговаривали. Рен раскладывала солому на полу клетки, чтобы получались разные узоры. Время тянулось еле-еле. Вечером, когда прозвучал гонг, созывающий людей в общественную столовую, Англи Пибоди принесла им поесть и свежей воды. Не глядя Рен в глаза, она просунула жестяные миски между прутьями клетки.

– Англи? – позвала Рен. – Ты же не веришь мистеру Гарамонду? Ты знаешь, что я никакая не шпионка.

– Я уже не знаю, чему верить, – мрачно ответила та. – С тех пор как вы появились, неприятности сыплются одна за другой, это я знаю. Вчера птицы налетели, и тут же твой друг появился… Рен, Сааб тяжело ранен. Даже неизвестно, будет ли он видеть, и шрамы останутся на всю жизнь, а тебе наплевать, вчера взяла и ушла на весь вечер со своим поклонником, или кто он там… Все это плохо выглядит. Скажешь, нет?

Рен чуть не сгорела со стыда. Она и правда почти не думала о Саабе и других пострадавших, все мысли были о Тео.

– Я была не права, – признала она. – Но это же не значит, что я шпионка! Англи, на той неделе Гарамонд говорил, что мы в сговоре с Хэрроубэрроу. Мол, это мы с папой привели сюда Вольфа Кобольда. Помнишь?

– А откуда мы вообще знаем, что Кобольд – тот, кем назвался? – парировала Англи. – Ты говоришь – он удрал к себе в Хэрроубэрроу. А может, он тоже из Зеленой Грозы и сейчас сидит себе спокойненько в Батмунх-Гомпе или еще где-то там.

Это напомнило Рен о папе. Она просунула руку сквозь решетку, стараясь коснуться Англи. Та отскочила.

– Англи, помоги мне выбраться! Мне обязательно нужно лететь за папой…

Англи попятилась еще дальше, совсем скрываясь в тени.

– Мистер Гарамонд сказал не разговаривать с тобой!

Рен бросилась на матрас. Матрас лопнул и больно ткнул ее в бок ржавой острой пружиной.

– Тео, прости меня, – сказала Рен.

– Ты не виновата.

– Виновата. Если бы я не написала тебе письмо, ты бы остался у себя на родине. Тебя бы сейчас здесь не было.

– А если бы ты не заговорила со мной тогда, около бассейна Пеннирояла на Облаке-девять, меня бы убили или взяли в плен, когда Гроза штурмовала Брайтон, и ты могла бы вообще обо мне не беспокоиться.

Рен вытянула руку изо всех сил и дотянулась до его пальцев. Обвела твердую, теплую округлость ногтей, жесткие заусенцы, словно читала на ощупь контурную карту по системе Брайля.

Ночью их разбудила гостья, которую Рен ожидала меньше всего.

– Рен? – позвал тихий голос.

Она открыла глаза и увидела рядом с клеткой Лавинию Чилдермас. Та держала в руке электрический фонарик. В тусклом синеватом свете лысая голова светилась, как будто инопланетная луна. Рен вскочила, снова оцарапалась о пружину и услышала, как в соседней клетке зашевелился Тео.

– Рен, дорогая, ты не спишь?

– Вроде не сплю. А что случилось? Папа?

– Нет, дитя, он не вернулся.

– Тогда…

– У нас новый лорд-мэр, – сказала Лавиния. – Чрезвычайный комитет избрал его сегодня вечером.

– Вы же были заместителем мистера Помроя. Я думала…

– Комитет решил, что было бы неправильно выбрать мэром инженера, – спокойно ответила доктор Чилдермас. – Они все еще помнят

Магнуса Крома. А поскольку надвигается война, они предпочли кандидатуру с опытом в области безопасности…

– Не может быть!

– Рен, теперь мистер Гарамонд – лорд-мэр Лондона. Сыграл на страхах комитета и добился, что его поддержали. К сожалению, он многих настроил против тебя. По-моему, большинство лондонцев убеждены, что вы с папой и Тео как-то причастны к нападению птиц и к смерти несчастного Чадли.

– Но…

– Ш-ш-ш! Рен, я думаю, они тебя простят. В конце концов, ты – дочь лондонца. Но Гарамонд собирается внести предложение убить Тео, и, судя по разговорам в столовой за ужином, большинство комитета его поддержит. Он заявляет, что нельзя позволить антидвиженцу жить здесь и вызнавать наши секреты.

– Он псих!

– Может быть, немножко. Явная паранойя. Бедный Гарамонд… Когда включилась МЕДУЗА, ему было столько же, сколько тебе сейчас. Он выжил, потому что сидел в тюрьме в Подбрюшье. Магнус Кром его туда засадил за то, что он сочувствовал противникам Движения. На следующий день после катастрофы он повел группу выживших на восток, думая, что им помогут антидвиженцы, которыми он так восхищался. Но солдаты, которых они встретили на равнине, их просто расстреляли в упор. Бедный Гарамонд притворился мертвым. Только тем и спасся – его не заметили под трупами его друзей.

– Можно понять, почему он не доверяет антидвиженцам, – сказал Тео.

– Но это не повод убивать всех подряд! – возмутилась Рен. – И уж точно не повод для остальных позволять ему такое!

– Согласна, – отозвалась доктор Чилдермас. – Но они напуганы. Птицы, война, новое оружие… Даже перспектива покинуть развалины после того, как столько лет здесь жили, кажется пугающей. А когда люди боятся, иногда на поверхность выходит худшее в них. Поэтому я вас выпущу. Тео наверняка сумеет найти для вас убежище в каком-нибудь поселении грозовиков. Я думаю, война не продлится долго, раз у Грозы теперь есть это ужасное орбитальное оружие, так что у них вам будет безопасней, чем с нами.

Она вытащила из-за пазухи резинового плаща какое-то олд-тековское устройство. Наверное, инженеры постоянно таскают с собой всякие такие штуки. С виду оно было похоже на открывалку для консервов, негромко гудело, как слепень, и вмиг открыло замок на клетке Рен.

– Я принесла твой рюкзак, Рен, – сказала доктор Чилдермас, переходя к клетке Тео.

Рен, все еще не до конца веря, что они уходят, вскинула рюкзак на спину.

– Давай я понесу, – сказал, вылезая из клетки, Тео.

– Ничего, будем нести по очереди.

Лавиния Чилдермас провела их к неприметному запасному выходу из Крауч-Энда: просто дыра в стальной плите-крыше – в том месте, где она упиралась в землю. Доктор Чилдермас выбралась наружу вместе с ними и долго смотрела, как они идут прочь, постепенно придвигаясь все ближе друг к другу, будто думают, что старушка-инженер не одобряет, когда люди держатся за руки, и стараются не прикасаться друг к другу, пока не скроются среди обломков.

Лавиния улыбнулась. Когда-то у нее тоже был ребенок, но в те времена Гильдия инженеров забирала всех младенцев сразу после рождения в общественные ясли. Лавиния так и не узнала малыша Бивиса. «Наверное, умер давно», – подумала она с внезапной грустью и вспомнила похоронный барабан и что Чадли Помрой лежит в земле в долине Патни. И не будь она инженером с дисциплинированным и логическим умом, решила бы, что этот мир – слишком печальное место и в нем невозможно жить.

Она провожала взглядом Рен и Тео, пока они не исчезли среди теней в развалинах. «Что ж, – подумала Лавиния Чилдермас, – одной заботой меньше». Она быстрым шагом отправилась через весь Крауч-Энд к Родильному отделению продолжать работу на борту Нового Лондона.

Глава 43
Возвращение домой

«Фурия» прибыла в Батмунх-Гомпу вскоре после заката. При свете мутной, кровавой луны дирижабль пролетел над Щит-Стеной и взял курс на Тяньцзин, но тут со встречного грузового судна им посоветовали поменять направление.

– Тяньцзин горит! У варваров новое оружие! Огненный клинок, бьет прямо с неба! Батмунх-Цаки тоже больше нет! Нага сбежал в Батмунх-Гомпу, но и она не выстоит против небесного огня! Бегите, спасайтесь!

– Что происходит? – ворчала Эстер, усталая и злая после долгого перелета, прижимая руку к больной голове. – Не могло же у городов тоже появиться супероружие?

– Типичный случай! – сказал Пеннироял. – Годами ждешь, когда появится всемогущее орбитальное оружие, а потом здрасьте – две штуки сразу!

– ВОЗМОЖНО, НОВЫМ ОРУЖИЕМ УПРАВЛЯЕТ НЕ ЗЕЛЕНАЯ ГРОЗА, – проговорил Шрайк.

– А кто тогда? Мы сами видели – оно взрывает города! Кому это может быть нужно, кроме Грозы?

– ТРЕТЬЕЙ СИЛЕ, – предположил Шрайк. – ТОМУ, КТО НЕНАВИДИТ И ГОРОДА, И ГРОЗУ И ХОЧЕТ ПОСЕЯТЬ НЕРАЗБЕРИХУ.

– Кто, например? – спросила Эстер.

– СТАЛКЕР ФАНГ.

– Она мертва! – воскликнул Пеннироял. – Или нет?

– ВОЗМОЖНО, ПРАВДА ТО, ЧТО МЫ СЛЫШАЛИ ОТ ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫХ В ПЕРЕДОВОМ КОМАНДОВАНИИ, – сказал Шрайк. – МЕНЯ ВОСКРЕСИЛИ ПОВТОРНО. ЧТО, ЕСЛИ И ЕЕ КТО-ТО ПОВТОРНО ВОСКРЕСИЛ?

– Вы думаете, эти бедствия – из-за нее? – спросила Энона.

В ее голосе звучал страх, но и надежда, словно ей было бы легче узнать, что не ее муж за все это в ответе.

Шрайк ответил:

– КОГДА НОВОЕ ОРУЖИЕ НАНЕСЛО УДАР, Я ВСПОМНИЛ, ЧТО СКАЗАЛА СТАЛКЕР ФАНГ ПЕРЕД ТЕМ, КАК Я ВЫВЕЛ ЕЕ ИЗ СТРОЯ. ОНА ГОВОРИЛА О ЧЕМ-ТО ПОД НАЗВАНИЕМ «ОДИН». ПОСЛЕДНЕЕ КОСМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ, КОТОРОЕ ДРЕВНИЕ РАЗМЕСТИЛИ НА

ОРБИТЕ ЗЕМЛИ. НАСТОЛЬКО МОЩНОЕ, ЧТО СПОСОБНО УНИЧТОЖИТЬ БЕСКОНЕЧНОЕ МНОЖЕСТВО ГОРОДОВ. Я ДУМАЮ, ОНА РАЗБУДИЛА ЕГО, КАК И СОБИРАЛАСЬ. ОНА УДАРИЛА ПО ТЯНЬЦЗИНУ, ПРЕДПОЛАГАЯ, ЧТО ТАМ НАГА, И ПО БАТМУНХ-ЦАКЕ, НАДЕЯСЬ УБИТЬ ТЕБЯ, ЭНОНА ЗЕРО.

– Но она умерла! – твердил свое Пеннироял.

– В кои-то веки он прав, – поддержала Эстер. – Шрайк, ты ей голову оторвал. А туловище сбросил с Облака-девять. Это уж верная смерть!

Но Энона смотрела встревоженно. Во все время путешествия она места себе не находила, как будто ее что-то мучило, и сейчас она сказала:

– Может быть, и нет. Это была высокотехнологичная модель. Доктор Попджой встроил в нее экспериментальные системы, которые даже я до конца не понимала. Возможно, если кто-то собрал отдельные части ее тела, то…

Она умолкла и с несчастным видом пожала плечами.

– Ну замечательно! – сказала Эстер.

– Может, я и ошибаюсь… – Энона подошла к окну и стала смотреть на юг, в дымную пелену над Тяньцзином. – Надеюсь, что ошибаюсь. Нужно спросить доктора Попджоя. Как только пришвартуемся в Батмунх-Гомпе, я за ним пошлю. Попджой должен знать точно.

Город за Щит-Стеной был погружен в тишину. На темных улицах горело всего с десяток фонарей. Зато внизу, в долине, мерцало множество фонариков – огненная река текла на восток, отражаясь в озере Батмунх-Нор. Население спасалось бегством, так же как спасались они от МЕДУЗЫ в прошлый раз, когда Эстер была здесь. Странное место для жизни, подумала она, – то и дело приходится укладывать свой скарб на тележку и куда-то бежать. И тут же напомнила себе, что МЕДУЗА случилась почти двадцать лет назад. Целое поколение успело вырасти с тех пор, как они с Томом улетели из Батмунх-Гомпы на «Дженни Ганивер».

– Боги!.. – проворчала Эстер, снова потирая голову. – Стара я стала для таких передряг…

Лисицы-оборотни проводили «Фурию» на временное летное поле у подножия утеса, на котором стоял древний монастырь. Вокруг старинного здания раскинулось нечто, на первый взгляд напоминающее гигантский лишайник, – бесформенная бело-серо-бурая масса. Это были люди. Беженцы из города и уцелевшие из Тяньцзина; их привезли сюда на разномастных торговых судах и военных транспортниках, пришвартованных теперь у края летного поля. Люди жались друг к другу,

стараясь согреться, кутались в меха и одеяла, прятались под навесами и забивались в палатки. Когда Эстер, все еще прихрамывая, шла мимо вместе со своими спутниками, люди вставали и отходили в сторону, образуя коридор внимательных, настороженных лиц. По толпе, словно ветер, пробегал шепоток. Люди показывали другу и детям леди Нагу и Сталкера.

Быть может, они говорили, что в их беде виновата она: если бы она не уничтожила Сталкера Фанг, вместо них пострадали бы горожане. Может, они слышали, что она погибла. Может, видя рядом с ней Эстер и Шрайка, они решили, что она – призрак и вернулась из Зала Теней со свитой из двух демонов.

Энона едва замечала всеобщее внимание. Она все еще думала о Сталкере Фанг. «Нужно поговорить с Попджоем», – сказала она себе и посмотрела на восток, где старый мастер по Сталкерам построил себе виллу на берегу озера. Но сейчас над озером лежал туман. Энона даже не была уверена, что дом Попджоя отсюда виден.

У дверей монастыря их встретил усталый мичман.

– Госпожа Нага! Вы живы и в безопасности! Хвала богам!

«В безопасности, – подумала Энона. – Да, если даже Фанг вернулась, Нага со всем справится». Наконец-то она в безопасности. Энона отсалютовала в ответ. Она помнила этого мальчика из штата своего мужа в Тяньцзине – дружелюбный мальчишка с лохматыми черными волосами, вечно падающими на глаза. Хорошо, что он уцелел.

Она спросила:

– Мой муж здесь?

– Генерал так обрадуется! Я вас к нему провожу!

Энона пошла за мичманом к высоким резным дверям. Эстер, Шрайк и Пеннироял тоже пошли с ней, поскольку не знали, что еще им делать.

– Мне нужно встретиться с ученым, Попджоем, – сказала Энона своему проводнику. – Можно его вызвать?

Мичман замялся.

– Госпожа Нага, он умер. Убит в своем доме у озера, недели три назад. Мы предполагаем, что один из его Сталкеров повредился мозгами и… – Мичман дернул плечом. – Я слышал рассказы, в каком он был виде. У человека нет такой силы…

Энона посмотрела на Эстер.

Шрайк спросил:

– ВЫ НАШЛИ СТАЛКЕРА, КОТОРЫЙ ЕГО УБИЛ?

Мичман вздрогнул, услышав, что к нему обращается Сталкер, но взял себя в руки и ответил:

– Нет. Воздушную яхту Попджоя угнали. Если убийца был экспериментальной моделью, у него могло хватить ума, чтобы сбежать. Говорят, в доме Попджоя было полно… разных ужасов.

Он обращался к Эноне, но смотрел на ее спутников, словно только сейчас задался вопросом, кто они и можно ли было допускать их во временную штаб-квартиру Наги.

– Это мои друзья, – поспешила их представить Энона. – Мистер Шрайк, профессор Пеннироял и миссис Нэтсуорти.

Юноша нахмурился:

– Нэтсуорти?

Он отвел Энону в сторонку. Они тихо заговорили на шаньгойском наречии. Эстер слышала, они несколько раз произнесли фамилию «Нэтсуорти». Она потянулась к ружью за плечом, сняла его с предохранителя и спросила Шрайка:

– О чем они говорят?

Прежде чем Сталкер успел перевести, Энона, улыбаясь, подошла к ним:

– Эстер, твой муж здесь!

Могла бы с тем же успехом продолжать говорить на своем наречии – Эстер ее слова казались абсолютно бессмысленными.

– Том Нэтсуорти, – пояснила Энона, взяв Эстер за руку и сияя улыбкой. – Прилетел сегодня утром на бывшем дирижабле Анны Фанг…

– Нет, – сказала Эстер.

Она не верила, не хотела верить.

– Его держат в камере возле причала, у подножия этой скалы. Но ты не волнуйся, я скажу Наге, чтобы его сейчас же освободили. Эстер, иди к нему!

– Я? Нет!

– Иди к нему! – Энона сняла с пальца кольцо, вложила в руку Эстер и сжала ей пальцы в кулак. – Покажи это стражникам. Скажи, что ты от меня. Мистер Шрайк переведет. Они разрешат вам поговорить. Скажи ему, что скоро от моего мужа придет приказ о его освобождении.

– Пошли кого-нибудь другого. Он не захочет меня видеть.

– Ты все-таки его жена.

– Ты не знаешь, что я наделала.

Энона, встав на цыпочки, поцеловала ее.

– Ничего такого, что нельзя было бы простить. Иди, а я поговорю с Нагой.

Эстер повернулась и пошла. Шрайк шел рядом с ней. Встречные

оборачивались и смотрели им вслед, гадая, кем она может быть.

Пеннироял остался при Эноне.

– Том, значит, здесь? Эти Нэтсуорти выныривают в самых неожиданных местах. А я лучше с вами побуду, если можно, императрица! Вы упоминали небольшое вознаграждение…

– Конечно, профессор.

Энона позволила ему идти за ней, когда мичман повел ее через лабиринт коридоров. Здесь поклонялись божеству, которое звалось не так, как ее бог, и все же Энону успокаивал застарелый запах воскурений и звук молитв, за долгие столетия впитавшиеся в резные потолки и беленые стены. Монахини в одеждах цвета настурции толпились в дверях, разглядывая ее. Кажется, ей здесь не обрадовались, но Эноне было все равно. Хвала Господу, что она добралась сюда! Энона была счастлива, что помогла Эстер встретиться с мужем, и не могла дождаться собственной встречи с Нагой.

Три пролета лестницы, наверху – старинная дверь. Мичман постучал и распахнул дверь, пропуская Энону. Пеннироял вошел вслед за ней. В своем сером плаще он был похож на грозового офицера высокого ранга, и стражники за дверью слаженно отсалютовали ему.

В импровизированной комнате для совещаний вокруг заваленного картами стола стояли несколько десятков человек – жалкие остатки правительства Наги. Некоторые из них были явно рады видеть Энону. Нага едва на нее глянул, подняв глаза от карт. Лицо у него было в синяках и царапинах, доспех помят, а не-механическая рука обмотана грязными бинтами. Но он был жив.

– Слава богу! – воскликнула Энона.

Ей хотелось броситься к нему и обнять, но не пристало вождю Зеленой Грозы обниматься на глазах своих офицеров и советников, поэтому Энона сдержалась.

Опустив глаза, она низко поклонилась и сказала:

– Ваше превосходительство!

Нага ничего не ответил. Мудрые люди рядом с ним, видевшие, как он по ней тосковал, стали подталкивать зазевавшихся коллег, собирать карты, мечи и шлемы и потихоньку двигаться к дверям. Нага остановил их. Он все еще ни слова не сказал жене.

– Я слышала о Тяньцзине, – сказала Энона.

– Огонь пришел с неба, – ответил муж, пристально глядя ей в лицо. – Как мы предполагаем, от какого-нибудь старого дьявольского оружия на орбите. Световой луч… Могучая энергия… Уничтожает все, чего

коснется… Я в этом не разбираюсь. Когда удар обрушился на Тяньцзин, я валялся на спине у подножия лестницы.

Он попробовал изобразить какой-то жест, но шестеренки в плече потрепанного экзоселета заскрежетали и застопорились.

– Проклятье! – прорычал Нага.

– Позволь, я помогу, – сказала Энона, радуясь предлогу дотронуться до него.

Бдительные офицеры расступились, пропуская ее, но, когда она потянулась отвинтить шурупы, удерживающие наплечник доспеха, забинтованный кулак ударил ее в висок. Энона повалилась на бок, задела стол и рухнула на пол под грохот падающих чашек и циркулей.

Среди офицеров раздались крики, и кто-то сказал:

– Генерал Нага! Что вы!..

– Нага… – прошептала Энона.

Происходящее не укладывалось у нее в голове. Наверное, какая-то неполадка в экзоскелете заставила его руку непроизвольно дернуться. Но, посмотрев на него, она поняла, что он ударил намеренно.

– Все из-за тебя! – заорал он.

Механическая рука ухватила ее за волосы. Нага вздернул ее вверх, как мешок с зерном.

– Полюбуйся, к чему привело твое перемирие! Ты меня уговорила отнестись к варварам как к людям, а теперь они нас уничтожают!

Такого Энона и представить не могла. Она не знала, как справиться с его гневом.

– Нет, нет, нет! – воскликнула она. – Движущиеся города тоже уничтожены. Я видела, как они горят! Наверняка тебе приходили донесения…

– Все ложь!

– Нага, Сталкер Фанг вернулась! Это она управляет оружием!

Ропот среди офицеров, крики ужаса и неверия.

– Сам подумай! – взмолилась Энона. – Сообщения из Брайтона. Пиявка, найденная в провинции Снежный Веер… Она хочет, чтобы мы думали, будто оружие у горожан, хочет истребить нас всех. Она безумна! Мы должны найти передатчик, с помощью которого она отдает приказы оружию, и…

– Ложь! – крикнул Нага. – Я уже выяснил, откуда им управляют. Снова лондонские инженеры, как тогда, с МЕДУЗОЙ. Безобидные обитатели развалин, на которых мы так долго не обращали внимания, несколько недель назад засуетились, как муравьи, и вот что случилось.

Он выхватил из кучи бумаг на столе фотографию – снимок Лондона с воздуха, сделанный птицей-шпионом.

– Смотри! Здесь видны их лысые головы! Они кишат в развалинах, словно трупные черви! А сегодня к нам явился лондонец с безумными россказнями, чтобы сбить нас со следа. Повторяется история с МЕДУЗОЙ! В Лондоне все началось, там же и заканчивается!

– А доктор Попджой? – в отчаянии спросила Энона. – Фанг, наверное, потребовала, чтобы он ее починил, а потом убила…

– Попджой тоже инженер! Мы думали, что он перешел на нашу сторону, а он все это время работал на свою прежнюю гильдию! Труп у него на вилле был так искромсан, что опознать невозможно! Это мог быть кто угодно! Твой бывший начальник подделал свою смерть, а сам удрал в Лондон и помог своим друзьям-инженерам пустить в ход оружие.

– Нет, – прошептала Энона.

Хотя его теория звучала складно. Как убедить его, что он ошибается?

Нага смотрел на нее, тяжело дыша.

– И ты тоже в этом участвовала, правда, Зеро? – спросил он тихо и холодно. – Ты работала на них, алеутская колдунья! Попджой и привел тебя в Нефритовую пагоду. Какая ты была скромная, кроткая! Но ты уничтожила Фанг, а потом заворожила меня, нашептала о мире, о любви… – Он выхватил меч. – А на самом деле ты всего лишь тянула время, пока будет готово новое оружие горожан!

Энона не могла унять дрожь. Она протянула руки к мужу.

– Пожалуйста, поверь мне! Я никогда бы тебя не предала. Я только хотела мира.

Нага снова ударил ее – на этот раз тяжелым механическим кулаком. Энона упала на колени, скуля от боли и подставив ладонь под капающую из носа кровь. Нага пригнул ей голову и поднял клинок. Тонкая, обнаженная шея в свете лампы казалась такой хрупкой, молочно-белой… У него не хватило духу ее разрубить. Чуть ниже линии роста волос присохла грязь, и за маленькими ушками тоже, словно у ребенка.

Нага с грохотом вонзил меч в деревянную столешницу. Энона, рыдая, упала к его ногам.

Он обернулся и рявкнул офицерам:

– Увести ее! Запереть! Чтобы я больше не слышал ни слова о мире!

Он старался не смотреть, как ее волокли к двери.

Несколько вояк старой закалки, давних противников перемирия, закричали:

– Смерть ей!

Один даже выхватил меч и зарубил бы Энону, не сходя с места, но друзья его удержали.

– Нет! – загремел Нага.

Тяжелая дверь захлопнулась за его женой. Стало легче оставаться сильным, когда он больше не видел ее испуганного лица.

– Я сам отрублю голову предательнице Зеро! Прилюдно, на главной площади Батмунх-Гомпы!

Кое-кто из офицеров смотрел так же печально, как Энона, однако большинство восприняли его слова с радостью, кто-то даже закричал «ура».

– Но сперва, – объявил Нага, – мы соберем, сколько сможем, дирижаблей и полетим в Лондон. Захватим варварский передатчик и обратим новое оружие против их же городов! Пока еще война не проиграна! За мной! И пусть мир снова станет зеленым!

Глава 44
Огненный столп

«Ничего такого, что нельзя было бы простить», – сказала Энона, но, пока Эстер на холодном ветру спускалась по бесконечно длинной лестнице к причалу, ей казалось – то, что сделала она, простить невозможно. Она не знала, что сказать Тому, и даже думать не хотелось, что он ей скажет. Но было ужасно представлять его взаперти в одном из тесных домишек, чьи крыши виднелись далеко внизу в свете ярких фонарей у причала. Там суетились люди, заправляли топливом дирижабли, и среди этих дирижаблей была «Дженни» – знакомый ржаво-красный баллон среди белых военных кораблей Грозы.

Все вдруг расплылось, и Эстер пришлось утереть глаз рукавом. Хорошо, что Энона и Пеннироял не видят, как она расклеилась. Один только Шрайк рядом (она слышала успокаивающие тяжелые шаги за спиной), а Шрайк и раньше видел ее плачущей.

В узких переулках за причалом царили шум и суматоха; похоже, грозовики все были на взводе, и такое простое занятие, как подготовка дирижаблей к отлету, приводило к сварам и стычкам между остатками разных отрядов, говоривших на разных языках и наречиях. Эстер проталкивалась через толпу, а у самой дыхание перехватывало от страха: сейчас она увидит Тома.

Она остановила какого-то авиатора и спросила дорогу к камерам. Было приятно, как он стал кланяться и козырять, увидев перстень леди Наги с дубовыми листьями. Но, поднимаясь на каменное крыльцо здания, которое он указал, Эстер услышала за спиной топот.

– ЭТО ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫЙ ПЕННИРОЯЛ, – сообщил Шрайк.

– Ему-то что надо? – хмуро буркнула Эстер, хотя втайне обрадовалась поводу еще немного оттянуть встречу с Томом.

Пеннироял, отдуваясь, поднялся к ней по ступенькам. Едва взглянув на него, Эстер сразу поняла – что-то очень неладно.

– Эстер! Шрайк! – пропыхтел Пеннироял. – Хвала Поскитту! Надо бежать! То есть лететь! Нага, этот мерзавец!..

– Что случилось? – спросила Эстер.

Пеннироял замахал руками, ища достаточно выразительный жест, чтобы передать весь масштаб бедствия.

– Я не понял, что там произошло, языка не знаю… Но некоторые

говорили между собой по-англичански, называли ее предательницей…

– Кого? – Эстер схватила его за ворот и встряхнула. – Кто предательница? Что там произошло, Пеннироял? Где Энона?

– Так я о чем и толкую! Она в тюрьме! Он ей носик сломал, скотина! Поставил ей в вину это кошмарное оружие! Говорят, он поклялся, что отрубит ей голову после победы над городами. Ах, бедная девочка! О милосердная Клио!..

Пеннироял убивался вполне искренне, и у Эстер тоже сердце сжалось от горя, когда она поняла, о чем говорит профессор. Она привычно скрыла жалость за злостью.

– То есть все было зря? Мы зря лезли из кожи, летели в такую даль? Зря потеряли Тео? Вытащили ее из одной тюрьмы – и сразу в другую? Эту дурынду на минуту нельзя оставить без присмотра!

Эстер оглянулась на Шрайка – он молча рассматривал здания на утесе.

– Мы можем что-то сделать? Вытащить ее?

– Ни в коем случае! – немедленно отозвался Пеннироял. – Ее держат в какой-то высокой башне. А охраняют ее Сталкеры и люди с пищалями.

– ТАМ МНОГО ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫХ, – подтвердил Сталкер. – МНЕ ПРИШЛОСЬ БЫ УБИВАТЬ ИХ ДЕСЯТКАМИ. Я НЕ МОГУ, И ДОКТОР ЗЕРО НЕ ХОТЕЛА БЫ ЭТОГО.

– Она бы хотела, чтобы мы спасали собственную шкуру! – твердо заявил Пеннироял. – Что, если нас будут искать? Они тут все носятся, как сбесившиеся пчелы, рвутся лететь и штурмовать какой-то несчастный город. Вряд ли нас оставят на свободе, верно? Если Энону считают предательницей, то и нас тоже, с ней заодно. Наверняка захотят и наши головы оттяпать – для комплекта…

Эстер отвернулась, и он схватил ее за плечо, хныча от страха:

– Эстер, здесь твой дирижабль… Ты должна мне помочь…

Она оттолкнула его. Пеннироял с возмущенным воплем отлетел назад и покатился по ступенькам.

– Мы и так слишком долго путешествовали вместе! – рявкнула Эстер. – Я еще в Воздушной Гавани сказала, что не хочу вас видеть на своем корабле. Сами устраивайтесь, как сможете.

Пеннироял еще что-то кричал ей вслед, но Эстер больше не оглядывалась. За общим шумом и гамом на причале слышалось и другое: крики «ура» и звуки труб откуда-то сверху – там уцелевшие грозовики праздновали арест Эноны. Стражник у тюремных дверей тоже их слышал, и Эстер с облегчением заметила, что они его явно удивили. В этой наскоро сооруженной гавани со связью было совсем плохо – ни телефонов, ни

переговорных трубок, только мелкие мальчишки бегали туда-сюда с записками. Здесь еще не скоро станет известно, что Энона попала в немилость, и еще больше времени пройдет, пока распространят описание ее спутников.

И точно – при виде перстня с дубовыми листьями тюремщики начали кланяться и отдавать честь. Эстер провели внутрь, и Шрайк на неизвестном ей языке изложил, по какому они делу. Один из тюремщиков с готовностью отпер тяжелую дверь и пригласил Эстер войти.

– Подожди здесь, – сказала она Шрайку и перешагнула порог.

В неверном свете масляной лампы она увидела арестанта. Он сел на койке и повернул к ним голову.

Тюремщик что-то сказал на своем языке, но они даже не слышали.

– Том? – позвала Эстер.

Том встал и подошел к ней. Он молчал – наверное, глазам своим не верил.

Эстер не догадывалась, что Том уже знает от Тео об их путешествии. Он даже думал, что Эстер уже несколько дней здесь. Конечно, он удивился, когда она вошла в камеру, но не до полного онемения. Эстер глубоко его ранила, и он каждый раз сердился, вспоминая о ней. Но сейчас она стояла прямо перед ним, сквознячок из открытой двери доносил ее родной привычный запах, и Том понял, что до сих пор ее любит. И молчал он потому, что слишком многое хотелось сказать.

– Ну что, – неловко проговорила Эстер, – вот мы и встретились?

– Я оставил Рен в Лондоне, – сказал он, догадываясь, о чем она спросит прежде всего.

– В Лондоне?!

– Все хорошо, с ней Тео, она в безопасности, но…

– Тео Нгони? Так он жив?

– Он добрался до Лондона. Рассказал, что видел тебя. Какая ты храбрая… Спасла леди Нагу…

Тюремщик смотрел на них, вытаращив глаза. Эстер сняла с плеча ружье и, направив его на Тома, сказала стражнику на слегка подзабытом аэросперанто:

– Сними цепь с арестованного, я его забираю.

Тюремщик пожал плечами. Неизвестно, все ли он понял, но общую идею уловил и быстро отомкнул кандалы, которыми Том был прикован к стене. Эстер схватила Тома за локоть и потащила прочь, быстро кивнув остальным тюремщикам.

Том подумал – может, надо было отказаться с ней идти? Объяснить,

что он ей не доверяет после всего, что она натворила в прошлом. Но момент был явно неподходящий, да и отчасти Том был рад, что она снова решает за них обоих.

Снаружи их ждал Шрайк. Том дернулся, когда мертвое лицо Сталкера обратилось к нему.

– Все нормально, – сказала Эстер. – Он теперь наш друг.

– Ну да, – кивнул Том, вспомнив, что говорил Тео, но поверить все-таки было трудно. – Здравствуйте, мистер Шрайк! Извините, что я вас убил.

Шрайк чуть-чуть поклонился и ответил:

– Я НЕ ОБИДЕЛСЯ.

Небо над головой вдруг раскололось, как будто его распороли по шву. С визгом и воем из разрыва хлынул свет – яркий, как день, и белый, как смерть. Земля под ногами качнулась. Шрайк схватился за голову. Его глаза то вспыхивали, то гасли. Сварливые крики солдат и грузчиков на причале сменились испуганными воплями. Эстер тоже закричала, изо всех сил прижимая к себе Тома. Но сверкающий световой клинок не был нацелен на Батмунх-Гомпу. Он уткнулся в горы дальше к югу, сияя и воя, такой яркий, что невозможно смотреть, и такой высокий, что не охватить рассудком. Все небо наполнилось паром, затрещали синие нитки молний.

– Что он делает? – прокричал Том. – В той стороне городов нет…

Ослепительный свет погас. Вой оборвался ударом грома, и вновь вернулась ночь. Земля все еще содрогалась. Эстер все так же стискивала Тома. Шрайк зашипел и встряхнулся, приходя в себя. В том месте, куда ударил луч, поднимался облачный столб, а в его основании разгоралось багровое зарево, будто жаровню разожгли в горах.

– Чжань-Шань! – заговорили вокруг.

– Чжань-Шань! – повторил Том.

Он был страшно напуган. Объятия Эстер немного его утешали, пока он не спохватился и не оттолкнул ее.

– Они направили оружие на Чжань-Шань! Священная гора начала извергаться!

– Кому это надо, вулканы взрывать? – спросила Эстер, злясь на себя за то, что обняла Тома.

Вокруг звонили колокола, свистели свистки, белые дирижабли уплывали в ночь. Кто может сказать, когда это оружие ударит снова?

– Пошли! – скомандовала Эстер.

Они протолкались через толпу к причалу, где стояла «Дженни Ганивер». К ней уже бежали несколько авиаторов-грозовиков. Эстер

крикнула, что забирает этот корабль. Люк на корме был открыт. Эстер наорала на растерянных портовых рабочих, велела закрыть люк и отойти в сторону. Те, пожав плечами, отсалютовали и отошли, но тут подбежал портовый офицер, крича на аэросперанто:

– Где ваши приказы? Вы из какого отряда? Все дирижабли реквизировал генерал Нага для ответного удара по варварам!

– Нет. – Эстер протянула руку, показывая кольцо Эноны. – Я сама выведу дирижабль из порта. Приказ леди Наги!

Увидев кольцо, офицер хотел было отсалютовать, но остановился, когда услышал имя.

– Леди Нага – пособница муниципально-дарвинистского заговора! – завопил он во все горло. – Друзья! Сюда! Сообщники предательницы Зеро!..

Эстер сжала кулак и, сверкнув кольцом, резко ударила офицера в живот, а когда он согнулся от боли, добавила по голове. Думала совсем убить, но ей не хотелось это делать на глазах у Тома.

Оставив не в меру ретивого служаку корчиться в темноте на краю причала, Эстер поторопила остальных к сходням. От соседних причалов отваливали дирижабли: большие транспортные суда отправлялись забрать войска с плоскогорья. Никто не заметил среди них «Дженни». Красный баллон вскоре растаял в ночи, уходя в сторону от основной группы, через озеро Батмунх-Нор. Портовый офицер наконец отдышался и стал звать на помощь, но «Дженни Ганивер» уже не было видно, только облачко выхлопного дыма расплылось в воздухе над причалом.

Они шли, не зажигая огней, но в окна гондолы просачивался свет извержения на далеком Чжань-Шане – красный, болезненный и такой яркий, что можно было при нем читать. Эстер вела дирижабль, а Том стоял у окна, глядя на серповидный разрез в северо-восточном склоне вулкана. Сама гора оставалась невидимой из-за темноты и расстояния, и казалось – разрез висит в воздухе пылающим полумесяцем.

– Все-таки я не понимаю, – пробормотал Том себе под нос. – Зачем атаковать гору?

Шрайк его услышал.

– ИЗВЕРЖЕНИЕ ЧЖАНЬ-ШАНЯ МОЖЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ НЕДЕЛЯМИ, – сказал Сталкер. – ТУЧИ ПЕПЛА НАРУШАТ ДВИЖЕНИЕ ПО ВОЗДУШНЫМ ТРАССАМ НА ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ. ЦЕЛЫЕ ПРОВИНЦИИ БУДУТ ЗАСЫПАНЫ. ОТ ТАКОГО УДАРА ЗЕЛЕНАЯ ГРОЗА НЕ ОПРАВИТСЯ.

– Значит, ОДИНом действительно управляют города?

– ИМ УПРАВЛЯЕТ СТАЛКЕР ФАНГ.

– Сталкер Фанг жива?!

Шрайк кивнул.

Эстер была полностью сосредоточена на том, чтобы обойти остроконечную скалу, но наконец-то вывела дирижабль на открытое пространство и, слегка расслабившись, оглянулась на своих пассажиров.

– Сделаем круг и возьмем курс на запад, – сказала она. – Том, я могу высадить тебя в Лондоне.

– А как же твоя подруга, леди Нага? – спросил Том.

Он не был знаком с несчастной, но чувствовал себя виноватым, что бросил ее в заточении.

– Может, когда дирижабли Наги уйдут, мы могли бы…

– ЕЕ ОХРАНЯЮТ, – сказал Шрайк. – НАМ НЕ ОТДАДУТ ЕЕ ЖИВОЙ. ЕСЛИ НАГА ОБВИНЯЕТ ЕЕ ИЗ-ЗА ОДИНА, ЕСТЬ БОЛЕЕ ПРОСТОЙ СПОСОБ ЕЙ ПОМОЧЬ. Я НАЙДУ НАЗЕМНЫЙ ПУНКТ УПРАВЛЕНИЯ ОДИНОМ И ПОКАЖУ, КТО НА САМОМ ДЕЛЕ ВИНОВАТ.

– Но наземная станция может быть где угодно! – возразила Эстер.

– СТАЛКЕР ФАНГ ВЕРНУЛАСЬ В ШАНЬ-ГО, – ответил Шрайк и втянул носом затхлый воздух, как будто надеялся унюхать след другого Сталкера.

Он нашел карту Небесных гор и расстелил ее на столе. Ткнул пальцем в провинцию Снежный Веер, потом в Батмунх-Гомпу:

– ЗДЕСЬ ОНА БРОСИЛА ПИЯВКУ, ЗДЕСЬ – УБИЛА ПОПДЖОЯ. ОНА ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ, В ГОРАХ. ВЫСАДИТЕ МЕНЯ, И Я НАЙДУ ЕЕ.

Том сказал:

– У Анны Фанг был дом в месте под названием Эрдэнэ-Тэж. Мы нашли документы на право собственности, когда забрали «Дженни». – Он показал точку на карте. – Может быть, она вернулась домой?

– ВОЗМОЖНО. СТАЛКЕР ФАНГ УТВЕРЖДАЛА, ЧТО У НЕЕ СОХРАНИЛИСЬ ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ. ОНИ МОГЛИ ПРИВЕСТИ ЕЕ К ПРЕЖНЕМУ ЖИЛИЩУ.

Тому было приятно, что Сталкер одобрил его предположение.

– Как вы думаете, мы должны вернуться в Батмунх-Гомпу и сообщить кому-нибудь? – спросил он.

– Ни в коем случае! – ответила Эстер.

– НАМ НИКТО НЕ ПОВЕРИТ, – сказал Шрайк. – НАС СЧИТАЮТ ПРИХВОСТНЯМИ ВРАГА. Я ДОЛЖЕН ПОЙТИ В ЭРДЭНЭ-ТЭЖ И

НАЙТИ ЕЕ.

– Это ты сам придумал? – спросила Эстер с подозрением. – Или у тебя в мозгах заработала очередная секретная программа Эноны?

Шрайк повернулся к ней:

– НЕ ЗНАЮ, НО ДОКТОР ЗЕРО ВОССТАНОВИЛА МЕНЯ РАДИ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЦЕЛИ. ТОЛЬКО Я МОГУ УНИЧТОЖИТЬ СТАЛКЕРА ФАНГ. Я ДОЛЖЕН ОТЫСКАТЬ ЕЕ И СНОВА ПОКОНЧИТЬ С НЕЙ.

– Ты вроде не можешь убивать?

– СТАЛКЕРЫ – НЕ ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА. СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ЭТО НЕ БУДЕТ УБИЙСТВОМ, – терпеливо объяснил Шрайк. – А ЕСЛИ БЫ И БЫЛО, ЭТО НЕОБХОДИМО СДЕЛАТЬ.

Он махнул громадной рукой, показывая на горящую гору за окном:

– ЕСЛИ ПОЗВОЛИТЬ ЕЙ И ДАЛЬШЕ ТВОРИТЬ РАЗРУШЕНИЯ, ПОГИБНУТ МИЛЛИОНЫ ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫХ.

Том сглотнул и сказал с дрожью с голосе:

– Я могу отвести дирижабль в Эрдэнэ-Тэж.

– Том, это не наше дело! – предостерегающе произнесла Эстер.

– Наше, – ответил Том. – Мы единственные в мире знаем, кто за все это в ответе. Если допустим, чтобы и дальше так продолжалось, какой мир мы оставим Рен? Мы должны что-то сделать!

Он хотел рассказать, как связаны ОДИН и Жестяная Книга Анкориджа, но тогда Эстер решит, что во всем виновата Рен, а Том совсем так не считал.

– Я должен что-то сделать, – проговорил он слабым голосом.

– Ладно, – сказала Эстер.

Том был, как всегда, чарующий и невыносимый одновременно. Она никогда не могла устоять перед его нелепой отвагой.

– Хорошо, летим в этот Эрдэнэ-Тэж. Все равно мне больше заняться нечем. Только учти: когда мы туда прилетим, не геройствуй! Ты не будешь рисковать жизнью или пытаться поговорить со Сталкером Фанг. Ты будешь тихо сидеть в дирижабле, а Шрайк пусть идет и убивает ее. И чтобы на этот раз сделал все на совесть!

Глава 45
Жатва

Рен проснулась и сперва не поняла, где она. Вспомнила, что произошло, испугалась, а потом решила, что ей все равно, – главное, Тео с ней, тихонько дышит, уткнувшись лицом ей в шею, и Рен чувствует на себе успокаивающую тяжесть его руки.

Выйдя из Крауч-Энда, они пошли на запад, потому что все известные Рен дороги и тропинки в развалинах вели в западном направлении. Шли несколько часов, все время прислушиваясь, нет ли погони. Они видели, как сгусток огня обрушился куда-то в горы и долго молча стояли, держась за руки и глядя, как в небе за Чжань-Шанем разгорается багровое зарево, – на его фоне вершина громадного вулкана рисовалась четким черным силуэтом.

В конце концов они устроили привал на западной окраине развалин. Здесь сплошное поле обломков распадалось отдельными россыпями; кое-где просто валялись то гусеничный трак, то кусок палубы или громадное колесо. Рен и Тео забрались внутрь такого колеса и укрылись в цилиндрической пещерке футов двенадцати в высоту, – видимо, раньше здесь крепился коленчатый вал (или карданный вал, или еще какая-нибудь штуковина; Рен и Тео плохо разбирались в колесах). По крайней мере, здесь было сухо и не слишком холодно. Они прижались друг к другу покрепче, пристроив рюкзак Рен вместо подушки, и мгновенно провалились в сон.

А сейчас в устье пещеры брезжил тусклый свет. Рен осторожно разбудила Тео и пролезла мимо него к выходу. Выглянув наружу, она увидела в мутном солнечном свете безлюдную окраину развалин. В тумане было не рассмотреть Чжань-Шань, но хорошо видно столб дыма над ним – серый, цвета мокрого сланца, и высотой до неба. Земля как будто чуть дрожала, и Рен послышался глухой рокот вдали.

– Значит, не приснилось, – сказала она. – Зачем Грозе применять новое оружие на своей собственной земле?

– Опять гражданская война какая-нибудь. – Тео налил им обоим воды из фляжки, которую дала в дорогу Лавиния Чилдермас. – Наверное, Нага курочит своих конкурентов.

– Очаровательно, – буркнула Рен. – И к этим людям мы должны идти за помощью?

– Или к ним, или назад к мистеру Гарамонду.

– Логично. Что на завтрак?

– Щебенка, – ответил Тео, открывая коробку, которую Лавиния Чилдермас положила в рюкзак. – Я думаю, изначально это было что-то вроде овсяных лепешек. Наверное, очень питательно…

– Ш-ш-ш!

Рокочущий звук стал громче. Теперь земля определенно дрожала. От толчков со старого колеса сыпались крупинки ржавчины.

– Вулкан? – спросила Рен.

Тео покачал головой.

Они вылезли из своего убежища и остановились на ободе колеса, глядя на запад. Рокот то становился громче, долетая с порывами ветра, то снова затихал. Земля внезапно дрогнула и вспучилась. Из-под кустарника блеснул металл и в воздух взвился клуб выхлопа.

– О Квирк! – ахнула Рен.

– Хэрроубэрроу, – прошептал Тео.

Рен кивнула. Она и забыла про Вольфа Кобольда. Первая мысль была: «Слава Квирку, мы успели выбраться из развалин!» И тут же ее заслонила другая: «А как же остальные?»

– Надо их предупредить! – сказала Рен.

– Зачем? – откликнулся Тео. – Они и так скоро узнают. Я видел на фронте, с какой скоростью он двигается. Если и здесь пойдет так же, его вот-вот станет слышно в Лондоне.

– А вдруг нет? – возразила Рен. – Дозорные – сопляки совсем, они никогда не слышали городских двигателей. Решат, что это вулкан. Мы и сами сначала так подумали…

Она старалась убедить себя, что лондонцам так и надо, нечего зря обвинять людей и сажать в клетки, но выходило только думать о своих друзьях. Англи и Сааб, Клития, доктор Чилдермас. Даже Гарамонд не заслужил, чтобы его сожрал Хэрроубэрроу. И все пропадет зря – столько лет исследований и тяжелого труда…

– Надо их задержать! – сказала она. – Я поднимусь на борт и как-нибудь их отвлеку. Если хоть полчаса выиграем, уже что-то. Как ты не понимаешь, Новый Лондон должен подняться в воздух сегодня – готов или не готов. Как только он уберется из развалин, Хэрроубэрроу его уже не догонит.

– Ты не пойдешь в одиночку! – сказал Тео.

– Пойду, потому что тебя я не могу взять с собой, ведь ты самый замшелый моховик на свете и совсем не умеешь врать, а Вольф Кобольд

считает, что такие, как ты, вообще не имеют права на жизнь. Поэтому ты спрячешься и пересидишь где-нибудь в безопасном месте.

– Рен! – возмутился Тео.

Она его обняла, крепко-крепко. Было бы так легко просто отойти в сторонку и притвориться, что все это ее не касается, но ведь касалось. Что подумает папа, если узнает, что у нее была возможность спасти город, а она этот шанс прохлопала?

Она поцеловала Тео и сказала:

– Иди! Хэрроубэрроу иногда высылает вперед пеших разведчиков. Если они тебя поймают, вопросов задавать не будут. Пожалуйста, иди!

– Как я тебя потом найду?

– Не знаю, – сказала Рен, отстраняясь.

Моторы Хэрроубэрроу взревели.

– Я что-нибудь придумаю! – пообещала Рен.

Никак не получалось заставить себя выпустить его руки.

– Слушай, боги столько сделали, чтобы мы встретились; так неужели они позволят какому-то дурацкому жутко опасному бронированному пригороду встать между нами?

Она запнулась, чувствуя, что начинает лепетать впустую. Так было и на причале в Ком-Омбо. Кажется, сейчас она способна наболтать что угодно, кроме того, что действительно хочет сказать.

В конце концов Тео сказал вместо нее:

– Я люблю тебя.

– Ой, правда? Я тоже! В смысле – тебя. Я тебя люблю.

Она попятилась и все-таки оторвалась от него. «Ну вот, – подумала Рен. – Я ему сказала. Хоть об этом теперь можно не жалеть, когда отправлюсь в Страну, не ведающую солнца». Она повернулась и пошла прочь, спотыкаясь среди колючего кустарника и кусков ржавеющего железа, на север, чтобы оказаться на пути Хэрроубэрроу.

– Прячься! – крикнула Рен, видя, что Тео так и стоит в тени отломанного колеса, беспомощно глядя ей вслед. – Иди прячься!

А сама побежала дальше, наполовину боясь и наполовину надеясь, что он все-таки упрется и пойдет с ней вместе.

Когда оглянулась в следующий раз, его уже не увидела.

Тео отбежал недалеко, в заросли ольхи на дне старой городской колеи. Там он остановился. Страшно не хотелось отпускать Рен, но он понимал: если Хэрроубэрроу правда так ужасен, как она рассказывала, его там ждет верная смерть, и ничего больше, да еще он подвергнет опасности Рен, ведь

Кобольд наверняка задумается, почему она путешествует с антидвиженцем.

Но он не мог просто так спрятаться.

Он повернул на восток и размашистыми шагами пустился вглубь развалин. Лондонцы все-таки неплохие люди. Нужно хоть как-то их предупредить. Он добежит до ангара в западном конце Холлоуэй-роуд и скажет караульным, кто приближается к их городу.

Сорняки доходили Рен до пояса. Небо потемнело, затянутое пеленой дыма из дальнего вулкана. Подходящая погодка для конца света. Двигатели Хэрроубэрроу зазвучали тише. Рен представила, что Вольф Кобольд сейчас стоит на мостике и осматривает местность в перископ. Она сняла куртку и вывернула наизнанку. Красная шелковая подкладка выцвела и порвалась за время многочисленных приключений Рен, и все-таки это было самое яркое пятно в окружающем пейзаже. Рен забралась на обломок непонятного происхождения и замахала курткой, выкрикивая:

– Вольф! Вольф! Это я! Рен!

Через пару минут она спрыгнула вниз и побрела дальше. Земля подрагивала под ногами – пригород-жнец приближался. Рен то и дело снова принималась махать курткой и кричать, хотя Хэрроубэрроу скрылся из глаз, – он заполз в глубокую борозду. Рен глянула в небо: птиц-Сталкеров не видно. Вот честно, где эта Зеленая Гроза со своим градобитным оружием, когда они так нужны? Лопухи какие-то, позволили Хэрроубэрроу забраться так далеко им в тыл!

Сероватая кочка впереди неожиданно доказала, что она совсем не кочка, выпрямившись и нацелив на Рен ружье с криком:

– Стой!

Рен взвизгнула и уронила куртку. Со всех сторон из кустов выскакивали люди в сером. Рен не узнавала их в лицо, но по одежде и защитным очкам с тонированным стеклами поняла, что это разведгруппа из Хэрроубэрроу.

Рен подняла руки вверх и сказала, стараясь, чтобы голос не дрожал:

– Я – Рен Нэтсуорти. Друг вашего мэра.

Один из разведчиков обыскал ее на предмет оружия, причем, по мнению Рен, более тщательно, чем это было необходимо (наверняка же они понимают, что в лифчике ничего особо смертоносного не спрячешь?).

Командир группы сказал:

– Идти с нами.

И они пошли – вернее, побежали по пересеченной местности, протискиваясь сквозь трещины в отвесных стенках из одной колеи в

другую и переходя вброд лужи на дне. Мужчины двигались легко и уверенно и толкали Рен в спину, когда она начинала отставать. Она уже совсем выбилась из сил, и тут наконец впереди показался бронированный бок Хэрроубэрроу, до половины погруженный в землю и переломанный кустарник.

В броне открылся люк. Разведчики провели Рен внутрь и захлопнули за ней крышку люка. Хэрроубэрроу двинулся дальше, к развалинам.

Было очень странно после всего, что случилось, вновь оказаться на улицах землеройного пригорода. Странно стоять в ратуше Вольфа Кобольда на мягком ковре, среди бархатных штор и красивых картин, в мягком отраженном свете скрытых аргоновых светильников. Рен увидела свое отражение в зеркале и едва узнала эту потрепанную, лохматую лондонскую девчонку.

– Рен!

Его, наверное, вызвали с мостика. На нем были сапоги, брюки-галифе и рубашка без воротника, с большими пятнами пота под мышками. Он похудел, и Рен невольно подумала – легко ли ему далось путешествие в одиночку по вражеской территории. На какое-то мгновение она ему обрадовалась и немедленно ухватилась за это чувство, создав из него улыбку, теплую и застенчивую.

– Герр Кобольд!

– Рен, зачем так официально? – Он подошел и взял обе ее руки в свои. – Я так рад, что ты вышла нас встретить! Что привело тебя сюда? Ты одна? Где твой отец?

– Он все еще в Лондоне, – соврала Рен.

– Лондонцы знают о нашем приближении?

– Пока нет.

– Зачем тогда ты здесь?

– Ждала тебя. Я знала, что ты приедешь…

Она позволила улыбке угаснуть; приняла такой вид, будто вот-вот заплачет, а то и вовсе в обморок упадет. Кобольд усадил ее на стул.

– Ах, Вольф! – сказала Рен. – Папу арестовали! Когда ты ушел, в Лондоне решили, что мы с тобой сговорились. Нас посадили в ужасные клетки – из зоопарка, для зверей. Папа плохо себя чувствует, а они его все равно не выпускают. А я сбежала. Жила в развалинах, поближе к окраине, и все ждала, ждала… Думала, ты никогда не приедешь!

Кобольд обнял ее, прижал к груди. Рен выдавила пару слезинок, а потом вдруг поняла, что если думать о Тео и папе, то начинаешь плакать

по-настоящему.

Она сказала дрожащим голосом:

– Хэрроубэрроу – моя последняя надежда! Ты ведь защитишь папу, правда, после того как съешь Лондон?

– Конечно, конечно, – сказал Кобольд и погладил ее по голове. – К вечеру мы будем у Крауч-Энда. Лондонцы и все их имущество станут нашей добычей. Твой отец будет в безопасности.

Рен отшатнулась, глядя на него с ужасом.

– К вечеру? Это слишком поздно! Они сегодня днем улетают! Дату отлета перенесли из-за всех этих сражений… Ох, скорее надо!

Вольф покачал головой:

– Невозможно. Вокруг развалин нам быстрее не пройти.

– Покажи! – попросила Рен, утирая лицо тыльной стороной измазанной в земле ладони.

Вольф повел ее по задымленным улицам и через пищеварительную верфь, где готовили к действию тяжелые режущие механизмы. Потом они поднялись на мостик. У руля стоял Хаусдорфер. Вместо приветствия он кивнул Рен, сверкнув своими странными очками. Стал что-то говорить Кобольду по-немецки, но молодой человек отмахнулся и подвел Рен к столу, на котором была расстелена карта развалин. Вольф, должно быть, начертил ее по памяти, когда вернулся в Хэрроубэрроу. Рен сразу заметила несколько ошибок и больших белых пятен в центре, куда Вольф так и не добрался.

Он взял измерительный циркуль и провел им вдоль извилистой линии, идущей по северному краю основного массива обломков, а потом ткнул в Крауч-Энд.

– Вот такой маршрут я наметил…

– А почему не пойти прямо, через середину? – спросила Рен.

– Я не знаю, что там. Возможно, развалины непроходимы. И к тому же еще эти электрические разряды, о которых говорили лондонцы…

– Сказки! – фыркнула Рен. – Как ты и подозревал, сильфиды – просто выдумка, чтобы мы не лезли, куда не просят. Тот разряд, что мы видели в первый день, подделали мальчишки Гарамонда – спрятались в развалинах с электрическим ружьем. Слушай, если хочешь наверняка добраться до Крауч-Энда, пока новый город не подняли в воздух, надо вот тут ехать! Там такая как бы долина посредине развалин, почти до нужного места. И дозорных там нет, дольше не заметят.

Она взяла карандаш, который висел на разлохмаченной веревочке на углу стола, и провела по карте линию с запада на восток. Точно вдоль

Электрической дороги.

Мальчишки, дежурившие возле «Археоптерикса», услышали приглушенный гул моторов на западе примерно в то же время, когда Тео добрался до ангара. Они стояли на высокой насыпи из металлолома и вглядывались в мутную мглу. Карабкаясь вверх по склону, Тео услышал, как один сказал другому:

– Ничего не вижу. Это вулкан.

Другой ответил:

– А может, двигатель дирижабля. Может, там, над смогом, дирижабль кружит…

– Это не дирижабль! – крикнул Тео и тут же отскочил в сторону – мало ли, вдруг они решат стрельнуть в него из арбалетов.

Но они только таращили глаза. Те же мальчишки, с кем он разговаривал вчера. Тео поднапряг память и вспомнил, как их зовут: Уилл Холсворт и Джейк Хенсон.

– Уилл! – Он пошел к ним, протягивая вперед руки; пусть видят, что он без оружия. – Джейк! Сюда приближается пригород Хэрроубэрроу. Предупредите всех! Надо срочно уводить ваш новый город.

– Не слушай его! – предупредил Джейк напарника. – Он моховик! Мистер Гарамонд сказал…

– Мистер Гарамонд ошибается, – напирал Тео. – Был бы я моховиком, разве пришел бы вас предупредить насчет Хэрроубэрроу?

– Может, нет никакого Хэрроубэрроу, – возразил Уилл, наморщив лоб. – Может, это просто моховицкие хитрости.

Рычание моторов заглушило его слова. Оно доносилось откуда-то с юго-запада. Стал слышен и грохот падающих железных обломков. Лондонцы выпучили глаза. В небо на юге поднялись тучи пыли и ржавчины.

– Он выходит на поверхность! – закричал Тео. – Уже добрался до края развалин! Пошли скорее!

– А «Птерикс» как же? – спросил Джейк. – Мы не можем его здесь бросить!

– Надо позвать Лурпака или Клитию…

– Некогда! – заорал Тео.

Ржавая палубная плита под ними затряслась, отзываясь на движение голодного пригорода, который бурил себе дорогу через развалины за милю от ангара.

– Мы-то дирижаблем управлять не умеем! – захныкал Уилл.

– Я умею.

– Ага, уведешь его к своим вонючим друганам-моховикам! Нашел дурачков!

– Уилл! – крикнул Тео. – Ну поверь ты мне! Я не дружу с Зеленой Грозой!

Он бросился в ангар, к «Археоптериксу».

– Горючим заправлен?

– Вроде, да. Вчера Лурпак Флинт приходил, что-то с ним делал.

Тео дернул дверцу гондолы. Она была заперта, а когда Тео спросил про ключи, Уилл с Джейком только глазами захлопали. Тогда Тео подобрал какую-то здоровенную железку и выбил дверь, потом выдернул из-за пояса Уилла нож и принялся рубить швартовочный канат.

– Наверное, управление заблокировано, – крикнул он, не прекращая работу. – Не важно, ветер попутный. Даже если я не смогу включить двигатель, все равно получится быстрее, чем бежать до Крауч-Энда пешком.

Уилл и Джейк начали было возражать, но быстро сдались и стали помогать Тео. Канат распался надвое. Дирижабль дернулся. Тео заметил две ракеты на пилонах под передними двигателями. Если добраться до Крауч-Энда и уговорить команду «Археоптерикса» вернуться сюда вместе с ним, есть шанс остановить или хотя бы замедлить Хэрроубэрроу. Тео слыхал, что метко нацеленная ракета может обездвижить целый город, если попадет в выхлопную трубу или в опору гусеничного трака. Тогда Новый Лондон успеет улететь, а Тео, может быть, проберется на борт пригорода-жнеца и отыщет Рен.

Мальчишки еле успели вскочить в гондолу – дирижабль уже пошел вверх. Тео обнаружил, что рулями высоты и направления орудовать можно, только двигатели включить нельзя. В окна пробивались солнечные лучи – «Археоптерикс» поднялся над ангаром, волоча за собой камуфляжную сетку и вырванные с корнем деревца. Свежий ветер уже подталкивал его на запад, и Тео развернул дирижабль носом в сторону Крауч-Энда.

Первая ракета пробила оболочку в носовой части, прошила дирижабль по всей длине и взорвалась в центральной газовой ячейке. Из кормы вырвалась струя огня. Гондола накренилась, Уилл с Джейком завопили. Дергая бесполезные рычаги, Тео увидел, как, прикрываясь клубами дыма от «Археоптерикса», мимо проплыл еще один дирижабль, небольшой вооруженный грузовой кораблик, белого цвета и с зеленым зигзагом молнии – символом Грозы. Как только он обогнал их, из пулеметного гнезда на хвосте высунулись стволы пулеметов и пули защелкали по

качающейся гондоле «Археоптерикса». Уилла отбросило назад, прямо в разбитое окно.

– Уилл! – закричал Джейк; Тео едва успел его оттащить.

Сквозь дым он на мгновение увидел развалины. Над ними, совсем низко, кружила зловещая стая белых дирижаблей. В Лондон прибыла Зеленая Гроза.

Глава 46
Короткий путь

Боевые дирижабли кружили над Крауч-Эндом так низко, что всем было видно поблескивающие под брюхом ракеты и крупнокалиберные пулеметы системы «Божественный ветер»[38] на вращающихся платформах. Кое-кто из лондонцев похрабрее схватились за арбалеты и электрические ружья, но мистер Гарамонд заорал, чтобы они не валяли дурака. Он ненавидел Зеленую Грозу, но понимал, что принять бой – чистое безумие.

Кто-то привязал к палке от метлы белую простыню, и Лен Пибоди отчаянно замахал ею навстречу приземляющемуся дирижаблю. Это была «Фурия» – единственный по-настоящему боеспособный корабль во всем флоте, но лондонцы не заметили, насколько потрепаны остальные корабли. Все внимание отвлекли на себя солдаты и боевые Сталкеры, которые хлынули из люков «Фурии», как только она снизилась.

Первым выпрыгнул генерал Нага – доспех самортизировал удар при приземлении. Выпрямившись с мечом в руке, Нага глубоко вдохнул отдающий землей и ржавчиной воздух. Рядом шумно высаживались его люди. Он взглянул направо. Два дирижабля приземлились на высокий холм из обломков, другие кружили поблизости. Один отряд теснил лондонцев по тропе, ведущей с холма.

– Позиция взята, ваше превосходительство! – доложил заместитель Наги, субгенерал Тхьен, подбегая к нему и опускаясь на одно колено.

– Сопротивление?

– Наш вооруженный грузовой дирижабль расстрелял судно, которое поднялось в воздух на западной окраине развалин. А дирижабль огневой поддержки «Отомстим за Цветок Ветра» сбит чем-то вроде электрического разряда и уничтожен вместе со всей командой. Перед этим они сообщили о движении в западной части развалин. Я отправил на разведку «Алчущего призрака».

Нага широкими шагами двинулся к замершим лондонцам. Ноги с хрустом проваливались в сугробы ржавчины, неприятно напоминая звук, с каким сломался нос Эноны под его кулаком. «Не думать о ней! Она – предательница», – сурово сказал себе Нага. Половина флота взбунтуется, если он не поступит с ней по всей строгости. Нужно быть сильным, чтобы спасти добрую землю от варваров с их новым оружием.

Но варвары слегка разочаровали. Оборванные, чумазые, безоружные –

всего несколько самодельных ружей и луков, да и те они побросали, когда увидели, как высаживается войско Наги. Боги и богини, у них даже огороды устроены, как у нормальных людей! Главным у них был перепуганный человечишка с официальной цепью из металлолома на шее.

– Чесни Гарамонд, – представился он на англичанском. – Лорд-мэр Лондона. Буду вести переговоры от лица моих людей.

– Где передатчик? – рявкнул Нага.

– Что-что? – Гарамонд в страхе уставился на него.

Нага занес меч, но избитое, в синяках и с опухшим носом лицо человечка вдруг снова напомнило ему Энону. Доспех загудел и заскрежетал, пытаясь скомпенсировать быстрое движение дернувшейся назад руки.

– Где вы его прячете? – загремел Нага. – Мы знаем, что управляющий сигнал идет из Лондона. Иначе почему вы здесь затаились на годы? И только что уничтожили наш корабль ударом своих электрических пушек?

– Это не мы! – стал уверять человечек. – Просто спонтанные разряды от старого металла. Ваши аэронавты слишком близко подошли к Электрической дороге. Простите.

– А передвижения ваших людей в глубине развалин? Мне сообщили в донесении!

– Там ничего нет, разве только наши мальчишки дежурят на сторожевых постах, – ответил Гарамонд. – Пожалуйста, не трогайте их, это просто дети…

Нага развернулся к своим войскам:

– Этот дикарь ничего не знает! Найдите мне инженеров!

– Уже исполнено, господин!

Подбежал мичман во главе отряда Сталкеров. Каждый Сталкер держал по лысому, отчаянно брыкающемуся пленнику. К ногам Наги бросили старуху. Он дал знак своим людям отойти и подождал, пока она с трудом поднимется на ноги.

– Где передатчик?

Инженер смотрела на него с любопытством. У Наги появилось неуютное ощущение, будто она чует бурю вины и страха, бушующую за его невозмутимым лицом.

Она сказала:

– У нас нет никакого передатчика, сэр.

– Тогда как вы подаете сигналы своему оружию на орбиту?

Ее глаза расширились, и у Наги на единый миг закралось сомнение. Лондонцы принялись шептаться между собой, пока люди Наги тычками и

угрозами не заставили их замолчать.

Инженер сказала:

– Они удивляются, генерал. Все здесь были убеждены, что это вы управляете новым оружием. Не мы – уж точно. Мы ни с кем не хотим враждовать, просто строим для себя новый город.

– Ах да, летучий город! Я не поверил, когда ваш агент стал о нем болтать в Батмунх-Гомпе, и сейчас не верю. Да заткните этих варваров! – заорал он своим.

Варвары смотрели на него с ужасом. Заплакал ребенок, мать поскорее на него шикнула. Наге стало стыдно.

Когда он снова повернулся к старухе, та протянула к нему худую руку с лиловыми прожилками вен:

– Пойдемте, сами увидите…

Ударный корабль «Алчущий призрак» завис над дымящимися обломками «Археоптерикса». Убедившись, что выживших нет, он двинулся на юго-запад проверить движение, о котором сообщила команда «Отомстим за Цветок Ветра», перед тем как из развалин выметнулась электрическая петля и утащила их. Капитан «Алчущего» поднял свой корабль повыше, чтобы не повторить их судьбу. И почти сразу увидел, как дрожат и смещаются груды обломков прямо под ним. Пока он растерянно смотрел, не понимая, что происходит, ржавый кусок городской гусеницы отвалился в сторону и из-под земли высунулся иссеченный царапинами бронированный корпус пригорода.

В ту же секунду пригород заметил висящий над ним дирижабль. В броне открылись шахты пусковых установок, и целая стая ракет рванулась к «Алчущему», срывая с креплений двигатели, разбив надвое гондолу, оторвав стабилизатор. Дымясь и разваливаясь на куски еще в воздухе, «Алчущий» медленно дрейфовал по ветру, а Хэрроубэрроу упорно бурил себе дорогу внизу.

– Проклятье! Только этого не хватало!

Гневный крик Вольфа Кобольда ударил по нервам. Рен была уверена, что Хэрроубэрроу уже близко к западному концу Электрической дороги, и ждала, когда вспыхнет первый разряд. Тогда Вольф поймет, что она его предала. Но пока что, кажется, еще все хорошо. Вольф заметил, как она вздрогнула, и подошел к ней – Рен забилась в угол, чтобы никому не мешать.

– Не о чем беспокоиться, Рен, – сказал Вольф. – Носовые ракетные

батареи сбили боевой дирижабль Зеленой Грозы. Дикари уже в Лондоне.

– Ох!

– Не волнуйся! – Он рассмеялся, видя ее огорчение. – Мы уже имели дело с Зеленой Грозой. Дозорные сообщают, что здесь только старые корабли – грузовые, транспортники, всякая рухлядь. Видимо, по мнению Наги, твои лондонские друзья не заслуживают, чтобы к ним отправляли регулярные войска. Мы легко справимся.

Он выкрикнул несколько приказов Хаусдорферу. Тот, в свою очередь, заорал в переговорную трубку рядом со штурвалом. Хэрроубэрроу прибавил скорость. Палуба и стены содрогались каждый раз, как пригород отбрасывал с дороги громадные куски ржавого железа. Целые гусеничные траки и части развалин обрушивались на корпус или сминались под тяжелыми гусеницами. Рен пришлось опереться о стол обеими руками. Вольф Кобольд поддержал ее, обхватив рукой за талию.

– Все будет хорошо, – пообещал он. – Через час будем на месте. Спасибо, Рен, что показала короткую дорогу. Я этого не забуду.

Может, никакие сильфиды и не появятся, подумала Рен. Или они уже бьют по корпусу Хэрроубэрроу, но не могут повредить мощную броню. Может, она своей уловкой добилась только того, что Новый Лондон слопают еще скорее.

А так ли это плохо? Пусть лондонцы получат свое – за то, как с ней обошлись. Может, еще и польза будет. Рен представила, каким прекрасным и могучим станет Хэрроубэрроу с помощью технологии доктора Чилдермас: многоярусный летающий город. А она – хозяйка города! Фрау Кобольд, первая леди нового Хэрроубэрроу. После лондонских развалин жизнь среди изысканной мебели и книг рисовалась очень даже привлекательной. А Вольфа она приручит, заставит поступать с рабочими и пленниками по совести…

– Рен, мы вступаем в твою долину, – сказал Вольф, выслушав очередной отчет Хаусдорфера, который сейчас дежурил у перископа. – Впереди все чисто, как ты и обещала.

Тео с Джейком бежали, не разбирая дороги, продираясь через колючую проволоку и стальные тросы, перелезая через упавшие опоры – огромные, как поваленные секвойи. Одежда у обоих обгорела во время крушения «Археоптерикса». Они не представляли себе, где находятся и куда бегут, и не слышали друг друга за грохотом моторов и скрежетом рвущегося металла – эти звуки, казалось, шли со всех сторон сразу: и с неба над головой, и даже из-под земли.

Расщелина между горами мусора. Нечто вроде тропинки, а скорее – промоина, где дождевая вода стекала с кручи. Джейк бросился туда, что-то крича на бегу. Тео заторопился за ним и вдруг увидел среди обломков табличку, полузасыпанную хлопьями ржавчины, которые насыпались сверху, когда здесь все тряслось из-за проползающего поблизости тяжелого пригорода. Грубо намалеванный знак: череп и кости. «ОПАСНО!»

Тео вспомнил, чтó Рен говорила про Электрическую дорогу.

– Джейк!

Джейк впереди, спотыкаясь, выскочил из расщелины в широкую, опаленную огнем долину.

– Берегись! – завопил Тео, перекрикивая шум, за которым даже собственные мысли невозможно расслышать. – Назад! Под молнию попадешь!

– Чего?

Джейк и в самом деле попался, только дело было не в молнии. Из крутого склона долины высунулось громадное стальное рыло. Джейк рванулся назад, к Тео, но тут на него обрушился стальной гусеничный трак с растопыренными когтями, словно гигантская лапа. Колесо высотой в два этажа прокатилось по нему и двинулось дальше, за ним – еще и еще. Урча и завывая моторами, пригород выбрался из груды металлолома и начал разворот, готовясь двигаться по долине на восток. Не такой уж большой пригород, но Тео казалось – он заслоняет собой весь мир. Стена брони, усеянная узкими смотровыми щелями, амбразурами, вентиляционными отверстиями, крышками люков и рядами заклепок. Люди где-то там внутри и знать не знают о мальчишке, которого только что раздавили гусеницами.

Мусорный склон под ногами Тео качнулся и поехал вниз, в неспокойное земляное море. Тео бросился бежать, но плоский кусок палубы, на котором он стоял, все сильнее кренился, так что Тео приходилось карабкаться по почти отвесному склону, напрасно ища, за что ухватиться. Он упал, ударился о еще какой-то обломок, отчаянно замахал руками, заскользил вниз и шлепнулся в жидкую грязь у подножия.

Он лежал, весь дрожа и радуясь, что тухлая вода просачивается сквозь одежду. Раз он ощущает ее холод – значит жив.

– Спасибо Тебе, Господи! – прошептал Тео. – Спасибо!

Потом открыл глаза и понял, что благодарить особо не за что.

Корявые деревца вокруг лужи, куда он упал, стояли обугленными статуями. А за ними был Хэрроубэрроу. Стальное цунами катилось прямо на Тео, гоня перед собой волну металлолома. Тео с трудом поднялся и побежал, но из развалин впереди полыхнуло, грохнуло, дрожащая тень Тео

заметалась на сугробах ржавчины у края лужи.

Слепящие жгуты электричества протянулись между Хэрроубэрроу и склонами по сторонам долины. По металлической шкуре пригорода плясали молнии, ныряли в бойницы и ракетные шахты, поджигали остатки растительности, зацепившейся за гусеницы и носовой щит. Рев двигателей сбился, потом совсем смолк, а вместо него раздался потрескивающий, похрустывающий звук, как будто Бог сминает обертки от конфет.

В мерцающем голубоватом свете Тео, разбрызгивая воду, перебежал через неглубокую лужу и запрыгнул на единственную деталь пейзажа, которая не была металлической, – валун, вывороченный когда-то из земли гусеницами Лондона. Тео вскарабкался на сухую верхушку камня, молясь, чтобы его движения и мокрая одежда не притянули к себе электричества. Небо над головой скрылось в сетке голубого огня; Хэрроубэрроу сплошь покрылся световыми росчерками. В завалах металлолома у подножия валуна то и дело проскакивали искры, жидкая грязь шипела и пузырилась. Дерево на краю лужи вспыхнуло и сгорело, как спичка.

Внезапно все прекратилось. Последние искры с треском промчались по дуге от Хэрроубэрроу к склонам. Обломки и мусор, грохоча, осыпались с гусениц. Потянуло дымом. Пахло озоном. Тео вспомнил, что надо дышать.

Хэрроубэрроу застыл неподвижной махиной. На броне остались дымящиеся рубцы там, где ее касались сильфиды.

– Рен? – в тишине позвал Тео. – Рен?

Глава 47
Бой за Крауч-Энд

Генерал Нага стоял на наклонном полу Родильного отделения и смотрел снизу вверх на Новый Лондон. Нага видел свое отражение в плавном изгибе брюха крохотного города и еще другие – в подвешенных к нему снизу, странных, тусклых зеркалах. Кому могло быть нужно построить такую штуковину? Неужели Нэтсуорти говорил правду? И лондонцы в самом деле верят, что эта конструкция сможет летать?

Он постарался отмести сомнения. Дело привычное, ведь он солдат, но сегодня почему-то сомнения не желали уходить и грызли его все сильнее. Если лондонские инженеры в самом деле строили этот безумный город, и ничего больше, где тогда передатчик, который управляет новым оружием? Получается, Энона тоже говорила правду? Неужели он зря опозорил ее и ударил?

Солдаты, посланные на борт Нового Лондона, уже спускались обратно по крутым подвесным трапам. Молоденький офицер-связист, которого Нага назначил командовать обыском, подбежал к нему, скользя по маслянистому полу, и отсалютовал.

– Ваше превосходительство, мы не нашли ни следа передатчика! Во всяком случае, настолько мощного, чтобы достать до орбиты.

Нага отвернулся. Закрыв глаза, увидел перед собой Энону. Она улыбнулась обычной своей застенчивой улыбкой и произнесла: «Я же тебе говорила».

«И что теперь? – подумал Нага. – Дальше-то что?»

– Уничтожить варварский пригород? – спросил связист.

Нага посмотрел на странное устройство. Движущиеся города, все до единого, противны природе. Мир должен снова стать зеленым. Но сегодня он почему-то не мог себя заставить отдать такой приказ и обрадовался, когда к нему подбежал еще один офицер, крича:

– Генерал Нага! «Алчущего призрака» сбили! Кто-то приближается с запада!

Нага выхватил из ножен меч и зашагал наружу – в тусклом сероватом свете дня, через толпу солдат и перепуганных лондонцев. Над грудами мусора и ржавого металла разносился далекий рокот наземных супердвигателей Стирлинга[39] «Ц-50». «Слава богам! – подумал Нага. – Пригород-жнец!» Наконец что-то такое, что можно уничтожить без всяких

угрызений совести. Он обернулся к офицеру, собираясь отдать приказ об атаке с воздуха, но сказать ничего не успел. Шум двигателей внезапно оборвался, и вместо него послышался оглушительный треск… Прикрывая глаза ладонью, он увидел, как над развалинами сверкают молнии.

– Сильфиды! – закричал кто-то в толпе лондонцев. – Наверное, эти бедолаги поперлись прямо на Электрическую дорогу! Их и поджарило!

На мостике Хэрроубэрроу струйки дыма закручивались медленными кольцами. Рен смотрела на них, лежа на полу лицом вверх. Мигали красные лампочки аварийного освещения. Кто-то застонал. Послышались еще голоса и злые крики в разных концах пригорода. Их больше не заглушал шум моторов.

Рен попробовала понять, не ранена ли она. Скорее всего, нет. В нее кто-то врезался, и она упала – может быть, на пару секунд потеряла сознание. Ее трясло, и в голове теснились картины всего только что увиденного: искры сыплются из отказавших приборов и взрывающихся панелей управления; дико кричит рулевой, а металлический штурвал у него в руках превращается в круг синего огня.

Наверное, план сработал. Наверное, нужно радоваться.

Вольф Кобольд, шатаясь, поднялся. Кровь у него на лице казалась черной в красном свете.

– Встать! – хрипло закричал он. – Свистать всех наверх! Двигатели мне нужны в рабочем состоянии! Хаусдорфер, спуститесь в машинное и принесите мне отчет о повреждениях! Лоркас, выведи нас из этого проклятого электрического болота… Збигнев, организуй разведгруппы, пусть выходят немедленно!

– А молнии как же?..

– Не знаю, что это за пакость, но сейчас они прекратились. Выдохлись на время. Нельзя, чтобы лондонцы удрали, пользуясь нашей задержкой!

Збигнев начал выкрикивать приказы в переговорные трубки, а Лоркас тем временем отодрал от штурвала труп рулевого и бросил на пол. Рен бочком двинулась к трапу. Со всех сторон оглушенные люди начинали шевелиться, слышались стоны, испуганные вопросы и ругань.

Кто-то спросил по-англичански:

– Тэтчер всемогущая, что случилось-то?

– Она! – Хаусдорфер встал, цепляясь за спинку Кобольдова стула, и показал пальцем на Рен. Руки у него тряслись почти так же, как у нее. – Она завела нас сюда!

Кобольд посмотрел на нее:

– Нет.

– Вольф, это она! – прорычал Хаусдорфер, расстегивая кобуру у пояса. – Подумай головой, а не сердцем! Она знала, что так будет! Рассчитывала нас поджарить и защитить своих дружков!

– Нет, – повторил Вольф, но Рен видела, как он переменился в лице.

Он старался поверить в ее невиновность – и не мог.

Рен побежала. Человек, стоявший возле трапа, дернулся ее схватить, но она изо всех сил пнула его между ног, проскочила мимо и кинулась вниз, через люк в полу. Стальные перекладины стрекались электричеством, так что руки начали неметь. Рен слышала, как Вольф крикнул: «Держи ее!» – и его люди бросились исполнять приказ, но по сравнению с ней они были неповоротливыми. Рен уже окунулась в дым и полумрак пищеварительной верфи.

До палубы оставалось всего пара-тройка футов. Рен спрыгнула, приземлилась на что-то мягкое, всмотрелась сквозь дым – это был мертвец. Сгорел от электричества, пробившего снизу сквозь палубу. Рен затошнило, ведь это все из-за нее. Может, и мама то же самое чувствовала, когда убивала охотников?

– Рен! – проорал откуда-то сверху голос Вольфа. – Ты же не думаешь, что сможешь удрать?

Рен помчалась дальше, забыв об угрызениях совести. Если кто и виноват, думала она, вовсю работая ногами, то Вольф Кобольд – это он привел сюда свой городишко на охоту. Лестница впереди вела наверх, в лабиринт жилых улочек. Рен рванулась к лестнице, и тут металл под ногами дрогнул, а потом равномерно завибрировал.

– Рен, уже включили резервные двигатели! – крикнул Вольф.

Рен шмыгнула за брошенную посреди дороги градодробилку и, осторожно выглянув, увидела, как Вольф идет в полутьме через двор, настороженно выкрикивая, словно играет в прятки:

– Не ждала, верно? Думала, заманишь Бэрроу в западню с молниями – и готово? Нет, Бэрроу так просто не уничтожить! Он сильнее, чем ты думала! Рен, мы скоро двинемся дальше, а твоих лондонских друзей съедим на ужин! Если будешь себя очень хорошо вести, я тебя не сразу убью. Успеешь посмотреть, как они все умрут…

Рядом с ним посыпались искры от поврежденной соединительной муфты, и в руке Вольфа блеснул клинок. Вольф скрылся за межъярусной опорой, а Рен, воспользовавшись этим, взбежала по лестнице на задымленные сумеречные улицы.

Хотя уже не настолько сумеречные; в шкуре Хэрроубэрроу зияли

громадные дыры, будто кто-то как следует поработал над броней при помощи гигантской открывалки для консервов. Пробивающиеся сквозь дыры солнечные лучи висели в дымном воздухе косыми световыми полосами, и привычные к полутьме хэрроубэрровчане старались их огибать, спеша по ремонтным делам. Целые отряды вооруженных людей пробегали мимо, но у них не было задачи искать Рен. А она держалась в тени, как и все, рысью направляясь к корме и на ходу соображая, как бы выбраться. Кое-где попадались открытые дверцы в броне, но там была давка – группы кладоискателей отправлялись на вылазку. Рен старалась не задумываться, что они станут делать, когда дойдут до Крауч-Энда. По крайней мере, лондонцы предупреждены: треск разрядов от сильфид было слышно, наверное, на полпути к Батмунх-Гомпе. Но даже если успеют приготовиться, разве выстоят они против безжалостных разведчиков из Хэрроубэрроу?

– Рен! – заорали сзади.

Она свернула в темный переулок трубообразной формы под названием Шлюз Седьмого Отводного. Пробежала почти половину, когда сзади послышался быстрый топот.

– Рен! – Нечеловеческий голос, искаженный эхом.

Она рванулась из последних сил, но сильные руки перехватили ее и развернули лицом к преследователю.

– Тео!

– Ты не ранена? – спросил Тео.

Рен помотала головой. Хотела заговорить, но получился только хрип. Она крепко обняла Тео.

– Я влез через люк около носа, – сказал Тео. – Крышка открылась, когда ударила молния. Стал осматриваться, слышу – тебя ловят. Побежал на корму, а там ты. Я ору, зову…

– Я слышала. Думала, это Вольф Кобольд. Я была уверена, что ты далеко, в безопасном месте…

– Я не мог просто так тебя бросить.

Рен обняла его крепче и сказала:

– Тео, здесь нельзя оставаться. Нужно как-то убираться с этой штуковины, она скоро снова поедет. Все было зря. Я думала, что смогу их остановить, а в итоге только разозлила…

Нага бежал по тропинке к Крауч-Энду, а его собранный из чего попало воздушный флот вновь поднялся в небо над Лондоном. Тени дирижаблей скользили по толпе жмущихся друг к другу пленников. Нага поискал

глазами Гарамонда. Тот с несчастным видом сидел на краю грядки.

– Веди своих людей в укрытие! – приказал Нага. – Где-то в развалинах рыщет жнец. Наверняка их разведгруппы уже приближаются сюда. Собери всех в этом вашем Родильном отделении, там мы сможем обороняться.

Гарамонд смотрел на него, запрокинув голову, – ошарашенный, испуганный, толком не понимая, что ему говорят. Словно чтобы убедить его, из развалин сразу в нескольких местах повалил дым. Что-то прожужжало над головой Гарамонда и со звоном ударилось в нагрудную пластину Наги. Генерал пошатнулся и отступил на пару шагов. Потом выправился – доспех скомпенсировал удар. Двое стоявших поблизости солдат Зеленой Грозы закрутились на месте и упали, дергая руками и ногами, словно клоуны. Кто-то из детей засмеялся. Другие солдаты бросились в укрытие, держа ружья наизготовку и крича испуганным лондонцам, чтобы ушли с дороги.

Гарамонд завопил:

– Все в Родильное отделение! В Родильное отделение пройдите, пожалуйста! Быстрее!

Над ржавыми холмами вдруг полыхнуло – один из дирижаблей Наги взорвался, изрыгая дым и языки багрового пламени. Другой дирижабль выпустил ракеты по какой-то наземной цели и тут же застопорился – орудийным выстрелом с земли ему снесло рули и гондолы двигателей. Очевидно, пригород каким-то образом ушел из электрической ловушки. «Хэрроубэрроу», – говорили лондонцы. Имя было Наге смутно знакомо. Неуловимый пригород-призрак, даже разведка Грозы о нем знала только по слухам. В свое время Нага не раз сталкивался со жнецами. Эверкрич и Вервольф, Хольт и Квирк-ле-Дьё[40] – все они сильные бойцы. Оторвешь им гусеницы, расколошматишь двигатели, а они цепляют запасные колеса, подключают аварийные моторы и упорно ломят вперед. Приставив ладонь козырьком к глазам, Нага смотрел, как горят его дирижабли – уже четыре. Слава всем богам, ветер уносит целую тучу спасательных воздушных шаров. Предстоит бой, это ясно.

Нага оглянулся – проверить, выполняют ли лондонцы приказ. Они уже спешили по тропе к Родильному отделению. Кто-то нес кули со скарбом, кто-то держал за руку испуганных детей или помогал ковылять старикам и хворым. Субгенерал Тхьен отправлял в развалины отряды боевых Сталкеров – на случай, если хэрроубэрровчане попробуют взять их в кольцо.

Нага взял у кого-то из убитых солдат карабин и бросил первому же лондонцу, кто попался на глаза, – большеглазой девчонке.

Скомандовал:

– Прикрой огнем.

На миг засомневался – вдруг она против него обратит оружие, но она побежала помогать его солдатам, затаившимся среди металлолома рядом с огородом и постреливающим по горожанам, если те мелькали в развалинах.

Подбежал, пригибаясь, субгенерал Тхьен.

– Ваше превосходительство, а что с новым городом лондонцев? Уничтожить?

Нага посмотрел на длинный узкий клин Родильного отделения. Пули свистели вокруг, как стая ос. Каково это – столько лет прожить на помойке, работать не покладая рук и чтобы в конце концов у тебя отняли результат долгого труда, когда он почти закончен?

Субгенерал Тхьен продолжал говорить:

– Мы не можем пойти на такой риск! Разработанная инженерами технология не должна попасть в руки подонков «Гезельшафта»!

Нага похлопал его по плечу:

– Вы правы, субгенерал! Найдите ту инженершу и скажите ей – пусть запускает двигатели. Новый город обязан улететь немедленно.

У Тхьена за прозрачным щитком шлема глаза полезли на лоб.

– Вы их отпускаете? Это же движущийся город! Мы поклялись уничтожить все мобильные города…

– Это не город, – ответил Нага. – Это очень большой, низколетящий дирижабль, и я позабочусь о том, чтобы он не пострадал.

Тхьен еще полминуты таращил глаза, а потом, что-то сообразив, кивнул и отсалютовал. Затем побежал зигзагами прочь, пригибаясь под пулями, но Нага видел, что он улыбается. Самого Нагу била дрожь; нелегко пойти против всего, во что верил. Но Энона научила его, что иногда приходит время отказаться от прежней веры или изменить ее с учетом новых обстоятельств. Нага знал: она одобрила бы его поступок.

Он перебежал через открытое пространство к огороду и опустился на одно колено рядом с той лондонской девчушкой, которой дал ружье.

– Дитя, как тебя зовут?

– Англи, мистер. Англи Пибоди.

Он сжал ей плечо механической рукой, делясь своей силой, как делал много раз прежде, поддерживая других напуганных юнцов в трудную минуту.

– Ну что, Англи, сейчас мы отступим к Родильному отделению и будем сдерживать этих чертей, пока твои сородичи готовят новый город к отлету.

– Вы нам помогаете, мистер? Ух ты, вот это да!

Свежее лицо и ослепительная изумленная улыбка так ярко напомнили Наге Энону, что, подбегая к своим, он опустил щиток шлема, чтобы они не заметили слез. Он благодарил богов за то, что появился жнец и теперь у него есть с кем сражаться и есть кого защищать. Не запутанная политика, не какое-нибудь супероружие, с которым не знаешь, что делать, – просто возможность умереть, как подобает воину, с мечом в руке, в бою против варваров.

Глава 48
Путешествие в Эрдэнэ-Тэж

Небо над белыми лезвиями гор навевало воспоминания. Том и Эстер почти не разговаривали, пока «Дженни» отдалялась от Батмунх-Гомпы, но им и не нужно было. Каждый и так знал, о чем думает другой. О том, сколько они странствовали на этом дирижаблике, сколько облачных замков облетели, сколько сверкающих морей видели далеко внизу и крохотных, словно игрушечных, городов, воздушных караванов, и торговых факторий, и ледяных гор, отколовшихся от ледников Антарктики… Воспоминания объединяли их, подталкивали друг к другу, но все было отравлено тем, что Эстер совершила в прошлом.

И потому они не разговаривали. Ели и спали по очереди, а когда оказывались в кабине управления вместе, говорили только о горах, о ветре, о том, что в третьей газовой ячейке упало давление. Том достал из тайника электрическое ружье и объяснил, как оно работает. Они летели над мелкими городками, над высокогорными пастбищами и лентами дорог. Других дирижаблей им не встречалось. Том не выключал радио, но они только изредка слышали обрывки боевых шифровок и полузабитые помехами сигналы бедствия на непонятных частотах. Дневной свет все слабел. Небо было затянуто облаками вулканического пепла и дымом горящих городов. «Дженни» пересекла обширное плато. Впереди поднялись заснеженные вершины Эрдэнэ-Шаня.

У Тома мелькнула непрошеная грустная мысль: это его последнее путешествие.

Эстер как будто угадала – взяла его за руку:

– Не беспокойся, Том. Все будет хорошо. Безнадежные задачи нам удаются лучше всего, помнишь?

Она серьезно смотрела на него и ждала улыбки, хоть какого-то знака, что он ее прощает. Но почему он должен простить? Он отдернул руку.

– Как ты могла? – закричал Том.

Гнев, который так долго в нем копился, вдруг разом вырвался наружу с такой силой, что Эстер отшатнулась, как от удара.

– Ты продала Анкоридж! Ты выдала нас охотникам!

– Ради тебя! – Лицо Эстер пылало, шрам казался темным и как будто воспаленным. Голос звучал невнятно, как всегда бывало, когда она волновалась, и Том еле разбирал слова. – Ради тебя, вот зачем я это

сделала! Я боялась, что ты уйдешь от меня к Фрейе Расмуссен…

– И надо было! Фрейя не из тех, кто убивает людей, получает от этого удовольствие и врет потом об этом! Как ты могла мне врать все эти годы? И в Брайтоне тоже… Бросила несчастного маленького Пропащего Мальчишку. Как ты могла?!

Эстер закрыла рукой лицо.

– Я – дочь Валентайна, – проговорила она.

– Что? – Том решил, что ослышался.

– Валентайн был моим отцом.

Том все еще сердился. Он подумал, что это очередная ложь.

– Твоим отцом был Дэвид Шоу!

– Нет. – Эстер покачала головой. – У мамы с Валентайном был роман – еще до того, как она вышла замуж. Мой отец – Валентайн. Я узнала об этом очень давно, на Разбойничьем Насесте, только тебе не говорила. Боялась, ты возненавидишь меня, если узнаешь. Но теперь ты все равно меня ненавидишь, так что можно и сказать правду. Валентайн был моим папой. Том, во мне его кровь, поэтому я легко могу врать, красть и убивать людей, и меня это ничуточки не смущает. Умом я понимаю, что это неправильно, только не чувствую. Вся в папу.

Ее единственный серый глаз выглянул между пальцами, словно она снова стала той застенчивой, надломленной девчонкой, которую он полюбил много лет назад. Вдруг мелькнуло воспоминание – яркое, как солнечный луч. Рен тринадцать лет, и они с Эстер стали часто ссориться. Эстер стоит внизу у лестницы в их доме на Сириус-корт и кричит вверх, обиженно надувшейся дочери: «Вся в дедушку!» Он думал тогда, что она говорит о Дэвиде Шоу, и очень удивился: Эстер всегда рассказывала, что Дэвид Шоу был тихий и добрый человек. Ну конечно, она имела в виду своего настоящего отца.

Остатки гнева схлынули, оставив Тома дрожащим и пристыженным. Каково ей было хранить такую тайну столько лет?

– И Рен тоже. – Эстер шмыгнула носом. Она плакала. – В ней тоже его кровь, иначе почему она украла ту Жестяную Книгу? Почему убежала от нас? Понимаешь, Том, я поэтому должна была уйти. Может, с тобой она выправится и Валентайн не проявится в ней…

– Рен пошла не в *Таддеуса* Валентайна, – мягко проговорил Том.

Он взял ее за руки, отводя их от лица.

– Видела бы ты ее сейчас, Эт! Она такая храбрая и такая красивая! Она похожа на Кэтрин.

Только что он был уверен, что не хочет ее целовать, и вдруг понял, что

ничего другого и не хотел во все время разлуки. То, за что он так сердился: ее поступки, ее ложь и убийства – все это только сильнее привлекало его. В детстве он любил Валентайна, а теперь любит дочь Валентайна. Том стал целовать ее лицо, подбородок, изуродованные, мокрые от слез губы.

– Я тебя не ненавижу, – сказал он.

Высоко под куполом оболочки Шрайк стоял на вахте, высматривая, нет ли погони. До него доносились звуки из кабины управления: шорох движений и то, что они шептали друг другу. Его печалила давняя слабость Эстер к однаждырожденному, и страшила тоже. Он слышал по сбивчивому, болезненному стуку сердца, что Том не проживет долго. Что станет с Эстер без него? Как можно отдать все свои надежды такому хрупкому существу? И все же до него долетали ее тихие слова – только слух Сталкера мог их уловить:

– Люблю тебя люблю Том я только тебя всегда любила только тебя всегда всегда…

Шрайк, смущенный, старался не слушать, сосредоточиться на других звуках. И он расслышал – совсем слабый, за шумом двигателей и ветра в снастях, стук третьего сердца, дыхание еще одних легких и знакомый испуганный стук зубов.

Между стойками каркаса стояли несколько пустых ящиков, а за ними в углу подрагивал сваленный в кучу брезент. Шрайк отшвырнул брезент и уставился на скрючившегося под ним однаждырожденного.

Механическим голосом трудно выразить усталость, но Шрайку это удалось.

– ИТАК, ПРОФЕССОР, МЫ СНОВА ВСТРЕТИЛИСЬ.

– НА БОРТУ ПОСТОРОННИЙ, – объявил старый Сталкер, спускаясь по трапу вместе со своим пленником.

Том и Эстер отскочили друг от друга, торопливо поправили одежду и пригладили растрепанные волосы, неохотно обращая взоры на Нимрода Пеннирояла.

– Простите меня, пожалуйста, простите! – сыпал мольбами он и, прервавшись, добавил: – А, Нэтсуорти, добрый день!

Том неловко кивнул, но ничего не сказал. Он знал, что больше ему не представится возможности побыть с Эстер наедине. Плато сужалось, повышаясь, и до крутых склонов Эрдэнэ-Шаня осталось всего несколько миль.

– Выбрось его за борт! – сердито сказала Эстер, спешно застегивая

рубашку. – Давай его сюда, я сама!

Ей казалось, что, если выбросить Пеннирояла на острые скалы с высоты пары тысяч футов, это поможет ей вернуть утраченное достоинство. Но она понимала, что Том будет против, поэтому сдержалась и спросила:

– Как, во имя всех богов, вы пролезли на борт?

– Не мог же я допустить, чтобы вы так запросто бросили меня в Батмунх-Гомпе, правда? – залепетал Пеннироял. – Поскитт упаси! Не стану я дожидаться, пока Нага мне голову оттяпает или еще что. Публика совсем не так охотно привечает авторов, если их разобрать на запчасти. Ну я и пробрался на борт, пока ребятки из Зеленой Грозы закачивали горючее, и спрятался в трюме. Если бы мистер Шрайк не начал шарить по углам, я бы и сейчас там сидел и никому не мешал. А кстати, куда мы направляемся? В Воздушную Гавань? В Перипатетиаполис? Надеюсь, в какое-нибудь приятное, безопасное место?

– Не осталось безопасных мест, – ответил Том. – Мы летим в Эрдэнэ-Тэж.

– Куда?! А главное, зачем?!

– Мы думаем, что там Сталкер Фанг.

Пеннироял выпучил глаза и забился в хватке Шрайка.

– Она нас всех убьет! У нее дирижабли, солдаты, Сталкеры!..

– Вряд ли, – сказал Том. – Я думаю, она совсем одна. Иначе как бы она смогла вернуться, чтобы разведка Наги ничего не заподозрила?

Он охнул и схватился за грудь. В разреженном воздухе сердце билось с перебоями. На миг Том ощутил чистейшую ненависть к Пеннирояслу. Почему этот старик их преследует? Может быть, нужно рассказать Эстер, что сердце его подводит? Когда она узнает, что старая рана скоро убьет Тома, то не сходя с места прикончит Пеннирояла…

И все-таки Том не хотел ей рассказывать, насколько болен. Хотелось как можно дольше притворяться, что он выживет и сегодня вечером уснет в ее объятиях, а утром они вместе полетят навстречу новым приключениям в неизведанных небесах.

– Свяжем его и запрем в каюте на корме, – сказал Том.

– Но, Том, будь же разумным! – заныл Пеннироял.

– Свяжи его покрепче! Нельзя, чтобы он шнырял по кораблю.

Шрайк уволок брызжущего слюной профессора. Эстер тронула лицо Тома кончиками пальцев и ушла за ними, пообещав, что сама затянет узлы и оставит Шрайка на страже.

Том направил «Дженни» между снежными пиками Эрдэнэ-Шаня.

Выше, выше, и вот уже самые высокие вершины скользят мимо иллюминаторов огромными слепыми кораблями, и в пепельном свете мерцающие снежные поля похожи на привидения.

Когда Эстер вернулась, Том сказал:

– Через полчаса будем над долиной, если старые карты Анны не врут.

– Не должны, – сказала Эстер и обняла его со спины. – В Эрдэнэ-Тэж был ее дом, правильно?

Том кивнул. Хотелось еще раз ее поцеловать, но он не мог даже взглянуть – требовалось все его внимание, чтобы обходить каменные гребни и шпили.

– Анна как-то говорила, что мечтает здесь обосноваться, когда уйдет на покой.

Эстер обняла его крепче:

– Том, если она правда там, то мы позволим Шрайку убить ее, и все, ладно? Ты не станешь с ней разговаривать, спорить и взывать к ее лучшим чувствам, да?

Том смутился. Эстер слишком хорошо его знала. Она угадала полуоформившиеся планы, которые весь день крутились у него в голове.

Он сказал:

– В тот раз, на Разбойничьем Насесте, мне показалось – она меня узнала. Она отпустила нас.

– Она – не Анна, – предупредила Эстер. – Не забывай об этом.

Эстер поцеловала его в ямку за ухом, где бился частый пульс.

– Когда я тебе сказала тогда, на Облаке-девять, что ты скучный, я просто говорила назло. Ты совсем не скучный. А если и да, то в самом чудесном смысле. Мне с тобой никогда не бывало скучно.

Они прошли над перевалом высоко в горах. С восточной стороны местность начала круто понижаться. Вниз, вниз – и перед ними открылась долина, белая, а дальше – зеленая. По дну долины вилась река, в дальнем конце разлилось озеро, и там, на островке, стоял дом, где собиралась жить Цветок Ветра. В старенький полевой бинокль Том разглядел антенну-тарелку на крыше. А потом все небо наполнилось взмахами крыльев.

Эстер едва успела сбить Тома с ног, когда первая волна птиц-Сталкеров выбила стекла в лобовых окнах «Дженни». Две птицы ворвались в кабину, хлопая крыльями и по-дурацки мотая зеленоглазыми головами. Эстер, схватив электрическое ружье, застрелила первую раньше, чем та ее увидела. Вторая с визгом кинулась на Эстер, целясь в глаза острым как нож клювом. Эстер снова нажала на спуск, и птица разлетелась ошметками слизи и перьев. Эстер посмотрела вниз, на Тома:

– Ты как, нормально?

– Да…

Он был бледен и напуган. Эстер неловко выпрямилась, шипя от боли, – от движения заныли перенапряженные мышцы. Эстер выглянула в окно. Вокруг «Дженни» снова кружили птицы, и парочка вовсю трепала гондолу правого двигателя. Эстер просунула электрическое ружье в боковое окно, прицелилась и убила обеих, потом бросила ружье Тому и схватила свое из шкафчика под потолком. В кабине на корме отчаянно вопил Пеннироял. Через приоткрытую дверь Эстер увидела мелькающие крылья и отблеск брони Шрайка, отбивающего птичьи атаки.

– ЭСТЕР! – закричал Сталкер.

– Я в норме, – успокоила его Эстер.

Крылья хлопали и в маленьком медотсеке, где когда-то Анна Фанг лечила ее арбалетную рану. Эстер с ноги распахнула дверь и сразу начала стрелять по птицам – они прорвались через крышу. Ружье было хорошее, паровой «Вельтшмерц-60»[41] с подствольным гранатометом, куплено за гроши в Эль-Хоуле, но в тесном отсеке оно произвело больше разрушений, чем птицы. Наружная стенка стала похожа на решето. Через дыры было видно, как еще несколько птиц набросились на двигатель, он закашлял и умолк. Вращение пропеллера замедлилось.

– Чтоб вас! – сказала Эстер и метко пущенной гранатой разнесла двигатель на куски вместе с птицами.

Снова выглянула в коридор и заорала:

– Том? Ты в порядке?

– Конечно! Сколько можно спрашивать!

– Тогда давай к земле, сажай дирижабль!

– К земле – это не проблема, – хмыкнул Том, пробежавшись взглядом по ряду манометров на приборной доске.

Стрелки на всех стремительно приближались к нулю. Гондола резко накренилась из-за потери правого двигателя. За окнами метались жуткие силуэты, но Том старался не обращать на них внимания – берег ружье на случай, если еще раз птицы прорвутся внутрь. В окнах по левому борту мелькали празднично-желтые сполохи. Горела оболочка.

Эстер пинком открыла дверь каюты на корме. Шрайк методично рвал на куски Воскрешенного орла. Сам Шрайк, весь в слизи и перьях, был похож на пугало.

Он повернул к Эстер мертвое лицо и сказал:

– ДИРИЖАБЛЮ КОНЕЦ.

– Только не «Дженни»! – стойко возразила Эстер. – Том ее аккуратно

посадит. Иди на нос, охраняй Тома.

Она посторонилась, пропуская Шрайка. Эстер надеялась, что птицы заклевали Пеннирояла, но Шрайк их отвлек. Профессор лежал на полу там, где Эстер его оставила, связанный и с кляпом во рту, и умоляюще смотрел на нее круглыми глазами. Эстер подумала, не пристрелить ли его, потом вытащила нож и наклонилась. Пеннироял пискнул от страха, но Эстер всего лишь перерезала веревки у него на лодыжках и запястьях.

Только она снова выпрямилась, остатки стекла в широком окне на корме разлетелись льдинками осколков и всю каюту заполнили огромные черные крылья Воскрешенного кондора. Он кинулся на Эстер, по пути проехавшись когтями по голове Пеннирояла. Эстер, выронив нож, рванула из-за плеча ружье, но поняла, что выстрелить не успеет. Как будто со стороны услышала собственный тоненький, девчачий визг, и вдруг рядом снова оказался Шрайк. Он выдернул ее из-под смертоносного клюва, схватил птицу и притиснул к себе. Железные когти высекли сноп искр из его брони.

«Дженни Ганивер» качнулась от взрыва еще одной ячейки; нос задрался кверху, а корма просела вниз. Эстер швырнуло на Пеннирояла, прижавшегося к переборке. Шрайк, шатаясь, отступал к корме, где за разбитыми окнами мерцали в сумерках горы. Птица была сильна: полураздавленная, она все еще царапалась и хлопала крыльями. Судорожные взмахи сбили Шрайку равновесие, он обрушил койку и врезался в наружную стенку. Послышался треск, доски прогибались под тяжестью Сталкера.

– Шрайк! – закричала Эстер, бросаясь ему на помощь по наклонившейся палубе.

– Эстер, стой! – взвизгнул Пеннироял сквозь кляп, удерживая ее.

Стенка рассыпалась. На секунду лицо Шрайка обратилось к Эстер. Потом он полетел вниз, все еще сжимая в руках кондора.

– Шрайк! – снова крикнула Эстер.

Гондола качнулась и выправилась, приняв горизонтальное положение. Эстер ногой отпихнула Пеннирояла и бросилась к рваной дыре на корме.

– Шрайк!

Ответа не было. И ничего не было видно, кроме дыма, и ветра, и дождя горящих обломков от гибнущего дирижабля.

Только эхом донесся последний крик Шрайка:

– ЭСТЕР!

Селедка сидел на каменной садовой ограде и смотрел, как за горящим

дирижаблем тянется по небу сверкающий след – с высоты вниз, в глубокую тень долины. Ветер уносил звуки, а может, дирижабль горел бесшумно. Во всяком случае, казалось, что все происходит в тишине. Это было очень красиво. Газовые ячейки выбрасывали фонтаны огня, и те осыпались медленно гаснущей золотой пылью. Пылающие птицы, стремясь улететь прочь, падали тоже, а навстречу им в водах озера всплывали их отражения, и в конце концов те и другие соединялись в поцелуе белого пара.

Похрустывающие по снегу шаги за спиной заставили Селедку обернуться. Сталкер наблюдала за пожаром в небе.

– Это «Дженни Ганивер», – спокойно прошептала она. – Кто-то добрый привел ее домой…

Дирижабль приземлился на участке топкой почвы у дальнего берега озера. Дым валил от него во все стороны, но Селедка был почти уверен, что увидел бегущих людей среди тростника. «Мистер Нэтсуорти, – подумал он, – и Эстер». Он вдруг испугался, потому что вспомнил, что обещал сделать с Эстер, и сомневался, хватит ли у него на это духу.

Рука Сталкера легла ему на плечо.

– Нам они не опасны, – прошептала Сталкер. – Мы не будем их трогать.

Но Селедка сжал рукоять ножа под полой куртки, вспоминая, как «Дженни Ганивер» улетела в небо над Брайтоном без него.

Том прошлепал по щиколотку в воде и рухнул в мокрую траву, прижимая к себе драгоценное ружье. Тут же подошла и Эстер, швырнула на землю Пеннирояла. Уцелевшие птицы-Сталкеры с визгом носились вокруг горящей оболочки и все еще рвали ее когтями. Эстер, подняв ружье, выпустила в этот ад последние гранаты. Отсветами взрыва озарилось все озеро, горные склоны вокруг и одинокий дом на островке. Ракеты «Дженни» тоже взорвались, полыхая оранжевым. Потом остались только клубы дыма и пламя, мечущееся в птичьей клетке бывшего дирижабля. Двадцать лет воспоминаний превратились в кучку золы и закопченного металла.

– Том? – спросила Эстер.

– Да, – отозвался он.

В груди у него болело, но не слишком сильно. Может быть, его разбитое сердце исцелилось, потому что они с Эстер снова вместе. Том надеялся на это, поскольку зеленые пилюли остались в каюте «Дженни».

– Наша «Дженни Ганивер», – сказала Эстер.

– Это всего лишь вещь, – сказал Том, утирая глаза обгорелым

рукавом. – Мы целы, это главное. А где Шрайк?

– Он упал. Где-то там… – Она обвела рукой огромное безмолвие гор.

– Он нас догонит?

Эстер хмуро пожала плечами:

– Том, он упал с большой высоты. Наверное, поломался. Может, он умер, и на этот раз некому вернуть его обратно.

– Значит, остались только мы.

И Том снова ее обнял и поцеловал. От нее пахло точно как в ту ночь, когда они поцеловались впервые, дымом и пеплом, и еще резко пахло ее собственным пóтом. Том ужасно ее любил и радовался, что они снова одни, в опасности, в безлюдье, и ничто из сделанного ею не имеет значения.

То есть не совсем одни, конечно. Он забыл про Пеннирояла, а тот приподнялся, встал на колени в болотной жиже и раздраженно промычал сквозь кляп:

– Я вам не мешаю?

Эстер неохотно оторвалась от Тома и кивнула на дом:

– Наверное, нам туда.

– Что ж, пошли.

Том снял с плеча ружье и осмотрел его, а Эстер снова связала Пеннирояла по рукам и ногам, заново скрепив куски веревки, которую сама же разрезала.

– Вы не можете бросить меня здесь, связанного и беспомощного! – пожаловался Пеннироял сквозь кляп.

– Мы не можем позволить тебе бегать тут на свободе, – ответила Эстер. – Ты нас продашь Сталкеру за грош.

– А если вы не вернетесь?

– Молись, чтобы вернулись, – посоветовала она.

Тому было совестно бросать старика, но он понимал, что Эстер права. Им и так грозила серьезная опасность, нельзя было оставлять за спиной бесконтрольного Пеннирояла.

– Как вы намерены отсюда выбираться? – завыл Пеннироял, когда они уже уходили, но ответить на это было нечего, так что Эстер только заткнула ему рот покрепче.

Местность в долине Эрдэнэ-Тэж была суровая, каменистая. Эстер здесь нравилось. Она слышала, как шелестит трава, как пахнет землей, и это напомнило ей Дубовый остров. Она взяла Тома за руку, и они вместе пошли вперед в сумерках, то и дело оглядываясь на пылающий факел – бывшую «Дженни Ганивер». Травянистый склон под ногами круто

поднимался вверх, к причалу для дирижаблей за сосновой рощей. Деревья шумели на ветру, причесывая ветер своими иголками. Тот же ветер глухо гудел о натянутую оболочку воздушной яхты, с виду запертой и бесхозной, но все-таки ее присутствие обнадеживало. Том и Эстер пошли дальше, теперь уже вниз, к плотине, идущей через озеро.

Эстер забрала у Тома ружье. Он заметно вымотался и дышал тяжело.

– Побудь здесь, у дирижабля, а я пойду, – сказала Эстер.

Он покачал головой. Эстер коснулась его лица кончиками пальцев, потрогала губы, теплые по контрасту с холодным воздухом. Они вместе двинулись по плотине к дому. Том шел медленно, и Эстер была этому рада – она могла в любую минуту обогнать его и заслонить от опасности. Раздался какой-то треск, Эстер стремительно развернулась в ту сторону, но это просто льдины у берега скрежетали друг о друга. Ближе к середине вода была свободна ото льда, серая и неподвижная. Эстер снова посмотрела вперед.

На плотине кто-то стоял.

– Том! – крикнула Эстер, вскидывая ружье.

Но она не спустила курок. Перед ними стоял не Сталкер. Просто ребенок. Худенькое бледное личико, потрепанная одежда и давно не мытые лохмы. Еще несколько шагов – и Эстер его узнала. Как он здесь оказался? Не важно. Она опустила ружье и повернулась к Тому:

– Это Селедка!

Быстрый топот за спиной. Она услышала, как мальчишка крякнул, и, быстро обернувшись, заметила блеск ножа, метящего ей в горло. Эстер выронила ружье, перехватила тощее запястье, отводя от себя нож, и выкрутила руку, так что Селедка вскрикнул и разжал пальцы. Эстер поймала падающий нож и сунула себе за пояс: так строгая учительница отбирает у хулиганистого ученика рогатку. Эстер оттолкнула Селедку, он шлепнулся на землю и заплакал.

– Том, – раздался над ними чей-то шепот. – Эстер. Как мило, что вы зашли в гости.

Сталкер! Она стояла в тени у конца плотины, где десяток истертых ступеней вел к калитке. Прихрамывая, сошла вниз по ступеням. Сероватый свет слабо освещал ее бронзовое лицо.

– Это мой Сталкер! – закричал Селедка. – Я ее нашел, когда вы меня бросили! Она обо мне заботится! Она поможет мне убить вас!

Эстер поискала глазами ружье. Оно осталось лежать, где упало, среди камней у воды. Эстер бросилась к нему, но стальные руки перехватили ее и поволокли. Одна рука схватила за лицо, другая поперек груди, и Эстер

крепко прижали к бронированному доспеху.

– Нет! – крикнул Том и побежал за ружьем.

– Пожалуйста, Том, не зли меня, – прошептала Сталкер, – иначе я сломаю ей шею. Мне это очень легко. Ты этого не хочешь, правда?

Том замер. Говорить он не мог. Как будто кто-то воткнул ему в левую подмышку ржавый вертел и тот вонзился глубоко в грудь. Боль прошила и руку, и шею до подбородка. Том упал на колени, хватая ртом воздух.

– Бедный Том, – сказала Сталкер. – Твое сердце. Вот беда.

Селедка жадно следил за происходящим, скрючившись у ее ног.

– Убей их! – закричал он тонким злым голосом. – Сначала ее, потом его!

– Селедка, они были друзьями Анны, – сказала Сталкер.

– Но они меня бросили! – зарыдал Селедка. – Она убила Мору и Гаргла! Я поклялся ее убить!

– Они и так скоро умрут.

– Но я поклялся!

– Нет, – прошептала Сталкер.

Селедка с невнятным воплем потянулся к ножу у Эстер за поясом, но Сталкер одним взмахом руки отбросила его в сторону с такой силой, что он слетел с плотины прямо на лед. Лед треснул и прогнулся, но выдержал его вес. Селедка заревел от боли и обиды, выбрался на берег и, оскальзываясь на мокрых камнях, побежал прочь от дома.

Сталкер Фанг выпустила Эстер и склонилась над Томом. Ее стальная рука легла ему на грудь, а глаза ее вспыхнули, когда она почувствовала неровный, сбивчивый стук сердца под ладонью.

– Бедный Том, – прошептала она. – Уже недолго осталось.

– Что с ним? – спросила Эстер.

– Он умирает, – ответила Сталкер.

– Неправда! Не может быть! Пожалуйста!

– Это не важно, – прошептала Сталкер. – Скоро все умрут.

Она взяла Тома на руки и понесла его – Эстер шла за ней по пятам – вверх по ступенькам, через мерзлый сад и в дом, похожий на склеп.

Глава 49
Новорожденный

Сломя голову – по Шлюзу Седьмого Отводного, где душный воздух дрожит от грохота динамо-машин и лязганья ремонтных работ в машинном отсеке. Бесконечный подъем по ржавым ступенькам, в которых дрожью отдается вибрация включившихся двигателей. Рен запыхалась, тряслась от страха, каждый вдох отдавался режущей болью в груди. Она еще держалась на ногах только потому, что теперь с ней был Тео. Иногда он касался ее, подбадривая, но разговаривать было невозможно – слишком шумно в этих темных закоулках. Раненый пригород возвращался к жизни, опаляя горячим дыханием и оглушая злобным ревом железных глоток.

Рен и Тео быстро заблудились. Они старались двигаться вперед и вниз, но трубообразные улицы постоянно поворачивали и петляли и в результате вели, наоборот, вверх и в сторону кормы. Наконец Рен и Тео выскочили на мостик высоко над площадью в центре машинного отделения. Там, ниже освещенных окон и толстенных труб, ходили сотни медных поршней, пыхая паром и все ускоряясь. Тео и Рен перегнулись через поручень, глядя вниз.

Поручень задрожал и весь пригород дернулся.

– Он двигается! – крикнула Рен, но Тео ее не услышал, а повторять было незачем – и без того стало ясно, что Хэрроубэрроу снова на ходу.

Да и некогда было повторять. В этот самый миг из люка в полу показался кочегар в грязном комбинезоне и уставился на них. Рот его широко раскрылся – он что-то кричал вниз, своим товарищам.

Тео и Рен бросились бежать дальше и нашли шаткую лесенку, ведущую в запутанный, как трубки сузафона[42], лабиринт трубопроводов у них над головой. Конденсат капал теплым дождиком, пока они тащились наверх, повторяя изгиб городской брони. Лестница уперлась в крышку люка. Общими силами они еле провернули тугие рукоятки и откинули крышку. Сверху хлынул дневной свет и холодный вольный ветер. Глядя вниз, на лестницу, Рен увидела факелы; на мостике собирались люди, показывая на нее пальцами. Тео первым выбрался из люка и вытащил за собой Рен.

«Хоть умру при свете», – подумала она, лежа на грязном бронированном куполе и стараясь отдышаться. По всему хребту Хэрроубэрроу шел узкий мостик без перил, а по обе стороны от него

бронированные бока спускались на несколько сотен футов вниз, туда, где двигались мощные гусеницы, забитые землей и кусками ржавого железа. Мимо пролетали шпили и крыши разрушенного Лондона.

Тео захлопнул крышку люка и поволок Рен подальше от него, что-то крича о том, что их преследуют люди Кобольда, но не успели они далеко уйти, как металл вокруг взорвался искрами и фонтанчиками дыма и пыли. Рен поняла, что по ним бьют из пулеметов. Не очень точно, хвала Квирку.

Тео бросился наземь ничком, прикрывая собой Рен. По левому борту над развалинами взмыл вверх белый силуэт. Сквозь веер земли и ржавчины, сыплющихся из-под гусениц Хэрроубэрроу, Рен разглядела довольно потрепанный дирижабль с символом Зеленой Грозы. Стволы орудий поворачивались, готовясь плюнуть огнем на бешено мчащийся пригород.

– Грозовики! – крикнула Рен.

– Мы – свои! – заорал Тео.

Рен вцепилась в него, чтобы он не свалился с купола, а Тео продолжал размахивать руками, крича во все горло:

– На помощь! На помощь!

Но для авиаторов на борту дирижабля он был все равно что муха, ползущая по спине пригорода, который приказано уничтожить. Над головой засвистели пули, и Рен снова потянула Тео вниз.

В нескольких шагах от того места, где они лежали, в городской броне откинулась круглая крышка люка и оттуда, как чертик из табакерки, выскочила вращающаяся орудийная платформа. Она была сделана на основе старой ярмарочной карусели – трофея с когда-то съеденного приморского городка-курорта, и, когда орудие начало разворачиваться, выпуская клубы пара, заиграла веселенькая музычка. Стволы четырех орудий с отдачей после каждого выстрела ритмично уходили внутрь бронированной башенки. Снаряды прошивали небо над пригородом. Дирижабль, который стрелял в Тео и Рен, охваченный огнем, остался позади, а пригород, громыхая, понесся дальше. Еще два дирижабля отстали, меняя курс; в их оболочках и стабилизаторах множились рваные дыры.

К этому времени Хэрроубэрроу было хорошо слышно в Родильном отделении. Лондонцы спешили подняться на борт с теми немногими пожитками, что они успели собрать, а лязганье приближающегося пригорода наполняло все небо снаружи и эхом отдавалось в центральном ангаре.

Курьер-грозовик прибежал с докладом к Наге, который стоял на открытом куске палубы у кормы Нового Лондона.

– Господин, наши дирижабли не могут его сдержать! Только что сбили «Пиона-забияку». Остались только «Фурия» и «Оберег».

– Отзовите их, – скомандовал Нага. – Передайте наземным отрядам, пусть поднимаются на эту… машину.

Он обернулся к Лавинии Чилдермас – она как раз в эту минуту взбежала по лестнице из машинного отделения.

– Ну что, инженер?

– Я считаю, мы готовы, – ответила доктор Чилдермас.

– Хорошо. Пригород-жнец подходит вплотную. Я на своем дирижабле попробую его задержать, насколько смогу, но он силен. Молитесь о скорости для вашего Нового Лондона.

– Будет скорость, – пообещала Лавиния.

Механический доспех, тяжело шагая, понес Нагу к посадочным трапам. По ним уже поднимались отряды Зеленой Грозы. Доктор Чилдермас побежала за ним, не обращая внимания на то, что ее толкают со всех сторон.

– Останьтесь, генерал! Рождение города – это великое событие!

Нага обернулся, отвесил поклон и зашагал дальше.

– Удачи, инженер! – услышала она.

Лавиния Чилдермас смотрела ему вслед и думала: как странно, что именно он стал акушером для Нового Лондона. Потом спохватилась и бросилась назад, на свой пост. Палуба дрожала. Ассистенты Лавинии включали один за другим двигатели системы Чилдермас. Когда она добралась до командной рубки в центре нижней палубы, вой отражателей поднялся уже до неслышной человеческому уху высоты и пол как-то странно двинулся под ногами, как будто подпрыгнул. Новый Лондон оторвался от земли.

Доктор Чилдермас взялась за переговорную трубку, соединяющую ее с навигационной кабиной лорд-мэра в новом здании ратуши на верхнем ярусе.

– Алло! Готовы?

– Готовы, – донесся приглушенный раздражительный голос Гарамонда.

Лавиния Чилдермас повесила трубку на рычаг и окинула взглядом испуганные, полные надежды чумазые лица своей команды. В машинном отделении уже было слышно, как Хэрроубэрроу ломит к ним, не разбирая дороги. Она кивнула, и ее подчиненные бросились по местам у панелей

управления.

Стоя возле Родильного отделения, Нага смотрел, как с приближением Хэрроубэрроу разведчики пригорода-жнеца разбегаются врассыпную. Он выстрелил пару раз из пистолета, чтобы шевелились живей. В небе к западу от Крауч-Энда повисли тучи пыли и обломков, словно там вдруг забил гейзер из металлолома. Мусорные холмы зашевелились, разъехались в стороны, и между ними высунулось чудовищное рыло Хэрроубэрроу.

Родильное отделение качнулось и словно просело. У его северной стены люди Пибоди взорвали установленные заранее заряды. Медленно, как во сне, высокие ржавые двери ангара рухнули, подняв тучу ржавчины и мелкого мусора.

Хэрроубэрроу полз вперед, перемалывая гусеницами обломки Крауч-Энда. Разноцветные ковры и занавески цеплялись за шипастые траки. Воздушный крейсер «Оберег» выпустил по пригороду ракеты и поднялся выше, уходя из зоны обстрела, пока единственное уцелевшее орудие на хребте Хэрроубэрроу разворачивалось к нему. «Фурия» подлетела к Родильному отделению, на миг зависла над самой землей, и Нага с разбегу запрыгнул на борт. К тому времени как механический доспех втащил его через люк на полетную палубу, дирижабль уже снова был высоко в небе. Подбежала с докладом авиатриса, но Нага отмахнулся, весь в напряжении, словно будущий отец. Он застыл у орудийного порта, не сводя глаз с Родильного отделения.

– Давай же! – шептал он. – Давай, ну!

Скорчившись на спине Хэрроубэрроу, Рен и Тео из последних сил прикрывали друг друга. Груды ржавых кусков железа волна за волной наползали на корпус пригорода. Гигантские металлические кулаки и зубья гремели и царапали броню, иные взлетали высоко в воздух, иные рикошетом отскакивали от корпуса так близко, что Рен обдавало ветерком. Потом все прекратилось. Крауч-Энд был смят гусеницами, а впереди, на вершине следующей холмистой гряды, ждало Родильное отделение.

– Смотри! – закричала Рен. – Тео, смотри!

Из открытых дверей старого ангара показался Новый Лондон. Магнитные зеркала вдоль бортов сияли, словно новенькие соверены. Город на миг завис, чуть-чуть нырнул вниз, как будто в неуверенности. «Новорожденный город, – подумала Рен. – Как в далекой древности». Если бы папа был сейчас здесь и мог это увидеть!

Новый Лондон выправился, вновь набрал высоту и двинулся вперед.

Воздух под днищем мерцал все сильнее, словно от жара. Город прибавил скорость и поплыл на север над развалинами. Хэрроубэрроу тоже резко свернул на север. Моторы взвыли. От встряски Рен потеряла равновесие. Она шлепнулась, испугалась, что покатится вниз, прямо в зубы неумолимым гусеницам, но исхитрилась за что-то ухватиться. Подползая к Тео, она увидела, как снова открылся люк и оттуда выбрался Вольф Кобольд.

Увидев их, он не по-хорошему обрадовался.

Глава 50
Дом Сталкера

Голубые квадраты. Серо-голубые, на черном фоне. Том просыпался медленно. Он вообще не ожидал, что проснется. Сознание вязло в смутно запомнившихся снах. Квадраты – это небо, его видно через дыры в ветхой крыше. Облака рассеялись, и на заплесневелой стене движутся отсветы закатного солнца. Том лежит на чем-то мягком, вокруг пахнет затхлостью и сыростью. Руки и ноги словно за много миль от него, голова тяжелая – не поднять, а в грудь кто-то вдвинул здоровенную каменную плиту. Руки и ноги словно покалывают иголочки – значит он все еще жив.

– Том?

Шепот. Он чуть-чуть повернул голову. Над ним склонилась Эстер.

– Том, родной… Ты отключился. Сталкер сказала – сердце. Сказала, ты умираешь, но я знала, что ты не умрешь…

– Сталкер… – Том начал понимать, где находится.

Значит, Сталкер Фанг принесла его в дом, уложила на кровать – старую, проеденную древоточцем, заросшую сорняками, с побитым молью пологом, но все-таки кровать: на нее кладут того, о ком собираются заботиться.

– Она оставила нам жизнь, – сказал Том.

Эстер кивнула.

– Она мне связала руки и ноги, а тебе нет. Не посчитала нужным. Если дотянешься до ножа у меня за поясом…

Она замолчала, потому что в комнату, прихрамывая, вошла Сталкер Фанг и присела на край кровати, глядя на Тома холодными зелеными глазами.

– Анна? – слабым голосом выговорил он.

– Я не Анна, – прошептала Сталкер. – Только горстка ее воспоминаний. Но я рада, что ты здесь, Том. Анна тебя очень любила. Ты – ее последнее воспоминание. Как она лежит в снегу, а ты смотришь на нее сверху и зовешь по имени.

– Я помню, – еле слышно ответил Том. – Я думал, она тогда уже умерла.

– Почти, – шепнула Сталкер. – Но не совсем. Ты поймешь. Скоро ты проделаешь тот же путь.

– Но я не готов.

– Анна тоже была не готова. Наверное, к этому невозможно приготовиться.

В открытую дверь за спиной Сталкера Том видел соседнюю комнату, заставленную машинами. Лампочки, экраны и еще какое-то оборудование, слишком сложное для его несчастного усталого мозга.

Он сказал:

– ОДИН…

– Я говорю с ним отсюда.

– Почему ты направила его против твоего собственного народа?

Сталкер наклонила голову к плечу.

– Увертюра, прежде чем начнется симфония, – прошептала она. – Я напала на обе стороны, и теперь каждая считает, что виновата другая. Пока они будут заняты друг другом, никто не станет меня искать, и это даст мне необходимое время.

– Время для чего?

– Я готовлю длинную и сложную последовательность команд. Скоро я начну их передавать – как только ОДИН снова покажется из-за гор. Эти команды заставят его перейти на новую орбиту и зададут новые цели.

– Какие цели?

– Вулканы. – Сталкер бережно погладила Тома по голове. – Сегодня ночью ОДИН нанесет удары по сорока точкам горной цепи Тангейзера. И дальше по всему миру: вулканический лабиринт Декан[43], Сто островов…

– Но почему? – спросила Эстер. – Почему вулканы?

– Я снова сделаю мир зеленым.

– Что? – вскрикнул Том. – Задушив его дымом и пеплом, убив тысячи людей?..

– Миллионы. Том, не волнуйся так, твое бедное сердце не выдержит, а я мечтала, что будет с кем осмысленно поговорить.

– А я как же? – спросила Эстер, как будто боялась, что Сталкер хочет отнять у нее Тома.

– Пока ты не делаешь глупостей и не проявляешь агрессии, тебе ничего не грозит. Через неделю-другую ты, вероятно, умрешь с голоду. Никакой провизии здесь не осталось. Но до тех пор я буду рада твоему обществу. Анна всегда чувствовала, что наши судьбы связаны друг с другом, с той первой ночи на борту Стейнса…

Сталкер умолкла и оглянулась. В соседней комнате в путанице проводов замигала лампочка: красный, красный, красный.

– Нечестивым же нет мира[44], – прошептала Сталкер.

Селедка, всхлипывая, брел по берегу озера. Его Сталкер его ударила! А могла и убить. Она его вышвырнула. Ей больше не нужен бедный маленький Селедка. Да и никогда она им не дорожила по-настоящему. Он хлюпал носом и хныкал, спотыкаясь о камни, и в конце концов, оступившись, шлепнулся в озеро у самой кромки. От холодной воды перехватило дыхание, и он замолчал.

На том берегу пылающая, словно плавильная печь, «Дженни Ганивер» потихоньку затухала, превращаясь в приятно греющий костер. Селедка побрел вокруг озера к месту крушения. От дирижабля уже ничего не осталось, только похожий на ребра каркас и один искореженный раскаленный двигатель, но при взрыве большая часть содержимого разлетелась по берегу, и Селедка отыскал в тростнике несколько банок консервов. Этикетки, конечно, сгорели, но, если потрясти, внутри что-то заманчиво хлюпало. А в одной из них, прямоугольной (спасибо Хитрому Дикки![45]), оказались рыбные консервы – наверное, сардинки, – и к ней был прикреплен ключик-открывашка. Селедка открыл банку и слопал все, что в ней было, кусочки рыбы и вкуснющую соленую жижу.

От еды сразу сил прибавилось, и Селедка пошел шарить в тростнике, не попадется ли еще съестное. Вскоре он услышал среди валунов жалобные звуки:

– М-м-м-м-м! М-м-м-м-м!

Селедка подкрался ближе – он решил, что у них на корабле был товарищ, которого ранило при крушении и они его бросили (с них станется!). Но там, откуда раздавались звуки, оказался старик, связанный и с кляпом во рту. Еще одна несчастная жертва Тома и Эстер.

– Великий Поскитт! – ахнул старик, когда Селедка вытащил кляп, а потом: – Храбрый мальчик! Спасибо! – когда Селедка острым краем жестянки из-под сардинок перепилил веревку.

– Они в доме, – сказал Селедка.

– Кто?

– Эстер и ее мужик. Сталкер отвела их внутрь. Сказала – они ее друзья. Кому в голову придет считать Эстер другом? Да на ее лицо только посмотришь, сразу с завтраком простишься. Если, конечно, ты завтракал. Я вот не помню уже, сколько недель без завтрака. Мистер, помогите вот эту банку открыть!

Он обратился по адресу, сказал Пеннироял. Как только веревки упали, старик вытащил из внутреннего кармана пальто походный складной нож – потрясающий предмет! В нем были: открывалка для консервов, штопор,

ножнички и орудие для извлечения камешков из швартовочных зажимов дирижабля, а кроме того – целый набор лезвий, которые быстро расправились с веревками на ногах. Селедка засомневался было, почему Пеннироял не упомянул о ноже, когда Селедка мучился, освобождая ему руки при помощи жестянки, но ему хотелось думать хорошо о новом друге, поэтому он объяснил все сотрясением мозга. На голове у Пеннироя́ла было несколько глубоких царапин. Кровь на лице застыла, как потеки варенья на пудинге (Селедку все еще занимали мысли о еде).

Они открыли три банки консервов. В одной оказались тушеные водоросли, в другой – рисовый пудинг, а в третьей – сгущенка. Ничего вкуснее Селедка в жизни не пробовал.

– Послушай, – начал Пеннироял, глядя, как он ест. – По-моему, ты умный парень. Знаешь, как отсюда выбраться?

– Воздушная яхта Попджоя, – ответил Селедка, вытирая с подбородка сгущенку. – Там, у дома стоит. Только я ее водить не умею.

– Я умею! Как думаешь, мы сможем ее умыкнуть?

Селедка облизал крышку от рисового пудинга и покачал головой:

– Ключи нужны. Без ключей моторы не заведутся, а без мотора в горах не полетаешь, правда?

Пеннироял кивнул:

– А где ключи? Просто интересно.

– У нее. На шее носит, на веревочке. Но я туда больше не пойду. После того, что она сделала! После того, что я ради нее вытерпел!

Мальчик снова заплакал. Пеннироял не привык общаться с детьми. Он похлопал Селедку по плечу, приговаривая: «Ну, тихо, тихо» и «Вот они, женщины!» Раздумывая о ключах и о яхтах, он тревожно покосился на дом. На крыше крутилась какая-то штуковина вроде антенны, поблескивая кроваво-красным в лучах заходящего солнца.

За десять миль от них, в мерзлой тине на дне горного озера, зашевелился Шрайк. Включились глаза, освещая плавающий в воде мусор. Шрайк вспомнил, как падал мимо скал и утесов, как пробил корку льда на озере, оставив забавную дыру в форме человеческой фигурки с растопыренными руками и ногами. Он не смог разглядеть дыру над собой, поэтому решил, что озеро глубокое и что наверху скоро наступит ночь.

Он выкарабкался из тины и пошел. Ближе к берегу вода начала мелеть. Неровный ледяной потолок виднелся в двадцати футах над головой, потом – в десяти. Скоро Шрайк смог достать до него кулаком и пробить. Он выбрался наружу, словно безобразный птенец, вылезающий из холодного

яйца.

Всходила луна. На каменистом склоне блестели осколки двигателя «Дженни Ганивер». Шрайк направился в ту сторону, вынюхивая след Эстер.

Глава 51
Погоня

Лондонцы всегда представляли себе неспешный отлет из развалин – примерно со скоростью пешехода, пока не освоят получше управление Новым Лондоном. А вместо того они пулей несутся на север через развалины старого Лондона, выжимая максимальную скорость и лихо обходя покосившиеся ярусные опоры и нагромождения ржавых колес и гусеничных траков. В машинном отсеке инженеры наваливаются всем весом на рычаги, меняя угол магнитных отражателей, а в кабине управления на верхнем этаже ратуши мистер Гарамонд со своими навигаторами смотрит вперед через еще не застекленные окна и кричит рулевым:

– Лево руля чуток! Право руля чуток! Право руля! Тьфу, то есть лево, лево, ЛЕВО!

Хэрроубэрроу отстает на каких-нибудь полмили, не больше. Из его тупоносого рыла валит пар, разинутые челюсти готовы вцепиться в добычу. Ему не приходится лавировать, как Новому Лондону, – он прет напролом через груды ржавого металла. Тряска из-за постоянных столкновений грозит сбросить Рен и Тео, цепляющихся за едва заметные выступы на корпусе. А Вольф Кобольд, привычный к движению своего пригорода, почти не шатаясь, идет прямо к ним, только иногда поглядывает вперед с довольной ухмылкой, потому что разрыв между Хэрроубэрроу и жертвой быстро сокращается.

– Видите? – крикнул он. – Рен, ты зря старалась! Еще десять минут – и твой драгоценный городишко попадет к Бэрроу в брюхо! А ты и твой черномазый приятель… Я развешу ваши кишки на крыше верфи, как праздничные гирлянды, а трупы прибью к стенке в отсеке для рабов. Пусть ваши лондонские друзья видят, что бывает с теми, кто попробует сделать из меня дурака!

Он подошел уже совсем близко и взмахнул саблей. Рен и Тео попытались отползти. Орудие позади них дало еще залп – по белому дирижаблю, возникшему за кормой.

Кобольд только засмеялся.

– Не думайте, что моховики вас спасут! Они побоятся подойти на расстояние выстрела…

Он сделал выпад. Клинок высек искры из бронированного корпуса в

паре дюймов от ноги Тео.

Тео посмотрел на Рен. Рядом с ней одна заклепка в ряду других чуть-чуть выпирала, и за нее зацепился острый кусок металлолома. Тео дотянулся и выдернул железку. Это был обломок старой полудюймовой трубки, ржавый и зазубренный на концах. Слишком длинный и тяжелый, чтобы орудовать им как мечом, но больше ничего у Тео не было, поэтому он размахнулся и с криком бросился на Кобольда. Кобольд отскочил, саблей отводя удар. Лицо у него было удивленное и даже довольное.

– Отлично, молодец! – крикнул он.

Тем временем на «Фурии» Нага сказал:

– Нужно заставить замолчать пушку. Иначе не подобраться близко…

– Господин! – перебил авиатор. – Там, на корпусе…

Нага повел подзорную трубу вдоль округлой, точно у мокрицы, спины Хэрроубэрроу. В двадцати ярдах за поворотной платформой танцевали две крохотные фигурки. Нет, сражались – он увидел искры, когда столкнулись клинки.

– Наш человек?

– Не могу знать, господин. Но если стрелять по орудию, можем по нему попасть…

– Ничего не поделаешь, капитан. Пускай за ним его боги присмотрят, а нам нужно дело делать.

Стая ракет отделилась от дирижабля, и Рен еле успела увернуться. Ракета пролетела так близко, что Рен разглядела рычащую драконью морду, изображенную спереди, и китайские иероглифы на боку. Ракета ударилась о броню и взорвалась совсем близко к орудию, но не настолько близко, чтобы его повредить. Только шрапнелью слегка задело. Другие ракеты промахнулись еще больше и взорвались среди завалов металлолома, никому не причинив вреда. В той части развалин, где сейчас мчался Хэрроубэрроу, лежали в несколько слоев длинные зазубренные обломки верхних ярусов Лондона, так что получалось нечто вроде решетки, и сквозь нее заходящее солнце просовывало свои болезненно-багровые лучи. Обеими руками цепляясь за броню, Рен смотрела, как мимо проносятся железные острия. Все равно что ехать через огромный кухонный ящик с ножами и вилками. «Если мы на такую штуку напоремся, – подумала Рен, – тем и закончатся все наши проблемы…»

Вольфа Кобольда опасность напороться на острия как будто совсем не волновала. Он махнул саблей, что-то крикнул орудийному расчету, пушка

повернулась под бодрую карусельную музыку, и воздух за кормой наполнился вспухающими комьями черного дыма. Дирижабль поспешно вильнул и на время скрылся за горами мусора. А Вольф снова стал наступать на Тео, теперь уже всерьез, как будто хотел отделаться от досадной помехи, прежде чем заняться более важными вещами.

Тео старался как мог, вскрикивая от усилий, когда размахивал ржавой трубой и парировал удары Вольфа, но он не был фехтовальщиком и к тому же, в отличие от Вольфа, с трудом удерживался на качающейся под ногами броне. Бой продолжался едва ли больше минуты. Вольф непрерывно теснил Тео к пушке, а потом внезапно провел обманный выпад, Тео отклонился в сторону, уворачиваясь от клинка, споткнулся и неуклюже упал. Его голова с треском ударилась о броню, труба выпала из вспотевших рук. Рен поймала ее, когда труба катилась мимо. Вольф уже стоял над Тео, занеся саблю для смертельного удара.

Рен бросилась вперед. Она не знала, что собирается делать, просто ни за что не хотела, чтобы все шло, как Вольфу надо. Кто-то дико закричал, и Рен поняла, что это она сама кричит. Отчаянный хриплый вопль ужаса и ярости словно придал ей силы, и, размахнувшись, она отбила трубой клинок Вольфа.

Снова посыпались искры, от удара у нее чуть руку не вывернуло из сустава. На какой-то миг Вольф застыл в комическом изумлении, тупо глядя на рукоятку сабли у себя в руке. Клинок обломился посередине. Потом Вольф перевел взгляд на Рен. Пожал плечами, бросил бесполезную саблю, отвел в сторону полу шинели и выхватил из кобуры новенький блестящий револьвер.

Вдруг стало очень тихо, куда-то подевались грохот и бешеная скорость. Даже пушка перестала палить. Рен оглянулась в надежде на некое чудесное спасение и увидела, что артиллеристы глазеют на нее через смотровую щель.

– Прощай, Рен, – сказал Вольф.

Он не заметил, что белый упорный дирижабль вновь приблизился на расстояние выстрела за кормой. Ракета промчалась совсем близко, когда он нажимал на спусковой крючок, рука дрогнула, и пуля пролетела мимо, зацепив волосы Рен, но не ранив. Пушку разорвало на куски. Ударная волна отбросила Вольфа назад, он замахал руками, пытаясь восстановить равновесие, поскользнулся и рухнул лицом вперед. Острый конец трубы, которую Рен все еще отчаянно сжимала в руках, воткнулся в него как раз под грудиной. Рен от толчка упала, и другой конец трубы уперся в шов между плитами брони, вогнав трубу в тело Вольфа и проткнув его

насквозь.

– Ох! – крикнул он, опустив взгляд.

– Прости, – сказала Рен.

Вольф уставился на нее. Глаза у него, очень синие и широко раскрытые, казались удивительно невинными. Он смотрел, как будто сейчас заплачет. Рен потянула за трубу, полуосознанно стараясь ее вытащить, и Вольф завалился на бок вместе с трубой, покатился сломанной куклой по выпуклому боку Хэрроубэрроу и полетел на неумолимо движущуюся гусеницу.

Позже Рен молилась, чтобы он был уже мертв, когда попал в эти механические жернова. Она старалась убедить себя, что не его крики слышала, когда его смяло, исковеркало и впечатало в землю, – просто скрежет перегруженного железа, предсмертный вопль какого-нибудь осколка давно умершего Лондона, перемолотого пригородом-жнецом.

К тому времени они были уже у наружного края развалин. Впереди раскинулась безжизненная, как океан, равнина. Только огни Нового Лондона светились на четверть мили впереди – он быстро двигался на север, уже по открытой местности, оставив позади руины города-родителя, как шкурку после линьки.

– Девочка! – крикнул кто-то.

Рен, оглушенная, никак не могла сообразить, кто ее окликает. Не Вольф, это точно, и не его артиллеристы – они исчезли вместе со своей пушкой, и не Тео – он пытался подняться, лицо было залито кровью из раны на голове. Рен посмотрела вверх. Белый дирижабль грозовиков летел наравне с городом на малой высоте – какое-то чудо высшего пилотажа, которое только авиатор способен по-настоящему оценить. Из люка гондолы кто-то протягивал руку. Сперва Рен подумала – Сталкер, но потом он снова крикнул:

– Девочка! – и раздраженно подал знак, чтобы она взялась за его руку, и Рен узнала генерала Нагу.

В гондоле «Фурии» пахло орудийным дымом и топливом для дирижаблей. Нага расхаживал взад-вперед, отдавая приказы авиаторам, и на Рен едва взглянул, сказал только:

– Вы лондонцы? В плену у жнеца?

Рен молча кивнула, цепляясь за Тео. Никак не получалось поверить, что они оба живы. И как-то не ко времени было бы объяснять Наге, что они уже встречались. Ее колотило, и она не могла перестать думать о Кобольде. Когда «Фурия» заложила вираж, направляясь прочь от Хэрроубэрроу к

Новому Лондону, Рен оторвалась от Тео и скрючилась в уголке, и там ее выворачивало, пока в желудке еще хоть что-то оставалось.

Они приземлились на корму Нового Лондона. Их встречала толпа лондонцев и грозовиков.

– Рен! – Англи радостно махала рукой.

Она уже забыла, что Рен еще недавно подозревали в шпионаже.

– Мисс Нэтсуорти! Мистер Нгони! Слава Квирку, вы живы! – кричал мистер Гарамонд, помогая им выйти из гондолы.

«Да уж не твоими стараниями!» – хотела сказать Рен, но потом сообразила, что он и сам все понимает и эти неуклюжие объятия – его способ попросить прощения. Тогда она тоже обняла его в ответ.

Движение в новом городе ощущалось странно – ни тряски, ни толчков, просто чувствуешь скорость, как бывает во сне. Ну, может, не такая уж и скорость: Хэрроубэрроу все еще маячил за кормой. Через раскрытые челюсти видны были жаркие отсветы плавильных печей.

– Я думал, они остановятся, раз Кобольд погиб, – сказал Тео.

– Они не знают, – ответила Рен. – Или, может, знают, но им наплевать. Господин Хаусдорфер и другие вполне могут вести погоню без своего хозяина. Хэрроубэрроу никогда так не дорожил Вольфом, как Вольф дорожил Хэрроубэрроу…

Ей не хотелось говорить о Вольфе. Она всегда будет видеть его взгляд, когда он понял, что она его убила. Рен старалась убедить себя, что это хорошо, что она чувствует себя виноватой и как будто замаранной. Лучше так, чем полное равнодушие, как у ее мамы. Но было тяжело.

Она взяла Тео за руку, и они вместе пошли к другим лондонцам, которые столпились на корме у поручней.

Нага отдавал приказы оставшимся в живых офицерам. Он сказал субгенералу Тхьену:

– Возвращайтесь в Батмунх-Гомпу на «Обереге». Моя жена считает, что новым оружием управляет Сталкер Фанг. Помогите ей найти это оружие и обезвредить.

– Будет сделано, ваше превосходительство…

– И пусть все покинут «Фурию». Я сам поведу ее.

– Но, ваше превосходительство, вы не можете лететь в одиночку!

– Почему не могу? Я летал один против Занне-Сандански и Камчатки. И против Панцерштадт-Бреслау. И с ничтожным варварским жнецом как-нибудь справлюсь.

Тхьен понял, поклонился, отсалютовал и принялся командовать.

Рен огляделась, пытаясь понять, из-за чего суматоха. Команда «Фурии»

высадилась на палубу, а Нага поднялся в гондолу. Рен отвернулась. То, что происходило за кормой, было куда интереснее, чем действия Грозы. Рен и не заметила, как «Фурия» снова отчалила.

Хэрроубэрроу мчался за ними, разбрызгивая жидкую грязь. Броня вся в дырах, на верхней палубе пожары, одну гусеницу заедает, но Хаусдорферу все нипочем. Он несколько скептически относился к странному городу, за которым его хозяин потащился в такую даль, но, как только увидел этот город в полете, он понял, почему молодой Кобольд так завелся.

– Поддать жару! – орал Хаусдорфер в переговорную трубку. – Раскрыть челюсти! У них нет защиты! Они наши!

Нага развернул «Фурию» навстречу преследователю и снизился почти до самой земли. Хороший дирижабль; Нага наслаждался тем, как он слушается руля, как отзывается на малейшее прикосновение к рычагам и как урчат мощные двигатели, когда Нага до предела повышает скорость. Челюсти пригорода раскрылись, и Нага взял курс прямо на красный отсвет плавильных печей на верфи.

Когда в Хэрроубэрроу сообразили, что он задумал, из челюстей начался обстрел. В гондоле вылетели все стекла, что-то загорелось. Снаряд из пищали пробил нагрудную пластину, но доспех не дал Наге упасть, а механические перчатки крепко держали штурвал, не позволяя пылающему дирижаблю сбиться с курса. Пригород начал смыкать челюсти, но недостаточно быстро. Нага выпустил все оставшиеся ракеты и смотрел, как они несутся впереди «Фурии» в пасть пригорода.

– Энона, – сказал он, и ее имя вместе с ним потонуло в ослепительной вспышке.

Взрыв был недолгим; во тьме расцвел подсолнух, начиненный семенами шрапнели. Приглушенно ухнуло, за этим последовали другие звуки; треск и тяжелые шлепки – на Поверхность сыпались обломки. На борту Нового Лондона никто не кричал «ура». Даже солдаты Грозы, привыкшие распевать радостные песни по случаю разрушения городов, застыли в ужасе. Один-два мелких обломка шмякнулись на палубу, подпрыгивая, как брошенные монетки. Рен наклонилась и подняла тот, что упал рядом с ней. Это была заклепка с брони Хэрроубэрроу, все еще горячая после взрыва. Рен спрятала ее в карман. Хороший будет экспонат для Новолондонского музея.

То, что осталось от Хэрроубэрроу, – отломанная, полыхающая пожарами корма – завязло в грязи. Скоро она станет частью пейзажа, как и старый Лондон. Уцелевшие, отбежав подальше в сторону, растерянно озирались. Кое-кто поглядывал на развалины, прикидывая, как здесь можно выжить. Другие бежали за Новым Лондоном, умоляя своих собратьев-движенцев не бросать их, беспомощных, на территории Грозы. На Новом Лондоне их не слышали. Город уносился вдаль над темной равниной, становясь все меньше и меньше, пока не превратился в крохотное пятнышко. Янтарный блеск оконных стекол затерялся в безграничных сумерках.

Глава 52
Последние слова

Сталкер Фанг, прихрамывая, бродила по комнате. Ее бронзовое лицо озаряли мерцающие лампочки всевозможных приборов и зеленые огоньки, бегущие на визи-экранах. Том и Эстер наблюдали за ней через открытую дверь, и каждый раз, когда она смотрела в другую сторону, Том сдвигался чуть ближе к Эстер. В конце концов он придвинулся настолько, что смог дотянуться рукой до ножа у нее за поясом.

– Уже недолго осталось, – прошептала Сталкер, довольная, что есть кому рассказать о своей работе.

Том думал о Рен. Надеялся, что Новый Лондон не станет приближаться к хребту Тангейзера и к другим горам, намеченным как цели для ОДИНа.

– Почему вулканы? – спросил он. – Я все-таки не понимаю, как это сделает мир зеленым…

Пальцы Сталкера, словно пауки, бегали по клавишам цвета слоновой кости.

– Том, нужно смотреть в долгосрочной перспективе. Не только движущиеся города отравляют воздух и уродуют землю. Это делают все города, и подвижные, и оседлые. Проблема в людях. Все, что они делают, загрязняет и разрушает. Зеленая Гроза не смогла бы этого понять, поэтому я не рассказала им о своих планах касательно ОДИНа. Если мы в самом деле хотим защитить добрую землю, прежде всего необходимо очистить ее от людей.

– Это безумие! – воскликнул Том.

– Негуманно, быть может, – согласилась Сталкер. – Вулканический пепел закроет тучами все небо и погрузит Землю во тьму. Зима продлится сотни лет. Человечество вымрет, но жизнь останется. Жизнь никогда не прекращается. Когда небо наконец очистится, мир вновь станет зеленым. Лишайники, папоротники, травы, леса, насекомые и, в конце концов, – высшие млекопитающие. Но не люди. Люди все только портят.

– Анна бы такого не хотела, – сказал Том.

– Я – не Анна. Всего лишь горстка ее воспоминаний, я их использую, чтобы понять, как устроен мир. И я поняла, что человечество – это чума, скопище хитрых мартышек, которых добрая земля не может больше терпеть. Том, все человеческие цивилизации рано или поздно гибнут, и

причина одна: люди слишком жадные. Пора с ними покончить раз и навсегда.

Том попытался встать, думая про себя – хватит ли сил добраться до машины, разбить ее, вырвать все эти запутанные трубки и провода. Сталкер Фанг словно прочитала его мысли. Из пальцев у нее выскочили длинные лезвия.

– Том, будь благоразумен, – прошептала она. – Ты тяжело болен, а я – Сталкер. Ты не успеешь, а Эстер хочет, чтобы ты прожил как можно дольше. Знаешь, она тебя очень любит.

Сталкер Фанг зашла за свою сложную аппаратуру и стала поправлять кабели, идущие через отверстие в потолке к антенне на крыше. Том выдернул нож у Эстер из-за пояса, а она, забрав нож у него из рук и кое-как стиснув между ладонями, принялась пилить ветхую веревку, которой были связаны ее запястья.

Пеннироял крался по плотине и, чтобы успокоиться, представлял себе, как будет описывать свои приключения восхищенным читателям. «Осторожность требовала держаться подальше от ужасного дома, но мои несчастные спутники томились там в заточении, и на весах лежала судьба целых городов. Сбежать – означало оставить несмываемое пятно на чести Пеннироялов!» И к тому же, Поскитт подери, мне необходим ключ! «Мой верный спутник, туземец Селедка…» Неужели это его настоящее имя? «… проводил меня до роковой плотины и дальше идти отказался. Да я и не допустил бы этого, не мог же я позволить столь юному существу рисковать жизнью в смертельной схватке со Сталкером». Сталкершей? Сталкерицей? Боги, надеюсь, до схватки дело не дойдет! Жаль, мальчишка побоялся идти вместо меня, трус малолетний… «Признаться, сердце у меня замирало, но, продвигаясь вперед, один, в темноте, я ощущал живое любопытство. Мне не раз случалось попадать в опасное положение, и я вынес из этого главный урок: всегда сохранять спокойствие, оставаться собранным и…» ПОСКИТТ ВСЕМОГУЩИЙ И ЕГО ВОЛОСАТАЯ ЗАДНИЦА, ЧТО ТАМ ТАКОЕ?

Всего-навсего сова!

Всего-навсего сова…

Трясясь от страха, Пеннироял отхлебнул бренди из своей секретной фляжки и стал шарить в тростнике, ища противосталкерское ружье Тома. Селедка сказал, что Эстер где-то здесь его уронила. Без него Пеннироял не собирался приближаться к проклятому дому. Ага! Вот оно! Все еще гудит – значит заряжено и на первый взгляд не повреждено. «Чертовски странное

оружие, но не зря меня прозвали Пеннироял Верный Глаз! Прижав приклад необычного ружья к плечу…» Так его полагается держать, что ли? «…я продолжил красться вперед, подобно пантере…»

Сталкер Фанг все еще возилась с приборами. Иногда ползущие по визи-экрану слова и цифры сменялись размытым сероватым изображением. Том понял: перед ним то, что ни один человек не видел уже тысячелетия, – Земля, увиденная из космоса глазами ОДИНа. Странное дело, картинка не впечатляла.

Может ли ОДИН в самом деле уничтожить человечество? Наверняка же что-нибудь сломается, или контакты разойдутся, или еще что-нибудь случится в этой сумасшедшей груде древней аппаратуры, через которую Сталкер отправляет свои сигналы, и все ее планы пойдут прахом. Том рассердился – они с Эстер стольким пожертвовали ради того, чтобы помешать такой никчемной затее. За МЕДУЗУ было не так обидно умирать, она хоть выглядела внушительно. Ее потроха занимали целый собор, а голова, похожая на капюшон кобры, возвышалась над Лондоном. А тут – просто космический мусор, и выживший из ума Сталкер управляет им из берлоги, которая выглядит и воняет, как комната подростка…

Эстер глухо и торжествующе хмыкнула – нож наконец перерезал веревку у нее на запястьях. Она наклонилась, чтобы освободить ноги.

Сталкер Фанг снова разговаривала с ОДИНом, быстро стучала по клавиатуре, шептала коды себе под нос, готовя свой дешевый апокалипсис. Иногда она обращалась к Тому и Эстер:

– Подумайте, мои дорогие: столько лавы, красота…

Анна Фанг любила, когда есть с кем поговорить, а Сталкер унаследовала ее вкусы. Когда Эстер шепнула: «Готово!» – и Том кое-как встал с кровати, Сталкер спросила:

– Вы куда?

– Давай! – прошипела Эстер, обхватив Тома за талию, и чуть ли не волоком потащила его к ближайшему окну.

Она не была образованной, как Том, и не прислушивалась к бормотанию Сталкера. Ее заботило только одно: спасти Тома. Она отказывалась верить, что надежды больше нет.

Но Том знал: бесполезно убегать от Сталкера Фанг, которая уже шла к ним. Он повернулся к ней лицом. Эстер все еще тянула его к окну. Том стряхнул ее руки. Он явился в Шань-Го не драться, а уговаривать. Нага его не послушал – так, может, хоть Сталкер прислушается. «Я не Анна, – сказала она, – всего лишь горстка ее воспоминаний…» А что такое любой

человек, если не горстка воспоминаний?

Том протянул к ней руку.

– Мы не можем остаться, – сказал он. – У нас есть дочь. Мы ей нужны.

Глаза Сталкера замерцали.

– Дочь…

– Ее зовут Рен.

– Дочка… – Она с металлическим звяканьем хлопнула в ладоши. – Том, Эстер, это же чудесно! Когда я… Когда Анна впервые увидела вас вместе, она… я поняла, что вы предназначены друг для друга! И вот – у вас малышка…

– Она уже не малышка, – сказала Эстер. – Она взрослая и очень упрямая.

– Мы ее вырастили, – сказал Том. – Мы ее берегли, мы ее учили. Она научилась водить «Дженни Ганивер»… А теперь ты хочешь ее убить, заодно со всеми остальными.

Сталкер пожала плечами – странное движение для Сталкера, сопровождающееся скрежетом доспехов.

– Том, не приготовив омлета, не разобьешь яиц. Или наоборот? Где она, эта ваша дочка?

– В Лондоне, – ответил Том. – В развалинах Лондона. Там строят новый город, летающий…

Теперь он пожалел, что невнимательно слушал технические объяснения доктора Чилдермас.

– Он не ранит землю, не поедает другие города, он даже топлива почти не потребляет. Разве для него не найдется места в твоем зеленом мире? А для Рен?

Сталкер с шипением отвернулась и вновь подошла к своим приборам.

Том, шатаясь, пошел за ней, а Эстер – за ним. Она не вмешивалась в разговор, пусть эти двое болтают между собой.

Пальцы Сталкера вновь забегали по клавишам. Серое изображение на центральном экране изменилось: вместо пылающей раны Чжань-Шаня – более отдаленная панорама окутанных облаками гор. Потом изображение снова стало приближаться. Аппаратура сипела и пощелкивала, картинки мелькали, словно тасуют колоду карт. Угольно-серое пятно, увеличиваясь, оказалось развалинами Лондона, потом оно заполнило весь экран. Том узнал долину Патни и Родильное отделение. Взгляд ОДИНа передвинулся к востоку, потом к северу.

– Здесь ничто не движется… – прошептала Сталкер.

– Что означают более светлые пятна? – спросил Том.

– Горящие дирижабли.

– Что?!

Том уставился в экран. Там мелькали все новые крапинки белого огня, а потом на северном краю развалин вспыхнула яркая клякса, будто в экране проделали дыру. Что произошло за это время в Лондоне? Как там Рен? Сердце Тома стиснул безжалостный кулак, и оно отчаянно заколотилось о ребра.

– А-а! – прошипела Сталкер. – Видимо, вот он, твой летающий город…

Она быстрее Тома читала зернистые изображения. Он не сразу сообразил, что смотрит на Новый Лондон сверху. Город уже выбрался за пределы развалин и двигался на север. Приборы жужжали и чирикали, картинка на экране мигнула, изменилась, новый город придвинулся еще ближе, и Том уже мог рассмотреть людей, столпившихся на корме. Десятки людей толкались у поручней, глядя назад, на развалины, откуда их уносил Новый Лондон. Том даже разглядел их лица – лица друзей. Клития с мужем, мистер Гарамонд – в кои-то веки смеется, совершенно счастливый. А вот и Рен – растрепанная, чем-то перемазанная… Сажей, что ли? Но это точно Рен. Том ахнул, когда ее лицо заскользило к краю экрана, и Сталкер заставила ОДИНа сфокусировать на ней взгляд, еще сильнее приблизив.

– Это Рен! Она жива!

Том почувствовал, как руки Эстер сжали его руку. Она смотрела в лицо дочери, выплывающее им навстречу из серой мути экрана.

– Рен. – Голос Эстер дрожал. – Что она сделала с волосами? Обкорнала вкривь и вкось… А за спиной, смотри! Тео!

ОДИН еще прибавил увеличение. Теперь весь экран занимало лицо их дочери. Том оттолкнул Сталкера Фанг и, протянув руку, дотронулся до стекла. Вблизи изображение расплылось, рассыпалось на светящиеся точки и черточки; вот эта тень – глаз, это светлое пятнышко – нос. Том проследил пальцами контур щеки. Если бы можно было пролезть туда, в экран, коснуться Рен, поговорить с ней… Неужели она не чувствует, что он на нее смотрит? Но она только улыбнулась и повернула голову, что-то сказала мальчику, стоящему позади нее. У Тома появилось чувство, как будто он уже призрак.

Сталкер зашипела, как чайник, закипающий на медленном огне.

– Пожалуйста, не трогай ее, – попросил Том.

– Она умрет, – прошептала Сталкер. – Они все умрут. Ради блага Земли. У твоей дочки будет еще несколько лет, если повезет…

– Зачем ей еще несколько лет, если все это время она будет голодать и

со страхом смотреть в небо, полное пепла? – спросил Том.

Он шагнул к Сталкеру, задыхаясь от волнения при мысли, что все-таки пробился к ней – или к какому-то странному машинизированному остатку Анны Фанг в ней.

– Рен заслуживает долгой и мирной жизни, чтобы увидеть своих детей и их детей…

– Сантименты! – с издевкой ответила Сталкер. – Жизнь одного ребенка ничего не значит по сравнению с будущим всей жизни на Земле.

– Но она и есть будущее! – крикнул Том. – Посмотри на нее и на Тео!

– Это ради блага Земли, – холодно повторила Сталкер. – Они все умрут.

– Ты сама в это не веришь, – не отступал Том. – То, что в тебе от Анны, не верит. Анна любила людей. Ты любила меня и Эстер, ты спасла нас! Анна, отключи эту машину. Сломай ее. Разбей ОДИНа!

Колени у него подломились, и он бы упал, если бы Эстер его не подхватила. Сталкер сердито зашипела. Эстер подумала, что она бросится на них, и потащила Тома прочь, заслоняя его собой. Но механическая тварь попятилась, прижимая руку к голове.

– Где Попджой?

– Умер, – мрачно ответила Эстер. – Ты его убила. В Батмунх-Гомпе только об этом и говорят.

– Сатия! Я… – проговорила Сталкер. – Их необходимо ликвидировать. Ради блага… Том, Том, Эстер…

Снова костяной стук – стальные пальцы по клавиатуре. На экране вновь загорелись зеленые буквы.

– Что она делает? – спросила Эстер, испугавшись, что Сталкер в приступе безумия отправляет ОДИНу приказ испепелить Новый Лондон.

Том покачал головой. Он ничего не понимал, так же как Эстер. Сталкер замерла, вглядываясь в зеленую светящуюся полосу, которая ползла сверху вниз по другому экрану. Потом снова стала печатать и наконец, нажав последнюю клавишу, обернулась к ним. Она дрожала – мелкая механическая вибрация, как в двигателе дирижабля, запущенном на полную мощность. Глаза цвета болотного огня то вспыхивали, то гасли. Она протянула к своим гостям длинные блестящие руки.

– Что ты сделала? – спросил Том.

– Я… Она… Мы…

В дальнем конце комнаты, у другой двери, послышался скрип и шорох шагов по разбитым плиткам пола. Сталкер обернулась на звук, выдвигая из пальцев лезвия, и Пеннироял заорал от ужаса, когда ее зеленые глаза

осветили его лицо. В руках он держал электрическое ружье, выставив его перед собой, и, когда Сталкер напружинилась перед прыжком, Пеннироял нажал на спуск. Огненный жгут протянулся от ружейного дула к груди Сталкера. Сталкер зашипела, вытягивая вперед когтистые руки.

Пеннироял отскочил с криком:

– А-а, Поскитт! Спаси и помилуй! Не подходи!

Его палец все еще давил на спусковой крючок. На Сталкере загорелась мантия. По спокойному бронзовому лицу бегали молнии, на перстяных клинках плясали огни святого Эльма. Она тяжело повалилась на аппаратуру, и молния охватила приборы. Сталкерские мозги и визи-экраны лопались, клавиши с буквами и цифрами беспорядочно рассыпались по полу, словно выбитые зубы. Огонь побежал по проводам, поджигая потолок. А Пеннироял все давил и давил на спуск, орал и стрелял, пока ружье не захлебнулось, истратив весь заряд.

После паузы, когда все немного привыкли к тишине, Пеннироял заговорил.

– Я сделал это! Убил эту тварь! Я! У вас, случаем, нет с собой фотоаппарата?

Сталкер Фанг лежала на погребальном костре из аппаратуры. Том помахал рукой, разгоняя дым, и осторожно подошел ближе. Внутри Сталкера что-то горело, Том чувствовал едкую вонь и видел перебегающие под доспехом отсветы. Бронзовая маска отвалилась, обнажив серое сморщенное лицо с зияющей ухмылкой. Том старался смотреть на него без отвращения. В конце концов, скоро и ему предстоит пройти тот же самый путь.

Мертвый рот дрогнул.

– Том, – вздохнула Сталкер. – Том.

Больше ничего. Зеленый свет в глазах померк, остались только две светящиеся точки. Потом и они погасли.

Пеннироял уставился на разряженное ружье, словно не понимал, как оно оказалось у него в руках. Отшвырнул его и сказал:

– Там воздушная яхта пришвартована. Ключи у этой твари на шее.

Тому и в голову не пришло спросить, откуда он знает. Он протянул руку и взял ключи. Они отделились легко – шнурок, на котором они висели, почти прогорел.

– На этот раз она умерла, да? – тревожно спросил Пеннироял.

Том кивнул:

– Она давно умерла. Бедная Анна.

Тут его грудь пронзила боль, и он со стоном согнулся пополам. Эстер

бросилась к нему, обняла, пытаясь утешить.

– Эй! – сказал Пеннироял. – Что с ним?

– Сердце…

Тихий голос Эстер дрожал. Она не чувствовала себя настолько беспомощной и ей не было так страшно, с тех пор как ее мама умирала у нее, маленькой, на глазах.

– Том, не умирай! – Она упала на пол рядом с ним, прижалась так крепко, как только могла. – Не покидай меня! Не хочу снова тебя терять…

Она посмотрела сквозь слезы на Пеннирояла:

– Что делать?

Пеннироял тоже перепугался насмерть.

– Врача! Нужно показать его врачу!

– Незачем, – еле слышно отозвался Том.

Самая сильная боль прошла, оставив его бледным и напуганным. Лицо в свете разгорающегося пожара блестело от пота.

– В Перипатетиаполисе я был у врача. Он сказал, что это безнадежно…

– Ох!.. – Эстер заплакала.

– Великий Поскитт! – завопил Пеннироял. – Если бы это был стоящий врач, вряд ли он работал бы в таком захудалом городишке, как Перипатетиаполис! Спокойно, мы найдем лучших лекарей, каких только могут обеспечить деньги и слава! Том, я не дам тебе умереть. Вы с Эстер – единственные свидетели, которые могут подтвердить, что я убил Сталкера Фанг! Вот погодите, когда мир узнает об этом, я снова возглавлю список бестселлеров, оглянуться не успеете! Давайте сюда ключ. У Тома не хватит сил перейти через плотину. Я приведу яхту в сад.

Эстер грозно насупилась.

– Ладно, ладно, – сказал Пеннироял. – Ступай ты за яхтой, а я побуду с Томом.

– Эт, пожалуйста, не уходи, – слабым голосом попросил Том.

Эстер протянула ключ Пеннирояялу.

Он сказал:

– Том, держись! Я мигом! Только, может, вам лучше подождать снаружи, а то дом горит.

Эстер осторожно потащила Тома по тлеющему полу и наконец выволокла его в прохладу сада. Шаги Пеннирояла прохрустели по плотине, и все затихло, только пламя трещало в доме. Отсветы пожара метались по саду, блестя на мерзлой траве и покрытых инеем ветвях деревьев. Эстер уложила Тома рядом с обледенелым фонтаном и, сняв пальто, подсунула

ему под голову.

– Мы тебя отвезем в Батмунх-Гомпу, – пообещала она. – Энона тебя подлатает. Она блестящий хирург, спасла Тео. И меня, наверное. Ты у нее быстро поправишься.

Эстер обняла его лицо ладонями:

– Ты не умрешь! Не хочу больше с тобой расставаться, никогда. Я этого не вынесу. Все будет хорошо. Мы снова будем странствовать по птичьим дорогам…

– Смотри! – сказал Том.

Над горами появилась новая звезда. Она ярко светилась и как будто росла. Том кое-как встал и отошел на несколько шагов от фонтана, чтобы лучше видеть.

– Том, осторожней… Что это?

Он оглянулся с сияющими глазами:

– Это ОДИН! Кажется, он… взорвался! Вот что она сделала, перед тем как явился Пеннироял. Она приказала ОДИНу уничтожить себя…

Новая звезда замерцала, как елочное украшение на Рождество Квирка, и начала тускнеть. В тот же миг крыша дома с грохотом обвалилась, взметнув тучу искр, а в бок Тома впилось острие боли, намного хуже, чем прежде. Падая, он уже знал, что это конец.

Эстер бросилась к нему, обхватила руками. Он слышал, как она кричит, срывая горло:

– Пеннироял! Пеннироял!

Как только Пеннироял приблизился к причалу, из сосновой рощицы ему навстречу вышел мальчишка. Даже здесь по земле перебегали отсветы пожара на острове. Серебристая оболочка воздушной яхты весело подмигивала оранжевыми бликами. Пеннироял на бегу замахал ключом:

– Можешь больше ничего не бояться, юный Селедочный Паштет! Я разделался с твоим Сталкером! Всего-то и надо было немного старого доброго боевого духа.

Он отпер гондолу и забрался внутрь. Мальчишка полез за ним. Яхта оказалась модели «Серапис-Бим» – очень похожа на ту, что была у Пеннирояла в Брайтоне. Он втиснулся в кресло пилота и быстро нашел скважину для ключа под главным штурвалом. На панели управления одна за другой загорелись лампочки. Баки с топливом и подъемным газом были наполовину заполнены, и двигатели, хоть и не с первой попытки, завелись.

– Я только заберу своих молодых друзей, – сказал Пеннироял.

После всего, что они пережили вместе, он в самом деле считал Тома и

Эстер своими друзьями. Товарищами. Он во что бы то ни стало решил спасти Тома.

– Нет, – холодно произнес у него за спиной Селедка.

– Э? Все хорошо, дитя! Опасность миновала…

– Отправляемся.

Селедка протянул руку через плечо Пеннирояла и прижал ему к горлу его же собственный карманный нож.

– Они меня бросили, – сказал Селедка.

Эстер в саду услышала шум двигателей.

– Том, он летит за нами, дирижабль сюда летит!

Том расслышал только слово «дирижабль». Боль и все другие чувства куда-то ушли, и он снова увидел разноцветные воздушные корабли, что поднялись над Солтхуком в тот давний день, когда Лондон его съел.

Яхта зависла над садом. Ветер, поднятый моторами, растрепал волосы Эстер и раздул пламя горящего дома – оно взревело, точно в доменной печи. Эстер подняла голову. Из окна гондолы на нее смотрел Селедка. Она узнала это выражение – торжественное и победное одновременно, и ей стало его жаль. Какой долгий путь он проделал и сколько, должно быть, перенес ради своей мести… Он отвернулся, что-то крикнул Пеннироялу, яхта поднялась выше и по широкой дуге направилась к горам. Гул моторов затих вдали.

«На этот раз выхода нет», – подумала Эстер. А потом она подумала: «Выход есть всегда». Она снова достала из-за пояса нож Селедки с длинным узким лезвием и положила его на землю рядом с собой. Нож блеснул в темноте отраженным светом пожара – узкая дверь прочь из этого мира.

Эстер поцеловала Тома, и он почти очнулся, хотя по-прежнему не сознавал, где находится; у него в голове реальность переплелась с воспоминаниями, и он думал, что лежит на голой земле в тот первый день, когда он только-только выпал из Лондона. Но его это не огорчало, потому что Эстер была рядом и крепко обнимала его, и он подумал: как ему повезло, что она его любит, такая сильная, храбрая и такая красивая.

Последнее, что он ощутил, было прикосновение ее губ, когда она поцеловала его на прощание, и последнее, что он услышал, – ее нежный, хрипловатый голос:

– Том, все будет хорошо. Что уж там нас ждет – пускай, а мы теперь всегда, везде будем вместе, и все будет хорошо.

Глава 53
После пожара

Когда за Эноной пришли, было еще темно. Ветерок, влетающий в крохотное оконце, приносил запах пепла. Пол комнаты, где держали Энону, чуть подрагивал, откликаясь на дрожь земли. Всю ночь во сне она слышала эти толчки, и сны ее были наполнены грохотом рушащихся камней по другую сторону долины.

Она умыла избитое лицо холодной водой и прочитала молитвы, в уверенности, что ее ведут на казнь. Но оказалось, что внизу у лестницы ее ждет субгенерал Тхьен. Он выглядел усталым и слегка оглушенным, а мундир его был заляпан грязью.

– Нага умер, – сказал Тхьен.

Энона заметила, что он смотрит на ее сломанный нос и синяки под глазами. Если Нага умер, то теперь Тхьен – самый старший по званию офицер в Батмунх-Гомпе. Он постарается захватить власть и не захочет, чтобы ее присутствие напоминало народу о том, чье место он занял.

– Идемте со мной, пожалуйста, – сказал он.

Вслед за ним Энона вышла на балкон. Холодный ветер тут же принялся трепать ее одежду. Небо на юге казалось темной стеной, слабо озаренной красным пламенем вулкана. Где-то в здании звучал хор монахинь, и пение становилось громче с каждым новым толчком землетрясения. Во дворе под балконом Энона увидела сотни запрокинутых в ожидании лиц: солдаты и авиаторы Зеленой Грозы и беженцы из Тяньцзина.

Перед такой аудиторией Энона занервничала, но не из-за страха смерти. Она знала, что бедный Нага встретит ее на небесах, и мама с папой, и брат Ино – все, кого она любила и потеряла, кто ушел раньше ее.

– Что скажете? – спросил Тхьен.

Он тоже взглянул вверх, и Энона поняла, что люди во дворе смотрят не на нее, а на что-то еще выше, над кровлями монастыря и над горами. На немногих свободных от туч участках неба густо мелькали падающие звезды – белые, зеленые, льдисто-голубые.

– Что скажете? – повторил Тхьен.

До нее наконец дошло – ему нужно мнение ученого.

Она облизнула вмиг пересохшие губы.

– Я бы сказала – что-то… какие-то объекты падают в верхние слои

атмосферы.

– Еще новое оружие? – В голосе Тхьена явственно слышался страх.

Энона задумалась, продолжая наблюдать.

– Нет. Я думаю, это хороший знак. Вероятно, что-то большое взорвалось на орбите, а эти звезды – фрагменты, оставшиеся после взрыва, которые сгорают в атмосфере.

– Оружие городов? – спросил Тхьен. – Думаете, оно уничтожено?

– Это не их оружие.

Энона хотела изложить свою теорию насчет Сталкера Фанг, объяснить, что Шрайк, видимо, нашел и уничтожил наземный передатчик, но решила – пусть это лучше останется в секрете. Если города узнают, кто обратил против них ОДИНа, война вспыхнет с новой силой.

– Все это – случайность, – сказала Энона. – Старое оружие на орбите внезапно свихнулось. Будем молиться, чтобы на этом все закончилось.

Тхьен кивнул и взялся за саблю. «Он узнал то, что хотел знать, – подумала Энона, – и я ему больше не нужна». Она невольно зажмурилась. Услышала звенящий шорох, когда клинок выходил из ножен. Металл звякнул о камень. Энона приоткрыла один глаз, потом второй. Тхьен преклонил перед ней колени, положив меч на каменные плиты у ее ног. Люди внизу, во дворе, тоже вставали на колени. Солдаты склонили головы и отсалютовали, ударяя сжатым кулаком по ладони.

– Что они делают? – растерянно спросила она. – Что *вы* делаете?

– Наши армии разбиты, – ответил Тхьен. – Варварские города разрушены. Мир охвачен смятением. Нужен кто-то, кто поведет нас новой дорогой. Мне это не под силу.

Он встал и, взяв Энону за плечо, мягко подвел ее к перилам балкона, чтобы народ увидел свою новую предводительницу.

Двигатели воздушной яхты отказали за несколько миль до Батмунх-Гомпы. Дальше Селедка пошел пешком, бросив дирижабль и Пеннирояла. Пеннироял сперва старался снова запустить моторы, но трубки для забора воздуха забило пеплом, и двигатели вышли из строя окончательно. Тогда он с неохотой отправился пешком, при свете метеорного потока, через пепельные заносы, и в конце концов пришел к ближайшей базе Зеленой Грозы. Там он хотел было сдаться в плен, но у грозовиков царила полная неразбериха, и никому не хотелось возиться с пленником-горожанином.

– Ну хоть отправьте пару дирижаблей в Эрдэнэ-Тэж! – взмолился Пеннироял. – Может, еще успеете забрать моих друзей! Там была наземная передаточная станция! Оттуда Сталкер Фанг контролировала новое

оружие…

– Никто его не контролировал, – заявила командир базы, размахивая только полученным коммюнике из Батмунх-Гомпы. – Вдова Наги сказала, что на орбитальном устройстве Древних произошла авария и оно начало палить по случайным целям.

– Но…

– Профессор, вы свободны.

Прошло несколько месяцев, прежде чем Пеннироял добрался до Мурнау. Время он провел с пользой: дожидаясь попутного транспорта в провинциальных воздушных портах и караван-сараях, написал свою величайшую книгу – «Схватка первозданных сил». По меркам Пеннирояла, это было на редкость правдивое произведение. В первой главе он покаялся в своем предыдущем вранье, а рассказывая о событиях в долине Эрдэнэ-Тэж, старался по возможности придерживаться фактов.

Но, добравшись наконец до Охотничьих Угодий, профессор обнаружил, что мир стремительно меняется. Хищники стали настолько свирепыми, а добычи осталось так мало, что даже самые стойкие сторонники муниципального дарвинизма начали задумываться, долго ли еще продержится старая система. Люди искали новый образ жизни, и Мурнау, всех поразив, обосновался на холме к западу от Ржавых болот и стал оседлым городом. Постепенно туда стали переселяться беженцы с Чжань-Шаня. Они помогли жителям Мурнау разбить вокруг города поля и вырастить урожай. Старый фон Кобольд оставил при себе несколько пригородов и воздушный флот с Орлой Дубблин во главе. Крылатые машины с ревом носились над полями, отпугивая хищников.

Пеннироял не устрашился и пошел к своим давним издателям, но Вердероб и Спур не захотели иметь ничего общего с новой книгой. После разоблачительной статьи Спайни, сказали они, никто больше не поверит диким историям Нимрода Пеннирояла, и в первую очередь – сами издатели. Да и в любом случае с моховиками теперь дружба – разве профессор не слышал, что фон Кобольд и вдова Наги подписали мирный договор? И кстати, куда подевался аванс, который ему заплатили за предыдущую книгу?

Пеннироял отсидел десять месяцев в долговой тюрьме, надоедая сокамерникам бесконечными рассказами о своих удивительных приключениях. Потом его старые друзья из «Муна» в складчину заплатили за него долги, и он с позором удалился в Перипатетиаполис. Там жила одна из его бывших подружек, Минти Бэпснэк, у нее до сих пор была к нему слабость. Оставшиеся годы он доживал в ее доме, и были они не сказать

чтобы несчастливыми. Но даже Минти относилась к его рассказам скептически. Она так и не дала ему денег на публикацию «Схватки первозданных сил».

Селедка не увидел звездный дождь. К тому времени как обломки ОДИНа рассыпались по небу, Селедку накрыло плотным слоем дыма с Чжань-Шаня. В темноте он прошел мимо Батмунх-Гомпы и еще много дней брел по дорогам, забитым пеплом и беженцами.

Он единственный направлялся к вулкану, а не от него. Весь восточный склон горы разворотило, и люди бежали нестройными колоннами, рассказывая о целых городах, засыпанных или сметенных лавиной. Но западный склон пострадал не так сильно, хотя и его тряхнуло, и на всем лежал тонкий слой пепла. Перевалив через гряду над отшельнической обителью, Селедка увидел, что домик все еще стоит на своем месте, скотина жует принесенное из низин сено, а на перевале развеваются новенькие молитвенные флажки. На босых, стертых в кровь ногах он дотащился до двери и рухнул на пороге. Там Сатия и нашла его на следующее утро, выйдя подоить корову. В обмороженной руке он все еще сжимал деревянную лошадку, которую для него вырезала Сталкер.

Он останется здесь, у Сатии, надолго и вырастет красивым, сильным человеком, настоящим горцем. Он забудет многое из пережитых ужасов, но никогда не забудет того, что сделал в Эрдэнэ-Тэж. Поначалу он гордился своей тайной, потому что выполнил данную богам клятву – отправил Эстер Нэтсуорти и ее мужа в Страну, не ведающую солнца. Но позже, уже взрослый, женатый, глядя, как его дети играют с лошадкой Анны возле домика его приемной матери, он начал сомневаться. В те годы вдова генерала Наги целеустремленно добивалась мира, проповедуя свой принцип – прощать старых врагов. Иногда Селедка думал, что лучше было бы и ему простить и все-таки взять мужа и жену Нэтсуорти на яхту. Но по крайней мере (говорил он себе), он не убил Эстер и Тома – всего лишь проучил их. Бросил, как они когда-то бросили его. Они люди крепкие, наверняка сумели выжить.

Загва
25 апреля 1027 г. Э. Д.

Дорогая Англи!

Трудно поверить, что целых четыре месяца прошло с тех пор, как мы тебя оставили в том скоплении городов в Ледяных

Пустошах! И почти год – как родился Новый Лондон! Нам с Тео так хочется к вам, отпраздновать день рождения вместе, но в ближайшие месяц-два мы еще не сможем уехать из Загвы. Надеюсь, в Мерзлых Землях торговля идет хорошо, вы вовсю продаете летающие кресла жителям ледовых городов, а двигатели системы Чилдермас вовремя уносят вас от челюстей хищников!

Я пишу это письмо в саду у дома родителей Тео, сидя на террасе с чудесным видом на ущелье, в лучах заката. Здесь очень красиво. Мистер и миссис Нгони, Каэло и Мириам, невероятно добрые и приветливые и, кажется, понемногу привыкают к мысли, что их Тео намерен жениться на городской и жить в небе.

Торговец, который привез нас сюда, по пути останавливался в Воздушной Гавани, заправиться горючим и подъемным газом. Я зашла там в банк и узнала – никогда не угадаешь! Оказывается, я богата! Я напрочь забыла про пять тысяч, который Вольф Кобольд нам заплатил за экспедицию в Лондон. А они все еще лежат себе на счете «Дженни Ганивер». Мне немножко совестно брать эти деньги, но, в конце концов, мы их честно заработали. Вольф просил доставить его в Лондон – мы и доставили. Не наша вина, что он попытался Лондон съесть. И в любом случае часть этих денег я уже потратила – купила собственный дирижабль, его сейчас ремонтируют и переоснащают в порту Загвы. Это переделанная модель «Ачебе-1000», и мы собираемся назвать ее «Дженни Ганивер II». Так что домой мы вернемся уже независимыми торговцами. «Нгони & Нэтсуорти из Нового Лондона, поставляем состоятельным господам мебель на магнитной подвеске». Скоро снова откроется торговля с востоком, раз Зеленой Грозы больше нет, а новая Лига замирилась с городами. Может, мы даже полетим через океан в Америку, повидаем старых друзей в Анкоридже-Винляндском и расскажем им обо всем, что здесь происходило. И конечно, будем часто прилетать в Загву.

Тео получил письмо от вдовы генерала Наги. Очень приятно, что она о нас вспомнила, тем более что сейчас она занята выше головы – руководит новой Лигой противников Движения, а горные царства все еще наполовину засыпаны пеплом. Она рассказала, что мама и мистер Шрайк вместе с ней прилетели в

Батмунх-Гомпу накануне того дня, когда Чжань-Шань расколошматило, и они спасли папу и улетели на «Дженни Ганивер». Она не знает, куда они отправились и зачем, но позже в долине в горах Эрдэнэ-Шань нашли обгорелые остатки дирижабля с двигателями Жёне-Каро. Она говорит, я могу поехать туда, если хочу поклониться месту их гибели.

Она очень чуткая и деликатная, но я не хочу туда ехать. Я не сомневаюсь, что мама с папой погибли, но, даже если на Эрдэнэ-Шане правда обломки именно «Дженни Ганивер», мамы с папой там нет. Они ушли от нас – никто не знает куда и никогда не узнает. Но мне нравится думать, что они вместе идут по птичьим дорогам, к западу от солнца, к востоку от луны, навстречу потрясающим приключениям. Иногда я ловлю себя на том, что смотрю в небо, как будто жду, что из-за облака или из-за горного отрога покажется «Дженни Ганивер» и привезет их домой…

Ну вот, солнце закатилось, восходит луна, а ко мне бежит Тео – сказать, что ужин готов. Так что я заканчиваю письмо. Надеюсь, оно скоро дойдет до тебя.

С любовью ко всем лондонцам,

Рен.

Глава 54
Шрайк в мире будущего

Шрайк опоздал. Он бежал, словно призрак, через горы, и оказался в Эрдэнэ-Тэж перед рассветом, когда небо над озером было исчерчено следами падающих звезд.

К тому времени дом лежал в руинах: седой пепел, обгорелые балки. Белые струйки дыма еще тянулись через сад. В комнате с обугленными приборами он нашел останки Сталкера Фанг и опустился возле нее на колени. Сконструированная инженерами часть ее мозга прекратила функционировать, но в более древней части он почуял слабые электрические импульсы. Шрайк отсоединил проводок от своего черепа и подключил к ее. Он услышал шепот ее воспоминаний, и его мозг впитал их в себя.

Солнце встало. Шрайк снова вышел в сад и в разгорающемся свете увидел Тома и Эстер – они ждали его у фонтана. В темноте он их не заметил, потому что они были холодны, как камни, на которых лежали.

Шрайк встал на колени и бережно вытащил нож, который Эстер вогнала себе в сердце. Сперва он подумал, что, если поспешит, еще можно отнести ее в Батмунх-Гомпу, чтобы Энона Зеро Воскресила ее. Но когда начал поднимать ее, то увидел, что она, умирая, стиснула руку Тома и все еще крепко сжимает.

Если бы Сталкеры могли плакать, в этот миг он бы заплакал, потому что понял сразу: для нее это правильный финал и она бы не хотела, чтобы он унес ее из этой тихой долины, от однаждырожденного, так любимого ею.

Поэтому он взял на руки обоих и унес прочь от дома. Когда шел по плотине, вес обмякших тел у него в руках пробудил воспоминание. Шрайк проверил, не из тех ли оно, что он забрал у Анны Фанг, но нет – его собственное. Давным-давно, когда он еще не был Сталкером, у него были дети, и, когда он переносил их, сонных, в постель, они были такими же мягкими и тяжелыми, как Том и Эстер сейчас.

Всего лишь обрывок воспоминания, подарок, нечто вроде аванса – ведь Энона Зеро обещала, что память вернется к нему перед смертью. Но до этого еще долго. Шрайк был построен прочно, на века.

Он нашел место в глубине долины, там река водопадами сбегала с высокой скалы и рос корявый дуб. Дуб напомнил о рассказах Эстер про

затерянный островок, где она выросла. Здесь он уложил ее рядом с Томом. Они так и держались за руки, лица их почти соприкасались. В последний раз обнажив перстяные клинки, он срезал с них промокшую одежду, ремни и сапоги – все это им больше не понадобится. Поблизости была небольшая пещерка в скале. Шрайк уселся там и стал ждать, думая о том, каким будет мир, где больше нет Эстер.

Вечером, жужжа моторами, прилетели дирижабли и приземлились возле разрушенного дома у озера. Немного погодя они снова улетели.

Дни за днями скользили над долиной Эрдэнэ-Тэж. Под редкими лучами солнца Том и Эстер распухли и почернели, окутанные саваном мух. Ими кормились жуки и черви, птицы выклевали им глаза и языки. Вскоре запах привлек мелких грызунов, которые голодали тем безрадостным летом.

Шрайк сидел неподвижно. Одну за другой он отключил все свои системы – бодрствовали только глаза и разум. Он наблюдал, как постепенно проявилась изысканная структура скелетов Тома и Эстер. Их голые черепа клонились друг к другу, как два птичьих яйца в гнезде из влажных волос. Зима засыпала их снегом, весенние дожди начисто промыли их. Следующим летом под ними выросла густая зеленая трава, а в белой корзине ребер Эстер проклюнулся молоденький дубок.

Шрайк смотрел, а годы летели мимо – зеленое, белое, зеленое, белое… Мелкие косточки ступней и кистей рассыпались по траве игральными костями, крупные изгрызли лисицы; кости потемнели и распались на части, и уже трудно было определить, где чьи.

Дубовый росток вырос в мощное дерево, его раскидистая крона летом покрывалась зеленью и бросала на Шрайка танцующие тени. Из желудей выросли новые деревца, потом состарились, отрастили бороды из лишайника, умерли, упали и сгнили, питая корни новых деревьев. Постепенно роща распространилась по всему склону до самого озера.

Шрайк все глубже погружался в забытье. Звезды расплывались над ним туманными пятнами, времена года мелькали, сменяя друг друга. Роща превратилась в лес. Голые ветки, сделав глубокий вдох, выдыхали зеленую листву, потом золотились, оголялись и снова делали вдох.

Наконец перед ним возникла человеческая фигура. Человек то появлялся, то исчезал. Наклонялся, чтобы повесить что-то Шрайку на шею, снова и снова. Сделав усилие, Шрайк начал пробуждаться. Коловращение столетий замедлилось, дни и ночи мелькали уже не так быстро.

Летнее утро. Сквозь листву векового дуба пробиваются зеленые лучи.

Туловище Шрайка украшено цветочными гирляндами, а на замшелых коленях лежат засохшие остатки старых гирлянд. Плечи его обросли лохматыми папоротниками. Птица свила гнездо в сгибе локтя. От Тома и Эстер не осталось ничего, кроме горстки праха, которую ветер занес в углубление между корней.

В лесу паслись козы. Колокольчики у них на шее тихонько позвякивали. Маленький однаждырожденный мальчик подошел и остановился, разглядывая Шрайка. Рядом с ним встала девочка, еще меньше. У них была охряного цвета кожа, карие глаза и матово-черные волосы.

– ПРИВЕТ, – сказал Шрайк.

Голос его словно заржавел и скрипел еще сильнее, чем прежде. Мальчик испугался и убежал, а девочка осталась и заговорила с ним на языке, которого он не знал. Потом она нарвала мелких голубых цветочков и сплела ему венок. Ее брат вернулся, поглядывая с опаской. Девочка принесла жир и смазала Шрайку суставы. Он пошевелился. Встал. С него посыпались какая-то труха и совиные катышки. Он стряхнул с себя паутину, птичьи гнезда и мох.

Девочка взяла его за руку, а ее брат пошел впереди. Они спустились в долину, окруженные стадом громко мекающих коз. В деревне Шрайка обступили однаждырожденные, стали тыкать в него палками и рукоятками сельскохозяйственных орудий. Слушая их взволнованную трескотню, Шрайк начал понемногу разбирать их язык. Они думали, что он всего лишь древняя статуя, установленная в пещере. Каждое лето, когда приводили коз на горные пастбища, украшали его цветами, чтобы приманить удачу. Делали так с незапамятных времен.

Его посадили на телегу и повезли по тропинке, потом по мощеному тракту. Дети бежали рядом. Солнце было краснее, чем помнилось Шрайку, воздух чище, климат в горах мягче. В лесистой долине, словно в чаше, лежал городок. Понимают ли его новые друзья, что древний металл, из которого сложены стены, взят из гусениц движущегося города, а круглые, бурые от ржавчины сторожевые башни когда-то были колесами? Здесь жили простые, бесхитростные люди, и Шрайк решил, что у них совсем нет машин, но, когда въезжали в городские ворота, он увидел в воздухе хрупкие воздушные корабли из дерева и стекла – словно стрекозы слетают с высоких каменных башен-причалов. Под днищами у них вращались серебристые диски, словно слегка запотевшие зеркала, и воздух вокруг них дрожал, как будто от жары.

Его отвели в место общих сборов – огромный зал в самом сердце

города. Вокруг столпились люди и засыпали его вопросами. Что он такое? Как долго он спал? Может быть, он – один из людей-машин, о которых рассказывают старые легенды?

У Шрайка не было ответов, и он стал сам задавать вопросы. Он спросил, есть ли в мире такие места, где города все еще охотятся и поедают друг друга. Однаждырожденные расхохотались. Нет, конечно! Движущиеся города бывают только в сказках. Да кто захочет жить в движущемся городе? Что за безумная мысль!

– Для чего тебя сделали? – спросил наконец один мальчик, протолкавшись в первые ряды толпы.

Шрайк посмотрел на него сверху вниз. Подумал. Вспомнил, что доктор Попджой однажды рассказывал Анне.

– Я – МАШИНА ДЛЯ ПАМЯТИ, – сказал Шрайк.

– Что ты помнишь?

– Я ПОМНЮ ВРЕМЯ ДВИЖУЩИХСЯ ГОРОДОВ. ПОМНЮ ЛОНДОН, И АРХАНГЕЛЬСК, ТАДДЕУСА ВАЛЕНТАЙНА И АННУ ФАНГ. Я ПОМНЮ ЭСТЕР И ТОМА.

На него смотрели с недоумением.

Кто-то спросил:

– Кто они?

– ОНИ ЖИЛИ ОЧЕНЬ ДАВНО. А МНЕ КАЖЕТСЯ, ТОЛЬКО ВЧЕРА.

Девочка, которая нашла Шрайка, сказала, задрав голову:

– Расскажи!

Люди вокруг заулыбались, закивали и уселись, скрестив ноги, слушать истории, которые он принес им из глубокой древности. Они любили разные истории. На какое-то мгновение Шрайк почти испугался. Он не знал, с чего начать.

Ему принесли стул, и он сел. Усадил малышку себе на колени. Посмотрел, как пляшут пылинки в луче древнего солнца, чей свет льется, словно мед, через высокие окна зала. А потом он обратил лицо к полным радостного предвкушения лицам однаждырожденных и начал свой рассказ:

– ПАСМУРНЫЙ, ВЕТРЕНЫЙ ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ КЛОНИЛСЯ К ВЕЧЕРУ. ПОСРЕДИ ВЫСОХШЕГО СЕВЕРНОГО МОРЯ ЛОНДОН ГНАЛСЯ ЗА МЕЛКИМ ШАХТЕРСКИМ ГОРОДКОМ…

Благодарности

Книга «Надвинувшаяся тьма», как и три предыдущие, была бы совсем другой, если бы не советы и поддержка, которые автору дарили Брайан Митчелл, Леон Робинсон, Лиз Кросс, Майк Грант и Гэвин Уилсон. Также огромное спасибо моим издателям – Кирстен Стэнсфилд, Холли Скит и Кэти Моран – и всем сотрудникам издательства *Scholastic*, которые приложили много сил к тому, чтобы четырехтомник «Хроники хищных городов» состоялся. За помощь с парой деталей в этом томе я в долгу перед Элисон Дженсен и моим отцом, Майклом Ривом, – кажется, он знает *все*! И наконец, спасибо Нику и Кьяртану, которые позволили мне использовать в книге их имена, хоть это и не пригодилось.

Хронология Эры движения

1 г. Э. Д.
Первый движенческий бум.

260 г. Э. Д.
Эксцентричная кочевая империя Скривен захватывает Лондон.

267 г. Э. Д.
Элементы, отколовшиеся от Остертракционрейха[46], образуют новую мобильную империю – Движение.

463 г. Э. Д.
Падение империи Скривен. Рождается Фивер Крамб.

469 г. Э. Д.
Никола Кверкус становится сухопутным адмиралом Движения.
477 г. Э. Д.
Движение захватывает Лондон.

477–480 гг. Э. Д.
Превращение Лондона в движущийся город становится катализатором Второго движенческого бума, после того как украденные экземпляры сухопутных двигателей Годсхока распространяются по всей Западной Европе.

480–520 гг. Э. Д.
Колесная война. Остатки кочевых империй, карательные экспедиции антидвиженцев и первое поколение движущихся городов сражаются друг с другом. Четыре десятилетия насилия, террора и всеобщих бедствий.

518–520 гг. Э. Д.
Загванский крестовый поход. Загва, напуганная усилением движущихся городов, проводит ряд широкомасштабных, но в конечном итоге безуспешных морских наступательных операций у южных берегов Европы. Поражение загванских войск в сочетании с непомерными затратами на крестовые походы положило начало долгому упадку

Загванской империи, оставшейся без средств к подавлению беспорядков в вассальных государствах, таких как Тибести, и к защите своих северных границ против движущихся городов.

520 г. Э. Д.

Диета минимального потребления энергии. Крупнейшие движущиеся города, совместными усилиями отразив Загванский крестовый поход, подписывают мирный договор. Среди подписавших – лорд-мэры Лондона, Моторополиса, Нового Карловаца и Мурнау. Начинается Третий движенческий бум, который продлится много лет и приведет к усилению движенцев на большей части Европы, в северной Африке и в Нуэво-Майя.

600–800 гг. Э. Д. (приблизительно)

Золотой век движенчества. Крупные мобильные города процветают, множество мелких городков и пока еще выживших оседлых поселений дают им обильную пищу. Заключен неофициальный мир с Лигой противников Движения. Многие города строят для себя пригороды, чтобы решить проблему с избытком населения, а также способствовать распространению своей культуры. Процветает и воздушная торговля, развивается дирижаблестроение.

900–926 гг. Э. Д.

Мини-ледниковый период. Особенно запомнилась ужасная Железная зима 919 г. Гримсби затонул среди плавучих льдов Северной Атлантики. Большие и малые северные города были занесены снегом или вынуждены переместиться на юг в поисках добычи. Многие считают этот период началом угасания движенчества. Из-за нехватки ресурсов прекратилось строительство новых городов, в то время как усиление вулканической активности на севере сделало непроходимыми большие участки Ледяных Пустошей.

997 г. Э. Д.

В Лондоне случился Большой Крен. Главным историком назначен Таддеус Валентайн.

1007 г. Э. Д.

События книги «Смертные машины». Лондон отправляется к Щит-Стене.

1009–1010 гг. Э. Д.

События книги «Золото хищников». Зеленая Гроза захватывает власть в Лиге противников Движения и начинает всеобщую мобилизацию.

1012 г. Э. Д.

Зеленая Гроза начинает первое крупномасштабное наступление на Охотничьи Угодья. Вначале города беспорядочно отступают под натиском воздушного флота Грозы, многие уничтожены. В ответ создается союз городов – «Тракционштадтсгезельшафт». Начинается Движенческая война.

1014 г. Э. Д.

«Багровая зима» – крупное сражение с участием Мурнау. Зеленая Гроза высаживает отряды Сталкеров на верхние палубы города.

1019 г. Э. Д.

Битва в Бенгальском заливе.

1022–1023 гг. Э. Д.

У Ржавых болот и на Алтайском фронте наступает равновесие сил, хотя бесплодные атаки с обеих сторон продолжаются всю зиму 1022 года.

1025 г. Э. Д.

События книги «Адские конструкции».

1026 г. Э. Д.

События книги «Надвинувшаяся тьма».

Шрайк (Он же Грайк, Шрик и т. д.) 477–10??

Самый известный и долгоживущий из Сталкеров. Создан в рамках проекта «Бригада Лазаря» – предположительно на основе мертвого тела неизвестного солдата. Совершил побег после Битвы трех сухопутных кораблей. В отличие от большинства беглых Сталкеров не уничтожил себя и не прекратил функционировать, а выжил, проложив кровавый след через пять столетий. Возможно, его Воскресили при помощи усовершенствованной технологии, позаимствованной из таинственных арктических пирамид первоначальных Сталкеростроителей. Ходили также слухи, что создавший его хирург-механик был не кто иной, как легендарная Уэйви Годсхок. Возможно, у нее были свои причины сделать его отличным от других Сталкеров. Во всяком случае, он был свиреп, непостижим и беспощаден.

Шрайк действовал как наемник различных фракций во время Второго

движенческого бума и в последние годы кочевых империй. Позже он стал официальным палачом движущегося города Парижа, затем наемным убийцей Алексея Гришны, печально известного «Кровавого бургомистра» города Куцой. Однако, получив приказ убить малолетних детей политического соперника Гришны, Шрайк убил самого Гришну и сбежал на Поверхность, где стал весьма успешным и повсеместно вселяющим страх охотником за головами. Это не единственный случай, когда древний Сталкер щадил или даже спасал детей. В начале десятого века у него каким-то образом появилась приемная дочь, обезображенная маленькая бродяжка, которая жила вместе с ним на борту кладоискательской деревушки Строул и сопровождала его в охотничьих экспедициях. Среди преступного мира на Поверхности ее знали как «Маленькую помощницу смерти». Когда она исчезла, Шрайк отправился ее разыскивать, и след его затерялся. Некоторые сталкерологи утверждают, что он поступил на службу к Магнусу Крому, лорд-мэру Лондона. Другие считают, что он был убит на Черном острове, третьи – что он отправился воевать на стороне Зеленой Грозы.

Шестидесятиминутная война

Краткий, но ужасающий конфликт между несколькими империями Древнего мира, в ходе которого цивилизация и само человечество были практически стерты с лица земли. Разрушения были настолько чудовищны, что последующие поколения, жившие в «Черные века», не могли поверить, что причиной явились действия людей, и говорили об этом как об «Окорнании», считая, что боги наказали Древних за хитрость и высокомерие. Гипотезу об истинной природе катастрофы, а также сам термин «Шестидесятиминутная война» предлагает ученый и инженер Фивер Крамб в своих статьях 480-х гг. С довоенных времен почти не сохранилось документов, поэтому невозможно с точностью назвать участников военных действий, хотя, по мнению историков, тут сыграли свою роль как «Американская империя», так и «Великий Китай» и так называемые «Босоногие государства».

---

notes

Сноски

1

Traktionstadtsgesellschaft *(нем.)* – «Союз движущихся городов».

2

Мономотапа (также Мунхумутапа, Мвенемутапа) – крупное государственное образование доколониального периода на территории Южной Африки. Расцвет его приходится на XIII–XV вв.; «мвене мутапа» – династический титул правителя, также выполнявшего функции верховного жреца и военного предводителя племенной знати.

3

Хань – наиболее многочисленная народность в Китае (92 %).

4

Аллюзия на постапокалиптическую повесть Харлана Эллисона «Мальчик и его пес» (1969); также известна по-русски как «Парень и его пес», «Парень с собакой». В 1975 г. была экранизирована.

5

Суук, или сук *(араб.)* – рынок, базар.

6

St Jean Le Quatre-Mille Chevaux *(фр.) – досл.:* Св. Иоанн Четыре Тысячи Лошадей.

7

Plage Ultime *(фр.)* – Последний пляж.

8

Мурнау, Фридрих Вильгельм (1888–1931) – выдающийся немецкий кинорежиссер-экспрессионист, постановщик фильмов «Носферату. Симфония ужаса» (1921), «Последний человек» (1924), «Восход солнца» (1927) и др.

9

Abwehrtruppe *(нем.)* – оборонительные войска.

10

Вальтер Мёрс (Моэрс, Морз; р. 1957) – немецкий писатель, автор комиксов и художник-иллюстратор. Автор книг «13½ жизней капитана по имени Синий Медведь» (1999), «Город мечтающих книг» (2004) и др.

11

Кеджери – блюдо британской кухни из вареной нарезанной рыбы (традиционно – копченой пикши), отварного риса, петрушки, яиц вкрутую, карри, масла, сливок и изюма; рецепты в зависимости от местности могут различаться. Может подаваться как горячим, так и холодным; вместо пикши может использоваться и другая рыба, в том числе лосось или тунец. Считается, что кеджери происходит от индийского блюда кичари, появившегося приблизительно в первой половине XIV в., и было завезено в Великобританию в середине XIX в.

12

Bitte (нем.) – пожалуйста.

13

Уусимаа (*фин.* Uusimaa) – область в Южной Финляндии.

14

Букв.: «Над липами» *(нем.); ср*. Унтер-ден-Линден – «Под липами» (бульвар в Берлине).

15

Ярд – мера длины, равная 3 футам, или 914,4 мм.

16

Кеннет Уидмерпул – персонаж двенадцатитомной эпопеи английского писателя Энтони Поуэлла «Танец под музыку времени», опубликованной в 1951–1975 гг.

17

Niederrang (нем.) – нижний ярус.

18

Любовная записка *(фр.)*.

19

Счастливого пути *(фр.)*.

20

Из стихотворения Перси Биши Шелли «Озимандия» (1818), перевод В. Левика.

21

В морской терминологии шестидюймовым называется канат шести дюймов в обхвате; в диаметре получается около двух дюймов (5 см).

22

Названия станций метро в Лондоне пишутся на похожем знаке, только синяя полоса не вертикальная, а горизонтальная.

23

Холлоуэй-роуд – улица в северной части Лондона; *букв.*: Пустотелая дорога.

24

Крауч-Энд – район в северной части Лондона; to crouch *(англ.)* – пригибаться.

25

Crawley *(англ.)* – ползучий.

26

Вероника Лейк (1922–1973) – американская актриса.

27

«Страдания молодого Вертера» *(нем.)*, роман Иоганна Вольфганга Гёте (1774). Современное написание заглавия: «Die Leiden des jungen Werther».

28

Murnauer Geheimdienst *(нем.)* – разведка Мурнау.

29

«Zip Gun Boogie» – песня группы *T. Rex* с альбома «Bolan’s Zip Gun» (1975), выпущенная синглом тремя месяцами раньше, в ноябре 1974 г.

30

«No More Curried Eggs For Me» – эту фразу часто произносит майор Бладнок, персонаж радиоспектакля *Goon Show*, выходившего в эфир на Би-би-си с 1951 по 1960 г.; роль майора озвучивал Питер Селлерс.

31

Кадуцей – жезл Гермеса (Меркурия), с крыльями, обвитый двумя змеями; часто служит символом медицины, причем по ошибке – из-за сходства с жезлом Асклепия.

32

Шудрага, или шанз, – монгольский трехструнный щипковый музыкальный инструмент; распространен и в других странах Азии. В Японии известен как сямисэн, в Китае – саньсянь.

33

Уомблы – вымышленные длинноносые зверьки, живут в норах, собирают и перерабатывают мусор полезными и оригинальными способами. Придумала уомблов автор Элизабет Бересфорд, написав про них несколько сборников детских рассказов, начиная с 1968 г. В 1970-е гг. про уомблов выходил популярный мультсериал.

34

«Love Among the Ruins» – стихотворение Роберта Браунинга из сборника «Men and Women» («Мужчины и женщины», 1855). Вдохновило одноименные произведения в самых разных жанрах: картину художника-прерафаэлита Эдварда Берн-Джонса (акварель в 1873 г., картина маслом в 1894 г.), телефильм с Кэтрин Хепберн и Лоренсом Оливье (1975), песню и альбом группы *10,000 Maniacs* (1997).

35

«Big Blue Plymouth (Eyes Wide Open)» – песня группы *Talking Heads*, исполнявшаяся в туре «Stop Making Sense» (1982), но так и не записанная в студии; ее можно услышать на сборнике «Radio Waves 1978–1983: Psycho Killers, Vol. 2 (Live)» (2016). Дэвид Бирн сочинил эту песню для балета Твайлы Тарп «The Catherine Wheel» (1981).

36

Чинджу – город в Южной Корее.

37

Патни – район в юго-западной части Лондона.

38

«Божественный ветер» – так с японского переводится слово «камикадзе».

39

Двигатель Стирлинга – разновидность двигателя внешнего сгорания.

40

Quirke-le-Dieu *(фр.)* – бог Квирк.

41

Weltschmerz *(нем.)* – мировая скорбь.

42

Сузафон – медный духовой инструмент басового звучания, разновидность геликона. Свое название получил в честь американского капельмейстера и композитора, «короля маршей» Джона Филипа Сузы (1854–1932), который популяризировал его, используя в своем духовом оркестре.

43

Декан, или Деканское плоскогорье, – плоскогорье в Индии.

44

Исаия, 48: 22.

45

Хитрый Дикки – прозвище президента США Ричарда Никсона, а также название двух английских комиксов и песни Джерри Либера и Майка Столлера, которые, среди прочего, писали песни для Элвиса Пресли.

46

Ostertraktionreich *(нем.)* – Восточное государство Движения.